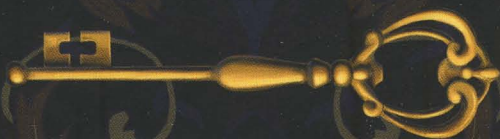

«Настоящая
магия»

ПЕРЕПЛЕТ

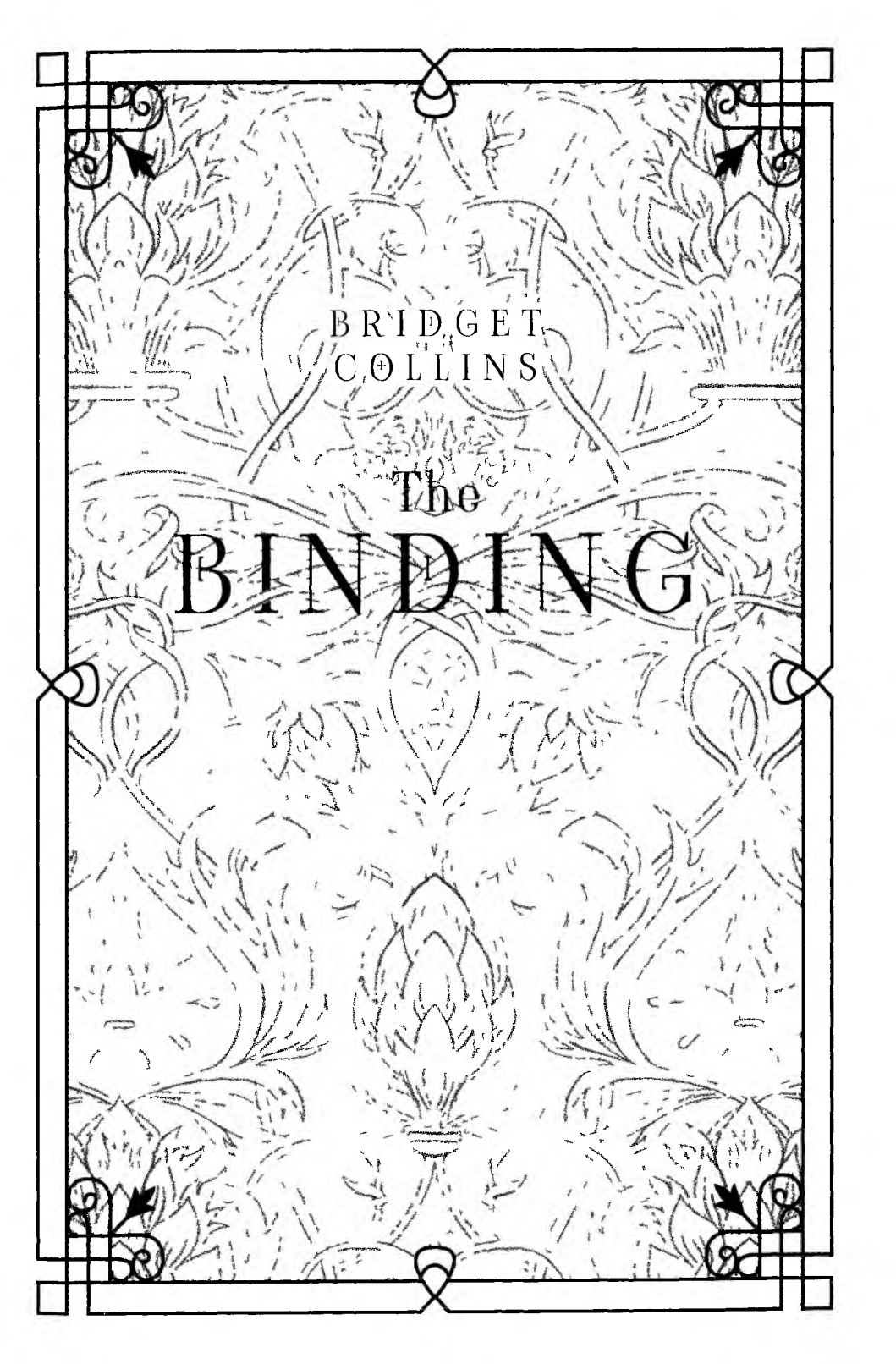
БРИДЖЕТ
КОЛЛИНЗ

18+

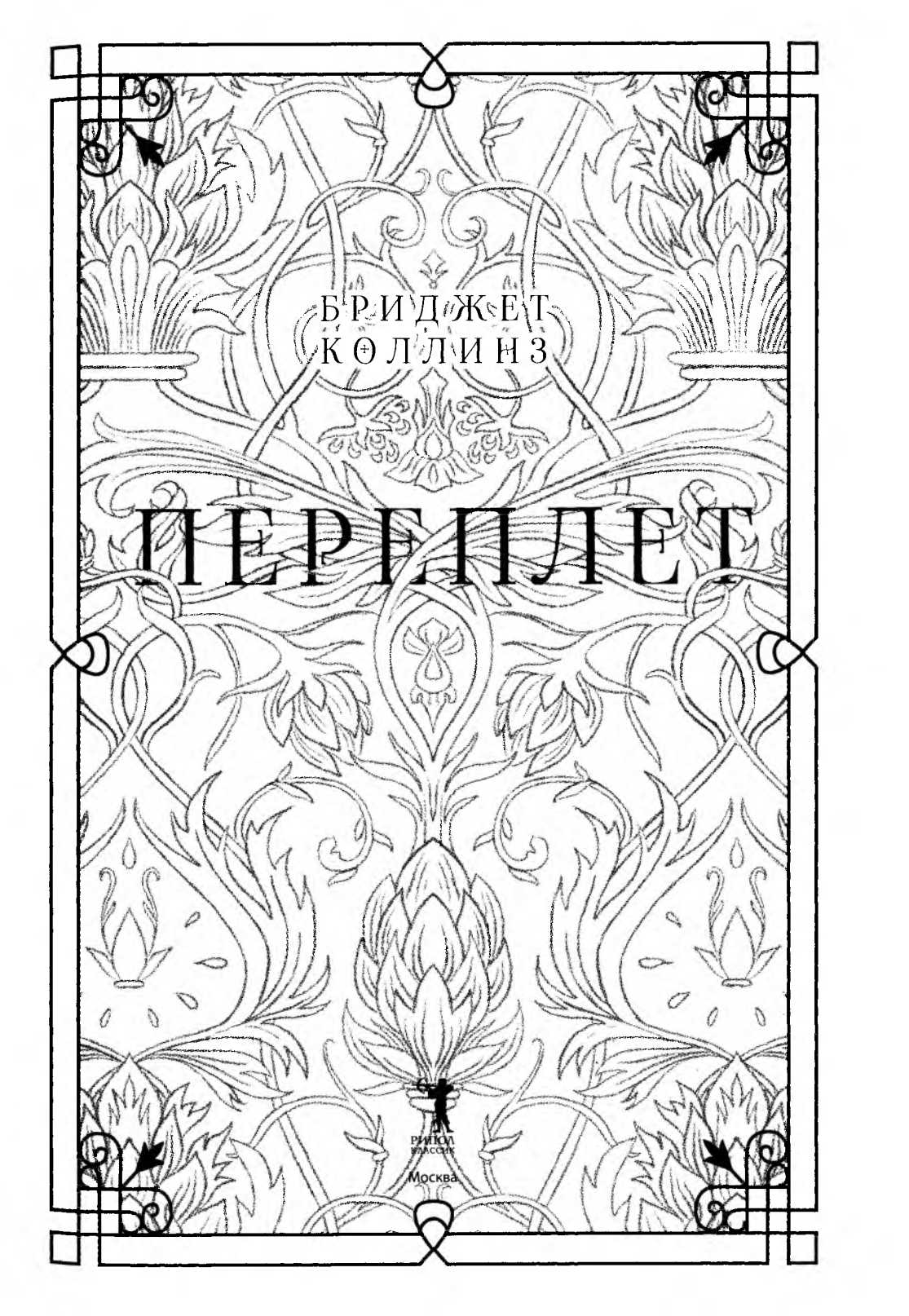

BRIDGET
COLLINS

The
BINDING

БРИДЖЕТ
КОЛЛИНЗ

ПЕРЕПЛЕТ

РИТМ
Искусство
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
К60

Перевод с английского Ю. Ю. Змеевой

Коллинз, Бриджет

К60 Переплёт / Б. Коллинз ; [пер. с англ. Ю. Ю. Змеевой]. —
М. : РИПОЛ классик, 2020. — 528 с.

ISBN 978-5-386-13751-9

Представьте, что можно стереть печаль. Представьте, что можно забыть боль. Представьте, что можно спрятать секрет. Навсегда.

В мире «Переплёта» это возможно. В пыльных мастерских переплётчи-ки высушивают кожу, сшивают листы — и помогают людям забыть. Они слушают их рассказы и слово за словом переносят на бумагу, стирают секреты из памяти и прячут под обложкой.

Молодой Эмметт покидает родительский дом, чтобы научиться этому сложному ремеслу. Под присмотром старухи-переплётчицы он создает прекрасные книги с чужими воспоминаниями внутри. Мастерская становится его новым домом — пока однажды, в комнате, о которой Эмметт не знал, он не находит книгу со своим именем...

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44**

© Bridget Collins, 2019

This edition published by arrangement with United
Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

© Змеева Ю.Ю., перевод на русский язык, 2020

© Широнова Ю.А., художественное оформление, 2020

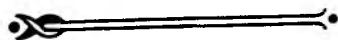
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-386-13751-9

ООО Группа Компаний "РИПОЛ классик", 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Когда письмо принесли, я работал в поле, вязал последний пучок пшеницы. Руки дрожали, и завязать узел получалось с трудом. В том, что пришлось делать все по старинке, был виноват лишь я один, но я не собирался сдаваться. Весь день я горбатился на жаре до потемнения в глазах, а теперь наступил вечер, и работа была почти завершена. Остальные, коротко попрощавшись, покинули поле с закатом, и я был этому рад. Оставшись в одиночестве, я мог не притворяться, будто успеваю за ними. Продолжал вязать колосья в пучки, стараясь не думать о том, как легко было бы собрать пшеницу жнейкой. Из-за болезни я забыл проверить машины — впрочем, я не смог бы этого сделать, поскольку все лето провел в забытии среди призраков, среди темных болезненных провалов, лишь изредка прерываемых вспышками ясности. Никто другой не подумал взять на себя мою обязанность, и теперь я каждый день пожинал плоды своей забывчивости. Отец старался как мог, но он не был всесильным. Из-за меня мы весь год будем отставать на шаг.

Крепко стянув колосья посередине, я уложил пучок в сноп. Ну вот и все. Можно идти домой. Однако вокруг закружили тени, выделяющиеся в сине-фиолетовых сумерках, и колени мои подкосились. Я упал на четвереньки, чтобы отдышаться; боль пронзила кости. Бывало и хуже: месяцами меня мучили спазмы, острые и болезненные до тошноты, а приступы всегда начинались внезапно. Я снова почувствовал себя немощным стариком. Сжал зубы; от слабости хотелось рыдать, но

я решил, что не стану; умру так умру, даже если единственной, кто увидит меня, будет круглая жирная осенняя луна.

— Эмметт! Эмметт!

Альта звала меня, пробираясь меж снопов; я встал с коленей и зажмурился, пытаюсь справиться с головокружением. Редкие звезды на небе поехали сначала в одну сторону, потом в другую. Откашлялся и произнес:

— Я здесь.

— Эмметт, почему ты не попросил кого-нибудь задержаться и помочь тебе? Мама встревожилась, когда остальные вернулись без тебя.

— Ни к чему ей было тревожиться. Я уже не ребенок.

Я укололся острым колоском, и большой палец кровоточил. Кровь имела привкус пыли и зноя.

Альта колебалась. Еще год назад я мог сравниться силой с любым из крестьян. Теперь же она глядела на меня, склонив голову набок, словно я был ее младше, а не наоборот.

— Да, но...

— Я хотел увидеть восход луны.

— Ах вот в чем дело. — Сумерки смягчили ее черты, но пронзительный взгляд жег меня насквозь. — Тебя не заставишь отдохнуть. Если тебе все равно, поправишься ты или нет...

— Ты говоришь, как она. Как мама.

— Но мама права! Нельзя вести себя так, будто ничего не случилось, словно ты и не болел вовсе.

Болел. Из ее слов можно было бы решить, будто я валялся в кровати с кашлем, мучился рвотой или покрывался нарывами. Но это не так. Несмотря на дни и ночи, проведенные в кошмарном бреду, я помнил больше, чем думали мои родные:

помнил собственные крики и галлюцинации, помнил дни, когда мне хотелось плакать с утра до вечера и я переставал узнавать отца и мать, помнил ночь, когда я голыми руками разбил окно. Лучше бы я целыми днями беспомощно просиживал с поносом на горшке, тогда на моих запястьях не осталось бы отметин от веревок, которыми меня привязывали.

Я отвернулся от сестры и принялся сосредоточенно посасывать порез у основания большого пальца, тербя его языком, пока не перестал чувствовать вкус крови.

— Прошу, Эмметт, — промолвила Альта и коснулась воротника моей рубахи. — Сегодня ты поработал не хуже других. Пойдем домой.

— Хорошо.

Легкий ветерок взъерошил волосы на моем затылке. Альта заметила, что я дрожу, и отвела глаза.

— А что на ужин? — спросил я.

Она щербато улыбнулась.

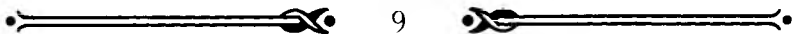
— Ничего, если не поторопишься.

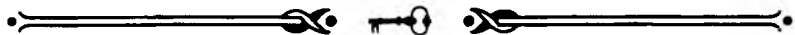
— Иди. Я тебя догоню.

— Наперегонки побегаем, когда буду без корсета.

Сестричка повернулась, взметнув пыльными юбками. Когда она смеялась, то все еще выглядела ребенком, но рабочие на ферме уже заглядывались на нее.

Я поплелся вслед за ней; от усталости еле держался на ногах — покачивался как пьяный. Под деревьями и у колючей изгороди сгущалась тьма. Луна светила так ярко, что звезд не видно. Плелся и мечтал о холодной колодезной воде, прозрачной, как хрусталь, с зеленоватыми хлопьями осадка на дне стакана; о пиве цвета янтаря, приправленном травами по особому рецепту отца. Кружка горьковатого на вкус напитка

усыпила бы меня, но этого я и хотел; я желал лишь одного — погаснуть, как свеча, провалиться в сон без сновидений. Чтобы не было ни кошмаров, ни ночных страхов. Я хотел проснуться утром и снова увидеть ясный солнечный день.

Часы в деревне пробили девять. Мы зашли во двор через калитку.

— Как же есть хочется, — сказала Альта. — Меня отправили тебя искать, не успев...

Тут мы услышали голос матери; мать кричала.

Альта остановилась; за нами захлопнулась калитка. Мы переглянулись. До нас доносились обрывки фраз: *как ты можешь так говорить... нельзя, нам просто нельзя...*

Мои ноги задрожали оттого, что пришлось стоять неподвижно. Вытянув руку, я оперся о стену, повелевая сердцу успокоиться.

Сквозь щель в кухонных занавесках просачивался треугольник света от лампы; его то и дело заслоняла тень. Отец ходил по кухне взад-вперед.

— Мы не можем стоять здесь весь вечер, Эмметт, — промолвила Альта почти шепотом.

— Вряд ли это что-то серьезное.

Мать с отцом всю неделю ссорились из-за жнейки, укоряя друг друга, что никто не додумался проверить ее. О том, что это была моя обязанность, родители и не заикнулись.

Раздался грохот: кулак ударил о стол. Отец повысил голос:

— А что я должен делать? Отказать? Колдунья проклянет нас в мгновение ока.

— Она уже это сделала! Взгляни на него, Роберт! Что, если он никогда не поправится? Это все ее проделки.

— Он сам виноват. Если бы он...

В ушах зазвенело, и на мгновение я перестал слышать голос отца. Мир накренился перед глазами, затем вроде бы выровнялся и снова закачался, как качели. Я проглотил подступившую к горлу желчь. Когда я снова смог сосредоточиться, наступила тишина.

— Этого мы не знаем, — тихо произнес отец, но мы его слышали. — Что, если она ему поможет? Пока он болел, она писала и справлялась о его здоровье.

— Потому что он был нужен ей! Нет, Роберт, нет! Я не позволю этому случиться, его место здесь, с нами, и что бы он ни натворил, он по-прежнему наш сын. А она — у меня от нее мурашки...

— Ты с ней ни разу не виделась. Не тебе пришлось идти туда и...

— Мне все равно! Она уже натворила дел. Я не отдам ей сына.

Альта взглянула на меня. Ее лицо изменилось, взяв меня за руку, она потянула меня вперед.

— Пойдем, — сказала она осторожным тоном, каким подзывала цыплят. — День выдался длинный, ты, верно, проголодался, а уж я и подавно. Надеюсь, нам оставили пирога, иначе кому-то не поздоровится. Иначе я воткну этому обжоре вилку в сердце. А потом его съем. — У двери она остановилась и добавила: — С горчицей.

Сестрица распахнула дверь.

Родители стояли в разных углах: отец у окна, спиной к нам, а мать — у очага; отсветы пламени краснели на ее щеках, как пятна румян. Между ними на столе лежал лист плотной сливочно-белой бумаги и распечатанный конверт. Мама взглянула на меня, затем на Альту, и шагнула к столу.

— Ужин, — объявила Альта. — Эмметт, сядь, ты же сейчас в обморок грохнешься, судя по виду. Гляди-ка, никто и не подумал накрыть на стол! А пирог, стало быть, еще в печи. — Она поставила рядом со мной стопку тарелок. — Хлеба? Пива? Я здесь сегодня одна за подавальщицу? — Она скрылась в кладовой.

— Эмметт, — не оборачиваясь, промолвил отец, — на столе письмо. Прочти его.

Он подвинул письмо ко мне. Буквы расплывались в бесформенные кляксы.

— Пылью глаза заволокло, — ответил я, присаживаясь. — Скажи мне, что там.

Отец склонил голову, и мышцы на шее напряглись, словно он тащил тяжелый груз.

— Переплетчице нужен ученик.

У мамы вырвался сдавленный стон.

— Ученик? — спросил я.

Повисла тишина. В щель между занавесками проник куsocек луны, залив серебром все, что встретилось ему на пути. Посеребрил он и папины волосы; те казались седыми и сальными.

— Ей нужен ты, — проговорил он.

Альта застыла в дверях кладовой с банкой солений в руке. На мгновение показалось, будто она ее выронит, но Альта аккуратно поставила банку на полку буфета... аккуратно... стук прозвучал громче звона разбившегося стекла.

— Я слишком взрослый для ученика.

— Она так не считает.

— Я думал... — Моя ладонь лежала на столе: я едва узнавал свою тонкую, белую руку. Руку, которая не могла добро-

•═══════════✧═══════════
совестно выполнять ни одну работу. — Мне уже лучше. Скоро... — Я осекся. Голос казался чужим, как и рука.

— Дело не в этом, сынок.

— Я знаю, что сейчас от меня мало пользы.

— Ах, милый, — вздохнула мама. — Ты не виноват, и болезнь твоя ни при чем. Вскоре ты снова станешь таким, как прежде. Но это не все. Мы всегда думали, что ты станешь работать на ферме вместе с отцом. И, возможно, ты еще будешь... ты мог бы... но... — Она взглянула на отца. — Пойми, мы не хотим отослать тебя прочь. Но она требует отдать тебя в ученики.

— Я ее даже не знаю.

— Переплетное дело — достойное ремесло. Честное ремесло. Тебе нечего бояться.

Альта подалась вперед, ударилась об угол буфета и едва успела поймать слетевшую тарелку. Мама оглянулась на грохот.

— Осторожнее, Альта.

Сердце мое подскочило и забилося, как барабан.

— Но... вы ненавидите книги. Книги запрещены. Вы же всегда мне говорили... помните, когда я принес ту книгу с ярмарки в День Пробуждения?

Они переглянулись, но слишком быстро; я не успел понять, что значит этот взгляд.

— Сейчас это неважно, — сказал отец.

— Но... — Я повернулся к матери. Мне трудно выразить словами, как стремительно они меняли тему каждый раз, когда кто-то упоминал о книгах; как по их лицам, стоило кому-то произнести слово «книга», пробежала тень неприязни, как они смотрели на меня, когда я принес *ту* книгу до-

мой. А с каким мрачным лицом мать протащила меня мимо убогой витрины «Книжной лавки и ломбарда Фогатини», когда однажды мы заблудились в Каслфорде! — Что значит *достойное ремесло*?

— Это не... — Мама шумно вдохнула. — Это не та судьба, которой я желала для тебя, но...

— Хильда. — Отец принялся разминать шею, как будто та затекла. — У тебя нет выбора, сынок. Жизнь тебя ждет размеренная. Конечно, отсюда не ближний свет, но это и неплохо. Ты будешь жить в покое. Ты не столкнешься с тяжелым трудом; не свернешь на кривую дорожку... — Он откашлялся. — И не все переплетчики похожи на нее. Ты выучишься ремеслу, освоишься, а потом — как знать. Переплетчики из города разъезжают на собственных каретах.

Я не знал, что ответить. Альта постучала пальцем по столешнице и бросила на меня многозначительный взгляд.

— Но я не... то есть я никогда... откуда она взяла, что я смогу... — Теперь никто из них не хотел встречаться со мной взглядом. — И почему у меня нет выбора?

Никто мне не ответил.

Наконец Альта подошла к столу и взяла письмо.

— «Как только будет в состоянии ехать... — прочла она вслух. — Зимой в переплетной бывает холодно. Соберите ему теплую одежду». Но почему она пишет вам, а не Эмметту? Неужто не знает, что он умеет читать?

— Так заведено, — ответил отец. — За ученика просят у родителей, так принято.

Но это не имело значения. Я снова взглянул на свои руки — одни жилы да кости. Год назад они были мускулистыми и загорелыми, почти как у взрослого мужчины, — теперь

это были руки призрака. Все верно, они годились лишь для ремесла, которое презирали мои мать с отцом. Но с чего бы переплетчице выбирать меня в ученики, если ее об этом никто не просил?

Я растопырил пальцы, прижав ладонь к столу, словно надеялся впитать силу дерева.

— А если я откажусь?

Тяжело ступая, отец прошагал к буфету, наклонился и достал бутыль ежевичного джина — крепкую, сладкую настойку, которую мама разливала по большим праздникам и изредка в лекарственных целях. Она ничего не сказала, когда отец плеснул себе полкружки.

— Для тебя здесь места нет, сын. Прояви благодарность. Там ты сможешь найти себе применение. — Отец залпом выпил джин и закашлялся.

Я собрался с духом, не желая, чтобы мой голос надломился.

— Но я поправлюсь, вот увидите, и стану таким же крепким, как...

— Это твой единственный шанс, не упускай его, — отец словно не слышал меня.

— Но я...

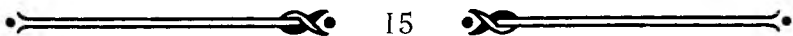
— Эмметт, — вмешалась мама, — прошу. Так будет правильно. Переплетчица знает, что с тобой делать.

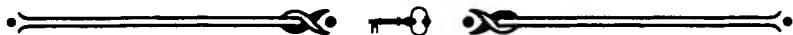
— Что со мной делать? — повторил я.

— Я лишь хочу сказать... Если ты снова заболеешь, она...

— То есть переплетная — что-то вроде приюта для умалишенных? Вы отправляете меня подальше от дома, потому что я в любой момент могу вновь потерять рассудок?

— Ты ей нужен, — мама вцепилась в юбки, словно выжимая из них воду. — Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Тогда я не поеду!

— Поедешь, сын, — сказал отец. — Бог свидетель, ты принес довольно бед этому дому.

— Не надо, Роберт...

— Ты поедешь, и если мне придется связать тебя и бросить на пороге переплетной, я так и сделаю. Завтра будь готов.

— Завтра? — Альта повернулась к отцу так быстро, что ее коса взметнулась, словно хлыст. — До завтра он не успеет собраться. А как же урожай? А праздничный ужин? Папа, прошу.

— Замолчи!

Альта послушалась.

— Завтра? — Румянец на маминых щеках загустел, превратившись в кроваво-красные пятна. — Но мы не договаривались... — Она замолкла.

Отец допил джин и поморщился, словно проглотил камень.

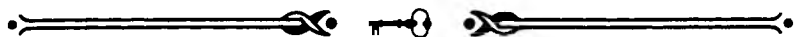
Я хотел было сказать, чтобы мама не тревожилась, что за меня не нужно больше волноваться, что я сделаю все, как они говорят, но от долгой работы в поле горло пересохло.

— Позволь ему остаться еще на несколько дней, Роберт. Другие ученики поедут после сбора урожая, и он пока не окреп. Несколько дней погоды не сделают.

— Другие ученики младше. А раз он смог продержаться день в поле, то сможет и доехать.

— Да, но... — Она двинулась к нему и схватила его за рукав, чтобы он не мог отвернуться. — Просто дай ему еще немного времени.

— Ради всего святого, Хильда! — Отец издал сдавленный звук и попытался вырваться. — Не усложняй. И так тяжело. По-твоему, мне хочется его отпускать? Думаешь, после того как мы столько сделали, как мы столько боролись за

поддержание чистоты дома, я горжусь тем, что нам предстоит принять? Мой собственный отец лишился глаза в крестовом походе!

Мама покосилась на меня и Альту.

— Не при детях...

— Да теперь-то какая разница? — Отец утер глаза рукавом и в отчаянии швырнул кружку на пол. Та не разбилась, а подкатилась к Альте и остановилась. Отец повернулся к нам спиной и облокотился о буфет, словно хотел отдышаться. Повисло молчание.

— Ладно, поеду, — проговорил я, — завтра же, — смотреть на родителей было невыносимо. Я встал, оттолкнул стул и, поворачиваясь, ударился коленом о край стола. На дрожащих ногах зашагал к двери. Задвижка как будто уменьшилась и не поддавалась; наконец я отодвинул ее с лязгом, эхом отскочившим от стен.

На улице луна поделила мир на две половины: темно-синюю и серебряную. Воздух был теплым, мягким, как сливки, пах сеном и летней пылью. Где-то ухнула сова.

На нетвердых ногах я доковылял до дальнего края двора и прислонился к стене. Мне стало тяжело дышать. В ушах звенел голос отца: *колдунья проклянет его в мгновение ока*. И мамин, ответивший ему: *она уже это сделала*.

Правду они говорили: я ни на что не годен. Меня охватило чувство собственной никчемности, сильное, сильнее понижающей боли в ногах. Прежде я никогда не болел. Я не знал, что тело способно на предательство, а ум может гаснуть, как лампа, погружая мир в крошечную тьму. Я даже не помнил, как заболел; в памяти остались лишь обрывки горячих кошмаров. Даже воспоминания о жизни до болез-

ни — прошлой весне и зиме — омрачала та же гангренозная тень, словно ничего здорового у меня уже не осталось. Я знал, что свалился без чувств после Дня летнего солнцестояния, мне об этом рассказала мама. Случилось это, когда я возвращался домой из Каслфорда, но никто не объяснил, где именно и как это произошло. Наверное, я вел повозку без головного убора под жарким солнцем, однако, стараясь вызвать в памяти тот момент, я видел лишь дрожащий мирраж, последний взгляд на ослепительное солнце, затем закружилась голова и чернота поглотила меня. Несколько недель я ненадолго выныривал из тьмы, кричал, бился, умоляя, чтобы меня развязали. Неудивительно, что от меня хотели избавиться.

Присев на корточки, я закрыл глаза. Я видел их троих; они стояли, обнявшись. За спиной пронесся шепоток; что-то скреблось о стену сухими коготками. Звуки заглушили и уханье совы, и шелест листьев. Я опустил лоб на руки и притворился, будто ничего не слышу.

Должно быть, я инстинктивно переместился в самый темный угол. Когда я вновь открыл глаза, Альта стояла посреди двора и звала меня по имени. Луна сдвинулась на небосводе и теперь светила над коньком крыши; тени укоротились и припали к земле.

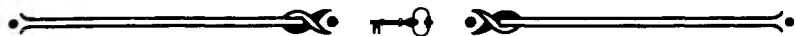
— Эмметт?

— Я здесь...

Альта вздрогнула и шагнула мне навстречу, вглядываясь в темноту.

— Что ты делаешь? Ты пытался уснуть?

— Нет.

Моя сестра так и стояла посреди двора. В окне второго этажа за ее спиной промелькнул свет лампы. Там готовились ко сну. Я начал было подниматься на ноги и не смог сдержать гримасу боли, как острым кинжалом пронзившей кости. Альта видела это, но помочь подняться не предложила.

— Эмметт, ты правда завтра уедешь?

— Отец сказал, что у меня нет выбора.

Я ждал, что она возразит. Альта была смышленной девчонкой и вечно изыскивала способы делать по-новому привычные вещи. Она умела подобрать ключик к любому запертому замку. Но сейчас она молчала, подставив лицо луне. В горле застрял комок. Вернулась ненавистная слабость; мир снова накренился сначала в одну сторону, потом в другую, и я, зашатавшись, оперся о стену — отдышаться бы.

— Эмметт? С тобой все хорошо? — Альта закусила губу. — Нет, вижу, что нет. Ты сядь.

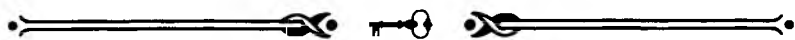
Мне не хотелось слушаться ее, но колени подкосились вопреки моему желанию. Закрыв глаза, я вдохнул всей грудью аромат сена и прохладной земли, легкий запах навоза и сладость гниения компостной кучи. Альта присела рядом, зашуршав надувшимися юбками.

— Как бы я хотела, чтобы ты остался.

Не глядя на нее, я поднял плечо и снова опустил.

— Но, может, это к лучшему... — продолжила Альта.

— Как... как это возможно? — Я проглотил застрявший в горле комок, стараясь контролировать голос. — Хорошо, я понимаю. От меня вам никакой пользы. Всем будет лучше, когда я уеду... куда бы то ни было. Я даже не знаю, где она живет, эта переплетчица.

— Возле болот на Каслфорд-роуд.

— Ясно...

Интересно, как пахнут болота? Стоячей водой, гниющими камышами? И тем, и этим, и наверняка глиной. Глиной, которая проглотит тебя живьем, если свернешь с тропы и забредешь слишком далеко... проглотит, и никто никогда не найдет тебя.

— Откуда тебе так много о ней известно... ну, о переплетчице?

— Ну, не так уж и много. Мама с папой хотят как лучше. После всего, что случилось, ты там будешь в безопасности.

— То же самое сказала мама.

Альта не ответила и принялась грызть ноготь большого пальца. В фруктовом саду за конюшнями залился трелью соловей, но резко смолк.

— Ты не знаешь, каково им пришлось, Эмметт. Каково это — вечно бояться за тебя. Они заслужили покой.

— Но я заболел не по своей вине!

— Зато по твоей вине ты... — Она шумно выдохнула. — Нет, знаю, так говорить нельзя. Но нам всем нужно... прошу тебя, не злись. Все к лучшему. Ты выучишься ремеслу.

— Ага. И буду делать книги?

Она поморщилась.

— Переплетчица выбрала тебя. Это значит...

— А что это значит? И как она могла выбрать меня, если никогда даже не видела?

Мне слышалось, что Альта заговорила, но когда я вернулся, она смотрела на луну и лицо ее ничего не выражало. С тех пор как я заболел, она осунулась, а кожу под

глазами словно вымазали пеплом. Она выглядела чужой, недостижимой.

— Я буду приезжать повидаться с тобой, как только смогу, — проговорила она, будто это что-то решало.

Я уткнулся затылком в каменную стену.

— Они убедили тебя, верно?

— Я никогда не видела, чтобы папа так сердился...

— А я видел. Однажды он меня чуть не ударил.

— Да, — кивнула Альта. — Но ты, наверное... — Она не договорила.

— Я был маленьким, — продолжил я. — А ты — совсем крохой, ты не можешь помнить. Это случилось в День Пробуждения.

— О...

Я взглянул на нее, но она отвела взгляд.

— Нет. Не помню.

— Я тогда купил... На ярмарке был человек. Он торговал книгами...

В моем кармане в тот день звенели монеты, накопленная сдача — целых шесть пенсов фартингами. Монеты оттопыривали карман. Меня распирало от головокружительного чувства свободы: я приехал на ярмарку в День Пробуждения и оторвался от всех. Шел и размышлял, что купить, оглядывая ряды с мясом и домашней птицей, с рыбой из Хладноводной и с узорчатым муслином из Каслфорда... Задержавшись у прилавка со сладостями, я повернулся к другому, стоявшему чуть в отдалении, и тут мне в глаза бросились позолота и яркие краски. Это был даже не прилавок, а грубо сколоченный стол, за которым стоял мужичок с бегающими глазками. На столе высились стопки книг.

— Тогда я и увидел их впервые. Книги... Я даже не знал, что это такое.

Лицо Альты приняло настороженное выражение.

— Как это — не знал?

— А, забудь.

Зачем я ей об этом рассказываю? Мне не хотелось вспоминать. Но теперь я не мог отделаться от картинки. Я тогда решил, что это — маленькие шкатулки из кожи с золотым тиснением для хранения ценных вещей вроде маминого серебра или папиных шахматных фигур. Подошел, звеня монетами в кармане, и мужичок за прилавком, прежде чем одарить меня улыбкой, суетливо оглянулся через оба плеча.

— Ах, что за златовласый принц передо мной! — воскликнул он. — Хотите сказку, маленький господин? Хотите историю о смертоубийстве и инцесте, о позоре и славе, о любви столь пронзительной, что лучше бы о ней забыть, или о темных делах? Вы пришли по адресу, маленький господин, ибо здесь у меня собраны сказки, равных которым на свете нет, правдивые и душераздирающие, кровавые, страстные и захватывающие, а коли вам нужны смешные, есть у меня и такие; есть редчайшие и те, от которых люди предпочитают избавляться. Но взгляните же сами, маленький господин... полистайте, например, вот эту. Работа переплетчика из Каслфорда. Ей уже много лет.

Мне не нравилось, что он называл меня «маленьким господином», но книга, которую он мне протягивал, раскрылась, и я уже не смог противиться. Стоило мне увидеть строчки на страницах, я понял, что сшитые вместе листы — это что-то наподобие долгой переписки, много-много писем в красивой шкатулке. История, которой нет конца.

— Сколько просите?

— Ах, за эту, маленький господин... У вас отменный вкус для такого крохи, ведь эта книга не из простых — настоящее приключение, сбивает с ног, как скачущий кавалерийский отряд! Девять пенсов. Или две за шиллинг.

Я понял, что книга нужна мне. Зачем, я не знал, но жажда обладать ею была столь сильной, что я ощутил покалывание в кончиках пальцев.

— У меня только шесть пенсов.

— По рукам, — ответил он и щелкнул пальцами. Широкая улыбка вмиг стерлась с его лица. Я проследил за его метнувшимся взглядом и увидел чуть поодаль группу перешептывающихся мужчин.

— Держите.

Я высыпал ему в ладонь пригоршню фартингов. Один он уронил, но не наклонился поднять: взгляд его был неотрывно прикован к шепчущимся.

— Благодарствую.

Взяв книгу, я поспешил уйти. К торжеству обладания примешивалось какое-то неуютное чувство; нырнув в суету рынка, я остановился и оглянулся. Группа мужчин стремительно приближалась к столу книготорговца, а тот в спешке кидал книги в пыльную маленькую тележку.

Чутье подсказало мне, что смотреть в ту сторону не стоит.

Я побежал домой, держа книгу через манжету, чтобы не запачкать переплет потными пальцами. Дома сел на крыльце сарая на солнышке — никто меня не видел, все остались на ярмарке — и смог спокойно осмотреть свое приобретение. Ничего подобного я в жизни не видел. Книга была глубоко-го, насыщенного красного цвета с золотистым орнаментом

и на ощупь мягкая, как кожа. Когда я открыл ее, со страниц взметнулся запах затхлости и пыльного дерева, словно никто не прикасался к ней годами.

Я начал читать и пропал.

Действие разворачивалось в военном лагере в чужой стране, и поначалу я путался в сюжете: там было много капитанов, майоров и полковников, и все они спорили о военной тактике, грозя друг другу трибуналом. Но что-то влекло меня дальше и заставляло продолжать. Я словно видел происходящее своими глазами, каждую мелочь, слышал ржание коней, ветер, трепавший армейские палатки, касался и моих разгоряченных щек, я чувствовал запах пороха, от которого ускорялся пульс. Я терял нить, но читал дальше, повествование затягивало меня вопреки моей воле, и постепенно я понял, что солдаты готовятся к битве, а человек, от чьего имени ведется рассказ, — и есть герой. На рассвете он поведет войско к славной победе, и его волнение я ощущал, как свое собственное.

— Что, черт возьми, тут происходит?

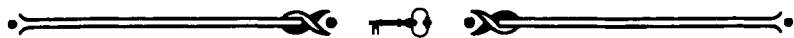
Крик вырвал меня из забытья. Я инстинктивно вскочил и быстро-быстро заморгал, чтобы избавиться от заставшего глаза тумана. Передо мной стоял отец, а за ним мама с Альтой на руках. Они вернулись с ярмарки. Я и не заметил, как стемнело.

— Эмметт, я спросил, что тут происходит!

Не дожидаясь ответа, отец выхватил книгу у меня из рук. Лицо его окаменело.

— Откуда это у тебя?

«Торговец, — хотел ответить я, — мужичок с ярмарки... У него книг десятки, они напоминали шкатулки для драго-

ценностей из тисненой кожи...» — но увидев выражение отцовского лица, я потерял дар речи; в горле пересохло.

— Роберт, что это? — Мама протянула руку, а потом отдернула, словно книга ее укусила.

— Я сожгу ее, — решительно произнес отец.

— Нет! — Мама поставила Альту на землю — сестренка зашаталась на нетвердых ножках, — подошла к отцу и схватила его за руку. — Нет, как можно! Лучше... закопай ее.

— Хильда, перестань, их давно нет в живых.

— Все равно нельзя. Мало ли... Просто избавься от нее. Выброси.

— Чтобы кто-то нашел? Ну уж нет.

— Ты знаешь, что сжигать книгу нельзя. — На мгновение их взгляды встретились. Они стояли с напряженными лицами. — Закопай. В укромном месте.

Наконец отец коротко и резко кивнул. Альта икнула и захныкала.

Отец сунул книгу рабочему.

— Заверни ее хорошенько, — распорядился он. — Отдам могильщику. — Он повернулся ко мне. — Эмметт, чтобы больше я тебя с книгой не видел. Понял?

Но я не понимал. Что случилось? Я купил книгу, не украл, но явно совершил что-то непростительное. Нехотя кивнул. Перед глазами по-прежнему мелькали сцены из книги. Я бывал в другом месте, в ином мире.

— Хорошо. Запомни, — сказал отец и опустил тяжелую руку мне на плечо. — *Чтобы больше я тебя с книгой не видел.*

А теперь они сами отсылают меня к переплетчице, будто мне грозит что-то гораздо хуже той опасности, от кото-

рой меня хотел уберечь отец. Будто угроза теперь исходит от меня.

Я покосился на Альту. Та разглядывала свои туфли. Нет, она не могла помнить тот день. О том случае никто больше не вспоминал. Никто так и не объяснил мне, что зазорного в книгах. В школе дети шептались — мол, у старого лорда Кента есть библиотека; все смеялись и закатывали глаза, но я так и не решился спросить, что в этом плохого. Ведь я тоже однажды читал книгу; значит, мы с лордом Кентом похожи, и если с ним что-то не так, то и со мной тоже. Прошло много времени, но меня все еще мучил стыд, запрятанный глубоко внутри.

А еще меня мучил страх. Бесформенный когтистый страх закрался в сердце, как наползающий с реки туман. Он обвивал меня холодными щупальцами, мешая дышать полной грудью. Была б моя воля, я не стал бы даже приближаться к переплетчице, но теперь выбора у меня не осталось.

— Альта... — начал я.

— Мне надо в дом. — Она вскочила на ноги. — И ты бы шел наверх, Эм, тебе еще собираться, а завтра долгий путь. Спокойной ночи. — Она торопливо прошагала через двор, теребя косу, чтобы я не смог увидеть ее лица. У самой двери она произнесла: — До завтра, — и даже не оглянулась. Слова прозвучали неискренне, но, может, виной тому было эхо, отлетевшее от стен конюшни.

Завтра...

Я смотрел на луну, пока страх не разросся внутри и не стал невыносимым. Тогда я поднялся в комнату и стал собирать вещи.

II

С дороги переплетная мастерская казалась охваченной пламенем. Позади нас садилось солнце, и в окнах отражалось красно-золотое зарево заката. Под тростниковой крышей оконные стекла пылали огненными прямоугольниками. Настоящий огонь не мог гореть так неподвижно, но жар от окон обжигал мне ладони. Дрожь пробрала меня до костей, словно все это я уже видел во сне.

Вцепившись в старый мешок, лежавший у меня на коленях, я отвел взгляд. С другой стороны под сенью заходящего солнце расстилались болота, плоские и безбрежные: блестящая зеленоватая водная гладь с бурыми и бронзовыми крапинками. Пахло влагой с примесью гнили, а бескрайнее сумеречное небо над нами было бледнее, чем обычно в этот час. Глаза болели, саднили царапины от вчерашних колосьев. Мне бы сейчас быть в поле и помогать с урожаем. Вместо этого мы с отцом тряслись на ухабах по неровной вязкой дороге и за весь день не проговорили ни слова. Отбыли до рассвета и до сих пор не нашли, что друг другу сказать. Слова застревали в горле и лопались, как пузыри болотной жижи, оставляя на языке слабый привкус плесени.

Нам оставалось преодолеть последний участок дороги, исчезавшей в высокой траве перед домом переплетчицы. Когда мы почти подъехали, я украдкой взглянул на отца. Щетину на его подбородке словно присыпали солью, глаза запали, темные круги под ними углубились по сравнению с весной. За время моей болезни все постарели; очнувшись, я обнаружил, будто проспал много лет.

Повозка внезапно остановились.

— Приехали.

Меня пробрала дрожь. Казалось, меня сейчас вывернет наизнанку или я брошусь к отцу и стану умолять его забрать меня домой. Схватив лежавший на коленях мешок, я спрыгнул на землю и чуть не рухнул от слабости в ногах. К дому вела дорожка, протоптанная в высокой траве. Я никогда здесь не бывал, но нестройный звон дверных колокольчиков показался знакомым: может, я слышал его во сне? На отца я решил не оглядываться, стоял и ждал; дверь перед глазами закачалась и стала расплываться.

— Эмметт. — Как только дверь распахнулась, я увидел перед собой бледно-карие глаза, такие светлые, что контраст с черными зрачками ошеломил меня. — Добро пожаловать.

Я слотнул сяюну. Переплетчица была старой, болезненно иссохшей, как скелет, с белыми волосами и сморщенным, как старая бумага, лицом, губы цветом не отличались от щек; но ростом она оказалась со мной вровень, и глаза сияли ясно, как у Альты. На ней был кожаный передник, рубашка и брюки — мужской костюм. Рука, поманившая меня внутрь, выглядела тонкой, но сильной, и была сплошь покрыта голубыми веревками петляющих вен.

— Середит, — промолвила она. — Заходи.

Я замер на пороге. Сердце пробило дважды, прежде чем я понял, что Середит — ее имя.

— Заходи, — повторила она, глядя мне через плечо. — Спасибо, Роберт.

Я не слышал, как отец спустился с повозки, но когда обернулся, он стоял рядом. Он откашлялся и пробормотал:

— Скоро увидимся, Эмметт, хорошо?

— Пап...

Но он даже не посмотрел на меня. Бросив долгий беспомощный взгляд на переплетчицу, коснулся лба, словно не зная, что еще сделать, и вернулся к повозке. Я окликнул его, но мои слова унес порыв ветра, и отец не обернулся. Я смотрел, как он садится на козлы и щелкает языком, приказывая кобыле трогаться.

— Эмметт, — вновь раздался ее голос, — заходи. — Она явно не привыкла повторять одно и то же трижды.

— Да-да.

Я цеплялся за свой мешок до боли в пальцах. Она назвала отца Робертом, как будто знала его... Сделал шаг, потом другой. Перешагнув через порог, очутился в коридоре, стены которого были обиты темными деревянными панелями. Вверх вела лестница. Тикали высокие напольные часы. Слева виднелась полуоткрытая дверь, а за ней — кухня; справа — еще одна дверь, ведущая в...

Мои колени подкосились, словно мне подрезали сухожилия. Тошнота усилилась и разлилась по телу, сжимая нутро. Меня бросало то в жар, то в холод; мир закружился перед глазами, и я с трудом удержал равновесие. Я понял, что бывал здесь раньше. Но я не...

— Ох, проклятье, — вымолвила переплетчица и протянула руку, поддерживая меня за плечо. — Дыши, сынок.

— Я в порядке, — ответил я, гордясь тем, как четко прозвучали согласные. Потом все погрузилось во тьму.

Когда я очнулся, на потолке плясал солнечный блик: узкий прямоугольник света, просачивающийся в щель меж-

ду колышущимися занавесками, то ширился, то сужался в накатывающих волнах тени. Белые стены имели зеленоватый отсвет, как яблочная мякоть; тут и там их покрывали кружевные пятна сырости. Птица за окном повторяла одну и ту же трель, словно окликая кого-то по имени.

Дом переплетчицы.

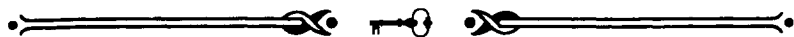
Я сел, и сердце вдруг заколотилось. Но мне пока нечего было бояться; здесь не было никого, кроме меня и пляшущих солнечных бликов. Пытаясь уловить знакомые звуки фермы, прислушался, но услышал лишь крики птиц на болотах и тихий шорох ветра на тростниковой крыше. Выцветшие шторы раздувались, прямоугольник света на потолке ширился и слепил глаза. Подушки пахли лавандой.

Вчера вечером...

Взгляд скользнул по стене напротив и остановился на трещине в штукатурке. Обморок... а потом тени и страх. Кошмары. В ясном свете наступившего дня они отступили, но я помнил, какими ужасными они были. Раз или два я было отбился от них, но все равно провалился в удушающую, вязкую, как деготь, черноту. На языке висел слабый привкус горелого масла. Таких сильных кошмаров у меня давно не было.

Налетел ветер, и мои руки покрылись гусиной кожей; я растер их, чтобы кожа снова стала гладкой. Надо же, грохнулся в обморок прямо в объятия Середит... Должно быть, сказалась усталость после долгого пути, мигрень, бьющее в глаза солнце и вид отца, уезжающего, даже не оглянувшись.

Мои брюки и рубаша висели на спинке единственного стула. Я встал и натянул их неуклюжими пальцами, пытаюсь не представлять, как меня раздевала переплетчица. Хорошо хоть исподнее осталось на мне.

Мебели в комнате почти не было: лишь сундук у изножья кровати, небольшой столик у окна и стул. Светлые занавески на окнах вздымались на ветру. Ни картин, ни зеркала. Впрочем, этому я был только рад. Дома я всякий раз отводил взгляд, проходя мимо зеркала в коридоре. Здесь же я стал невидимкой и мог слиться с пустотой.

В доме было тихо. Выйдя из комнаты, я услышал тиканье часов внизу и глухой стук молотка. Звуки отдавались гулким звоном, как камушки об лед. Мне в затылок подул ветерок, и я невольно оглянулся — не стоит ли кто за спиной? На мгновение пустая комната потемнела — туча закрыла солнце, — но уже через секунду свет стал еще ярче. Края занавесок трепыхались на ветру, как знамя.

Мне захотелось снова забраться в постель, закутаться в одеяло, как в детстве, и я почти повиновался этому желанию. Но в этом доме мне предстояло жить, и я уж точно не мог остаток дней прятаться в кровати.

Ступенька скрипнула под моим весом. Годы отполировали перила до блеска, но в солнечном свете кружилась густая пыль, а белая штукатурка местами отслаивалась от стен. Этот дом был старше нашего и, наверное, старше всей нашей деревни. Скольким переплетчикам он принадлежал? А когда нынешняя переплетчица, Середит, умрет, перейдет ли он ко мне?

Я осторожно спустился по лестнице, словно опасаясь, что ступени подо мной провалятся. Стук прекратился, слышались шаги. Одна из дверей в коридоре открылась, и на пороге появилась Середит.

— Ах, Эмметт, — она не спросила, хорошо ли я спал. — Заходи в мастерскую.

Я последовал за ней. Когда она назвала меня по имени, я стиснул зубы — почему-то мне это не понравилось, — но теперь она была моей хозяйкой, моим мастером, а я — подмастерьем. Я должен был ей подчиняться.

На пороге мастерской Середит остановилась. Сначала мне показалось, что она хочет пропустить меня вперед, но она торопливо вошла и завернула что-то в тряпицу, я не успел увидеть, что именно.

— Заходи, сынок.

Я переступил порог. Комната была прямоугольной, с низким потолком и рядом высоких окон, в которые лился ясный утренний свет. Вдоль стен тянулись верстаки, а между ними стояли другие предметы, названия которых я пока не знал. Тускло блестело старое дерево, сверкали наточенные лезвия, лоснились потемневшие от машинного масла металлические рукоятки... здесь было так много всего, что взгляд не мог надолго задерживаться на чем-то одном. В дальнем углу виднелась печь, выложенная терракотовыми, охряными и зелеными изразцами. С натянутой проволоки свисали листы бумаги: какие-то одноцветные, яркие, другие — с орнаментом, напоминающим поверхность камня, перья или листья деревьев. Я потянулся к ближайшему листу, переливавшемуся синим, подобно крыльям зимородка; мне захотелось коснуться этих крыльев, порхавших у меня над головой...

Отложив свой сверток, переплетчица подошла ко мне и стала показывать различные предметы и называть их.

— Ручной пресс. Обжимной пресс. Позолотный пресс. Шкаф для хранения у тебя за спиной, сынок. В этом шкафу — инструменты, в следующем — кожа и ткань. Корзина

для бумажных отходов здесь, всегда под рукой. Кисти вот здесь, на полке. Клей — там.

Я не успевал запоминать. Вскоре я и вовсе отбросил попытки запомнить все это и стал просто ждать, когда она говорит.

Наконец переплетчица взглянула на меня, прищурилась и произнесла:

— Ну-ка, сядь.

Я чувствовал себя странно. Мне не было плохо или страшно. Но что-то внутри меня пробуждалось и оживало. Петляющий рисунок дерева на верстаке казался картой места, где я когда-то бывал.

— Странное чувство, верно, сынок?

— Какое?

Она по-прежнему щурилась, глядя на меня, один глаз цветая с молоком казался почти белым на свету.

— Все рожденные переплетчиками чувствуют это здесь. А ты рожден переплетчиком, мой мальчик.

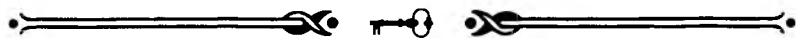
Я не знал, что значат ее слова. Но, попав в эту комнату, я понял, что должен быть здесь, и на душе вдруг стало легко. Я словно учуял запах дождя после долгой засухи и увидел проблески своего прежнего «я» — стал таким, каким был до болезни. Здесь, среди запахов кожи и клея, я был как дома.

— Ты почти ничего не знаешь о книгах, верно? — спросила Середит.

— Так и есть.

— И, наверное, считаешь меня ведьмой?

— Что? Конечно, н-н... — запнулся я, но она молча отмахнулась, велев мне замолчать, и улыбнулась краешком губ.

— Ничего, ничего. Думаешь, я дожила до таких-то лет, не зная, что обо мне говорят люди? О нас, переплетчиках, толкуют разное.

Я отвел глаза, но она продолжала, словно не заметив моей реакции:

— Твои родители не подпускали тебя к книгам, верно? И теперь ты не можешь понять, почему оказался здесь.

— Вы потребовали меня в ученики. Разве нет?

Она как будто не слышала меня.

— Не тревожься, сынок. Наше ремесло ничем не хуже и не лучше других. И это хорошее ремесло. Переплетное дело старо, как алфавит, а может, и старше. Люди его не понимают, но стоит ли этому удивляться? — Она поморщилась. — Крестовый поход окончен, и на том спасибо. Но ты слишком юн, чтобы помнить. Тебе повезло.

Последовало молчание. Я не понимал, как переплетное дело может быть старше алфавита и книг, но Середит уставилась в пространство, будто бы не замечая меня. Проволока раскачивалась на ветру, разноцветные листы бумаги трепыхались. Но вот переплетчица заморгала, почесала подбородок и произнесла:

— Завтра поручу тебе кое-какие дела. Будешь прибирать, мыть кисти помаленьку. Может, поучу тебя выделывать кожу.

Я кивнул. Мне захотелось побыть в мастерской одному. Как следует все рассмотреть, порыться в шкафах, взвесить на ладони инструменты... Мастерская зывала ко мне, приглашала попробовать себя в деле.

— Ты можешь осмотреться, если хочешь, — словно прочитала она мои мысли, но когда я начал подниматься

на ноги, старуха жестом велела мне сидеть. — Не сейчас. Позже.

Середит снова подобрала свой сверток и повернулась к низкой двери в углу, которую я не заметил сразу. Там было три замка, и каждый открывался своим ключом. Я успел увидеть ступени, уходящие во мрак, и полку сбоку от двери, куда она положила сверток. Вернувшись в мастерскую, она закрыла дверцу и заперла ее, загораживая замки своим телом.

— Туда тебе пока нельзя, сынок, — переплетчица то ли предостерегала меня, то ли хотела успокоить. — Не суйся в запертые двери, и ничего с тобой не случится.

Я глубоко вздохнул. Мастерская по-прежнему пела, вызывая к моей душе, но в этой сладостной песне появилась тревожная нота. Вот как... Под залитой солнцем комнатой крутая лестница уходит вниз, во тьму. Я ощутил пустоту под ногами, словно подо мной проваливался пол. Всего минуту назад я чувствовал себя в безопасности. Я был очарован этим местом. Но стоило бросить взгляд на дверцу, и чары разрушились подобно тому, как сон превращается в кошмар.

— Не сопротивляйся, сынок.

Значит, она знала... И то, что происходило со мной, было реальным, я ничего не придумал.

Я поднял взгляд, отчасти боясь смотреть ей в глаза, но переплетчица глядела в окно, на болота, шурясь на солнце. Она точно была древнее всех старух, которых мне когда-либо доводилось встречать.

Солнце светило по-прежнему, но комната как будто потускнела. Мне больше не хотелось заглядывать в шкафы и расстилать полотна, чтобы как следует разглядеть их на

свету. Но я заставил себя пройтись вдоль шкафов, цепляя взглядом надписи на этикетках, ручки из потускневшей латуни, кусочек кожи, торчавший из дверцы шкафчика, как высунутый зеленый язык. Обогнув верстак, прошелся по центральному проходу. Пол был отполирован до гладкости ногами людей, ходивших по нему в течение многих лет.

Я подошел к двери, как две капли воды похожей на ту, что вела в подвал, но расположена она была по правую руку от печи. В ней тоже было три замка. Истертые половицы говорили о том, что этой дверью часто пользовались. А за ней что скрывается? Какие тайны?

В глазах потемнело. Я слышал шепот, но слов не мог разобрать.

— Так, — скомандовала Середит, незаметно оказавшаяся рядом со мной. Она усадила меня на табурет и надавила на шею. — Уткнись-ка головой в колени.

— Я... я не могу...

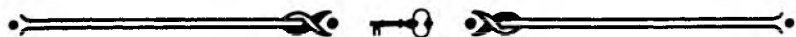
— Тихо, мальчик. Это болезнь. Она пройдет.

Болезнь? Это происходило на самом деле. Я не сомневался. Яростная, ненасытная тьма готова была высосать меня досуха и превратить во что-то другое. Но Середит держала меня, не позволяя поднять голову и не давая упасть, и страх отступил. Это просто болезнь. То же наваждение, что заставило меня напасть на родителей. Я стиснул зубы. На этот раз я не поддамся. Если потерять контроль...

— Так-то лучше, молодец.

Бессмысленные слова; она словно собаку хвалила. Наконец я выпрямился и поморщился от боли, когда к голове прилила кровь.

— Тебе лучше?

Я кивнул, борясь с тошнотой, подступившей к горлу. Руки тряслись, как у паралитика. Сжимая кулаки, я подумал о том, смогу ли выделять кожу такими-то руками. Глупая затея, все кончится тем, что я отхвачу себе палец. Я слишком болен, я зря приехал сюда, и все же...

— Почему? — спросил я, и голос мой прозвучал жалобно. — Почему вы меня выбрали? Почему именно меня?

Переплетчица снова повернулась к окну и посмотрела на солнце.

— Вы меня пожалели? Бедного спятившего Эмметта, который больше не может работать в поле? Вы позвали меня сюда, чтобы я был в безопасности и одиночестве и не страивал своих родных?

— Так ты считаешь?

— А я не прав? Вы меня не знаете. Зачем выбирать в подмастерья больного мальчишку?

— И правда, зачем? — Она повысила голос, но потом вздохнула и взглянула на меня. — Ты помнишь, как все началось? Лихорадка?

— Кажется, я ехал... — я перевел дыхание, пытаюсь успокоить мелькавшие мысли. — Я ехал из Каслфорда, а очнулся уже дома. — Я замолчал. Не хотелось вспоминать провалы в памяти, кошмары, преследовавшие меня и днем, и ночью, внезапные вспышки ясности, когда я в ужасе осознавал, где нахожусь. Изъеденное лихорадкой лето вспоминалось урывками; дыр осталось больше, чем воспоминаний.

— Ты был здесь, сынок. Ты заболел здесь. Отец приехал и забрал тебя. Не помнишь?

— Что? Нет. Но как я здесь очутился?

— Мой дом как раз по пути в Каслфорд, — с легкой улыбкой произнесла она. — Но болезнь... ты помнишь ее, но помнишь не все. Оттого тебе и плохо.

— Мне нельзя здесь оставаться. Это место... двери под замками... мне станет хуже.

— Это пройдет. Поверь. И здесь пройдет быстрее и легче, чем в любом другом месте. — Ее голос звучал странно: она как будто стыдилась сказанного.

Новый страх вцепился мне в душу. Неужели мне придется остаться здесь и мучиться до тех пор, пока не станет лучше? Я не хотел этого. Мне захотелось бежать.

Середит покосилась на запертую дверь.

— В некотором смысле, — сказала она, — я и выбрала тебя из-за твоей болезни. Но все не так, как ты думаешь. Я сделала это не из жалости, Эмметт.

Она резко развернулась и прошагала мимо, а я остался в мастерской один. В пустом дверном проеме кружились пылинки.

Она лгала. Я понял это по голосу.

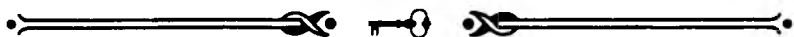
Она все-таки жалела меня.

Но, возможно, Середит была права. Тишина старого дома, комнаты с низкими потолками, залитые ровным светом осеннего солнца, налаженная рутина мастерской потихоньку разгоняли мрак в моей душе. Шли дни, и вскоре дом переплетчицы перестал казаться чужим и странным. Проходили недели, и я выучил его как свои пять пальцев: прямоугольный блик на потолке, разъехавшиеся швы на лоскутном покрывале поверх моей кровати, ступени, каждая из которых скрипела на свой лад, когда я спускался вниз.

В мастерской тоже все стало знакомым: глянцевые изразцы, шафраново-земляной аромат чая, молочно-белая кашлица переплетного клея в стеклянной банке. Медленно шли часы, полные мелких и неизменных деталей. Дома, в суеде фермерской жизни, мне некогда было сидеть и наблюдать; я никогда не приглядывался к инструментам, прежде чем взять их в руки, не обращал внимания на то, как добротны те сделаны. Но в доме переплетчицы каждый миг, отсчитываемый напольными часами в коридоре, камнем падал в реку будней, и прежде чем наступал следующий миг, я успевал увидеть, как расходятся круги по воде.

Середит поручала мне простые и незначительные дела. Она была хорошей наставницей и объясняла все четко и терпеливо. Я учился делать форзацы, выделывать, тиснить и золотить кожу. Должно быть, моя неуклюжесть досаждала переплетчице: я приклеивал пальцы к страницам, случайно проткнул шилом цельный лоскут хорошей телячьей кожи. Но она никогда не ругала меня и лишь иногда говорила: «Выброси и начни заново». Пока я тренировался, она шла на прогулку, писала письма или составляла списки материалов для заказа почтой, или, бывало, садилась за верстак со мною рядом, или готовила, и дом наполнялся ароматами мяса и пирогов. Домашние обязанности мы делили поровну, но поскольку все утро я просиживал за кропотливой работой, склонившись над верстаком в три погибели, мне было в радость наколоть дров или залить котел для стирки. Когда же нападала слабость, я напоминал себе, что до моего появления Середит справлялась со всеми этими делами в одиночку.

Но что бы я ни делал, сколько бы ни готовил материалы, сколько бы ни оттачивал свое мастерство, я ни разу не видел готовой книги. Однажды вечером мы сидели на кухне и ужинали, и я спросил:

— Середит, а где все книги?

— В хранилище, — ответила она. — Готовые книги лучше держать под замком, чтобы ничто не могло им навредить.

— Но... — Я замолчал, вспомнив о ферме и о том, как много мы всей семьей работали и все равно с трудом могли прокормить себя; я постоянно спорил с отцом, выпрашивал у него все новые и новые машины, чтобы наш труд стал как можно более продуктивным. — Но почему бы не делать больше книг? Ведь чем больше мы сделаем, тем больше вы сможете продать.

Она взглянула на меня так, будто я нагрубил ей, но лишь покачала головой.

— Мы мастерим книги не на продажу, сынок. Продавать книги нельзя. На этот счет твои родители были правы.

— Тогда... я не понимаю...

— Переплет — вот что важно. Само искусство и благородный облик переплета. Допустим, ко мне приходит женщина и просит сделать ей книгу. Книга предназначена лишь ей одной, понимаешь? Она не для чужих глаз. — Старуха громко прихлебнула суп из ложки. — Есть переплетчики, которые только и думают о выгоде; их не заботит ничего, кроме заработка. Такие-то и торгуют книгами. Но ты никогда не станешь одним из них.

— Но... к вам же никто не приходит, — я устался на нее в полной растерянности. — И когда я начну применять все навыки, которым научился? Я уже столько всего знаю, но ни разу не...

— Вскоре ты узнаешь еще больше, — она встала и принесла еще хлеба. — Давай не будем торопиться, Эмметт. Ты был нездоров. Всему свое время.

Всему свое время. Если бы я услышал эти слова от матери, рассмеялся бы в ответ, но Середит я ничего не ответил, потому что она была права. Постепенно кошмары стали реже; отступили тени, прячущиеся по углам в дневное время. Бывало, проходило несколько дней без головокружений; порой мой взор становился таким же ясным, как прежде. Миновало несколько недель, и я перестал коситься на закрытые двери в мастерской. Меня успокаивал шепот верстаков, инструментов и прессов; здесь всему находилось применение и все было на своих местах. Неважно, для чего в конечном счете предназначались все эти приспособления: я знал, что кисть для клея нужна, чтобы клеить, а резак — чтобы резать. Иногда, выделывая кожу, — для того чтобы обернуть переплетную коробку, годилась кожа не толще ногтя, — я оглядывал мастерскую сквозь темное облачко кожаной пыли и понимал, что нахожусь там, где должен. Я чувствовал, что занимаюсь своим делом, что переплет — мое предназначение, пусть даже пока я только учусь. Я знал, что это мне по силам. Я ни в чем не был так уверен уже давно, с тех пор как заболел.

Я тосковал по дому, иначе и быть не могло. Писал письма и читал ответы, приносившие и радость, и муки. Мне так хотелось сидеть за столом на празднике урожая вместе со всеми и побывать на танцах; точнее, этого хотелось бы мне раньше. Я несколько раз перечитал письмо с рассказом о празднике, затем скомкал его, сел и уставился на синие сумерки поверх горящей лампы, стараясь не обращать внима-

ния на ком в горле. Но одновременно я чувствовал, что к музыке и шуму тянется старая часть меня, здоровая; я знал, что сейчас сильнее всего нуждаюсь в тишине, работе и покое, даже если порой одиночество казалось невыносимым.

Так проходил один тихий день за другим. Мы как будто чего-то ждали.

Когда же это случилось? Может быть, я пробыл у переплетчицы две недели, а может, и месяц, но именно этот день запомнился мне отчетливо. Утро выдалось ясным и холодным. Я тренировался наносить позолоту на кожаные обрезки и полностью сосредоточился на своем занятии. Это была сложная работа, но когда я снял лист сусального золота, то увидел, что буквы моего имени получились нечеткими, а позолота распределилась неравномерно. Я выругался и поворачивал головой, разминая затекшую шею. И тут краем глаза уловил за окном шевеление. Солнце слепило глаза, и сначала я увидел лишь темный силуэт на свету. Когда же я прищурился, я увидел мальчика — нет, юношу примерно моего возраста, а может, чуть старше. У него были темные волосы и глаза, лицо бледное и осунувшееся. Он стоял и смотрел на меня.

Я подскочил и чуть не обжегся паяльником. Давно ли он стоит там и смотрит на меня блестящими, как речные камушки, глазами? Я аккуратно положил паяльник на подставку, проклиная внезапную дрожь, сделавшую мои руки неуклюжими, как у старика. Зачем он шпионит за мной?

Юноша постучал по стеклу. Я повернулся к нему спиной, но когда оглянулся через плечо, он все еще был там. Он показал на маленькую дверь черного хода со стороны болот. Он хотел, чтобы я впустил его.

Почему-то я представил, как он погружается в болотную жижу сначала по колено, потом по пояс. Мысль о том, чтобы заговорить с ним, казалась невыносимой. Уже много дней я не видел ни одной живой души, кроме Середит, но дело не только в этом: слишком странно он смотрел... слишком пронзительно, словно надавливал мне пальцем между глаз.

Не поворачиваясь к окну, я принялся сметать обрезки кожи на пол и убирать в шкатулку кусочки сусального золота; затем ослабил винт на горячем паяльнике и постучал по клише¹, чтобы буквы высыпались на верстак. Через минуту они остынут, и их можно будет убрать в футляр.

Крошечная латунная щепка разделителя упала на пол, и я наклонился за ней, а когда выпрямился, юноша по-прежнему был на месте. Я пососал обожженный палец и понял, что придется ему открыть.

Дверь разбухла и не поддавалась — бог знает, когда ее открывали в последний раз. Но мне все-таки удалось справиться с ней, хотя сердце от натуги колотилось. Мы уставились друг на друга. Наконец я произнес:

— Что вам нужно?

Глупый вопрос. Бродячим торговцем он явно не был, как и другом Середит, решившим заскочить в гости.

— Я... — Он отвел взгляд. Болотистая гладь за его спиной сверкала на солнце, как старое зеркало, в котором все еще можно было увидеть свое отражение, хотя оно почернело и покрывалось пятнами. Когда он вновь взглянул на меня, лицо его было полно решимости. — Я пришел повидать переплетчицу.

¹ Съемная насадка для паяльника для горячего тиснения, позволяющая делать оттиски с различными рисунками. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Мне захотелось захлопнуть дверь у него перед носом. Но он мог быть клиентом, первым, возникшим на пороге с тех пор, как я поселился здесь, а я — всего лишь подмастерьем. Так что я отступил в сторону и шире открыл дверь.

— Благодарю. — Слова прозвучали натужно, он неподвижно застыл на пороге, словно боялся, что, если пройдет мимо меня, запачкает одежду.

Я впустил его и ушел в глубь мастерской. Что будет дальше, меня уже не касалось. Пусть звонит в колокольчик или зовет Середит. Отрываться от работы ради него я не собирался. Этот парень даже не извинился за то, что шпионил за мной.

Он потоптался на пороге, затем вошел.

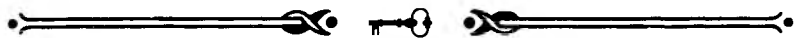
Вернувшись на свое рабочее место, я снова склонился над обрезком кожи. Потер вытравленные буквы, надеясь, что те станут отчетливее. С первой попытки тиснение получилось не слишком удачным; затем или паяльник перегрелся, или же я слишком долго держал клеймо, — позолота расплылась. В третий раз получилось чуть лучше, но клише прижалось неравномерно.

Через открытую дверь проник холодный сквозняк. П слышались тихие шаги, и парень очутился за моей спиной. Лицо его, отраженное в окне, пусть я и видел его мельком, отпечаталось у меня в памяти: белое, с запавшими тенями и покрасневшими глазами. Лицо человека на смертном одре; лицо, которое никому не захочется увидеть.

— Эмметт?

Сердце мое остановилось. Откуда он знает мое имя?

И тут я понял: клеймо. ЭММЕТТ ФАРМЕР. Крупные буквы легко читались даже с нескольких шагов. Я взял лоскут кожи и перевернул его. Но было слишком поздно. Гость

улыбнулся пустой улыбкой, словно гордясь своей наблюдательностью и тем, что ему удалось меня смутить. Он начал говорить что-то еще, но я прервал его.

— Не знаю, берет ли переплетчица сейчас заказы, — сказал я, а он продолжал смотреть на меня со странной голодной полуулыбкой. — Если вы за этим пришли. Книгами она не торгует.

— Давно ты здесь?

— Приехал после сбора урожая. — Какого черта он спрашивает меня? Даже не знаю, зачем ответил; наверное, хотел, чтобы он оставил меня в покое.

— Ты ее ученик?

— Да.

Парень огляделся, затем снова вперился в меня взглядом. Слишком пристальным и слишком пронизывающим; то было не обычное любопытство.

— И нравится тебе такая жизнь? — В его голосе слышалась нотка презрения. — Здесь, с ней вдвоем?

От сладковатого запаха разогретого паяльника у меня разболелась голова. Я взял самый маленький паяльник для тонкой работы, которым у меня никогда не получалось водить правильно, и представил, как прижигаю им свою левую руку. Или его.

— Эмметт, — в его устах мое имя звучало как проклятье.

Я опустил паяльник и взял новый кожаный лоскут.

— Мне нужно работать.

— Прости.

В наступившей тишине я вырезал из лоскута квадрат и прикрепил его к доске. Парень наблюдал за мной. Под его взглядом я стал неуклюжим и чуть не поранился скальпелем.

Словно невидимые нити натянулись между моими пальцами, не давая им двигаться. Я повернулся к нему.

— Хотите, я пойду и отыщу Сере... переплетчицу?

— Я... нет. Пока не надо.

Вдруг я с удивлением осознал, что он боится. На миг я забыл о своем недовольстве и понял, что едва ли когда-либо видел более напуганного и несчастного человека. Он был в отчаянии и распространял вокруг себя запах отчаяния, как человек в лихорадке пышет жаром. Но мне не было его жалко, потому что в его взгляде я заметил кое-что еще. Он смотрел на меня с ненавистью. Не знаю, за что, но он ненавидел меня.

— Они не хотели отпускать меня, — промолвил он. — Отец не хотел. Он считает, что книги — удел других, не таких, как мы. Если бы он знал, где я сейчас... — Он поморщился. — Но когда я вернусь, будет уже поздно. Он не накажет меня. Не посмеет.

Я не ответил. Мне не хотелось даже задумываться о том, что все это значит.

— Я сомневался. Не думал... — Он откашлялся. — Я слышал, что она выбрала тебя, и не думал, что приду и... Не думал, что мне захочется... пока не увидел тебя здесь.

— Меня?

Он глубоко вздохнул и смахнул пылинку с обжимного пресса. Его указательный палец задрожал, а между ключиц забила жилка. Он невесело рассмеялся.

— Тебе нет дела, верно? Да и с какой стати? Ты даже не знаешь, кто я такой.

— Не знаю.

— Эмметт, — выпалил он, спотыкаясь, — прошу, посмотри на меня, хотя бы на минутку. Я не понимаю...

Меня вдруг закрутило, мир стремительно замелькал перед глазами; окружающие предметы сливались, а его слова будто тонули в водовороте. Я моргнул, пытаюсь удержаться на месте, но головокружительное течение подхватило меня и стало затягивать в воронку. Он продолжал говорить, но слова пролетали мимо и уносились вдаль.

— Что здесь происходит? — слышался резкий голос Середит.

Гость обернулся. Его щеки и лоб залились краской.

— Я пришел за книгой.

— Что вы делаете в мастерской? Эмметт, почему ты меня сразу не позвал?

Я боролся с накатившей тошнотой.

— Я решил...

— Эмметт тут ни при чем, это я виноват, — ответил парень. — Меня зовут Люциан Дарне. Я писал вам.

— Люциан Дарне, — нахмурилась Середит. По ее лицу промелькнуло странное настороженное выражение. — И давно вы беседуете с Эм... с моим учеником? Впрочем, неважно. — Не дождавшись ответа, она взглянула на меня. — Эмметт, — произнесла она гораздо мягче, — ты хорошо себя чувствуешь?

Вокруг меня вились тени, с боков подкрадывалась чернота, но я кивнул.

— Вот и славно. Мистер Дарне, следуйте за мной.

— Да, — ответил гость, но не пошевелился. От него исходили темные волны пульсирующего отчаяния.

— Пойдемте, — повторила Середит, и наконец он повернулся и шагнул к ней. Она потянулась за ключами и стала отпирать правую из двух дверей в глубине мастерской, но глядела не на замок, а на меня.

Дверь распахнулась. У меня перехватило дыхание. Не знаю, чего я ожидал, но я увидел за ней чистый деревянный стол, два стула и пыльный квадрат солнечного света на полу. Такая мирная картина должна была принести облегчение, но мою грудь словно зажали в тиски. Опрятная, аскетичная комната — и все же...

— Заходите, мистер Дарне. Садитесь. Подождите меня здесь.

Дарне медленно и протяжно вздохнул и бросил на меня последний взгляд, полный необъяснимой, загадочной ярости. Затем выпрямился, подошел к двери и шагнул за порог. Сев за стол, он весь напрягся и вытянулся, словно пытаясь унять дрожь.

— Эмметт, ты точно хорошо себя чувствуешь? Он не должен был... — Ее глаза скользили по моему лицу, выискивая реакцию, но ничего не нашли. — Иди приляг.

— Все в порядке.

— Тогда ступай на кухню и смешай клей. — Я встал и прошагал мимо нее, пытаясь держаться ровно и не шататься. Вокруг хлопали черные крылья, путая мне дорогу. Та комната... тихая маленькая комната...

На лестнице я сел. Свет падал на половицы серебристым кружевом. Контуры теней напомнили о полузабытом кошмаре. Перед глазами промелькнуло лицо Люциана Дарне, его голодный взгляд. Мой взор заволокла завеса тьмы, густая, как туман, но в этот раз во мраке было нечто новое — вспышка, блеснувшая, как зубы, невыносимо острые клыки. Это была не ненависть, а что-то готовое разорвать меня на куски, если дать волю.

Затем тьма поглотила меня, и все исчезло.

III

Постепенно я очнулся от забытья и увидел вокруг серый день. Дождь глухо барабанил в окно. Я уловил еще один звук, источник которого мне удалось определить не сразу. Уставившись в потолок, я праздно полюбопытствовал, что это может быть. Легкий шепот, пауза, вдох, шепот... Прошло немало времени, прежде чем я повернул голову и увидел Середит; склонив голову, та сидела за столом у окна. На столе стояла деревянная рама и лежали стопки сложенной бумаги. Она сшивала сложенные страницы, ведя иглой сперва в одну сторону, потом в другую; натягиваясь, нить шептала. Я долго наблюдал за переплетчицей, убаюканный ритмом ее движений. Она протыкала иглой бумагу и подтягивала нить; затем вытягивала ее с другой стороны и снова протыкала бумагу... Завязав узелок, обрезала нить, брала катушку и отрезала новую, привязывая ее к старой. В комнате было так тихо, что я слышал щелчок, с которым затянулся узелок.

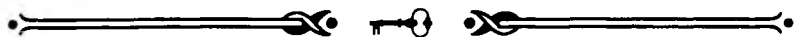
Середит подняла голову и улыбнулась.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я... — Во рту пересохло. Я сглотнул, и шершавая сухость на языке вернула меня к реальности. Болело все тело. Саднило запястье, словно меня больно ущипнули. Посмотрел вбок и не сразу понял, что увидел: мое запястье было привязано к кровати полоской белого полотна. Ткань натянулась, превратившись в узкую веревку, врезающуюся в руку. Неужели я пытался вырваться?

— У тебя были кошмары, — объяснила Середит. — Помнишь?

— Нет.

Или да? Вопль, отозвавшийся многократным эхо; темные глаза, неотрывно следящие за мной...

— Неважно. Теперь ты пришел в себя, и тебя можно отвязать.

Она встала, аккуратно положила иголку на полусшитый книжный блок и, наклонившись надо мной, принялась развязывать узел скрюченными пальцами. Я лежал, не шевелясь и не глядя на нее. Что я натворил? Неужели опять рассвирипел? Дома со мной однажды случился такой тяжелый припадок, что я набросился на мать с отцом. С тех пор Альта боялась ко мне приближаться. Неужели я напал на Середит?

— Ну вот, — она подтащила стул к моей кровати и со вздохом села. — Ты голоден?

— Нет.

— Скоро проголодаешься. Ты пробыл без сознания пять дней.

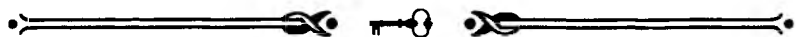
— Без сознания?

— Теперь тебе нужно отдохнуть. Дня два, не меньше. Потом попробуешь потихоньку вставать.

— Все со мной в порядке. Могу и сейчас подняться. — Я рывком попытался сесть, но голова закружилась, и мне пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не потерять равновесие. Постепенно головокружение прошло, но попытка выпрямиться отняла все мои силы. Я рухнул на подушку и зажмурился, запретив себе плакать. — Простите... думал, мне лучше.

— Так и есть.

— Но... — Мне не хотелось думать о том, каково старой женщине было справляться с разбушевавшимся подмасте-

рьем, страдающим галлюцинациями. Я мог бы ударить ее или, чего хуже...

— Открой глаза. — Середит придвинулась ближе.

— Что?

— Взгляни на меня. Так-то лучше. — Она склонилась над мной. От нее пахло мылом, клеем и кожаным фартуком. — Это был рецидив. Но худшее позади.

Я отвернулся. Мама тоже так говорила, но каждый раз в ее голосе звучало все меньше уверенности.

— Поверь мне, сынок. Мне кое-что известно о переплетной лихорадке. Она редко протекает так тяжело, как у тебя, но ты поправишься. Не сразу, но поправишься.

— Что? — Я так резко оторвал голову от подушки, что боль пронзила висок. Значит, у моей болезни есть название? — Я думал, что просто схожу с ума.

Середит фыркнула.

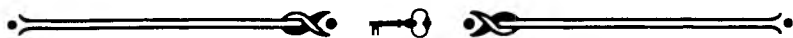
— Твой ум на месте, сынок. Кто сказал тебе такую ерунду? Нет, переплетная лихорадка — такая же болезнь, как любая другая. Что-то вроде временного помешательства.

Болезнь, обычная болезнь, как грипп, цинга или понос! Как мне хотелось в это верить. Я покосился на красные полосы на запястье. Чуть выше на руке виднелись круглые синяки, похожие на отпечатки пальцев. Я слотнул.

— Переплетная лихорадка? Но почему переплетная?

Она ответила не сразу.

— Этот недуг поражает лишь переплетчиков. Или тех, кто ими пока не является, но имеют задатки. Если у тебя есть дар, в голове иногда что-то не стыкуется. Думаешь, как я догадалась, что тебе суждено стать переплетчиком, причем не

самым плохим? Тут нечего стыдиться, сынок. Теперь, когда ты здесь, это пройдет.

— Неужели все переплетчики болеют?

— Не все, нет. — Струи дождя застучали в окно, и стекло задребезжало. Середит подняла голову, и я проследил за ее взглядом, но не увидел ничего, кроме серой пустоты болот и мокрой завесы тумана. — Однажды лихорадка чуть не унесла жизнь одной из величайших переплетчиц в истории, — продолжила она. — Маргарет Пэвенси. Она жила в Средневековье, была вдовой и переплела более двадцати книг — по тем временам немало. Несколько ее переплетов дошли до наших дней. Как-то раз я ездила в Холтби на них посмотреть. — Она снова взглянула на меня. — Мой старый учитель говорил, что лишь переболевшие переплетной лихорадкой становятся художниками и создают произведения искусства, а другие так и остаются простыми ремесленниками. Я думала, он шутит, но если он прав... из тебя получится хороший ученик.

Я коснулся синяков на руке, приложив к ним кончики пальцев. Ветер шелестел тростником на крыше, дождь хлестал в окно, но дом был крепким, с толстыми стенами, и древним, как скала. Значит, я болен переплетной лихорадкой; моя болезнь — не безумие и не слабость.

— Я принесу тебе суп. — Она встала, сунула катушку ниток и неподшитые страницы в карман фартука и подняла раму.

Я пригляделся.

— Это...

— Книга Люциана Дарне. Да. Это его книга.

Имя острым крючком вцепилось в мои внутренности и натянуло леску. Люциан Дарне, юноша, который меня

•═══════════• •═══════════• •═══════════•
ненавидит... Крючок вонзился глубже в плоть, и леска дернулась.

— А что за книга?

Середит взглянула на меня, но не ответила.

— Можно посмотреть? — попросил я.

— Нет. — Она прошагала мимо меня к двери.

Я попытался встать, но комната закружилась перед глазами.

— Я...

— Ложись в кровать.

— Я из-за него заболел, Середит? Или... кто он такой, почему...

— Он не вернется. О нем можешь не тревожиться.

— Откуда вы знаете?

Она отвела взгляд. Скрипнула потолочная балка, и дом вдруг показался хрупким, словно толстые стены были всего лишь галлюцинацией.

— Я принесу тебе суп, — повторила старая женщина и закрыла за собой дверь.

С тех пор Середит еще некоторое время запиралась в мастерской после обеда. Она не рассказывала, чем занималась, а я не спрашивал. Я знал, что она работает над книгой Люциана Дарне. Иногда, закончив дела, я прислонялся ухом к двери и погружался в полусон, одновременно подслушивая и грезя, пытаюсь уловить в услышанном смысл. Обычно за дверью царил свинцовая тишина, свойственная этому дому, который словно прислушивался вместе со мной. Казалось, дерево и штукатурка тоже наостригли уши, пытаюсь уловить хоть какие-то шумы в полной тишине. Но порой из-за двери доносились стук и скрежет, а однажды с гулким зво-

ном опрокинулся котел. Похолодало, и от неподвижности мои суставы затекали и болели, но закрытая дверь мастерской манила меня. Желание находиться там и ждать чего-то, что я не понимал, было мне ненавистно, но я не мог противиться любопытству, к которому примешивался страх. Это чувство было знакомо мне по ночным кошмарам, которые все еще преследовали меня, хоть я и начал поправляться.

Все чаще мне снились ясные, прозрачные сны, залитые солнечным светом, но когда кошмары возвращались, они были такими же пугающими, как прежде. К тому же теперь у моих страхов было лицо: лицо Люциана Дарне. С того самого дня, как я увидел его впервые, он снова и снова являлся мне в сновидениях. Эти горящие глаза... этот последний взгляд, брошенный на меня перед тем, как он скрылся за полуоткрытой дверью в глубине мастерской. Он садился за стол в тихой, ярко освещенной, но почему-то наводящей ужас комнате, и меня охватывала паника, потому что во сне за столом сидел не он, а я.

Сны пытались сказать мне о чем-то. Я не мог определить причину своего страха, но точно знал одно: то, чего я боялся, находится в запертой комнате в мастерской Середит. Когда я просыпался и не мог заснуть, я садился у окна, и холодный ночной воздух высушивал пот на моей коже. Я пытался понять, чего боюсь, но сколько бы ни размышлял об этом, сколько бы ни пытался разглядеть причину страха, не видел ничего, кроме Люциана Дарне и комнаты за полуоткрытой дверью, куда мне удалось заглянуть лишь мельком. В этой комнате что-то произошло, и теперь воспоминание об этом не давало мне покоя, просачивалось в мои сны, заставляя зубы стучать от страха.

Однажды вечером, когда я отчищал сковородку, а Середит готовила рагу, я снова спросил ее о Люциане. Она не

подняла головы, но пальцы ее дрогнули, и она выронила половину луковицы.

— Старайся не думать о нем, — проговорила она, тяжело наклоняясь.

— Но почему вы не хотите показать мне его книгу? Я учусь каждому шагу по отдельности, а думал, что должен...

Она сполоснула луковицу и продолжила резать.

— Середит! Когда вы начнете учить меня...

— Скоро ты узнаешь гораздо больше, сынок, — ответила переплетчица и прошла мимо меня в кладовую. — Но сперва тебе надо поправиться.

Шли дни, я окреп и стал почти таким же сильным, как до болезни, но она по-прежнему ничего мне не рассказывала.

Прошла осень, наступила зима. В монотонной, медитативной рутине нашей повседневной жизни — работа, еда, сон — я потерял счет времени. Дни катились, как колесо, полные повторяющихся дел. Часами я делал одно и то же: мраморировал бумагу, выделывал кожу или золотил обрез книжного блока, который мы использовали в качестве муляжа. Результаты моих усилий обычно оказывались в старой бочке, которую Середит приспособила под мусорную корзину. Лишь изредка, взглянув на то, что получилось, Середит велела оставить образец, и тогда мы убрали его в шкаф, где хранили под замком. Однако ничего из сделанного мной никогда не шло в работу. Я почти перестал задаваться вопросом, когда же стану хорошим мастером или увижу настоящую книгу. Наверное, Середит того и добивалась. В неподвижной тишине мастерской я научился сосредотачиваться на мелочах: тяжести па-

яльника в руке, скрипе пчелиного воска под подушечкой большого пальца, и это давало свои плоды.

Однажды я выглянул в окно и, к изумлению своему, увидел, что камыши присыпал тонкий слой снега. Я заметил, что в последнее время похолодало, но не придавал этому особого значения, лишь принял практические меры: передвинулся поближе к печи и стал работать в перчатках без пальцев. Теперь же я вдруг понял, что провел здесь уже несколько месяцев — почти четверть года. Не успеешь оглянуться, и наступит Завершение. Я глубоко вздохнул, и холодный воздух обжег легкие. Будем ли мы праздновать Завершение, и если да, то как — одни в болотной глуши? У меня защемило сердце, когда я представил своих родных в окружении хвои и оме-лы; они будут пить горячий эль с пряностями и поднимать кружки «за тех друзей, кого нет рядом»... Но Середит не упоминала о том, что мне можно будет поехать домой, а ведь если выпадет много снега, дороги станут непроходимыми.

С того дня, как в мастерской побывал Люциан Дарне, нас навещал лишь почтальон, приезжавший раз в неделю. Почтовая повозка останавливалась перед домом, почтальон заходил и выпивал с нами кружку горячего чая, а потом ехал дальше. Но как-то раз, через несколько недель после первого снега, тучи в тот день низко нависли над болотами, а воздух пропитался зловещей тишиной, я пригласил почтальона войти, но тот покачал головой. Передав мне стопку конвертов и бросив на пол мешок с припасами, он поспешил взобраться на козлы, где устроил себе гнездо из одеял.

— Вот-вот начнется снегопад, сынок. Теперь не знаю, когда вернусь. Может, только весной.

— Весной?

В просвете между шапкой и шарфом блеснул его ярко-голубой глаз.

— Ты здесь первый год, сынок, верно? Не переживай. Хозяйка твоя перезимовать умеет.

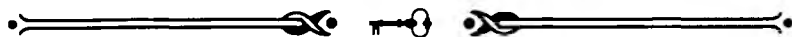
С этими словами он щелкнул языком, заставив лошадь тронуться с места, и поехал по нашей тропе к главной дорожке. А я, несмотря на холод, остался стоять на пороге и смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Если бы я знал... Я попытался вспомнить, о чем писал в письме родным, последнем, отправленном в этом году... Пришла бы мне в голову мысль, что до весны они писем от меня не получают, что бы я добавил? Пожелал бы им счастливого Завершения, пожалуй, и все. Отчасти я даже радовался, что дом остался так далеко, что я могу стоять здесь и ничего не чувствовать, словно на холоде онемели не только мои пальцы, но и сердце.

Продрогнув, я пошел в дом.

Почтальон оказался прав. В ту ночь начался снегопад; снег тихо просеивался, как мука из небесного сита, и к утру от дорожки остался лишь еле заметный росчерк на белой равнине. По утрам мне поручено было первым делом растапливать печь, но когда я вошел в мастерскую, то увидел Середит: она уже проснулась, растопила печь за меня и теперь сидела за своим верстаком, но не работала, а не сводила глаз с птицы, которая скакала за окном, оставляя на снегу тоненькие следы, похожие на буквы. Очевидно, смешивая клей, моя хозяйка просыпала муку, и белая горстка казалась снегом, налетевшим из окна.

— Я заварила чай. Подумай, нужно ли тебе что-нибудь? Я пишу список для следующего заказа в Каслфорде, — обратилась ко мне Середит.

— Но почтальон сказал, что не вернется до весны. — Замерзшие руки не слушались, и я чуть не пролил чай мимо чашки.

— Ох, Толлер — дурак. Рано еще для зимы. Снег растает за пару дней. — Она улыбнулась, а я невольно покосился на сугроб, заваливший дальнее окно наполовину. — Поверь, мой мальчик. Настоящие снегопады приходят в эти края лишь после Завершения. Еще есть время подготовиться.

Я кивнул. Значит, все-таки успею отправить письмо родным; но что мне им сказать?

— Сходи в хранилище и посмотри, чего нам не хватает. — Я взглянул на блестевшие на солнце сугробы, и по спине пробежали мурашки. — Да уж, будет холодно, — с насмешливо-сочувственным блеском в глазах добавила Середит. — Оденся потеплее.

В хранилище оказалось не так уж плохо. Мне пришлось двигать коробки, мешки и большие банки, и вскоре я вспотел так, что пришлось снять шапку. Бросив очередной мешок, я встал у дверного косяка, чтобы отдышаться. Взгляд упал на поленницу: хватит ли дров на зиму? Если нет, придется где-то искать еще... вот именно, что «где-то» — на бескрайних пустошах нет ни деревьев, ни сушняка.

Туча закрыла солнце, и в ушах засвистел ветер, точно кто-то вдаль точил нож. Начинался снегопад. Кажется, насчет оттепели Середит заблуждалась.

Пора было возвращаться к работе. Но мой взгляд упал на далекую точку на дороге; она ползла по бледной колее, занесенной снегом, словно застрявшее в белой краске насекомое. Точка была слишком далеко, и я не мог толком разглядеть, что это такое, но постепенно стал прорисовываться

силуэт лошади, едва ли не тонувшей в снегу. Наездник был толстым и горбатым. Хотя нет, на лошади сидели двое. Сперва мне показалось, что это дети, но потом я понял — нет, не дети. Две женщины: та, что сзади, сидела прямо, будто жердь проглотила, а та, что спереди, все время сползала вбок. Задолго до того, как я сумел разглядеть лица, до меня донеслись их голоса: отчаянные слова ободрения и тонкий горестный плач, который я сперва принял за ветер.

Лошадь остановились перед домом, и рослая женщина неуклюже спрыгнула в снег. Мне бы помочь, но вместо этого я стоял и смотрел, как она пытается подсобить подруге: уговаривает ее, тянет и, наконец, стаскивает с лошади, как тряпичную куклу. Пронзительные причитания продолжались, прерываясь икотой, — высокий плач, не похожий на человеческий. Спотыкаясь, обе женщины зашагали к крыльцу. Я успел увидеть огромные мутные глаза, спутанные длинные волосы и искусанные до крови губы, прежде чем нестройно зазвенели колокольчики на крыльце.

После яркого света казалось, что в хранилище за горами мешков притаились тени: они глазели на меня из полумрака. Но я не пугался их. Меня обуревали другие мысли: отправиться в путь по такому глубокому снегу не каждый решится, лишь крайняя нужда способна толкнуть на такой шаг. Они шли к переплетчице... Люциан Дарне тоже прибыл к нам в отчаянии. Но что может книга? Что может Середит?

Еще минута, и она откроет дверь. Проводит гостей в мастерскую, в запертую комнату...

Я пробежал через двор, обошел дом сбоку и проскользнул внутрь через заднюю дверь. В коридоре остановился и прислушался.

— Ведите ее, — раздался голос Середит.

— Я пытаюсь! — ответил запыхавшийся женский голос с сильным деревенским акцентом, даже сильнее, чем у меня. — Никак не могу ее затащить... Милли, да что же ты, пойдем!

— Она не хотела приезжать? Если она не согласится, я не смогу...

— О! — гостья коротко и горько усмехнулась. — Хотела, будьте покойны. Она умоляла меня поехать даже в такой снегопад. А потом на полпути вдруг обмякла и начала выть, не умолкая...

— Ясно, — спокойно ответила Середит.

Плач продолжался, прерывистый и дрожащий, как струйка воды.

— Иди сюда, Милли. Зайди в дом. Я тебе помогу. Вот так, умница. Теперь другую ногу. Молодец...

Похожим тоном переплетчица говорила со мной, когда я впервые приехал сюда. Я повернул голову и стал разглядывать противоположную стену. Ветром нанесло снега, и тот налип на грубую штукатурку зернистой тонкой коркой, напоминая кристаллы соли.

— Так-то лучше. Умница...

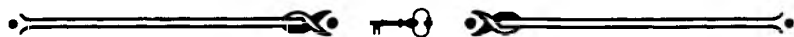
Мой отец обычно утихомиривал беспокойную лошадь таким голосом.

— Ох... — голос первой женщины треснул. — Она совсем обезумела. Помогите ей, прошу.

— Только если она сама попросит. Ну вот, Милли. Я тебя держу.

— Она не может попросить. Ее покинул разум.

— Отпустите ее. — Последовала пауза, и плач начал стихать. Подруга Милли, или кем там она ей приходилась, фыр-

кнула, а Середит мягко добавила: — Вы сделали все возможное. Позвольте теперь мне позаботиться о ней.

Я услышал шаги в доме: знакомую поступь Середит, легкий шаг первой женщины и тяжелое шарканье, от которого у меня волосы на голове встали дыбом.

Дверь мастерской захлопнулась, и я закрыл глаза. Теперь они дойдут по истертым половицам до запертой двери. Середит снимет ключи с пояса и повернет их в замках. Мне показалось, я услышал, как дверь отворилась и затворилась снова. Но, может, я ошибся, может, это стучало в ушах мое собственное сердце.

Что бы ни происходило сейчас за этой дверью, оно касалось женщины, похожей на раненого зверя.

Я не хотел знать, что там творится. Заставил себя вернуться в хранилище, где у меня по-прежнему было полно работы. Время пролетело незаметно: когда я поставил на место последний мешок и нацарапал мелом на стене итоговые подсчеты, солнце клонилось к закату. Весь день я не ел и не пил. Плечи болели, но не сказать, чтобы так уж сильно.

Когда я вошел в мастерскую, там было серо и темно. Окна припорошило снегом.

Услышав чье-то громкое «Ой!», я вздрогнул от неожиданности. В мастерской сидела женщина — не обезумевшая, нет, а та, что привела ее, покрепче. Вот же глупец, в потайной комнате нужно находиться один на один с переплетчицей, и Середит, разумеется, велела второй гостье подождать за дверью. И чего я испугался?

— Ты кто? — спросила гостья. На ней было бесформенное голубое платье из домотканой ткани, веснушчатое ли-

цо обветрилось, но она говорила со мной, как хозяйка с прислугой.

— Ученик переплетчицы.

Женщина смерила меня настороженным враждебным взглядом, точно это я проник в ее дом, а не наоборот. Она сидела у печки и пила из моей кружки; тонкая струйка пара поднималась вверх и растворялась в воздухе.

— Ваша... подруга, — спросил я, — она все еще там?

Гостья отвела глаза.

— Зачем вы привели ее сюда?

— Это ее дело.

Нет же, хотелось сказать мне, нет, я не это имел в виду. Что с ней такое? Зачем вы привезли ее сюда, к нам в мастерскую, и что такого Середит может сделать, чего другие не могут? Но женщина отвернулась, явно не желая отвечать.

Я сел, взял банку с мучным клеем и стал искать в ящике чистую кисть. Нарезал форзацев и был готов их клеить; эта работа не требовала сосредоточения, я мог делать ее, слушая безмолвный гул, доносящийся из запертой комнаты.

Но я заметил, что сейчас она не заперта. Если бы я подошел и повернул ручку, дверь открылась бы. И что бы я там увидел?

С кисти на верстак упал комок густого клея, будто кто-то плюнул на стол из-за моего плеча. Женщина теперь ходила по мастерской взад-вперед; когда она разворачивалась, каблуки цокали об пол. Я не сводил глаз со своей работы, грязной тряпкой вытирая остатки клея.

— Она умрет?

— Что? — не понял я.

— Милли. Моя подруга. Не хочу, чтобы она умерла. — По ее голосу я понял, что ей стоило большого труда произнести эти слова вслух. — Она не заслужила смерти.

Я старался не смотреть на нее, но она подошла совсем близко. От нее шел запах мокрой шерсти и старых сёдел. Опустил я глаза, я смог бы увидеть подол ее юбки из выцветшего голубого полотна, запачканный брызгами грязи. — Прощу, скажи, что я не права. Я слышала, что иногда люди умирают после прихода сюда.

— Нет.

Мое сердце перевернулось. Я же не знал, как бывает на самом деле.

— Ты лжешь, — хрипло ответила она и резко отвернулась. — Я не хотела ее приводить. Но она совсем отчаялась. Я ей сказала — зачем тебе к старой ведьме, зачем? Ты же знаешь, что это к добру не приведет — якшаться со злом, ты просто держись, не сдавайся. Не надо было... — Она спохватилась, поняв, что разговаривает очень громко, но через секунду продолжила: — Но сегодня она вконец обезумела, и я не выдержала. Вот и привезла ее в это ужасное место, и она сидит там уже... — Ее голос задрожал и затих.

— Но вы же сказали... вы же сами попросили Середит ей помочь, — я прикусил язык.

Но она, кажется, не услышала меня и, естественно, не знала, что я подслушивал в коридоре.

— Я просто хочу вернуть мою славную Милли, хочу, чтобы она снова была счастлива. Даже если ради этого ей придется продать душу. Даже если это сделка с дьяволом, мне все равно; что бы ни делала старая зараза, пусть делает! Главное, чтобы моя Милли вернулась к нам. Но если она там умрет...

Сделка с дьяволом. Неужели Середит занимается такими делами? Старая ведьма...

Я попытался наложить цветную бумагу на белую, но наложил неровно. Неуклюжие руки, проклятая дрожь! *Даже если ради этого ей придется продать душу.* Какое отношение сделки с дьяволом имеют к книгам? При чем тут бумага, кожа и клей?

Солнце выглянуло из-за плотных туч. Его свет напоминал розоватую дымку. В глазах защипало, и на долю секунды мне показалось, что я увидел контур, темный силуэт мальчика на фоне ослепительного сияния. Потом солнце ушло, и силуэт пропал. Я поморгал, прогоняя рефлекторно выступившие слезы, и взглянул на результаты своего труда сквозь остаточный образ, отпечатавшийся на сетчатке. Бумага сморщилась, и я к тому же дал ей засохнуть; когда я попытался отклеить ее, она порвалась. Придется начинать сначала... Вздыхнув, я провел пальцем по липкому белому шраму, прорезавшему форзац с узором из перьев.

— Прости, я не хотела... — Женщина подошла к окну. Когда она взглянула на меня, ее глаза были в тени, но в голосе слышалась мольба. — Не знаю, что на меня нашло, наговорила всякого. Я не хотела, прошу, не сердись. И, пожалуйста, ничего не рассказывай переплетчице. Прощу тебя.

Я не ответил ей. Нарезал бумагу. Смешал клей. Проклеил листы, сложил, сунул в пресс, повесил сушиться. Действовал как во сне, но почему-то на сей раз у меня все получалось. Очнувшись от забытья, я обнаружил, что в комнате почти темно; стопка промазанной клеем бумаги ждала отправки под пресс. Я словно пробудился ото сна.

Раздался звук отворяющейся двери. Затем голос Середит, сухой, как камень, произнес:

— На печи чайник. Принесите его.

Я замер, но она обращалась не ко мне. Она даже не смотрела в мою сторону; она меня не видела. Моя хозяйка терла глаза и выглядела вымотанной, бесконечно уставшей.

— Ну что вы копаетесь, — поторопила она, и рослая гостья бросилась к ней, расплескивая воду и звякая чашками.

— Как Милли? В порядке?

— Не задавайте глупых вопросов, — нахмурилась Середит и тут же добавила помягче: — Скоро она будет готова к вам выйти. И сразу уезжайте, чтобы успеть до снегопада.

Дверь закрылась. Повисла тишина. Горсть снежинок ударила в окно, словно птица задела крылом. Значит, оттепели все-таки не случится.

Через некоторое время дверь открылась снова. Мне стоило больших усилий не повернуться и не посмотреть.

— Пойдем, милая. — Середит вывела девушку из комнаты; та теперь была спокойна и не причитала, как раньше.

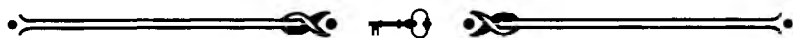
Подруги обнялись, женщина, с которой я разговаривал, от облегчения рассмеялась и тут же заплакала.

— Милли, — повторяла она снова и снова, пока Середит тщательно запирала дверь на три замка.

Живая. И уже явно не безумная. Ничего ужасного не произошло. Или все-таки произошло?

— Хвала небесам — да вы только посмотрите на нее, здоровенькая! Спасибо вам...

— Отвезите ее домой, и пусть отдохнет. Постарайтесь не говорить с ней о случившемся.

— Нет, разумеется... не стану... Милли, дорогая, мы едем домой.

— Да, Гита. Домой... — Девушка убрала со лба спутанные волосы. Осунувшееся грязное лицо было красивым. — Да, я хочу домой. — Ее голос был надтреснутым.

Гита — теперь я знал, что ее так зовут, — взяла подругу за руку и повела к выходу.

— Спасибо, — снова поблагодарила она Середит, державшись на пороге. Милли стояла неподвижно, лицо ее казалось каменным, как у статуи. Я нервно сглотнул. Что-то недоброе было в этом спокойствии. У меня волосы встали дыбом. Я просто сердцем чуял: что-то здесь не так.

Половица под моей ногой скрипнула, и Милли вдруг посмотрела на меня. На мгновение наши взгляды встретились, и я увидел в ее взгляде пустоту.

Женщины ушли, дверь в мастерскую закрылась. Секунду спустя я услышал, как отворилась и захлопнулась входная дверь. Дом погрузился в привычную тишину, которая стала еще глуше из-за снега.

— Эмметт? — окликнула меня Середит. — Что ты здесь делаешь?

В сумерках мои инструменты казались оловянными, серебристый мазок клея на верстаке поблескивал, как след улитки. Стопка готовых форзацев переливалась всеми оттенками серого: пепельно-розовым, пепельно-изумрудным, пепельно-голубым.

— Я, кажется, просила проверить запасы.

Сильный порыв ветра сыпанул в стекло горсть мелкого снега; сквозняк качнул натянутую проволоку над моей голо-

вой. На ней висела бумага: темные крылья, сухие и пыльные; больше страниц, чем нам когда-либо удастся переплести.

— Я проверил. И нарезал новых форзацев.

— Что? Зачем? Нам не нужны...

— Не знаю. Наверное, потому, что я умею это делать...

Я огляделся. На полке лежали свернутые рулонами переплетные ткани, сложенные поленницей, как бревнышки, темные и мрачные в полумраке. В нижнем шкафу мы хранили сафьян, шкатулку с кожаными обрезками, флакончики с краской. А рядом, в шкафчике со сломанной дверцей — надо бы починить защелку, дверь все время распахивалась, — тускло поблескивали ящики с инструментами; маленькие изящные рукоятки торчали наружу. Листы сусального золота бледными языками свисали с полок. В торце мастерской располагались прессы, еще один длинный верстак, резак, обрезные тиски.

— Не понимаю, — сказал я, — столько инструментов — и все, чтобы украсить книги, которые вы даже не продаете.

— Книги должны быть красивыми, — ответила Серадит. — Неважно, что их никто не видит. Это способ почтить человека... что-то вроде ценных предметов, которые помещали в гробницы в прежние времена.

— Но ведь настоящее переплетное дело — то, чем вы занимаетесь в запертой комнате, верно? Вы там делаете книги для людей. Но как?

Она шевельнулась, но когда я взглянул на нее, снова стояла неподвижно.

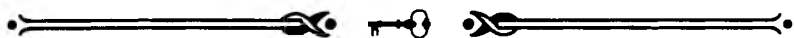
— Эмметт...

— Я никогда не видел...

— Скоро увидишь.

— Вы все время твердите...

— Не сейчас! — Она зашаталась и села на стул у печи. —
Прошу, Эмметт, не сейчас. Я устала. Ты даже представить не
можешь, как я устала.

Я прошел мимо нее к запертой двери и провел ладонью
по трем запертым замкам. Сделать это оказалось непросто.
Мне так хотелось отдернуть руку, что заболело плечо. За мо-
ей спиной стул Середит царапнул по полу — она поверну-
лась и смотрела на меня.

Я не шевельнулся. Казалось, стоит подождать, и страх
уйдет; тогда я буду готов. Но он не ушел. А под ним, подобно
болезни, о которой я и не подозревал, таилась черная печаль,
чувство утраты столь сильное, что хотелось рыдать.

— Эмметт.

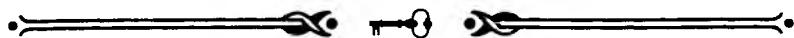
Я развернулся и вышел.

В последующие несколько дней мы не говорили о случив-
шемся, а обсуждали лишь домашние дела и погоду, взвешива-
вая каждое слово, как люди, ступающие по тонкому льду.

IV

Мне снился огонь. Открыв глаза, я заморгал, отгоняя по-
лыхающий красный свет. Я был во дворце, в огненном лаби-
ринте; меня окружали языки пламени, высокие и раскален-
ные, и нечем было дышать. На миг мне показалось, что
в горле все еще першит от дыма, но в комнате было темно, и,
сделав полный вдох, я ощутил тонкий металлический запах
снега. Я сел, потирая глаза.

Стук. Вот что меня разбудило: снаружи кто-то настойчи-
во колотил в дверь. Колотил и кричал. Колокольчики звене-
ли беспрестанно, как сигнал тревоги.

С трудом заставив себя встать, я натянул брюки. Половицы холодили босые стопы, но я не стал надевать обувь. Шагнул в коридор, на минуту задержался там и прислушался. Мужской голос кричал, запыхавшись:

— Я знаю, ты там! — Дверь дрожала в раме. — Выходи, или я разобью твои чертовые окна. Немедленно выходи!

Кулаки сжались. Дома отец взял бы винтовку, распахнул дверь, и стоявший за ней сразу бы попятился и умолк. Но я был не у себя дома, и винтовки у меня не было.

Я вышел в коридор и постучал в дверь комнаты Середит.

— Середит? — Ответа не было. Толкнув дверь, я огляделся, пытаюсь понять, где ее кровать. В эту комнату я еще никогда не заходил. — Середит, кто-то стоит на пороге. Вы спите?

Тишина. Присмотревшись, я увидел бледную гору смятых подушек и сбившихся простыней. Кровать. Середит в кровати не было.

— Середит? — снова окликнул я.

Во тьме послышалось бормотание. Я обернулся. Переpletчица скрючилась на стуле в углу, закрыв руками голову, словно боялась, что обрушатся небеса. Глаза были открыты и сверкали в темноте. Мертвенно-бледное лицо, казалось, парило в воздухе отдельно от тела.

— Середит, кто-то стучит в дверь. Мне открыть? Что происходит?

— Они пришли за нами, — пробормотала она. — Пришли, я знала, что этим все закончится. Крестоносцы...

— Я вас не понимаю. — Мой голос дрогнул, и я крепче сжал кулаки. — Мне открыть? Вы будете говорить с тем, кто пришел?

— Крестоносцы... они пришли нас сжечь, убить нас... и бежать некуда, но можно спрятаться, укрыться в подвале; только книги не бросай, умри, если придется, но не бросай книги...

— Середит, прошу! — Я упал перед ней на колени, и наши глаза оказались на одном уровне. Аккуратно отодвинув ее руку, я попытался освободить ее ухо, чтобы она слышала. — Я не понимаю вас. Вы хотите, чтобы я...

Она отпрянула.

— Кто... прочь от меня, прочь! Кто... кто... кто...

Я качнулся назад и чуть не потерял равновесие.

— Это я! Середит, это я, Эмметт.

Тишина. Стук прекратился. Мы смотрели друг на друга в плотной зернистой темноте. Я слышал ее хриплое дыхание, и свое тоже. Внизу раздался звон разбитого стекла.

— Эй! — крикнул ночной гость. — Иди сюда, старая карга!

Переплетчица вздрогнула и вскочила. Я попытался взять ее за руку, но она забилась в угол комнаты, лихорадочно вжалась в стену, царапая штукатурку. Лицо блестело от пота, полуоткрытый рот исказился в гримасе. Еще секунду назад она знала, кто я, но теперь смотрела мимо; губы ее дрожали, и я не смел снова прикоснуться к ней.

Она сама схватила меня за рубашку и потянула. Я чуть не упал.

— Середит, пожалуйста... — Я стал отгибать ее пальцы по одному; они были тонкими и влажными от пота, и я боялся их сломать. — Пожалуйста, отпустите меня. Я должен...

Вероятно, я дернул слишком сильно, переплетчица вскрикнула. Но боль привела ее в чувство: она встряхнула рукой, и взгляд прояснился.

— Эмметт, — пробормотала она.

— Да.

— Мне приснился кошмар. Помогите мне снова лечь.

— Ничего. Я пойду к нему. А вы оставайтесь здесь.

На трясущихся ногах я вышел в коридор.

Теперь, когда стекла в окне не было, голос мужчины звучал отчетливее.

— Я тебя оттуда выкурю! Выходи и поговори со мной, ведьма!

Не знаю, как я дошел и как открыл тяжелый засов на входной двери, но я это сделал. Стоявший на крыльце попятился, опешив. Он оказался меньше ростом и тщедушнее, чем я представлял; у него было заостренное крысиное лицо. За ним виднелось несколько темных фигур; у кого-то в руках полыхал факел. Значит, запах дыма мне не почудился.

Мужчина выпятил грудь и приблизился, держась так, будто мы с ним были одного роста, хотя ему пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— А ты кто такой?

— Ученик, как вы говорите, ведьмы. А кто вы такой, хотелось бы знать?

— Позови ее!

— Что вам нужно?

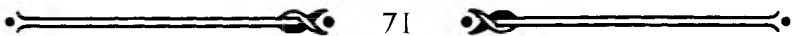
— Моя дочь! Хочу ее вернуть.

— Ваша дочь? Ее здесь нет. Здесь только я и... — Я осекся.

— Не умничай мне тут. Ты знаешь, о чем я. Доставай ее книгу и неси сюда, сию же минуту. Или мы...

— Или вы что?

— Или мы сожжем этот дом дотла. И все, что в нем.

— Оглянитесь. Снег идет уже сутки. Эти стены три фута толщиной. Вы же не думаете, что одного факела хватит, чтобы поджечь такой дом? Почему бы вам и вашей любительской армии...

— Ты нас за дураков держишь, да? — Он кивнул своему приятелю, и тот с ухмылкой подтащил накрытое ведро. Жидкость расплескалась, я унюхал масло. — Думаешь, мы притащились сюда с пустыми угрозами? Поверь, сынок, я не шучу. Я абсолютно серьезен. А теперь неси книгу.

Я сглотнул комок. Стены в доме действительно были толстые, и тростниковую крышу завалило снегом, но я видел, как горел амбар на ферме Грейтсов однажды зимой, и знал, что стоит пламени разгореться...

— Я не знаю, где книга. Я...

— Ступайте домой, — раздался голос Середит за моей спиной.

— Это она, — заголосил кто-то. — Старуха! Это она!

Лицо мужчины исказил гнев.

— Не приказывай мне, старуха. Ты слышала, что я велел твоему... кем бы он ни был. Мне нужна книга моей дочери. Она не имела права приезжать сюда.

— Имела полное право.

— Безумная старая кляча! Она улизнула из дому без моего позволения, а вернулась наполовину пустая. Смотрит на меня и не понимает, кто я такой!

— Такой выбор она сама сделала. Все, что произошло, — ее личный выбор. Если бы вы не...

— Заткнись! — Он дернулся вперед, и, не стой я между ними, он мог бы ее ударить. Из рта его пахло кислым пивом и другим, более крепким алкоголем. — Знаю я вашу бра-

тию. Еще не хватало, чтобы вы продали книгу моей дочери какому-нибудь...

— Я не продаю книги, а храню их в безопасном месте. А теперь уходите.

Последовало молчание. Кулаки мужчины сжимались и разжимались, как клешни. Он оглянулся через плечо, словно искал поддержки у соратников.

Пламя факела затрепетало. На мгновение я ощутил влажное дуновение ветра на своей щеке, запах дыма пропал; затем ветер стих, и пламя с треском устремилось вверх.

— Ладно, — произнес зачинщик, — не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. — Он взял ведро с маслом из рук другого мужчины и поднялся на крыльцо, ступая тяжело и неуклюже. — Эта книга должна сгореть. Не принесешь ее мне — я спалю твой дом и книгу заодно.

Я попытался рассмеяться.

— Что за глупость!

— Я вас предупредил. Вы бы лучше вышли.

— Посмотрите на нас — старуха и ее ученик! Вы же не можете...

— Еще как могу.

Я вцепился в дверной косяк. Кровь пульсировала в пальцах так отчаянно, что казалось, рука вот-вот соскользнет. Перевел взгляд на Середит. Побелев, та смотрела на ночного гостя; белые волосы рассыпались по плечам. Если бы я увидел ее впервые, то и впрямь решил бы, что она ведьма.

Она тихо сказала что-то, я не расслышал.

— Прошу вас, — взмолился я, — это же просто старая женщина, она не сделала ничего плохого. Что бы ни случилось с вашей дочерью...

— Что бы ни случилось? Да ее переплели, вот что случилось! А ну, убирайся с дороги, или, клянусь, я сожгу тебя со всем остальным в этом чертовом доме!

Он кинулся ко мне и потащил за порог. Я сделал несколько шагов, удивленный силой его хватки, но мне все же удалось выбросить руку вперед и оттолкнуть его. Зашатавшись, я потерял равновесие, и тут же кто-то схватил меня сзади. Державший факел, размахивал им передо мной, как перед диким зверем. Жар опалил мне щеки, слезы обожгли глаза, и я заморгал.

— И ты, — закричал мужчина в открытую дверь, — ты тоже выходи! Выходи, и мы не причиним тебе зла.

Я попытался оттолкнуть того, кто крепко держал меня.

— То есть вы просто оставите нас здесь, в снегу? До ближайшей деревни десятки миль. Она же старуха!

— Замолчи! — Он повернулся ко мне. — Я и так слишком добр. Мог бы и не предупреждать.

Мне захотелось его удушить. Я заставил себя глубоко вздохнуть.

— Послушайте, так нельзя. Вас могут депортировать. Подумайте, чем вы рискуете.

— Депортировать за то, что сожгли дотла дом переплетчицы? Да не меньше десятка моих друзей готовы присягнуть, что я всю ночь провел в таверне. А теперь тащи сюда старую ведьму, пока та не прокопtilась, как селедка, со всем остальным добром.

Входная дверь захлопнулась. Задвинулся засов.

Вдруг с крыши закапал ручеек растаявшего снега, словно там, наверху, скопилась влага и вылилась через край. Ветер

налетел и снова стих. Но я, кажется, услышал, как он ноет в разбитом окне. Я слотнул и позвал:

— Середит?

Она не отозвалась. Я рванулся из рук державшего меня мужчины. Тот отпустил меня без борьбы.

— Середит, пожалуйста, откройте дверь. — Я заглянул в разбитое окно с торчавшими обломками стекла. Старуха сидела на лестнице, как ребенок, скрестив лодыжки. Она даже не взглянула на меня. — Середит? Что вы делаете?

Она что-то пробормотала себе под нос.

— Что? Я не слышу. Прошу, впустите меня.

— Довольно. Ведьма хочет на костер. — Мне показалось, что голос мужчины дрогнул, как будто он храбрился напоказ, но когда я взглянул на него, он широко улыбнулся гнилыми зубами. — Старая карга сама сделала выбор. А теперь прочь с дороги. — Он подался вперед и плеснул масло на стену прямо у моих ног. В нос ударил густой запах.

— Не смейте! Так нельзя! Умоляю...

Он продолжал улыбаться, не мигая.

Я бросился к окну и выбил кулаком оставшиеся обломки стекла, но проем был слишком узким; я не мог в него пролезть.

— Середит, выходите! Они сейчас подожгут дом! Умоляю!

Она не шевельнулась. Я подумал, что она меня не слышит, но ее плечи слегка дрогнули, когда я прокричал «умоляю».

— Вы не можете поджечь дом, зная, что она внутри! Это убийство! — хриплым высоким голосом выпалил я.

— Не путайся под ногами, парень.

Масло плеснуло мне на брюки. Вылив остатки на боковую стену, мужчина отошел. Другой, с факелом, ждал коман-

ды; на лице его застыло искреннее любопытство, как у мальчишки.

Может, у них ничего и не выйдет? Может, снег на крыше затушит пламя или стены окажутся достаточно отсыревшими? Но Середит слишком стара и может умереть от удушья, находясь внутри.

— Эй, Болдуин. Принеси-ка еще ведро. С того края по-
льем. — Мужчина указал на торцевую стену.

— Пожалуйста, не надо! Не делайте этого!

Я понимал, что зря их уговариваю. Развернувшись, бросился к двери и стал бить в нее кулаками.

— Середит! Откройте дверь. Проклятье, откройте же эту чертову дверь!

Меня схватили за воротник и оттащили. Я закашлялся и чуть не упал.

— Не подпускайте его. Вперед.

Державший факел зарычал и шагнул к дому. Я тщетно пытался вырваться. Лопнул шов на рубаше, и я чуть не повалился в пространство между пламенем и дверью. Сильный запах масла ощущался на языке. Масло пропитало мои брюки, запачкало ладони; я мог вспыхнуть от малейшей искры. Пламя факела замелькало перед глазами: плюющееся, когтистое, языкастое.

Пятясь, я уперся в дверь. Идти было некуда.

Мужчина поднял факел, как посох, и, чуть наклонив, поднес к моему лицу. Затем опустил. Пламя трепыхалось, почти касаясь стены; оно было так близко, что я мог до него дотянуться.

— Нет.

Мой голос был чужим. Кровь поднялась и запела в висках, как полноводная бурлящая река, — так громко, что я перестал слышать свои мысли.

— Сделаешь это, и я прокляну тебя, — проговорил я, и во внезапно наступившей тишине мне почудилось, будто к моему голосу примешивается еще один, идущий из самых глубин моего существа. — Убьешь огнем — сам умрешь от огня. Будешь жечь ненавистью — сам сгоришь.

Никто не пошевелился.

— Сделайте это, и кровь с пеплом навек запятнают ваши души. Чего бы вы ни коснулись, все посереет и увянет. Кого бы вы ни коснулись, тот заболеет, лишится рассудка или умрет.

Послышался звук: далекий, слабый, словно что-то приближалось. Но голос не желал замолкать.

— Вы закончите свои дни всеми презираемые, одинокие, — продолжал я. — Вам не будет прощения.

Вокруг меня, как круги на воде, разливалась тишина, заглушая шипение ветра и глухой рокот пламени. Потом эту тишину разбил звук, похожий на шум листопада или треск разошедшегося дерева.

Мужчины неотрывно смотрели на меня. А я в свою очередь посмотрел в глаза каждому, но это был не я — сквозь меня смотрел кто-то другой, обладатель голоса.

Я поднял руку решительным жестом пророка.

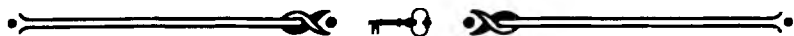
— Ступайте.

Зачинщик заколебался. А тихий шорох, который я принял за шум листопада, усилился, превратился в барабанную дробь, затем в шипение и, наконец, в рев.

Дождь.

Он лился сплошной стеной, внезапный, как атака из засады.

Дождь ослепил меня, за считанные секунды промочил волосы и одежду до нитки. Ледяная вода бежала по затылку и прыснула из носа, когда я стал потрясенно отфыркиваться.

Мужчина сунул факел под крышу, но налетевший ветер плеснул на пламя дождем, и оно погасло.

Я наклонил голову, пытаясь отдышаться; струи дождя лупили меня нещадно. Раздались крики — несколько испуганных, сдавленных воплей — и звуки спотыкающихся шагов в темноте.

— Он вызвал дождь! К черту старуху, пошли отсюда... Колдун!

Вода застала глаза, и я увидел лишь смутные тени, бежавшие прочь и исчезающие во тьме, словно призраки. Они звали друг друга, откликались и чертыхались, спотыкались, падали и снова поднимались на ноги. Затем до меня донеслось далекое ржание лошадей, и шум стих.

Я промок насквозь. Болото за домом шипело и рокотало под струями дождя. Тростниковая крыша вела собственную песнь; ветер гудел в разбитом окне. Пахло глиной, камышами и талым снегом.

Меня пробрала дрожь, и я подался вперед, словно готовясь к схватке с невидимым противником. Справившись с ознобом, сморгнул воду с ресниц и сдул струйки дождя с верхней губы. Тьма рассеялась, предметы обрели дрожащие серебристые очертания: амбар, дорога, зонти.

Я развернулся и заглянул в окно. Мне все еще было страшно поворачиваться спиной к бескрайней пустоте, где была дорога, хотя я слышал, как мужчины уехали. Волоски на шее встали дыбом.

— Середит? — тихо позвал я. — Никого нет. Впустите меня.

Видел ли я ее на самом деле или мой мозг вообразил, что призрачное пятно в темноте — это она? Протер глаза и попытался разглядеть контуры ее фигуры. Переплетчица никуда не делась: так и сидела на лестнице. Я попытался просунуть голову в окно, держась подальше от торчащих осколков.

— Середит, опасность миновала. Откройте.

Она не шевельнулась.

Не знаю, долго ли я там стоял, повторяя одно и то же, словно пытался приманить испуганное животное. Мой голос слился с шепотом дождя. От холода я впал в подобие полусна, где сам был и болотом и домом, но вместе с тем остался собой; я обратился в скользкое мокрое дерево, в вязкую глину... Когда наконец она отодвинула засов, я совсем заду-bel и не сразу смог пошевелиться.

— Ну заходи же, — произнесла Середит.

Прихрамывая, я зашел в дом и встал в коридоре. Вода текла с меня ручьем. Середит рылась в буфете; я слышал, как она несколько раз чиркнула спичкой, пытаясь зажечь лампу. Я подошел и тихонько отобрал у нее коробок. От моего прикосновения мы оба вздрогнули. На нее я осмелился взглянуть, лишь когда пламя разгорелось и я накрыл его стеклянным колпаком.

Она дрожала, волосы сваялись в колтуны, но по слабой улыбке я понял: старуха узнала меня.

— Середит...

— Знаю, сынок. Пойду-ка я прилягу, иначе ждет меня могила.

Я кивнул, хотя собирался сказать совсем другое.

— И ты тоже ложись, — сказала она и поспешно добавила: — Они точно уехали?

— Да.

— Вот и отлично.

Мы замолчали. Она глядела на лампу, и в мягком свете ее лицо казалось совсем юным. Наконец она произнесла:

— Спасибо, Эмметт.

Я не ответил.

— Если бы не ты, они бы спалили дом.

— Но почему вы...

— Когда они стали колотить в дверь, я очень испугалась. — Середит замолчала, шагнула к лестнице и обернулась. — Когда они пришли, мне снился сон... Я решила, что это крестоносцы. Последний крестовый поход закончился шестьдесят лет назад, но я помню, как они пришли за нами в прошлый раз. Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. И мой учитель...

— Крестовый поход?

— Неважно. Те дни давно в прошлом. Остались лишь шайки крестьян то тут, то там, которые ненавидят нас и готовы убить... — Она горько усмехнулась. Прежде я никогда не слышал, чтобы моя хозяйка говорила о крестьянах с таким презрением.

Тут что-то внутри меня щелкнуло.

— Но они не хотели нас убивать, — в раздумье проговорил я. — Они пришли сжечь дом.

Последовала пауза. Пламя затрепыхалось, и я не видел, изменилось ли ее лицо.

— Зачем вы заперлись в доме, Середит?

Она схватилась за перила и начала подниматься по лестнице.

— Середит, — мне так хотелось остановить ее, что у меня заныли руки, — вы же могли погибнуть. Я мог погибнуть, пытаюсь вызволить вас из дома! Зачем вы заперлись?

— Из-за книг, — ответила она, повернувшись так резко, что я испугался, как бы она не упала. — А ты как думаешь? Книги должны быть в безопасности.

— Но...

— А если книги сгорят, вместе с ними сгорю и я. Понимаешь?

Я покачал головой.

Старуха долго и пристально смотрела на меня и, кажется, хотела добавить что-то еще. Но потом ее пробрала сильная дрожь, и ей пришлось крепче ухватиться за перила. Когда дрожь прошла, она выглядела смертельно усталой.

— Не сейчас, — хрипло выдохнула она, словно в легких у нее не осталось воздуха. — Доброй ночи.

Переплетчица поднялась по лестнице и скрылась в своей спальне. В разбитое окно лил дождь, барабания по полу, но мне было все равно.

Голова кружилась от усталости, я закрыл глаза и увидел шипящее пламя, протягивающее ко мне свои когти. Шум дождя расслоился: вода глухо разбивалась о тростниковую крышу, свистел ветер, слышались человеческие голоса. Я знал, что они мне только чудятся, но различал отдельные слова, словно все, кого я когда-либо знал, окружили дом и хором зывали ко мне. «Мне надо отдохнуть», — сказал я себе, но спать не хотелось. Больше всего на свете я не хотел оставаться сейчас в одиночестве, но выбора у меня не было.

Нужно согреться... Будь рядом мама, она бы закутала меня в одеяло, обняла бы и грела, пока я не перестану дрожать, а потом напоила бы горячим чаем с бренди, уложила в постель и посидела бы рядом. Накатила знакомая тоска по до-

му; я пошел в мастерскую и растопил печь. На улице еще по-светлело: трещинка между тучами и горизонтом окрасилась в более светлый оттенок серого, чем остальной мир. Я не успел заметить, как наступило утро.

И вдруг осознал, что спас Середит жизнь.

Я заварил чай и выпил его. Пламя, пляшущее перед глазами, стало прогорать. Голоса стихли, дождь почти прекратился. Щелкали и потрескивали дрова в печи, пахло теплым металлом. Я сел на пол, прислонился к шкафчику и вытянул ноги перед собой. С этого ракурса и в этом свете мастерская напоминала пещеру, загадочную и тревожную; винты и рукоятки прессов превратились в причудливые скалы. Тень резака на стене напоминала лицо. Я огляделся и на секунду преисполнился сильнейшей радости из-за того, что мне удалось все это спасти: мою мастерскую, мои вещи, мой дом.

И тут я заметил, что дверь в глубине мастерской приоткрыта.

Я моргнул. Сперва я решил, что это игра света, темная тень у порога. Поставив кружку с остывшим чаем, наклонился вперед и увидел щель между дверью и косяком. Дверь была слева от печи — не та, что вела в комнату, куда Середит отводила гостей, а другая, за которой скрывалась тьма.

Я чуть не захлопнул ее. Мог бы захлопнуть и оставить закрытой, но не запертой, а потом лечь спать. Я почти так и сделал. Даже вытянул ногу, но вместо того чтобы толкнуть дверь, поддел ее и распахнул.

Пустая полка сбоку и ступени, ведущие вниз. Все это я уже видел мельком. Эта комната была совсем не похожа на другую и залитую светом, но я почувствовал тот же холод и смутное ощущение тревоги.

Я выпрямился и потянулся за лампой. Сон как рукой сняло. От нервного напряжения по спине забегали мурашки, кончики пальцев покалывало. Оставив дверь широко открытой, я стал спускаться в темноту.

Пахло сыростью. Это первое, что я заметил: густой, глинистый запах гниющих камышей. Сердце ускорило бег, и я остановился на лестнице. Для книг сырость так же опасна, как огонь; от нее морщится и плесневеет бумага, размокает клей. Запах сырости тот же, что у старости и смерти; я боялся его. Но когда я миновал последний виток спиральной лестницы, моему взору не открылось ничего необычного. Передо мной была маленькая комнатка со столом и шкафами, метлой и ведром в углу; свет лампы выхватил сундук с ярлыком писчебумажной лавки. Я чуть не рассмеялся. Обычный чулан, только и всего. В дальнюю стену — хотя не такая уж она и дальняя, всего в паре шагов от меня, — была вмурована круглая бронзовая табличка, похожая на массивное колесо, но в то же время изящная, украшенная резьбой. Вдоль других стен до самого потолка громоздились сундуки и коробки. В комнате было сухо, как наверху; видимо, запах сырости мне почудился.

Мне показалось, что моих ушей коснулся звук, и я повернул голову. Но в подвале царила полная тишина: сквозь плотный слой земли не проникал даже шум дождя.

Поставив лампу, я огляделся. На пирамиде коробок стоял ящик со сломанными инструментами, ждущими, чтобы их починили или отправили в утиль, там же были стеклянные пузырьки с темной жидкостью — то ли краской, то ли бычьей желчью для мраморирования бумаги. Я чуть не споткнулся о ведро с песком. На столе лежал сверток в мешковине и инструменты. Таких инструментов я никогда не видел:

тонкие, изящные, с мелкими зазубренными краями — точь-в-точь рыба пасть. Я приблизил лампу. Рядом со свертком лежало что-то еще, накрытое тканью. Так вот где работает Середит, пока я тружусь в мастерской наверху.

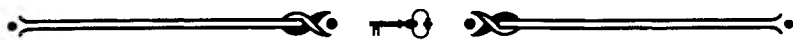
Я потянулся и развернул сверток бережно, точно внутри было что-то живое. Там оказался аккуратно сшитый книжный блок с форзацами из плотной темной бумаги, прошитой белой нитью. На темном фоне нить казалась корнями, выступающими из-под земли. По пальцам разлилось тепло. Книга! Первая книга, которую я увидел с тех пор, как попал сюда, с тех пор, как был ребенком и узнал, что книги запрещены. Взяв блок в руки, я ощутил успокоение, будто что-то в глубине моей души возрадовалось, как встрече со старым другом.

Я наклонил голову и вдохнул запах бумаги... и, пересилив себя, положил блок на место — мне терпелось поглядеть, что лежит на столе рядом, накрытое тканью. Я приподнял ткань. Под ней оказалась обложка, над которой работала Середит. И прежде чем я понял, что на ней изображено, она показалась мне прекрасной.

Фон был из черного бархата, такого мягкого и матового, что он поглощал все блики света и темнел на столе прямоугольной черной дырой. Инкрустация в свете лампы тускло мерцала и отливала бледным золотом; казалось, она сделана из слоновой кости.

Кости. Скелет со скругленным позвоночником и позвонками-жемчужинками; бледные веточки рук и ног и крошечные пальчики-щепки. Череп, выпуклый, как гриб, и неестественно крупный. Скелет был меньше моей ладони. Тонкие и хрупкие птичьи косточки.

Но это была не птица, а младенец.

V

— Не трожь.

Середит вошла бесшумно, но я почему-то не удивился, услышав ее голос: внутренний наблюдатель в глубине моего существа, далекий и отстраненный, почувствовал, что она здесь. Я не знал, сколько простоял над столом. Лишь сделав шаг в сторону — осторожно, словно боялся разбудить нечто спавшее в комнате, — я ощутил онемение в стопах и понял, что времени прошло немало.

— Я не стал бы ничего трогать, — сказал я в свое оправдание.

— Эмметт...

Фитиль масляной лампы давно пора укоротить: тени на стенах плясали и корчились. Кости на ложе из черного бархата словно светились изнутри. Мне вдруг почудилось, что скелет зашевелился, но когда пламя успокоилось, я понял, что это всего лишь наваждение.

— Это обложка, Эмметт, — проговорила Середит. — Перламутр.

— Значит, кости не настоящие... — Фраза прозвучала как насмешка. Так вышло против моей воли, но я обрадовался, сильно обрадовался, обнаружив, что могу владеть собой.

— Нет, — тихо ответила она, — не настоящие.

Я так долго разглядывал перламутровую инкрустацию, что у меня заслезились глаза, Середит не мешала мне. Наконец я накрыл обложку тряпицей, но продолжал стоять, уставившись на грубую коричневую мешковину. Сквозь прорехи в нитях проглядывал гладкий край бедренной кости, блестящий изгиб черепа, крошечная, идеальная фаланга.

Я представил, как Середит работала над переплетом, как вырезала из перламутра миниатюрные косточки. Закрыв глаза, я услышал мертвенную тишину вокруг, только кровь стучала в висках.

— Расскажите... — проговорил я. — Расскажите, чем вы занимаетесь.

Пламя затрепетало и почти погасло.

— Ты знаешь.

— Нет.

— Если подумаешь хорошенько, поймешь, что знаешь.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но ответ застрял у меня в горле. Огонь лампы снова разгорелся, взвился к потолку и вдруг уменьшился до крохотного голубого пузырька. Тьма шагнула мне навстречу.

— Вы переплетаете... людей, — ответил я. От сухости в горле было больно говорить, но молчание еще больше усиливало боль. — Превращаете их в книги.

— Да. Но все не так, как тебе кажется.

— А как?

Середит приблизилась. Я не повернулся к ней, но свет ее свечи, став ярче, разогнал тени.

— Эмметт, сядь.

Она коснулась моего плеча. Я вздрогнул, обернулся и ударился о стол. Инструменты, лязгнув об пол, отскочили в темноту. Мы смотрели друг другу в глаза. Переплетчица отошла и поставила свечу на сундук; руки ее дрожали, тени плясали на стенах. Воск брызнул на пол и затвердел мгновенно, став из прозрачного молочно-белым.

— Сядь. — Она сняла с коробки ящик с пустыми банками. — Вот сюда садись.

Я не хотел сидеть, ведь она стояла. Я выдержал ее взгляд, и она первой отвела глаза. Поставив ящик на место, она наклонилась и стала собирать упавшие со стола инструменты.

— Вы сажаете их в книги, как в клетки, — продолжил я. — Людей, которые сюда приходят. Они уходят от вас... пустыми.

— В некотором роде, пожалуй, так и есть...

— Вы крадете их души. — Мой голос треснул. — Не удивительно, что вас все боятся. Вы заманиваете людей в мастерскую и высасываете из них душу, берете все, что вам нужно, и отправляете домой пустую оболочку. Вот что такое книга, верно? Жизнь. Живой человек. А если книга сгорит, человек умрет.

— Нет. — Она выпрямилась, сжимая в одной руке тонкий ножик с деревянной рукояткой.

Я взял лежавшую на столе книгу и протянул ей.

— Смотрите, — голос мой становился все громче, — это человек! Внутри этой книги — человек, а где-то там бродит его мертвая оболочка. Вы злая колдунья, вот вы кто, и зря они вас не сожгли!

Она влепила мне пощечину.

Наступила тишина, и в ней звенящее эхо шлепка казалось ненастоящим. Слезы брызнули из глаз и покатались по щекам. Я вытер их тыльной стороной ладони. Боль от пощечины стихла и сменилась жжением, словно на коже засыхала соленая вода.

Я положил книгу на стол и разгладил форзац в том месте, где слегка помял его. Сгиб останется навсегда, как шрам, тянущийся из уголка.

— Простите, — выпалил я.

Середит отвернулась и бросила нож в стоявший рядом ящик.

— Воспоминания, — наконец произнесла она. — Мы помещаем в книги не людей, а воспоминания. Все то, о чем людям больно помнить. То, с чем невозможно жить. Мы берем эти воспоминания и помещаем их туда, где они больше не причинят вреда. Вот зачем нужны книги.

Наконец я нашел в себе силы взглянуть на нее. Лицо было открытым, искренним, немного усталым, как и ее голос. Она говорила о своем ремесле как врач, описывающий процедуру ампутации, — как о деле благом и необходимом.

— Переплетчики не крадут души, Эмметт. Не отнимают жизнь людей. Мы берем лишь воспоминания.

— И все равно это неправильно, — я старался говорить таким же, как она, ровным и рассудительным тоном, но голос предательски дрожал. — Как вы можете говорить, что не делаете ничего плохого? Кто вы такие, чтобы решать, с какими воспоминаниями можно жить, а с какими невозможно?

— А мы и не решаем. Мы помогаем людям, которые приходят к нам и сами просят об этом. — На лице ее промелькнуло сочувствие, словно она поняла, что выиграла этот спор. — Никого сюда силой не тащат, Эмметт. Они сами решаются прийти. Мы лишь помогаем им забыть.

Я знал, что все не может быть так просто. Что должен быть какой-то подвох. Но мне нечего было ей противопоставить, нечем обороняться от ласкового голоса и спокойного взгляда.

— Но что это? — Я указал на рельеф крошечного скелета под мешковиной. — Зачем делать *такую* книгу?

— Книгу Милли? Ты правда хочешь знать?

По спине пробежал холодок, сильный и внезапный. Я стиснул зубы и промолчал.

Середит прошла мимо меня к столу, поглядела на мешковину и аккуратно отодвинула ее в сторону. Маленькие косточки отсвечивали синевой.

— Милли похоронила его заживо. — Голос был бесстрастным, словно право судить предоставлялось мне. — Она не могла больше терпеть — ей казалось, что она не может терпеть. И вот однажды, в день, когда он кричал не переставая, она завернула его, положила в мусорную кучу и забросала навозом и отбросми. Забрасывала, пока плач не прекратился.

— Своего ребенка?

Старуха кивнула.

Мне захотелось зажмуриться, но я не мог отвести взгляд. Значит, ребенок лежал там в точно такой же позе, свернувшись калачиком, беспомощный, и пытался кричать, пытался дышать. Сколько времени понадобилось, чтобы он стал всего лишь частью навозной кучи и сгнил со всем ее содержимым? Все это смахивало на страшную сказку: «...и кости его превратились в перламутр, а земля — в бархат». Но это была не сказка, а быль. Это была правда, и история оказалась навек заключенной в книге, записанная на мертвых страницах. Я ощутил покалывание в ладони в том месте, которое касалось форзаца из плотной бумаги с прожилками, черной, как земля.

— Но это же убийство, — ответил я. — Почему ее не арестовал констебль прихода?

— О ребенке никто не знал. Она никому про него не рассказывала.

— Но... — Я осекся. — Как вы могли взяться ей помогать? Девушке... женщине, которая убила собственного ребенка, да еще так жестоко? Вы должны были...

— И что я, по-твоему, должна была сделать?

— Дать ей помучиться! Пусть живет с памятью о содеянном! Память — часть наказания. Если человек сделал что-то дурное...

— Она родила ребенка от своего отца. От человека, который пришел сжечь книгу. Он был ее отцом и отцом ребенка.

Я не сразу понял, что она имела в виду. Потом отвел взгляд, и мне стало дурно.

Зашуршала грубая ткань — Середит накрыла обложку и присела на край ящика, опираясь на стол. Ящик под ней скрипнул.

— Впрочем, в чем-то ты прав, Эмметт, — проговорила она. — Иногда я отказываю людям, которые приходят ко мне. Но очень редко и не потому, что они сделали нечто ужасное и помочь я уже не смогу, а потому, что знаю — они будут продолжать творить зло. Тогда я могу отказаться им помогать, но если буду абсолютно уверена. Такое случилось лишь трижды более чем за шестьдесят лет. Другим я помогала.

— Но разве это не зло — похоронить ребенка заживо?

— Конечно, — ответила она и опустила голову. — Конечно, Эмметт.

Я вздохнул.

— Вы сказали: «вот зачем нужны книги». Значит, каждая книга, созданная руками переплетчика, — чьи-то воспоминания? То, о чем люди предпочли забыть?

— Да.

— И... — Я откашлялся и вдруг ощутил на щеке след отцовской руки и жжение пощечины, которую он влепил мне много лет назад. *Чтобы я тебя больше с книгой не видел*, сказал он тогда. Значит, вот от чего он хотел меня уберечь. Но теперь я стал учеником переплетчицы и вскоре должен был начать переплетать книги.

— Вы считаете, что я смогу заниматься этим ремеслом? — медленно проговорил я.

Середит даже не взглянула в мою сторону.

— Будет легче, если ты научишься любить свое ремесло, — раздался ее голос откуда-то издалека. — Если ты будешь презирать книги и людей, которые приходят к тебе за помощью, то начнешь презирать себя и свою работу.

— Я не смогу, — замотал я головой. — И не стану. Это не то...

Она рассмеялась. Смех почти ничем не отличался от ее обычного веселого хихиканья, и мне стало не по себе.

— Конечно, сможешь. Переплетчиками рождаются, а не становятся. А ты переплетчик, сынок. Сейчас эта мысль может быть тебе не по нутру. Но ты вырастешь и поймешь. Тебе не будет покоя. Этот дар — великая сила. Вот почему ты заболел, когда... Я еще не встречала мастера с таким сильным даром, как у тебя. Вот увидишь.

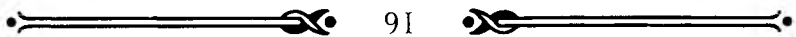
— Но откуда вы знаете? Что, если вы ошибаетесь?

— Я знаю, Эмметт.

— Но как?

— Переплетная лихорадка — верный признак. Ты станешь хорошим мастером. Во всех отношениях.

Я покачал головой — и продолжал качать, сам не зная почему.

— Наша работа бывает очень трудной, Эмметт. Иногда я впадаю в ярость или грущу из-за того, что мне приходится узнавать. Иногда жалею, что взялась за переплет — если бы я знала, с какими воспоминаниями мне придется иметь дело, я бы никогда этого не сделала. — Она замолчала и отвела взгляд. — Но обычно чужие жизни меня не трогают. А бывает, мне так радостно оттого, что удастся избавить кого-то от боли, что я понимаю: моя работа нужна, даже если помочь получится одному лишь единственному человеку.

— Я не стану этим заниматься. Это неправильно! Неестественно.

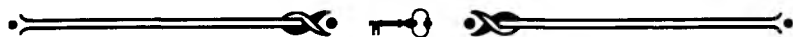
Середит опустила голову и сделала такой глубокий вдох, что я увидел, как приподнялись ее плечи. Кожа под ее глазами казалась тонкой и хрупкой, как пыльца на крылышке мотылька: одно прикосновение — и пыльца рассыплется, оставив голый каркас. Не глядя на меня, она проговорила:

— Это священное призвание, Эмметт. Быть человеком, которому люди поручают свои воспоминания... Забирать у них самое сокровенное, самое темное и хранить в безопасности, навеки... Относиться к памяти с уважением, переплетать воспоминания красиво, хотя их никогда никто не увидит. Охранять их ценой собственной жизни.

— Одно слово — тюремщик. Не хочу быть тюремщиком даже для красивых книг.

Она резко выпрямилась. На долгую секунду мне показалось, что старуха снова ударит меня.

— Вот почему я не хотела рассказывать тебе прежде времени, — наконец произнесла она. — Ты еще не готов, ты все еще пытаешься свыкнуться. Но теперь тебе все известно. И тебе еще повезло, что ты попал ко мне. Отправь тебя отец

в мастерскую в Каслфорде, из тебя давно бы уже выбили всю твою щепетильность.

Я водил пальцем по пламени свечи — вверх, вниз, все медленнее, пока жар не стал невыносимым. Слишком много вопросов крутилось в моей голове; я сосредоточился на боли и выпалил первое, что слетело с языка:

— Так почему я здесь?

Середит моргнула.

— Моя мастерская ближайшая. И... — Она не договорила и отвела взгляд. Потерла лоб, и я впервые заметил, как покраснелись ее щеки. — Я устала, Эмметт. Полагаю, на сегодня хватит. Согласен?

Она была права. Я так вымотался, что мир перед глазами ходил колесом. Увидев мой кивок, она встала. Чтобы помочь ей, я протянул руку, но она прошла мимо и заковыляла к двери.

— Середит?

Старуха замерла, но не обернулась. Ее рукав упал, когда она облокотилась о стену, и я увидел запястье, тонкое, как у больного ребенка.

— Да?

— А где книги? Вы сказали, что храните их в безопасности...

Она вытянула руку и указала на бронзовую табличку в стене. — По ту сторону стены, — промолвила она.

— А можно посмотреть?

— Да. — Она повернулась и достала ключ, висевший у нее на шее; затем крепко сжала его в кулаке. — Хотя... нет. Не сейчас. В другой раз.

Я спросил из любопытства, но... На ее лице промелькнуло какое-то выражение — или не промелькнуло, а должно было бы... Потрогав языком расщелинку между зубами, я при-

стально посмотрел на нее. Нити волос выбились из косы и прилипли к мокрому от пота лбу. Она пошатнулась. Я тут же шагнул к ней, но она попятилась, точно близость моя была ей невыносима.

— Спокойной ночи, Эмметт.

В дверях она оперлась о косяк, словно с трудом держалась на ногах. Я знал, что не должен больше ее тревожить, но любопытство одержало верх.

— Середит... А что будет, если книга сгорит? Человек умрет?

Не оборачиваясь и не глядя на меня, она ступила на лестницу и начала подниматься.

— Нет, — ответила она. — Он вспомнит.

От усталости я не мог думать. Середит отправилась спать, и мне бы последовать ее примеру... Ах, если бы я лег спать час назад, вместо того чтобы сидеть у печи в мастерской! Сон. Больше всего мне хотелось впасть в бессознательное состояние, погрузиться во тьму. Быть где угодно, но не здесь.

Я сел. Точнее, обнаружил, что уже сижу на полу, прислонившись к коробке и согнув колени. Мне было неудобно, но найти положение получше не было сил. Обвил руками колени, опустил голову и заснул.

Проснувшись, я ощутил странное чувство покоя. Свеча погасла, и меня окружала почти чернильная тьма; я словно плыл в ней, безболезненно растворяясь в ее едва колышущихся водах. Затем память о случившемся начала возвращаться, но постепенно, не разом; подобно бликам на поверхности серебряной чашки, воспоминания пока были обрывочными и далекими и не могли причинить мне зла.

Я встал и, зевая, стал наощупь подниматься по лестнице. Там, внизу, мне казалось, что сейчас еще ночь, но сероватый свет, струящийся из окон мастерской, заставил меня заморгать и протереть глаза. По-прежнему шел дождь, но уже не ливень, а бесшумная тонкая изморось. Грязный ноздреватый снег лежал на земле лишь в некоторых местах. Все-таки Середит оказалась права насчет оттепели: почтальон успеет наведаться к нам еще раз, прежде чем зима окончательно вступит в свои права.

В мастерской было холодно. Огонь в печи потух. Я заколебался: хотелось оставить все как есть, подняться наверх и лечь спать, но день вступил в свои права, и меня ждала работа... Работа. О чем мне сейчас не хотелось думать, так это о работе. Я присел на корточки и разжег огонь. Когда тот разгорелся как следует, я немного согрелся, но чтобы растопить ледяную тишину, воцарившуюся в доме, огня в печи было мало. В разбитое окно по-прежнему задувал ветер. Я помотал головой: может, мой слух играет со мной шутки? Мне казалось, что дом был по-прежнему обложен снегом, настолько глухими были все звуки; я слышал их издалека, как слабое эхо.

Надо заварить чай. Заварки почти не осталось. Я поставил кипятиться воду и пошел за чаем в кладовую. В коридоре меня снова обдало влажным сквозняком из разбитого окна — острые края стекол все еще торчали из рамы. Я отвернулся. Сейчас выпью горячего, найду картон и...

Середит лежала на лестнице, свернувшись калачиком.

— Середит! Середит! — закричал я.

Лишь когда она шевельнулась, я понял, как испугался. Осторожно помог ей подняться на ноги, ужаснувшись неве-

сомости ее тела и жару, исходившему от кожи. Переплетчица взмокла от пота, лицо покраснелось. Услышав бормотание, я наклонился к ней, чтобы разобрать слова. Из рта дурно пахло, словно все прогнило внутри.

— Я... просто присела, чтобы отдохнуть.

— Да, — кивнул я. — А теперь я помогу вам лечь.

— Я справлюсь. Не надо...

— Знаю, что справитесь, — мягко возразил я. — Но все же пойдете.

Мы вдвоем кое-как одолели лестницу и дошли до комнаты. Середит забралась в кровать и натянула одеяло до подбородка, как будто сильно замерзла. Я поспешил вниз за кувшином с водой и травяным чаем, который помог бы сбить жар; еще я захватил одеял, но когда вернулся в спальню, она уже уснула; ее одежда грудой лежала на полу.

Я стоял неподвижно и слушал. Дыхание Середит было быстрее и громче обычного, в окно слабо стучал дождь, но кроме этих звуков и пульсации крови в моих ушах не было ничего. Тишина дома и раскинувшихся вокруг болот давила. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким.

В свете дня спящая Середит выглядела древней старухой. Плоть на ее щеках и под скулами обвисла, кожа на носу и вокруг глаз сильно натянулась. В уголках губ засохла слюна. Она что-то пробормотала и перевернулась; руки задержались, вцепились в одеяло. На фоне выцветшей сине-белой лоскутной ткани ее кожа казалась желтоватой и матовой, как мел.

Я огляделся. В комнате Середит я был только однажды, а днем — никогда. Здесь был маленький камин, на широком подоконнике лежала подушка, чтобы можно было сидеть,

много места занимало старое замшелое кресло, но в остальном комната почти такая же пустая, как моя. Ни картин, ни безделушек на каминной полке. Единственным украшением на голой стене был свет из окна: бледное кружево серебристых теней от дождевых капель, стекающих вниз. Даже дом моих родителей обставлен побогаче, а ведь Середит не бедствовала: я догадывался об этом по списку покупок, который мы каждую неделю отсылали в Каслфорд, и мешкам, что Толлер привозил с почтой. Но я никогда не задумывался о том, откуда у нее деньги. И если она умрет...

Я взглянул на ее лицо на подушке, и меня охватила легкая паника. Хотелось разбудить ее и силком залить чай в глотку, но я сдержался: пусть поспит. Можно было бы разжечь камин, принести влажные тряпицы и развести мед в теплой воде: как только она проснется, следует обтереться ее и дать попить. Но я сидел, не шевелясь, мне страшно было оставить Середит одну. Мы как будто поменялись ролями: сколько раз она сидела у моей постели, пока я спал, терпеливая, как каменное изваяние! И никогда, никогда не давала мне понять, что я должен быть благодарен за это. Впервые мне пришлось в голову, что, возможно, ее резкость ко мне была намеренной. К горлу подкатил комок.

Через час сквозь шум дождя донеслось далекое тарыхтение повозки, и вскоре зазвонили дверные колокольчики. Почтальон. Я поднял голову, и отчего-то мне захотелось, чтобы он уехал, оставил меня одного в этом странном месте, где мне было так спокойно. Но я все же встал и пошел открывать.

— Середит заболела. Я не знаю, что делать... Вы не могли бы прислать кого-нибудь?

Почтальон прищурился поверх воротника.

— Прислать? Кого?

— Врача. Или кого-то из ее родных, — я пожал плечами. — Не знаю. Она же пишет письма кому-то? Кому? Вот их и позовите.

— Я... — Он замолчал в раздумье. — Хорошо. Но не стоит надеяться, что они приедут.

Почтальон попрощался. Я провожал взглядом повозку до тех пор, пока она не превратилась в крошечную точку среди пятен бурой травы и талого снега.

VI

В доме стояла такая тишина, что казалось, будто стены затали дыхание. В этот и последующие дни я каждые несколько часов выходил на улицу и прислушивался к сухому ветру в камышах, чтобы убедиться, не оглох ли я. Из кладовой я принес новое стекло, чтобы починить разбитое, но, занявшись починкой, поймал себя на том, что работаю с ненужной горячностью и бью по раме сильнее, чем надлежало. Я лишь чудом не разбил стекло. Сидя у постели Середит, я кашлял, ерзал и ковырял мозоль от ножа для выделки кожи на указательном пальце. Но не было такого звука, который мог бы разрушить эту тишину. Даже дыхание Середит словно скользило поверх пустоты, как камушек по льду.

Сначала я боялся. Но ничего не менялось: ей не становилось ни лучше, ни хуже. Первые дни она спала по многу часов, но однажды утром я постучал в дверь и увидел, что она проснулась. Я принес ей яблоко и кружку чая с медом; она поблагодарила меня и наклонилась над чашкой, вдыхая пар.

Вечером я забыл задернуть занавески, и в окне виднелось небо с нахлобучившимися серыми облаками, разрываемыми ветром. Иногда сквозь них пробивалось солнце.

Середит вздохнула.

— Иди и займись своими делами, Эмметт.

Ее лицо было влажным от испарины, но лихорадочные красные пятна на щеках исчезли, и выглядела она получше.

— Серьезно, Эмметт. Займись чем-нибудь полезным.

Я заколебался. Мне хотелось задать ей кучу вопросов, копившихся во мне с тех пор, как я побывал в потайной комнате; теперь у нее не было причин утаивать от меня, что там происходит. Но что-то внутри меня противилось этому. Я не хотел знать все ответы, потому что тогда происходящее окончательно станет реальным. Поэтому я просто спросил:

— Вы уверены, что с вами все хорошо?

Она откинулась на подушки. После долгой паузы снова вздохнула и произнесла:

— Неужели тебе нечем заняться? Терпеть не могу, когда меня рассматривают.

Мне бы обидеться на ее слова, но я почему-то не обиделся. Я кивнул, хотя ее глаза были закрыты, и с чувством облегчения вышел в коридор.

Отгнав мысли о тайнах, я взялся за работу. А когда, выбившись из сил, взглянул на часы, оказалось, что прошло уже много времени. Я вышел из мастерской, почистил лампы и залил в них новое масло, вымыл пол и протер кухонные шкафы с уксусом, подмел пол в коридоре и сбрызнул его лавандовой водой, отполировал перила пчелиным воском. Дома все это делали мама с Альтой; я бы закатил глаза и равнодушно протопал по только что вымытому полу, оставляя

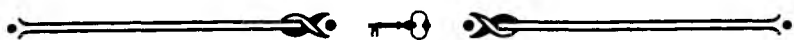

следы. Сейчас же рубашка прилипла к спине, от меня едко воняло потом, но я огляделся и с радостью увидел, что дом преобразился. Мне казалось, что я наводил чистоту ради Середит, но теперь я понял, что делал это для себя. Середит болела, и дом на время стал полностью моим.

С утра у меня во рту не было ни крохи, но голода я не ощущал. Я долго стоял, поставив одну ногу на ступеньку, словно решая, подниматься или нет, но вдруг что-то заставило меня развернуться и снова пойти в мастерскую. Дверь была закрыта, и только я распахнул ее, в лицо ударил дневной свет.

Не жалея дров — чего жалеть, ведь я сам их нарубил и никто не смотрит, сколько я потрачу, — развел огонь в печи. Затем, двигаясь из угла в угол, прибрался и здесь. Навел порядок на полках, заточил инструменты, смазал пресс и подмел. В шкафах я обнаружил старые запасы кожи и полотна, о которых даже не догадывался, а также стопку мраморированной бумаги на самом дне комода. Нашел костяную палочку для биговки с резным цветочным узором, стопку сусального серебра, паяльник с насадками из толстых букв, исполосованных умброй... Середит поддерживала в мастерской порядок, но никогда ничего не выбрасывала.

В одном из отделений шкафа я обнаружил деревянный ящик со всякой всячиной; каждая вещица была завернута в старинный шелк. Видимо, эти вещи представляли для Середит большую ценность. Там были детский чепчик, локон волос, дагерротип в футляре от карманных часов, массивное серебряное кольцо, которое я долго катал на ладони, глядя, как металл отликает то синим, то фиолетовым, то зеленым. Затем я бережно поставил коробку на место и почти мгновенно забыл о ее существовании.

В этом же отделении была коробка с буквами разных шрифтов, которые не мешало бы рассортировать, банки с краской, такие старые, что их содержимое давно засохло, и маленькие непромытые кусочки губки. Мне было в радость разбирать все эти вещицы; это доставляло мне неведомое прежде чувственное удовольствие. Все звуки, запахи и ощущения обострились и умножились: острота лезвия, завывание ветра в трубе, кисловатый запах старого переплетного клея, потрескивание дров, рассыпающихся в пепел в печи.

Но, закончив уборку, я испытал не удовлетворение, а страх, будто это было затишьем перед бурей.

Убирая с пола грязную одежду Середит, в кармане ее брюк я нашел ключи. Теперь они лежали в моем кармане. Это были ключи от дверей в дом и ключи от комнат в глубине мастерской, слева и справа от печи. Я ощущал в кармане их холодную тяжесть, они казались частью моего тела. К торжеству обладания ими примешивалось что-то еще, но что — я не мог понять. И да, еще один ключ висел на шее Середит, она не расставалась с ним.

Я посмотрел в окно на бескрайние болота. Ветер стих, облака нависли плотной серой грядой, вода, не тронутая льдом, была неподвижна, как зеркало. Ни малейшей краски на много миль кругом — как будто кто-то нарисовал унылую картину на оконном стекле. Мертвый пейзаж...

Чем сейчас заняты мои родные? — подумал я. На ферме пора забоя скота, если только отец не начал раньше; время мелкой починки — нужно проверить инструменты и инвентарь, да и заднюю стенку сарая не мешало бы подлатать... Может, отец все-таки захочет обнести изгородью из боярышника верхнее поле, как я предлагал в том году? Тогда са-

жать кусты нужно сейчас. Вспомнив, как острые шипы врезаются в замерзшие пальцы, я поежился. Мне почудился запах скипидара и камфары, которые мама добавляла в бальзам против обморожений, но, понюхав свои пальцы, я учуял лишь пыль и пчелиный воск. Я сбросил прежнюю жизнь, как старую кожу.

Я поднял голову и прислушался — ни звука. Дом затаился в ожидании. Достал из кармана связку ключей, обошел книжный пресс и по истертым половицам прошагал к дальней двери. С колотящимся сердцем вставил три ключа и один за другим легко провернул в замках.

Середит следила за тем, чтобы петли были хорошо смазаны. Дверь распахнулась так легко, будто кто-то открыл ее с другой стороны и дал мне войти. Не знаю, с чего я решил, что она должна открываться туго. Пульс ускорился внезапным крещендо, и черные точки заплясали перед глазами, но через несколько секунд взгляд прояснился, и я увидел пустую светлую комнату с высокими незанавешенными окнами, точно такими же, как в мастерской. Здесь стоял стол из необработанной древесины и два стула друг напротив друга. Пол и стены были голыми. Я положил связку ключей на стол, и ключи стукнули, заставив меня вздрогнуть.

Я не имел права находиться здесь. Но и не мог не поддаться соблазну. Стоял неподвижно, игнорируя неприятный холодок в основании позвоночника.

Силуэт стула переплетчицы вырисовывался на фоне серого окна, закапанного дождем. Он был простым, с прямой спинкой, менее удобным, чем второй стул, стоявший ближе к двери, но я сразу понял, что именно на этом неудобном стуле обычно сидит моя хозяйка.

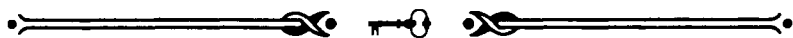

Я отодвинул второй стул — ножки скрипнули по неровному полу — и сел на него. Сколько людей побывали здесь, ожидая, пока их воспоминания сотрутся? Видимо, не так уж мало — недаром их ноги протоптали на полу дорожку, ведущую к двери.

Что они чувствовали? Я представил страх, стискивающий нутро, ужас, охватывающий тебя, когда ты пытаешься заглянуть за точку невозврата, понять, каким человеком станешь после того, как в памяти сотрется боль... Что, что чувствует человек в тот самый момент, когда у него отбирают воспоминания? Каково это — когда у тебя забирают глубинную часть тебя? И после, с дырой в душе, — каково это? Я вспомнил черноту в глазах Милли, когда она уходила, и стиснул зубы. Что хуже? Не чувствовать ничего или горевать о том, чего не помнишь? Уходит ли печаль с печальными воспоминаниями? И если нет, в чем смысл отказа от них? Если на место печали приходит пустота, не значит ли это, что с воспоминаниями мы отдаем часть своей души? Что наша душа немеет?

Я глубоко вздохнул. Сидя здесь, на этом стуле, легко было дать волю воображению, но мне бы сесть на стул Середит и попытаться представить, каково это — находиться на ее месте. Заглядывать людям в глаза, а потом... что именно она с ними делала? При мысли об этом мне стало дурно. Как ни посмотри... Середит говорила, что помогает им. Но было трудно поверить, что в этом нет ничего плохого.

Поднимаясь, я качнулся, но удержался, схватившись за спинку стула. Резьба вонзилась мне в руку: не больно, но достаточно сильно, чтобы ощутить. Я посмотрел на резную спинку и голубоватый отсвет на деревянных завитках.

Именно свет, падающий тем или иным образом, много раз вызывал у меня приступы болезни. Кружевная тень в коридоре, косые лучи дневного света, проникающие в полуоткрытую дверь. Силуэт, выхваченный светом, даже не воспоминание, а его фрагмент, поворачивал ключ в замке моего сознания, и болезнь вытекала наружу. Сейчас я чувствовал то же самое — шок узнавания и страх. Я инстинктивно съехался, ожидая, что меня поглотит тьма. Это будет конец, бездна. Я очутился в том самом месте, которого сильнее всего боялся... в источнике, в сердце тайны.

Колени подкосились. Я опустился на стул и весь сжался, словно приготовившись к удару. Но ум оставался спокойным. Скрипнула балка; под тростниковой крышей зашуршала мышь. Тьма накатила, закрутилась воронкой на расстоянии вытянутой руки, но вместо того чтобы поглотить меня, отступила.

Я затаил дыхание. Ничего не случилось. Тьма отодвигалась все дальше и дальше, пока я не почувствовал, что прямо в лицо мне бьет серый дневной свет, такой яркий, что у меня заслезились глаза.

Время шло. Я посмотрел на свои руки, лежавшие на деревянном столе. Когда я уезжал из дома, они были мертвенно-белыми, а пальцы — тонкими и длинными, как паучьи лапы. Теперь на левом указательном пальце набухла мозоль от тупого ножа для выделки кожи. Я отрастил ноготь на большом пальце левой руки, чтобы удобно было держать паяльник и не обжечься. Но больше всего меня поразила форма пальцев: они остались тонкими, но перестали быть костистыми, как у скелета; стали сильными и не казались неуклюжими. Я словно увидел их впервые. Они не напоминали руки фер-

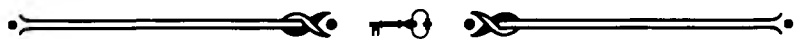
мера — руки отца выглядели совсем иначе. Но не напоминали и руки инвалида. Так выглядели руки переплетчика: я знал об этом, и не только потому, что эти руки принадлежали мне.

Я стал разглядывать линии на ладонях, которые должны были рассказать мне, кем я являюсь. Однажды кто-то — может быть, Альта — сказал мне, что левая ладонь показывает судьбу, с которой человек родился, а правая — судьбу, которую мы творим для себя сами. По центру моей правой ладони шла глубокая длинная линия, словно разрезая ладонь пополам. Я представил себе другого Эмметта, который мог бы унаследовать ферму, как планировали мои родители; Эмметта, который не заболел и не очутился здесь в полном одиночестве. Тот, другой Эмметт, посмотрел на меня с улыбкой, сунул в карманы обмороженные руки и, насвистывая, повернул к дому.

Я склонил голову и стал ждать, пока пройдет внезапно накатившая печаль. Но она не проходила. Что-то внутри меня надорвалось, и я заплакал.

Сначала плач был произвольным, как болезнь: мощные конвульсии, как при рвоте, вызываемые безжалостным рефлексом, заставлявшим меня судорожно всхлипывать и хватать воздух ртом. Но постепенно судороги отступили, и я успевал глотнуть воздуха между всхлипами; наконец я утер слезы, посморкался в край рубахи и открыл глаза. Чувство потери по-прежнему было настолько острым, что слезы подкатывали к горлу, но я заморгал, прогоняя их, и смог наконец выровнять дыхание.

Когда я поднял голову, мир опустел и очистился, как поле после сбора урожая. Я мог видеть на много миль вокруг и знал, где нахожусь. Тени так долго таились в углах моего

зрения, что я к ним привык, но сейчас они исчезли. Тихая комната перестала казаться ужасной; это была всего лишь комната, а стулья, на которых двое людей могли сидеть друг напротив друга, — всего лишь стульями.

Я подождал, мысленно перенесшись в то место, где еще недавно таился страх, словно проверял гнилой зуб языком. Но там ничего не оказалось, кроме разве что резкого отдаленного отголоска боли. Однако то была не тупая боль разложения, а что-то чистое, словно зуб вырвали и рана уже заживала. В воздухе пахло землей после дождя, точно все вокруг очистилось и посвежело.

Я взял ключи и ушел, оставив дверь незапертой.

Я сильно проголодался. Пробравшись в кладовую, поел соленых овощей прямо из банки, а насытившись, ощутил такую усталость, что глаза стали слипаться. Думал согреть супа и отнести Середит тарелку, но заснул за кухонным столом, уронив голову на руки. А проснувшись, обнаружил, что огонь в печи погас и за окном почти стемнело. Я снова разжег огонь, запачкав себя и чистый пол пеплом, торопливо разогрел суп и понес его в спальню Середит. Суп был чуть теплый, но Середит наверняка спала.

Толкнув дверь ногой, я заглянул в комнату. Нет, она не спала, сидела в кровати. Горела лампа, перед которой стояла стеклянная чаша с водой, служившая усилителем света. Середит латала рубашку. Увидев меня, она улыбнулась.

— Ты выглядишь гораздо лучше, Эмметт.

— Я?

— Да. — Она пристально посмотрела на меня, и ее лицо изменилось. Руки замерли, она отложила штопку. — Сядь.

Я послушно поставил поднос на столик у ее кровати, подвинул стул и сел. Середит потянулась и взяла меня за подбородок, повернув мое лицо к свету. Она уже касалась меня раньше — поправляла захват инструмента, наклонялась ближе, показывая, как выполнять ту или иную работу. Но сейчас ее прикосновение было ледяным, как морозец, покалывающий кожу.

— Ты примирился, — произнесла она. Я посмотрел ей в глаза. Она кивнула, а затем со вздохом откинулась на подушки. — Вот и молодец. Я знала, что рано или поздно так случится. И как ты себя чувствуешь?

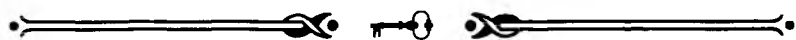
Я не ответил. Мой внутренний покой был слишком хрупким; казалось, начни я говорить о нем, и он нарушится.

Глядя в потолок, Середит улыбнулась, а потом перевела взгляд на меня.

— Я рада. Никогда не видела, чтобы человек так мучился от лихорадки. Но теперь это в прошлом. О, будут и другие трудности, — она пожала плечами, словно отвечая на мои возражения. — У нас нелегкое ремесло, и у тебя всегда будет ощущение, что часть тебя потеряна. Но с кошмарами и страхами покончено. — Она замолчала. Ее дыхание ослабело. Жилка на виске пульсировала сбивчиво.

— Я ничего не знаю, — проговорил я. Мне стоило труда произнести эти слова, язык еле шевелился, как затекшая рука или нога. — Разве я могу быть переплетчиком, если даже не знаю, как все происходит...

— Не сейчас. Прошу тебя, не сейчас, если не хочешь моей гибели. — Она рассмеялась, издав булькающий звук горлом. — Но когда я поправлюсь, я всему тебя научу, сынок. Сам процесс дастся тебе естественно, но ты должен научиться и всему остальному... — Она закашлялась и не договорила.

Я налил воду в стакан и протянул ей, но Середит отмахнулась от него, не глядя. — Когда растает снег, мы съездим к моей подруге в Литтлуотер. Она была... — Секундное колебание, хотя, может быть, ей просто понадобилось перевести дыхание. — Она была последней ученицей моего мастера после того, как я ушла от него. Теперь вот живет в деревне со своей семьей. Она хорошая переплетчица и акушерка... Видишь ли, переплет и врачевание всегда были смежными занятиями. Мы облегчаем боль и помогаем людям явиться в этот мир и покинуть его.

Я сглотнул, но мне столько раз приходилось видеть, как рождаются и умирают животные, что роды и смерть меня не пугали.

— У тебя все получится, сынок. Просто помни, зачем мы это делаем, и все у тебя будет в порядке. — Она искоса взглянула на меня, и глаза ее блеснули. — Переплетное дело — нужное дело, кто бы что ни говорил. Иногда без него не обойтись.

— Середит, в ночь, когда крестьяне хотели сжечь мастерскую... — слова давались мне с трудом, — они боялись тебя. Нас.

Она не ответила.

— Они решили, что дождь... начался из-за меня. А тебя называли ведьмой.

Старуха рассмеялась, а потом снова закашлялась, и ей пришлось ухватиться за край кровати, чтобы отдышаться.

— Если бы мы обладали способностями, которые люди нам приписывают, — проговорила она наконец, — я бы сейчас спала на шелковых простынях, накрытая золотым покрывалом.

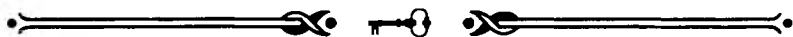
— Но... мне действительно показалось...

— Не говори глупости. — Середит с хрипом вдохнула. — Ведьмами и колдунами нас считали с начала времен. Магия слова — так они это называли и приравнивали ее к умению вызывать демонов. Нас и сжигали за это. Крестоносцы были не первыми, кто нас преследовал, — мы всегда были козлами отпущения. И это правда: знание — в некотором роде магия. Но нет, колдовать мы не умеем. Мы — переплетчики, ни больше, ни меньше. Дождь вызвал не ты. На погоду ты влиять не можешь.

Я кивнул. На языке вертелись другие вопросы, но я сдержался. Когда она поправится, я спрошу ее обо всем, что мне хочется знать. Середит улыбнулась и закрыла глаза. Я решил, что она уснула и стал подниматься, но она жестом остановила меня, указав на стул. Я снова сел и через некоторое время почувствовал, как тело мое расслабилось, словно тишина избавила меня от напряжения, о котором я и не догадывался. Огонь в камине почти потух; угли покрылись пушистым пеплом, точно мхом. Мне бы разворошить их, но я не мог заставить себя встать. Сидел и водил пальцами по яркому овалу света от лампы: тот кольцом опоясывал мои пальцы выше костяшек. Я откинулся на спинку стула, и блик упал на лоскутное покрывало, высветив узор в виде листьев папоротника с завитками. Не трудно было представить, как Середит шила это покрывало, добавляя к нему лоскут за лоскутом в течение всей долгой зимы. Я видел ее, сидящую у камина, хмуро откусывающую конец нитки, и в моих мыслях этот образ слился с образами всех знакомых мне женщин — мамы, Альты, — молодых и старых одновременно.

Зазвонил дверной колокольчик. Я вскочил, и у меня закружилась голова. Кажется, сквозь легкую дрему я слышал

тарактенье колес и стук копыт. К дому приближалась повозка, и лишь сейчас я полностью осознал, что мне это не приснилось. Стемнело, из окна на меня смотрело мое собственное отражение, призрачное и удивленное. Колокольчик зазвонил опять, и с крыльца донеслось раздраженное ворчание. Мелькнул свет фонаря.

Я перевел взгляд на Середит, но она спала. Колокольчик снова зазвонил и на этот раз долго, сердито и громко, словно кто-то слишком сильно дергал за шнур. Середит поморщилась во сне, ритм ее дыхания изменился.

Я поспешно вышел из комнаты и спустился по лестнице. Нетерпеливый звон колокольчика не прекращался, и я закричал: «Иду, иду!» Мне не приходило в голову, что за дверью может таиться угроза, пока я отодвигал засовы, и только в последний момент, затаив дыхание, я подумал, что крестьяне с факелами могли вернуться, намереваясь спалить дом дотла. Но это оказались не крестьяне.

На крыльце стоял мужчина и что-то бормотал; увидев меня, он замолк и смерил меня взглядом. На нем были высокий цилиндр и плащ. Позади стояла двуколка, с поручней которой свисал фонарь. В свете фонаря было заметно, как от лошади поднимается пар, из ноздрей вырывались облачка пара. В нескольких шагах стоял другой мужчина, переминаясь с ноги на ногу и нетерпеливо цоккая языком.

— Вам что-то нужно? — спросил я.

Мужчина на крыльце шмыгнул носом и утер его тыльной стороной ладони в перчатке. Затем снял цилиндр, вручил его мне и уверенно шагнул в дом; мне ничего не оставалось, кроме как посторониться. Он стянул перчатки палец за пальцем

и положил поверх цилиндра. Спутанные курчавые волосы незнакомца свисали почти до плеч.

— Для начала — выпить чего-нибудь согревающего и поужинать. Заходи, Фергюсон, погода нынче премерзкая.

— Кто вы такие?

Он взглянул на меня, но не ответил.

Второй мужчина — Фергюсон — зашел в дом, потопал ногами, крикнул через плечо кучеру: «Подождите пока!» — и поставил на пол саквояж, внутри которого что-то глухо звякнуло.

Первый мужчина вздохнул.

— А ты, по всему, ученик? Меня зовут мистер де Хэвиленд, и я привез доктора Фергюсона осмотреть Середит. Как ее самочувствие? — Он подошел к висевшему на стене маленькому зеркалу и пригладил усы. — Почему в доме так темно? Зажги-ка лампы, будь добр.

— Меня зовут Эмметт.

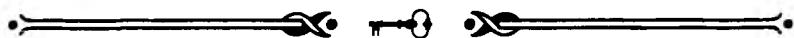
Он махнул рукой, словно мое имя не имело значения.

— Она спит? Чем скорее доктор осмотрит ее, тем скорее сможет вернуться.

— Да, думаю, спит.

— В таком случае придется ее разбудить. Принеси нам чаю и немного бренди. И поешь чего-нибудь. — Он прошел мимо меня и поднялся по лестнице. — Фергюсон, следуйте за мной.

Фергюсон, обдав меня холодом и запахом мокрой шерсти, пошел за ним. Словхватившись, он обернулся и вручил мне шляпу. Я повесил ее на крючок рядом с цилиндром мистера де Хэвиленда, нарочно вонзив ногти в мягкий фетр. Мне не хотелось выполнять приказы мистера де Хэвиленда,

но, закрыв входную дверь, я оказался в кромешной тьме. Волей-неволей пришлось зажечь лампу. Гости наследили в коридоре и оставили на ступенях лестницы россыпь прессованной грязи, выпавшей из рифленых подошв ботинок.

Я заколебался. Негодование и неуверенность тянули меня в разные стороны. Наконец я пошел на кухню и заварил чай, уговаривая себя, что делаю это для Середит.

Но когда я постучал, мистер де Хэвиленд ответил:

— Не сейчас. — У него был выговор жителя Каслфорда, а голос напомнил мне кое о ком.

Я громко крикнул через дверь:

— Но вы сказали...

— Не сейчас!

— Эмметт? — раздался слабый голос Середит. — Заходи.

Она закашлялась, и, толкнув дверь, я увидел, что моя хозяйка лежит, вцепившись в одеяло, словно пытается отдышаться. Ее глаза покраснели и слезились. Она подозвала меня. Мистер де Хэвиленд стоял у окна, сложив руки на груди; Фергюсон — у очага, посматривая то на своего спутника, то на Середит. Комната вдруг показалась очень маленькой.

— Это Эмметт, — с трудом выговорила Середит, — мой ученик.

— Мы уже виделись, — ответил я.

— Раз ты здесь, — начал де Хэвиленд, — может быть, тебе удастся уговорить Середит не делать глупостей? Притащились к ней из самого Каслфорда, а она не разрешает доктору ее осмотреть.

— Я вас не приглашала.

— Нас позвал ваш ученик.

От взгляда, который она метнула в меня, мои щеки запылали.

— Что ж, простите, что он зря потратил ваше время.

— Глупости какие. Я занятой человек, и вы это знаете! У меня срочные вызовы...

— Я же сказала — не приглашала я вас! — Середит отвернулась, как ребенок, а мистер де Хэвиленд взглянул на доктора и закатил глаза. — Со мной все в порядке. Простыла на днях, вот и все.

— Ваш кашель мне не нравится. — Доктор впервые обратился к ней напрямую: говорил он тактично и даже вкрадчиво. — Расскажите подробнее, как вы себя чувствуете?

Середит по-детски скривила рот, и я не сомневался, что она промолчит, но, переведя взгляд на де Хэвиленда, моя хозяйка ответила:

— Чувствую усталость. Знобит. Болит в груди. Вот и все, пожалуй.

— Позвольте я... — Фергюсон потянулся и взял ее за запястье, прежде чем она успела отдернуть руку. — Да, теперь все ясно. Благодарю. — Он взглянул на мистера де Хэвиленда, и в его взгляде мелькнуло непонятное мне выражение. — Больше мы не будем вам мешать.

— Прекрасно. — Мистер де Хэвиленд направился к двери, помедлил у кровати, будто хотел что-то сказать, и пожал плечами. Затем с рассеянной решимостью, означавшей, что я должен уступить ему дорогу, вышел из комнаты. Фергюсон последовал за ним, и мы с Середит остались наедине.

— Простите... Я волновался за вас.

Но она меня, кажется, не слышала. Ее глаза были закрыты, лопнувшие сосуды на щеках краснели, как разлившиеся алые

чернила. Однако она знала, что я все еще здесь, потому что через минуту махнула рукой, молча приказывая мне удалиться.

Я вышел. Свет лампы заливал ступени лестницы и перила, окрашивая их бледным золотом. Снизу доносились голоса гостей. Прежде чем спуститься, я остановился и прислушался. Голоса звучали отчетливо.

— ...упрямая старуха, — говорил де Хэвиленд. — Простите, доктор. Из слов почтальона у меня сложилось впечатление, что она просила...

— Не извиняйтесь, дорогой друг. Как бы то ни было, я видел достаточно, чтобы сделать выводы. Она слаба, разумеется, но реальной опасности нет — разве что ей внезапно станет хуже. — Раздались его шаги, и я догадался, что он пошел за шляпой. — Вы уже решили, как поступите?

— Я останусь здесь и буду присматривать за ней, пока ей не станет лучше или...

— Жаль, что она живет в такой глуши. Если бы она жила в городе, я был бы рад навещать ее.

— Да уж, — фыркнул де Хэвиленд. — Середит — ходячий анахронизм. Она все еще живет в Темных веках. Если уж ей так хочется продолжать заниматься переплетным делом, она могла бы работать в моей мастерской в полном комфорте. Вы даже не представляете, сколько раз я уговаривал ее переехать. Но она ни в какую не желает уезжать отсюда. А теперь вот еще взяла этого треклятого ученика.

— Да, она может быть упрямой.

— Не то слово. Она кого угодно доведет до белого каления. — Он с присвистом выдохнул через сжатые зубы. — Что ж, придется мне потерпеть и попытаться заставить ее образумиться.

— Удачи. Вот... — Лязгнула защелка саквояжа, затем что-то звякнуло. — От боли и бессонницы можете дать ей несколько капель этого снадобья. Но не больше.

— Хорошо. Непременно. Ну, доброй ночи. — Дверь открылась и закрылась; на улице скрипнули колеса, и двуколка затарахтела прочь. А де Хэвиленд стал подниматься. Наверху он поднял лампу и смерил меня взглядом.

— Никак подслушиваешь? — Он не дал мне ответить. Прошагав мимо, бросил через плечо: — Принеси мне чистую постель.

Я пошел за ним. Он открыл дверь моей спальни и на пороге оглянулся.

— Что тебе?

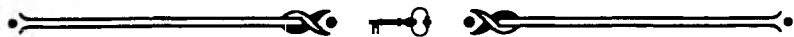
— Это моя комната. А мне где прикажете...

— Понятия не имею. — Он захлопнул дверь у меня перед носом, и коридорчик погрузился во мрак.

VII

Я ночевал в гостиной, завернувшись в запасное одеяло. Набитая конским волосом кушетка была такой скользкой, что в конце концов я поставил одну ногу на пол и опирался на нее, чтобы не соскальзывать вниз.

Когда я проснулся, в доме было холодно и еще темно. Болела каждая мышца. Я не сразу понял, где нахожусь, и сперва решил, что где-то на улице, посреди громадных и сумрачных заснеженных руин. Холод стоял такой, что я даже не стал пытаться снова уснуть. Встал, завернулся в одеяло, на затекших ногах прошагал на кухню, разжег огонь на плите и вскипятил воду для чая, затем заварил его. Последние звезды мерк-

ли над горизонтом; на небе не было ни облачка. Допив свой чай, я поставил второй чайник, чтобы отнести его наверх. Пока я возился, кухню начал заливать солнечный свет.

Поднявшись на второй этаж, я услышал, как открылась дверь моей спальни. Меня поразило, каким привычным стал этот звук: я сразу узнал его — дверь Середит скрипела иначе.

— А, прекрасно. Я как раз хотел попросить воды для бритья. Но ничего, чай тоже неплохо. Сюда, пожалуйста.

На пороге моей комнаты стоял мистер де Хэвиленд. Теперь я смог лучше разглядеть его: курчавые светлые волосы с проседью, водянистые глаза, надменная мина; вышитый жилет поверх рубашки. Возраст угадать было сложно: из-за блеклых глаз и светлых волос ему можно было дать и сорок, и шестьдесят.

— Поторопись, мальчик.

— Это для Середит.

На мгновение мне показалось, что он возразит. Но он лишь вздохнул.

— Хорошо. Тогда неси вторую чашку. А воду для бритья вскипятишь потом.

Он протолкнулся мимо меня и вошел в спальню Середит без стука. Дверь распахнулась, я придержал ее локтем и спиной зашел вслед за ним.

— Уходи, — проговорила Середит. — Нет, Эмметт, ты останься.

Она сидела в кровати; пушок белых волос нимбом окружал лицо, пальцы вцепились в одеяло, натянутое до самого подбородка. Она сильно исхудала, но на щеках играл здоровый румянец, а глаза остро блестели, как всегда. Губы мистера де Хэвиленда растянулись в тонкую улыбку.

— Вижу, ты проснулась. Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую, что на мою территорию вторглись. Зачем ты приехал?

Де Хэвиленд вздохнул. Смахнув несколько несуществующих пылинок с кресла цвета мха, он опустился в него, слегка вздернув штанины у колен. Внимательно осмотрел комнату, разглядывая каждую трещинку в штукатурке, поцарапанное изножье кровати и темно-синие ромбы заплаток на покрывале. Я поставил поднос у кровати. Он потянулся, налил себе чаю в единственную чашку, глотнул и еле заметно поморщился.

— Это так утомительно. Давай не будем ломать комедию и просто признаем, что я тревожусь о твоём здоровье, — сказал он.

— Черта с два. С каких это пор оно тебя заботит? Эмметт, будь добр, принеси еще две чашки.

— Спасибо, Середит, я уже выпил чаю, — ответил я, а мистер де Хэвиленд проговорил:

— Хватит и одной.

Я стиснул зубы и вышел, не глядя на него. Спустился на кухню и постарался вернуться как можно скорее, но наверху лестницы заглянул в чашку и увидел, что та запылилась; если бы чашка предназначалась для мистера де Хэвиленда, я бы не придал этому значения, но из нее будет пить Середит. Пришлось вернуться и вымыть ее.

Когда я зашел в спальню, Середит сидела в кровати прямо, скрестив руки на груди, а де Хэвиленд развалился в кресле.

— Никак нет, — говорил он. — Переплетчица из тебя отменная. Конечно, ты все делаешь по старинке, но... Ты очень мне годишься.

— Предлагаешь мне работать в твоей мастерской?

— Мое предложение в силе, и ты это знаешь.

— Только через мой труп.

Мужчина с саркастической миной повернулся ко мне.

— Рад, что ты наконец нашел дорогу, — процедил он. — Будь добр, налей Середит чаю, пока она не умерла от жажды.

В ответ я предпочел молчать, чтобы не ляпнуть какую-нибудь резкость. Налив чай, протянул чашку Середит, но не сразу выпустил из рук, желая убедиться, что она крепко держит ее. Она взглянула на меня, и гнев в карих глазах потух.

— Спасибо, Эмметт.

Де Хэвиленд щипал себя за переносицу большим и указательным пальцем. Он улыбался, но от его улыбки веяло холодом.

— Середит, времена сейчас другие. Даже если бы ты была здорова... прошу, подумай над моим предложением. Влачить одинокое существование в милях и милях от ближайшего города, переплетать книги для невежественных, суеверных крестьян... Мы столько работали над нашей репутацией, чтобы люди поняли: мы лечим души, мы — врачи, а не колдуны. Ты же занимаешься переплетным ремеслом в безвестности...

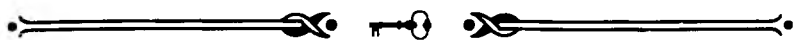
— Не учи меня жить.

Он откинул прядь волос со лба, растопырив пальцы.

— Я лишь хочу сказать, что крестовые походы преподали нам урок...

— Да тебя еще на свете не было во время крестовых походов! Как ты смеешь...

— Ладно, ладно. — Он выждал минуту, затем потянулся и налил себе еще чаю. Заварка потемнела, как морилка, но

он не заметил этого, пока не сделал глоток, а сделав, скривился. — Середит, образумься, прошу. Скольких людей ты переплела в этом году? Четверых? Пятерых? Тебе и так работы не хватает, а ты еще ученика взяла. И твои крестьяне — они же ничего не смыслят в нашем деле. Считают тебя ведьмой. — Он наклонился ближе и заговорил вкрадчиво: — Неужели тебе не хочется перебраться в Каслфорд, где к переплетчикам относятся с уважением? Где уважают книги? Я очень влиятельный человек, знаешь ли. И обслуживаю лучшие семьи.

— *Обслуживаешь?* — повторила Середит. — Переплет делается раз в жизни.

— Ох, ради всего святого, Середит. Если в наших силах избавить человека от боли, кто мы такие, чтобы ему отказывать? Ты чересчур консервативна.

— Довольно! — Она отодвинула чашку, расплескав чай на покрывало. — Не поеду я в Каслфорд!

— Своим снобизмом ты сама себе вредишь! Почему ты предпочитаешь гнить в этом богом забытом месте...

— Ты не понимаешь, верно? — Прежде я никогда не слышал, чтобы голос Середит дрожал от сдерживаемого гнева. Я разозлился вслед за ней. — Помимо всего прочего, я не могу оставить книги.

Он со стуком опустил чашку на блюдце. На мизинце тускло блеснуло кольцо с печаткой.

— Не говори глупости. Я понимаю твою щепетильность, но все очень просто: книги можно взять с собой. В моем хранилище место найдется.

— Отдать мои книги *тебе*? — Она сухо рассмеялась — словно ветка треснула.

— В моем хранилище они будут целы. Там гораздо безопаснее, чем здесь, у тебя.

— Так вот в чем дело, значит... — Она покачала головой и откинулась на подушки; кажется, ей было трудно дышать. — Надо было сразу догадаться. Зачем же еще ты приехал. Тебе нужны мои книги. Ну, разумеется.

Мистер де Хэвиленд сел прямо, и впервые за все время пребывания в доме щеки его слегка порозовели.

— Нет нужды обвинять...

— А сколько книг, которые ты переплетаешь, в итоге оказываются в хранилище? Думаешь, я не в курсе, откуда у тебя деньги на новую мастерскую и твои... расшитые жилеты?

— Брать деньги за переплет не запрещено. Это просто старые предрассудки.

— Я говорю не о деньгах за переплет, — процедила она, и ее губы скривились, точно она съела что-то горькое, — а о продаже книг без разрешения их обладателя. Насколько мне известно, это запрещено.

Они обменялись взглядами. Белой рукой с узловатыми сухожилиями Середит схватила за ключ, который носила на шее, словно его могли у нее отнять.

— Ох, ради всего святого, — де Хэвиленд встал. — Даже не знаю, зачем я тебя уговариваю.

— И я не знаю. Почему бы тебе не убраться восвояси?

Он театрально вздохнул и скользнул взглядом по растрескавшейся штукатурке на потолке.

— Я уеду, когда тебе станет лучше.

— Или когда я умру. Ведь ты на самом деле этого ждешь, угадала?

Де Хэвиленд отвесил ей саркастический поклон и направился к двери. Я прислонился к стене, пропуская его; поймав мой взгляд, он вздрогнул — скорее всего, начисто забыл о моем присутствии в комнате.

— Горячую воду, — бросил он. — В мою комнату. Сейчас же. — С этими словами он захлопнул за собой дверь с треском, от которого задрожали стены.

Середит покосилась на меня, а потом наклонила голову и стала разглядывать покрывало, точно проверяя, верно ли составлен узор из лоскутков. Когда я понял, что она и дальше собирается молчать, я откашлялся.

— Середит... Хотите, я прогоню его?

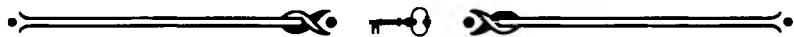
— И как, скажи на милость, ты это сделаешь? — Она покачала головой. — Нет, Эмметт. Он уедет сам, убедившись, что я поправилась. А это будет скоро. — Она произнесла эти слова с мрачным недовольством. — Но ты...

— Что?

Она посмотрела мне в глаза.

— Постарайся не срываться на него. Он тебе может пригодиться.

Обещание Середит не слишком утешило меня: день проходил за днем, а де Хэвиленд, похоже, уезжать не собирался. Я не понимал, почему Середит его терпела, но знал, что без ее разрешения прогонять его нельзя. Тем более что он явился сюда по моей вине. Впрочем, от этого мне не становилось легче. Он подозрительно ковырял блюда, которые я готовил, и бросал мне свои грязные рубашки, приказывая их постирать. Я крутился с утра до вечера, ведь надо было еще заботиться о Середит, и в мастерскую я даже

не заглядывал. Если до приезда де Хэвиленда мне казалось, что дом принадлежит мне, то теперь я был низведен до положения раба. Не могу сказать, что мне было тяжело физически — на ферме до болезни я выполнял работу гораздо тяжелее этой, но присутствие де Хэвиленда выматывало. Никогда не встречал человека, который ступал бы так тихо; не раз, разжигая плиту или отмывая сковородку, я вдруг ощущал его взгляд на затылке. Я оборачивался, надеясь, что он моргнет от удивления или хотя бы улыбнется, но он продолжал смотреть на меня, будто я был невиданным зверем. Я приказывал себе выдерживать его взгляд, и наконец он первым скашивал глаза, а потом бесшумно покидал комнату.

Однажды утром я нес корзину дров для плиты.

— Середит спит. Разожги камин в гостиной, — сказал он, спускаясь с лестницы.

Я стиснул зубы и бросил дрова на кухне, не говоря ни слова. На самом деле мне хотелось сказать ему, чтобы он развел огонь в камине сам, или ответить резкостью, но мысль о беспомощной Середит, спящей наверху, заставила меня прикусить язык. Нравилось мне это или нет, этот неприятный человек был гостем в нашем доме. Я взял несколько поленьев и понес в гостиную. Дверь была открыта. Де Хэвиленд развернул письменный стол и сидел за ним спиной к окну. Когда я вошел, он даже не поднял голову, лишь указал на камин, будто я не знал, где тот находится.

Я сел на корточки и стал выметать остатки золы. Тонкий древесный пепел взметнулся призрачным облачком. Раскладывая хворост для растопки, я почувствовал у основания черепа холодное покалывание; я знал, что, оглянувшись,

признаю свое поражение, но ничего не смог с собой поделать — все-таки обернулся. Де Хэвиленд сидел, откинувшись на спинку стула, и постукивал пером по зубам. Он смотрел на меня, как мне показалось, очень долго, пока кровь не загудела у меня в висках. Затем слабо улыбнулся и продолжил писать письмо.

Я сделал над собой усилие и вернулся к растопке. Разжег камин, подождал, пока пламя разгорится. Когда огонь запылал, встал и отряхнул с рубашки серый пепел.

Теперь де Хэвиленд читал книгу. Он по-прежнему держал в руке перо, пользуясь им, чтобы переворачивать страницы. Лицо его было безмятежным: с таким лицом люди смотрят в окно. Он вернулся на страницу назад и что-то записал на листке. Закончив, опустил перо и пригладил усы; глаза неподвижно уставились на меня поверх ладони, закрывавшей рот. Внезапно выражение рассеянного любопытства на его лице сменилось чем-то еще, и он протянул мне книгу.

— *Мастер Эдвард Альбион*, — проговорил он. — Работа анонимного переплетчика из мастерской Альбиона. Черный сафьян, золотое тиснение, корешок с рельефными полосками. Капталы, прошитые черной и золотой нитью, форзацы, мраморированные карминовой глазурью. Желаете взглянуть?

— Я...

— Возьми. Аккуратно! — добавил он с внезапной резкостью в голосе. — Эта книга стоит не меньше пятидесяти гиней. Куда больше, чем ты когда-либо сможешь выплатить.

Я протянул руку, но в голове что-то щелкнуло, и я отдернул ее. Просто вспомнил его лицо, ту безмятежность,

с которой он читал, хотя не имел на это права; читал чужие воспоминания.

— Не хочешь? Ну да ладно. — Он положил книгу на стол, затем снова взглянул на меня, словно в голову ему пришла какая-то мысль на мой счет, и покачал головой. — Вижу, ты разделяешь предрассудки Середит. Это ученический переплет. Изготовлен на продажу, но совершенно законно. Ничьи чувства не задеты.

— То есть... — я осекся. Меньше всего я хотел обнаружить, что не понимаю, о чем он говорит, но он прищурился, будто догадался об этом без слов.

— Тебе не повезло с наставницей. Ты учишься переплету, каким он был в Темных веках. Но мы далеко ушли от оккультной магии и Книги Хвикке... — Он закатил глаза. — Ты даже не слышал про Книгу Хвикке, верно? А про библиотеку в Помпеях? А про великих переплетчиков Ренессанса и мастерскую Фангорна? Про мадам Сурли? Нет? Процесс в Северном Бервике? Про крестовые походы хоть знаешь? Про них должен знать даже ты.

— Я болел. Она толком и не начинала учить меня.

— Середит не рассказывала тебе про переплетный профсоюз? — спросил он, приподняв бровь. — А про Акт о торговле воспоминаниями тысяча семьсот пятидесятого года? Про законы, регулирующие выдачу лицензий книготорговцам? Святые небеса, а чему она вообще тебя учила? Впрочем, не рассказывай, — с ноткой презрения в голосе бросил он. — Зная Середит, могу предположить, что ты три месяца клеил форзацы.

Я отвернулся и поднял совок, полный золы. Мое лицо пылало.

Уходя и оставляя за собой шлейф из пепла, я услышал брошенные мне вслед слова:

— Моя постель пахнет плесенью. Поменяй простыни, будь добр? И на сей раз проветри их как следует.

Позднее в тот же день я поднялся забрать поднос у Середит и обнаружил, что она встала. Стояла у окна, завернувшись в одеяло; щеки ее покраснелись. Когда я вошел, она улыбнулась, но взгляд ее был странно пустым.

— Вот ты где... Быстро обернулся. Как все прошло?

— Что? — не понял я.

— Переплет, что же еще. Надеюсь, ты был осторожен, провожая ее домой. Когда говоришь им о том, что их переплели, иногда они слышат тебя, хотя... Первый год, когда ум приспосабливается, — опасное время, нужно быть осторожным. Твой отец так и не смог объяснить, почему... почему только одно воспоминание иногда всплывает. Но мне кажется, в глубине души они догадываются, что чего-то не хватает... Поэтому нужно быть осторожным. — Она беспокойно задвигала губами, словно пробовала языком место, где раньше был зуб. — Иногда я думаю, что слишком уж рано ты начал. Я разрешила тебе заниматься ремеслом, но ты был еще не готов.

Я поставил поднос как можно аккуратнее, но фарфоровые чашки подпрыгнули и задребезжали.

— Середит? Это я, Эмметт...

— Эмметт? — Она заморгала. — Эмметт. Ах да. Прости. На секунду мне почудилось...

— Могу я... — Мой голос задрожал. — Могу я вам что-то принести? Хотите еще чаю?

— Нет. — Она поежилась и поплотнее запахнулась в одеяло, а когда снова взглянула на меня, взгляд был ясным и незамутненным. — Прости меня, Эмметт. Вот доживешь до моих лет — тоже начнешь путаться.

— Да бросьте вы, не извиняйтесь, — ответил я с глупой учтивостью, будто она что-то пролила. — Мне идти?

— Нет. Присядь. — Я сел, но она долго молчала. Быстро, как корабли, проносились тени от облаков над болотами и дорогой.

Я откашлялся.

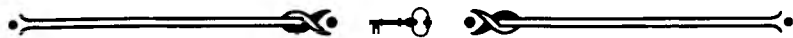
— Середит, за кого вы меня приняли? Несколько минут назад?

— Он считает, что я нарочно держу тебя в неведении. — По едким ноткам в ее голосе я понял, что она имела в виду де Хэвиленда. — Он думает, что я застряла в прошлом. Считает меня упрямой, отсталой старой занудой, потому что для меня наше ремесло священно. А он смеется над такими, как я. Для него главное — власть. Деньги. Он не уважает наше ремесло. Я знаю, что для многих людей мы все равно что колдуны, — проговорила она, словно отвечая на мой незаданный вопрос. — Говоря о нас, люди плюют через плечо или предпочитают вовсе о нас не упоминать. Люди вроде твоих родителей... Твой дедушка был крестоносцем, верно? Отцу твоему хотя бы хватило совести этого стыдиться. Но одно дело невежество. Совсем другое — то, как относится к переплету *он*...

— Де Хэвиленд?

Середит фыркнула.

— Дурацкое имя! Нет, негоже это, когда в переплетной полно людей, которые не знают, что делают... Книги на продажу, подумать только! Мы делаем книги из любви к ремеслу.

Лишь у человека, любящего свое ремесло, книги получаются красивыми. — Она отвернулась, и лицо ее стало каменным: прежде я никогда не видел его таким. — Любовь к своему ремеслу. Понимаешь, о чем я?

Я не понимал. Но решил кивнуть.

— В самом начале рабочего процесса есть момент, когда переплетчик и тот, для кого создается книга, становятся единым целым. Я всегда сижу и жду, когда этот момент придет. В комнате становится очень тихо. Клиент боится: они всегда боятся. И все зависит от тебя: ты просто слушаешь и ждешь. Потом происходит таинство. Твое сознание открывается и впускает в себя сознание другого человека; тот, другой, отпускает воспоминания, и они перетекают в тебя. Этот момент мы называем поцелуем.

Я отвел взгляд. Я никогда никого не целовал, кроме своих родных.

— Переплетчик словно становится человеком, которого переплетает. Ненадолго ты примериваешь на себя его жизнь. Но разве это возможно, если продавать книги ради выгоды?

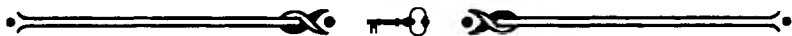
Вдруг у меня свело ногу. Я пошевелил стопами, чтобы унять боль, затем встал, прошелся до камина и вернулся к стулу. Середит следила за мной. Облачко закрыло солнце, смягчив контур ее лица и разгладив морщины.

— Не хочу, чтобы ты стал таким переплетчиком, как он, Эмметт.

— Я лучше горло себе перережу, чем стану таким.

Она рассмеялась горьким и сухим дребезжащим смехом.

— Не зарекайся. Но я все же надеюсь, что это правда. — Она снова укуталась в одеяло, и со стороны показалось, что у нее вырос горб.

Мы долго молчали. Я поджал пальцы в ботинках: внезапно стало холодно.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Знаешь, а я бы выпила чаю, — неожиданно сказала она. — Мне немного лучше.

— Конечно. — Я подошел к двери и рывком открыл ее.

Де Хэвиленд поспешно попятился; оказалось, он стоял под дверью.

— Мне нужно поговорить с Середит, — выпалил он. — Пусти.

Я отошел. По наклону его головы я догадался, что он подслушивал. И обрадовался: мне хотелось, чтобы он знал, какого я о нем мнения.

— Чего лыбишься? — добавил он. — Будь ты моим учеником, я бы давно тебя выпорол.

— Я не ваш ученик.

Он грубо оттолкнул меня.

— Не зарекайся.

Дверь захлопнулась у меня перед носом.

Ночью я спустился вниз, не зажигая свечу: луна светила очень ярко. Было что-то странное в этом свете: он казался осязаемым, как пыль, сквозь которую я пробирался с каждым шагом, словно раздвигая паутину. Но я шел на поиски чего-то, и этим были заняты все мои мысли.

Мне было холодно. Я шел по лестнице босиком. Бросил взгляд на свои ноги, окутанные мерцающим лунным светом, который шевелился при ходьбе, перекатываясь волнами. Я знал, что это сон, но это осознание не разбудило меня. Напротив, я ощутил легкость и обрел способность парить над землей.

Я очутился в мастерской. Здесь все было покрыто тем же серебристым налетом. Задев верстак рубашкой, я оставил на нем темный след; ткань запачкалась мерцающей пылью. Что же я искал?

Передо мной была дверь, ведущая вниз, в хранилище. Но войдя внутрь — дверь я не открывал, она сама открылась от моего легкого прикосновения, — я оказался в другой комнате, той, где стояли стол и стулья. В комнате было светло. За столом спящей ко мне сидел юноша. Я узнал в нем Люциана Дарне.

Он повернулся, словно хотел взглянуть на меня, но все вокруг внезапно замедлилось, и не успел я увидеть его лицо, как начал падать вниз.

Я летел вниз в пустом пространстве, а потом проснулся. Сердце колотилось, руки и ноги гудели от напряжения. Когда тело наконец изволило повиноваться мне, я сел и вытер пот с лица. Еще один кошмар, вот только что кошмарного в нем было? Невзирая на страх, самое сильное чувство, которое я испытал в этом сне, было сродни отчаянию: еще миг, и я узнал бы, что ищу.

Мне казалось, что еще глубокая ночь, но я услышал, как часы пробили семь, и понял, что проспал. Пора было готовить чай для Середит. Соскользнув с кушетки, я направился в коридор, завернувшись в одеяло, как в плащ. Разжег огонь и долго стоял у плиты, подвинувшись как можно ближе, пока не согрелся.

— Будь добр, сделай мне чаю.

Я обернулся. Де Хэвиленд сел на стул и потер лоб двумя пальцами, словно стирая пятно. На нем был светло-голубой халат, расшитый серебряной нитью, но под халатом он был полностью одет, а жилет и шейный платок, кажется, не менял со вчерашнего дня. Под глазами залегли лиловые тени.

Он сказал «будь добр» — и то хорошо. Я не ответил, но поставил чайник на огонь и отмерил ложку чая. Чайница была такой старой, что зелено-золотой орнамент местами усеивали крапинки ржавчины, а когда я открыл крышку, на пальцах остались хлопья краски.

Де Хэвиленд зевнул.

— Как часто приезжает почтовая повозка? Раз в неделю?

— Да.

— Значит, приедет сегодня?

— Наверное. — Вода вскипела, и я наполнил чайник. Лицо обдало паром; щеки запылали.

— Вот и славно.

Он достал карманные часы и принялся заводить их. Колесико издавало неприятный металлический скрежет, от которого у меня свело зубы. Чай не успел завариться, но я все равно разлил его по чашкам; тонкостенная фарфоровая чашка де Хэвиленда наполнилась жидкостью чуть темнее мочи. Он нахмурился, но поднес чашку к губам и стал пить, не сказав ни слова. А допив, звонко цокнул чашкой о блюдце, поставив ее ровно посередине, на круглую выемку.

Я взял поднос и начал готовить чай для Середит. Взял не фарфоровые чашки, а керамические, те, из которых мы обычно пили. Решил не нести ей хлеб с маслом — приедет Толлер и привезет сычуг, тогда я смогу сделать творог. Достал из банки несколько ломтиков сушеных яблок и добавил в чашку ложку меда. Мне так хотелось скорее убраться подальше от де Хэвиленда, что я пролил чай, поднимая поднос.

Он взглянул на меня, когда я прошел мимо.

— Ты куда это направился?

— Отнести Середит завтрак.

— О, — его глаза блеснули, точно что-то позади меня привлекло его внимание. Когда он снова взглянул на меня, взгляд его был спокойным. Радужки у него были такого же бледно-коричневого цвета, как чай в его чашке. Усы растрепались с одного края; меня обуяло жгущее, яростное желание потянуться и дернуть за них, сорвав с лица.

— В этом нет необходимости, — промолвил он. — Боюсь, ночью она умерла.

VIII

Тишина в комнате Середит была абсолютной. Я словно оказался внутри картины. Всё, кроме окна, подернулось сумраком и тенями. За стеклом первый луч утренней зари нарисовал бледно-голубую полосу на горизонте. В углу окна, как парус, висела паутина. Подоконник усеивали крошки грязи и сухие травинки, хотя окно было закрыто на щеколду; но если их и принес ветер, то сейчас он стих, и ни внутри, ни снаружи не раздавалось ни звука.

Де Хэвиленд положил монеты на глаза Середит, чтобы случайно не открылись. Шестипенсовик и полгинеи, монеты разного размера: эффект возник пугающий, как будто покойница подмигивала. Но это было уже неважно, потому что *вещь* на кровати больше не была Середит. Я стоял у изножья и пытался представить усохшее лицо со впалыми щеками и невидящим взглядом живым, обращенным ко мне, пусть даже молча, но все равно наставляющим меня, однако старания мои были тщетны. Даже ее волосы стали неживыми и казались органической материей: плесенью или грибами. Я попытался отыскать в себе проблеск горя или потрясе-

ния, но мозг отказывался подчиняться. Лишь мелочи привлекали мое внимание: слабый металлический запах, похожий на запах тающего снега, засохшее пятно на стакане у кровати и ветхое кружево под подбородком Середит.

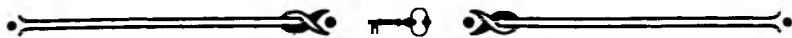
Что же теперь будет?

Я потянулся и коснулся одеяла. Оно было настолько холодным, что казалось влажным. У меня вдруг возник нелепый порыв принести еще одеял, подложить дров в камин; казалось недопустимым и даже жестоким прохлаждаться без дела, пока она лежит в ледяной тишине. Пусть хотя бы танцующие сполохи и шепот пламени составят ей компанию... Но не глупо ли нагревать комнату, где лежит труп? Я представил лицо де Хэвиленда, когда тот увидит меня поднимающимся по лестнице с корзиной дров, отвернулся и перестал смотреть на нее. Не было смысла ничего говорить, поправлять воротник, наполовину завернувшийся внутрь, разглаживать ее рукав; она умерла, полностью и окончательно, и притворяться, что это не так, было бы нелепо и сентиментально.

Я закрыл дверь и спустился по лестнице. Мне казалось странным, что половицы и перила по-прежнему на месте, что они блестят и тускнеют, когда на них падает моя тень, что половицы скрипят так отчетливо. Будто они хотели напомнить мне, что я все еще здесь, я живой, в то время как Середит ускользнула и обратилась в прах.

— Сюда, — послышался из гостиной голос де Хэвиленда. Он никогда не называл меня по имени.

Больше всего на свете мне хотелось открыть входную дверь и уйти. Если бы я ушел сейчас и продолжал идти, к утру завтрашнего дня я бы добрался до дому. Я вошел бы

на двор нашей фермы, усталый, но счастливый. Альта замерла бы на пороге маслодельни, удивленно заморгала, с грохотом уронила бы ведро и бросилась обнимать меня. Отцу и маме я бы сказал, что мне стало лучше, и мы бы начали жить как прежде. Чем они заняты сегодня? На нижнем поле нужно вырыть сточную канаву, а в такую ясную холодную погоду самое время выдергивать репу. А может, мама именно сегодня решила установить коптильню во дворе; на миг мне почудилось, что я слышу густой аромат дровяного дыма с привкусом крови. Я словно пытался вспомнить, каково это — быть ребенком.

— Подойди сюда, сейчас же. Я знаю, что ты там.

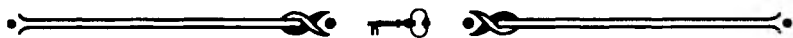
С болью в сердце я отвернулся от двери. Нет, я не мог вернуться домой. Даже если предположить, что родные обрадуются, увидев меня, мне там теперь не место. Я переплетчик, нравится мне это или нет. Что, если переплетная лихорадка навеки у меня в крови, как малярия? И для того, чтобы не допустить рецидивов, я должен заниматься переплетным делом? Отправься я сейчас домой, буду вечно бояться возвращения болезни.

Я прошел по коридору, остановился на пороге гостиной и удостоверился, что мой голос не дрожит:

— Да. Я здесь.

— Наконец-то. — Де Хэвиленд сидел на кушетке, а на столике перед ним стояли пустая чашка и тарелка. Он смотрел в очаг. Он сам развел огонь, но положил слишком много дров; я знал, что через минуту огонь потухнет. — Холод немилосердный. Похоже, дымоход засорился.

Тут как раз, словно по мановению волшебной палочки, пламя затрепыхалось и погасло. Я молчал.

Де Хэвиленд раздраженно щелкнул языком и гневно зыркнул на меня, словно я был виноват в том, что огонь не разгорелся.

— На письменном столе два письма. Отдай их Толлеру, когда тот приедет. Понятно?

Я подошел к столу и взял конверты. «Доктору Фергюсону, Маунт-стрит, 45, Каслфорд» — значилось на первом. Надпись на втором гласила: «Элайдже Оуксу, гробовицу, Хай-стрит, 131, Каслфорд».

— Это все?

Он встал и подошел к окну. На болотах птица пролетела низко над водой, оставив за собой яркий след из брызг; зашелестели на ветру серебристые камыши. Но когда де Хэвиленд обернулся, лицо у него было таким мрачным, словно он смотрел на навозную кучу.

— Сядь.

— Я лучше постою.

Он указал на стул и улыбнулся. Я попытался выдержать его взгляд, но безуспешно.

— Вот и славно, — проговорил он, когда я сел. Затем замолк, поворошил кочергой тлеющие угли в камине и со вздохом продолжил, по-прежнему размешивая пепел: — Мне очень жаль, что Середит умерла.

Я не ответил. Глупо, но я прислушивался, не раздастся ли наверху какое-нибудь движение.

— Хотя она была уже старая. И ее смерть более чем естественна. Одно поколение уходит, другое приходит. Старый порядок уступает новому. И так далее, и тому подобное.

— Можно мне идти?

Он посмотрел на меня. Возможно, мне показалось, но на лице его мелькнула тень удивления. А может, это была игра света, обманка, как танцующие тени на белом снегу.

— Нет, — ответил он. — Нам с тобой нужно многое обсудить. Пожалуйста, сиди спокойно. Ты ерзаешь. Это меня отвлекает.

Я закусил губу.

— Теперь я твой мастер. И, следовательно, несу за тебя ответственность. — Он произнес это, как будто зачитывал вслух какой-то документ. — Если верить Середит, ты перспективный ученик, — он сделал небольшую паузу, по всей видимости, выражая свой скептицизм. — Очевидно, что здесь ты остаться не можешь.

— Я не могу остаться здесь? — Произнеся эти слова, я понял, что это на самом деле невозможно. Мысль о том, что придется уехать из дома Середит, дохнула на меня холодной, точно ледяной ветер подул на рану.

— Об этом не может быть и речи. С кем ты останешься? Я не намерен находиться в этом доме дольше, чем того требует необходимость. Середит отличалась эксцентричностью. Похлеще луддитов² сопротивлялась прогрессу. Боюсь, ты многое упустил в обучении нашему ремеслу и не до конца понимаешь его суть. Жить здесь, как обычный крестьянин... — Он указал кочергой сначала на меня, потом обвел комнату. — Середит упрямо продолжала все делать вручную, сама выполняла всю черновую работу, которая под силу любому мало-мальски ручастому человеку... Принимала всех клиентов, которые к ней обращались... И совсем не гордилась своим ремеслом...

² Луддиты — участники первых стихийных выступлений против применения машин на производстве в конце XVIII — начале XIX вв.

— Она гордилась своим ремеслом.

— Все это не дает никакого представления о том, какая великая честь — быть переплетчиком, — продолжал он, будто бы меня не услышав. — Настоящий переплетчик не должен шить, резать или... — Он нарисовал кочергой в воздухе завитушку, видимо, призванную изобразить работу, для которой у него не было названия. — Настоящий переплетчик никогда не пачкает руки, юноша.

Я машинально взглянул на его руки, белоснежные, как очищенный ивовый прут.

— Но кто тогда будет делать книги? — спросил я. — Кто-то же должен делать книги.

— Само собой. В моей мастерской в Каслфорде служат превосходные ремесленники. Они делают отменные... — снова этот жест кочергой, — обложки и все прочее. Но если с одним что-то случится, я легко найду ему замену, вот в чем дело. А то, чем занимаюсь я, — то, что делают переплетчики, — это истинное искусство. Марать это искусство клеем, бумажной пылью и грязью под ногтями — святотатство. — Он улыбнулся тонкими губами. — Я давно советовал Середит нанять чернорабочего, чтобы она могла сосредоточиться на своем истинном призвании. А узнав, что она взяла ученика, решил, что наконец-то прислушалась ко мне. Но потом она сказала, что ты сам будешь переплетчиком... что переплетная лихорадка скрутила тебя так жестоко, что она даже книги тебе показывать не желала. — Его улыбка исчезла, словно кто-то затянул узелок. — Не переживай, сынок. Я не стану расспрашивать тебя об этом.

Сынок.

Кровь шумела в моих ушах.

— Сейчас я здоров.

— Очень на это надеюсь. — Он поставил кочергу на место, повернулся и стал разглядывать картину на стене. На самом деле я не осознавал, насколько беспощаден его взгляд, но когда он перестал смотреть на меня, у меня словно гора упала с плеч. — Но мне лишь на руку, что ты переплетчик, — мистер де Хэвиленд постучал острым ногтем по раме, выравнивая картину. — Видишь ли, лорд Лэтворти на следующей неделе попросил меня о помощи, но один из моих постоянных клиентов в Каслфорде тоже требует моего внимания. Думаю, ты сможешь меня заменить.

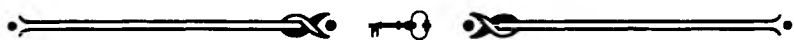
— Что? Я? Но я не...

— Согласен, будь моя воля и будь у меня свободное время, я никогда не выбрал бы тебя своим заместителем. Но переплести надо служанку, поэтому особенная тонкость не требуется. С моим клиентом я попрошу тебя быть вежливым, тактичным и сдержанным — полагаю, это у тебя получится, Середит никогда не брала в ученики дураков. — Он замолчал и покосился на меня через плечо. — А когда я вернусь, смогу точнее оценить твои способности и распоряжусь, что делать с тобой дальше. Если у тебя и впрямь талант, поступишь ко мне в ученики. Если нет, сможешь зарабатывать на жизнь черновой работой в мастерской, как все мои чернорабочие.

— Я не понимаю.

— А я не понимаю, что тут непонятного, — ответил он с изумленной снисходительностью. — Все просто.

— Нет. — Я сделал глубокий вдох и помотал головой. — Я еще ни разу не переплетал... человека. До недавнего вре-

мени я даже не знал, что такое книга. Середит рассказала мне об этом в ночь, когда заболела. Я обучен мастерству отделки и украшения книг, но другая... другая часть... — Я даже не знал, как это назвать. То, что происходило в комнате — чистой, пустой, страшной комнате. — Я не знаю, что должен делать. Не знаю, как все происходит. У меня ничего не выйдет.

— Как все происходит? Это таинство, сынок. — Он вздохнул. — Ты, видимо, имеешь в виду сам процесс? Божь правый, неужели она и вправду тебя ничему не научила? К счастью, ничего сложного тебе делать не нужно, лишь дотронуться до клиента и выслушать его. Возьми бумагу, чернила и перо, сядь напротив и убедись, что клиент согласен, — вот и все, дальше все получится само собой. Есть, правда, тонкость в умении управлять воспоминаниями, главное — не стереть лишнего, но я уверен, что твой... хм-м... *якобы* исключительный талант подскажет, что делать. Как бы то ни было, речь о простой служанке, только и всего.

— Но...

— Жаль, что у тебя нет опыта, но ты уж постарайся. Само собой разумеется, от результата зависит твое будущее — не забывай об этом.

— Но...

— Шел бы ты собираться, сынок. Если Толлер доставит письма сегодня, завтра мы уедем. Ты станешь жить под моей крышей, а когда сможешь вернуться сюда, даже не знаю. — Я открыл рот, чтобы возразить, и он быстро обернулся. Сначала он просто смотрел на меня — почему этот взгляд казался мне таким знакомым? — и от его взгляда у меня свело живот. Потом он взял чашку Середит, поднял ее, точно со-

бираясь произнести тост, и уронил. Чашка разбилась. Я взглянул на сине-белые осколки.

— А еще, — спокойно добавил он, — не смей со мной спорить.

Вещей у меня было немного. Одежда, привезенная из дома, полезные мелочи — коробка иголок и нитка, складной нож, бритва, расческа и почти пустой кошелек. Разложив свой скарб на кровати, я поразился его скудности: даже когда я добавил к нему вещи, подаренные Середит, оказалось, что похвастаться нечем. Костяные палочки для биговки, стертые по краям и отполированные за годы использования; увеличительное стекло, ножницы, нож для выделки кожи и сапожный нож. Я вдруг вспомнил о найденном в мастерском серебряном кольце и подумал, не отнести ли его ювелиру на продажу: теперь, когда Середит умерла, никто не станет разбираться, кто забыл его в мастерской и почему. Кем бы ни был обладатель кольца, он больше сюда не вернется. Но я решил, что это все равно приравнивается к воровству.

Я сложил вещи в мешок и бросил его в гостиной: мою комнату по-прежнему занимал де Хэвиленд. Потом встал у окна и долго смотрел, как меняется свет в ясном небе. Приехал Толлер; я отдал ему письма и попытался не думать о том, как повезло де Хэвиленду, что Середит скончалась именно сегодняшней ночью: случись это днем позже, ему пришлось бы ждать целую неделю, прежде чем он смог бы послать за гробовщиком. Теперь мне оставалось только ждать. Это напоминало бдение, только вот Середит лежала одна за закрытой дверью. Не раз мне в голову приходила мысль зажечь свечи и посидеть рядом с ней, но стоило пред-

ставить леденящий холод в ее комнате и слепой взгляд накрытых монетами глаз, по спине бежали мурашки.

После того как я собрал вещи, де Хэвиленд удалился в мою комнату и запер дверь. Может, он спал, может, и нет, но за дверью было тихо. Когда село солнце, я поднялся наверх и постучал: я был бы рад услышать даже звук его голоса — все лучше, чем этот молчаливый сумрак. Но он не ответил. В обеих спальнях царила тишина, будто он тоже умер.

Я задрожал и нервно рассмеялся. Кажется, мне начинало чудиться всякое; лучше пойти вниз и согреться. Я не проголодался, но меня мучила жажда тепла; я сделал себе чаю и выпил чашку залпом. А потом какая-то бессознательная сила повлекла меня в мастерскую.

В меркнувшем свете из окон едва виднелись очертания прессов и беспорядок на верстаке. Верстак запылчился и смотрел на меня с немим укором. В воздухе висел запах сырости: именно из-за него Середит велела всегда поддерживать огонь в печи. Я поднес лампу к цветным изразцам, но стеклянный колпак так запачкался сажей, что я с трудом различал цвета: красно-коричневый, нефритовый, земляной.

Фартук Середит валялся на полу под крючком, где обычно висел, хотя она почти никогда его не снимала. Я поднял его. На ощупь кожа казалась холодной и твердой. Долго ли он пролежал забытым на полу? Она носила его так долго, что лиф приобрел форму ее тела, а кожа хранила ее запах и запах клея, точильного камня и мыла.

Лишь тогда до меня окончательно дошло, что Середит умерла.

Я понял, что любил ее, лишь когда уткнулся носом в фартук. Сперва я пытался плакать тихо, чтобы де Хэвиленд не

услышал, но через некоторое время мне стало все равно. Я скрючился в углу мастерской, как ребенок, и зарылся носом в старую запачканную кожу, закрывшись фартуком от всего мира и темноты. Мертвое тело, лежащее наверху, — Середит больше не было, но она была здесь, в моих руках. Мне казалось, я слышу, как она вздыхает удивленно и сочувственно и произносит: «Ну полно, сынок, иначе снова заболеешь. Полно, сынок, не плачь...»

В конце концов я успокоился, перестал плакать и начал зевать. Сложив фартук наподобие подушки, сунул его между головой и плечом. Слезы медленно катились за воротник, промачивая грудь. Я заморгал, отгоняя их, веки мои отяжелели. Я застыл на краю темноты, а потом сон закрутил меня в мягком водовороте обрывочных воспоминаний, и я не мог противостоять ему.

Снова меня окружил странный лунный свет, ложившийся густо мерцающей пылью; с каждым шагом он шелестел, как шелк. Я знал, что это тот же сон, что и в прошлый раз, и стоило мне осознать это, как фрагменты сна закружились, грозясь сложиться в другую картинку. Краем глаза я видел угол переплетной, очертания книжных прессов и резака, а затем в лунном тумане вновь оказался на лестнице, и единственное, что занимало мои мысли, — поиски чего-то, что в прошлый раз от меня ускользнуло. Только теперь я точно знал, что мне нужно попасть в комнату в глубине мастерской; там, за дверью, меня ждал Люциан Дарне. Он сидел ко мне спиной за столом, но собирался обернуться и посмотреть на меня.

Внезапно мир вздрогнул и растаял, шею и плечо пронзила боль. Я сидел на полу, промерзший до костей. Складка фарту-

ка Середит впиалась мне в щеку. Где-то рядом раздался звук притворяемой двери и шаги, спускающиеся по лестнице.

Я выполз из-под верстака, поморщившись от боли в шее, — мама сказала бы: поделом тебе спать на холодном полу, — и поднялся на ноги. Отчаянное желание отыскать что-то неведомое из сна по-прежнему не оставляло меня, сердце билось быстрее обычного, но звуки шагов и закрывшейся двери мне не почудились — сквозь щель между дверью и полом просачивалась полоска света от лампы. Она была такой тусклой, что я едва различал ее, но сомнений быть не могло: за дверью кто-то был.

Де Хэвиленд. Я различил приглушенные звуки: какие-то удары, стук упавшего предмета, тонкий голос, напевающий обрывки песен.

Я открыл дверь, и на миг мне показалось, что я снова погрузился в сон; мне казалось, что я увижу за дверью другую, дальнюю, комнату и Люциана Дарне, сидящего ко мне спиной; он вот-вот должен был повернуться и посмотреть мне в глаза, и тогда бы я *понял*.

Ступени вели вниз. Я встряхнул головой, прогоняя отчаяние из сна, и стал спускаться. В глаза мне ударил яркий свет. Горели три лампы: одна стояла на столе, а две другие — на перевернутом ведре в углу. Де Хэвиленд, видно, решил осветить все уголки, даже самые темные. Он беспорядочно сдвинул к стене коробки и выдвинул в центр комнаты большой сундук с откинутой крышкой. Со своего места я не видел, что в сундуке.

Сам де Хэвиленд стоял в глубине комнаты. В руках он держал книги — целую стопку книг. Стена за его спиной пропала — это была не стена, а дверь на потайных петлях;

бронзовое украшение отбрасывало тупоносую тень на пол. За дверью оказалось просторное помещение. Вдоль стен тянулись полки, главным образом пустые; то тут, то там глаза выхватывали книгу, лежащую горизонтально или криво прислоненную к стене. Лишь несколько рядов остались нетронутыми — на самых высоких полках, там, где книги нелегко было достать. Позолота переливалась на свету, поблескивали поперечные линии, тиснение в виде листьев и буквы: *Альберт Смит, Эмелин Риверс, в девичестве Розье...*

Де Хэвиленд промурлыкал себе под нос обрывок какой-то мелодии, затем замолк и потянулся за книгой, чуть отклонившись назад и выгнув спину, чтобы не уронить стопку, которую держал в руках.

— Что вы делаете?

Он оглянулся, и веселое мурлыканье прекратилось.

— Ученик, — произнес он вкрадчиво и слащаво, — тот же вопрос я мог бы задать и тебе. Почему ты не спишь в такой-то час? Разве Середит позволяла тебе бродить по ночам?

— Я был в мастерской и услышал вас.

— А я занят важным делом, — ответил он, подошел к сундуку и наклонился вперед, вывалив в него книги. Его слегка покачивало, на полке у входа в хранилище стоял стакан с бренди; остатки янтарной жидкости поблескивали на дне. — Раз уж ты здесь, будь добр, подай мне вон ту коробку. Сундук и так уже неподъемный.

Я сделал глубокий вдох. Середит лежит наверху, а он пробрался в хранилище и хватает книги с полок, напился и поет! Понятно, что я и не думал помогать. Де Хэвиленд оттолкнул меня и высыпал на пол содержимое коробки, а пустую коробку поставил рядом с сундуком. На меня пахло бренди.

Он пошел в хранилище и набрал еще стопку книг. Я наклонился и, подобрав насадку для паяльника, выпавшую из держателя, положил ее на ведро, где стояли лампы.

Де Хэвиленд принес стопку из четырех или пяти книг. Судя по корешкам, книги были ценные: одна с позолоченным переплетом, другая — с тонкой резьбой по коже, на изготовление которой, должно быть, ушло много часов. Но он бросил их в коробку, даже не читая имен на корешках. Я подошел ближе и увидел, что сундук почти полон очень красивыми книгами: одна напоминала шкатулку с инкрустацией, другая — кружевной платок; третью покрывал узор, похожий на россыпь тлеющих угольков на светлом дереве.

— Зачем вы уносите...

Он снова пошел в хранилище.

— Нет, эта не годится, — не обращая на меня внимание, пробурчал он себе под нос, попытался поставить книгу на полку на прежнее место, но промахнулся. Книга раскрылась, зашелестев страницами, и со стуком упала на пол. — Нет, нет, — твердил он, доставая одну книгу за другой и бросая их на пол; теперь он даже не пытался ставить их на место, они раскрывались и падали, как мертвые птицы. — А вот это то, что надо, отлично! — Он снял книгу с полки и положил ее в коробку; вроде и старался сделать это бережно, но вышло не очень, так как алкоголь давал себя знать. — Да-да... ну-ка, погоди... — Он вдруг вытаращил глаза, наклонился и снова вытащил книгу, посмотрев на корешок так, словно книга его укусила. Переплет был изготовлен из серо-зеленого шелка с узором из листьев, местами посеребренных и мерцающих, как блики на воде. Мне вдруг захотелось потянуться и вырвать книгу у него из рук.

— Ого, — он усмехнулся, — Люциан Дарне! Нет, пожалуйста, отправлять им *эту* книгу невежливо.

— Что?

— Не могу же я отправить тебя к Дарне *с этой книгой*, — он, кажется, думал, что я понимаю. Де Хэвиленд заглянул в сундук, кивнул, словно оценивал собранный урожай, и вернулся в хранилище. Бросил книгу Люциана Дарне на пол и с глухим стуком закрыл потайную дверь. — Пожалуй, хватит, — сказал он. — Если ему и этого будет мало...

— Что значит «отправить к Дарне»? — спросил я. — Вы собираетесь послать меня к Дарне?

— Только ни слова о книге! — он резко обернулся. — Не смей даже упоминать о ней. Бывает, клиенты услышат само слово «книга», хотя ничего другого не помнят, и знаешь, в какие неприятности можно влипнуть? Самые истеричные требуют свои книги назад или просят переплести их заново, или... Впрочем, что я тебе рассказываю, Середит ведь тебя ничему не научила, будь она проклята... — Он вздохнул. — Когда увидишь его, веди себя так, будто его имя ничего для тебя не значит. Ясно?

Я вспомнил черно-белое лицо со впалыми щеками и блеск темных глаз, пронзительный, ястребиный.

— В чем дело? — Де Хэвиленд прищурился, у меня же промелькнула смутная мысль, что я, должно быть, здорово изменился в лице, раз он заметил это даже в подпитии. — Что с тобой? Соberись.

— Я не могу пойти в дом к Люциану Дарне.

— Не говори ерунду. Его же переплетала Середит, а не ты, верно? В любом случае, вы с ним даже не увидите. Тебе нужен Дарне-старший. Держись с ним со всем почтением,

и все обойдется... С почтением, как же, — буркнул он себе под нос. — С такой-то миной. Ох, Бог нам в помощь.

Я ничего не ответил. Вернулось гложущее отчаяние из моего сна, ощущение, будто я упускаю что-то важное, и теперь оно было сильнее прежнего. Что же мой сон пытался мне сказать? Что я искал? Люциан Дарне хотел повернуться и сказать мне...

Де Хэвиленд зевнул, нащупал ключи и запер потайную дверь.

— Ключ у вас, — заметил я. — Середит никогда его не снимала. Откуда вы...

— Середит сама мне его дала, — он повернулся и смерил меня взглядом. Его лицо было холодным и бесстрастным; если бы не налитые кровью глаза, я бы в жизни не решил, что он пьян. — Книги переплетчика — священный фонд. Как ее коллега и доверенное лицо...

— Но вы же сказали, что книги отправятся к Дарне.

Он наклонил голову, словно готов был простить мне одну ошибку, но не больше.

— Не суй свой нос в дела, в которых ничего не смыслишь.

— Очень даже смыслю, — возразил я. — Я слышал, как Середит сказала, что не хочет отдавать вам книги! Она не давала вам ключ, вы наверняка его...

— Не смей обвинять меня, юнец! — Он поднял руку, направив указательный палец вверх; я ясно ощутил угрозу. — То, что ты сегодня увидел, тебя не касается. Забудь об этом. Проболтаешься кому-нибудь — пожалеешь. На этом разговор закончен.

Но слова вырвались у меня помимо моей воли:

— Вы сняли ключ с ее тела. Вы знали, что это единственный способ его заполучить, и смотрели, как она умирает,

а потом сняли ключ, потому что вас интересуют только книги. С какой стати ей отдавать его вам? Она бы отдала ключ мне.

Воцарилась каменная тишина. Я уже жалел о сказанном: если бы я мог взять свои слова обратно, то так и сделал бы.

Наконец де Хэвиленд очень тихо произнес:

— Знаешь что, мальчик, после твоего возвращения от Дарне я тобой займусь. Мне не нравится твой настрой. Придется сбить с тебя спесь.

Груда книг за моей спиной рухнула с громким стуком. Потом все снова затихло.

— Иди спать, — проговорил он. — Притворимся, что тебя здесь не было. Ступай.

Я повернулся и стал подниматься по лестнице. Меня трясло, и он это видел.

— Что же до твоего... предположения, — бросил он мне вслед так внезапно, что я чуть не поскользнулся, — Середит не доверила тебе ключ, потому что книги в хранилище тебя не касаются. Тайны Середит — не твои тайны. Уясни это или сойдешь с ума.

Но я вспомнил уверенность, которую ощутил, находясь внизу, и понял, что он ошибается. В хранилище было что-то, что касалось меня напрямую, — что-то *мое*, принадлежащее лишь мне, как мои кости. Я понял, что искал, но было уже поздно. Мне нужна была книга Люциана Дарне. В ней крылась тайна, зарытая где-то в самом глубине моего существа, глубже, чем сердце.

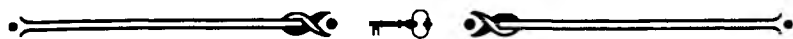
— И Середит доверяла мне, — проговорил он, — хотя со стороны могло показаться, что это не так. Она доверяла мне, потому что я ее сын. И если ты возомнил, что она тебя люби-

ла, даже думать об этом забудь. Ее сердце было холодным, как лед, а если тебе кажется, что она считала тебя кем-то бóльшим, чем рабом, ты просто дурак.

IX

Гробовщик и врач приехали следующим утром на рассвете. Густой туман повис над болотами; холодная сырость пронизывала до костей. Мою голову тоже будто заволокло туманом. Иногда реальность выдергивала меня из оцепенения, но вскоре я снова проваливался в ступор. Картина дня складывалась из отдельных фрагментов. Я помню Фергюсона, стряхивающего капли с пальто на пол в коридоре и произносящего: «Эта дорога ночью — сущий кошмар, нам еще повезло, что лошади не сломали ноги»; его голос звучал слишком громко в нашем доме. Помню человека, больше смахивающего на плотника, чем на гробовщика, и его ледяное рукопожатие; от него пахло перечной мятой. Помню звуки их шагов в коридоре, а позже — другие, шаркающие, неуклюжие шаги людей, согнувшихся под грузом похоронных носилок. Нас вызвали в гостиную засвидетельствовать сертификат о смерти — «обычная формальность», сказал доктор, как будто боялся, что я засмущаюсь ставить свою подпись в такой августейшей компании. Но остальное время я прождал в мастерской у печи, то и дело подкладывая дрова в очаг, словно хотел, чтобы огонь горел вечно. В ушах то гремели, то затихали слова де Хэвиленда, и по коже бегали мурашки. Я почти не сомневался, что Середит по-своему любила меня, но если де Хэвиленд действительно ее сын, он наверняка знал ее лучше, чем я. *Ее сердце было холодным, как*

лед... У меня закружилась голова: все, что я знал о ней, ускользало, просачивалось сквозь пальцы. Теперь мне хотелось лишь поскорее уехать, но когда де Хэвиленд окликнул меня из коридора нетерпеливо, будто звал уже несколько часов, мне стоило большого труда заставить себя встать.

Врач приехал на собственной карете, и они с де Хэвилендом сели в нее, а гробовщик — кажется, его звали Оукс — помог мне загрузить коробки и сундуки на крышу. Кучер ждал нас с мрачным равнодушием; его глаза остекленели. Де Хэвиленд приехал с маленьким саквояжем, теперь же карета скрипела под весом багажа. Я узнал сундук и коробку из подвала, но они оказались не единственными: была еще одна коробка, внутри которой что-то тихо позвякивало, и другая, со дна которой капали золотые чернила. Я думал было распаковать ее и отыскать протекший пузырек, но времени на это не осталось; к тому же теперь содержимое коробки принадлежало де Хэвиленду, так что какое мне дело до чернил. Я привязывал коробки и слышал, как де Хэвиленд нетерпеливо ворчит в карете.

Гробовщик поехал первым. Я постоял и посмотрел ему вслед: крытая брезентом повозка тархтела по дороге, и если не знать, *что* там, под брезентом, можно было подумать, что это телега крестьянина или ремесленника, везущего на рынок свой товар. Мне подумалось, что я, вероятно, должен был почувствовать что-то, глядя, как тело Середит увозят все дальше от меня, но не чувствовал ничего.

Лишь сев в карету и устремив взгляд на удаляющийся дом, я ощутил, как грусть хватает меня за горло. Де Хэвиленд изучал меня своими блеклыми глазами — они были пародией на светло-карие глаза Середит, — и я попытался

выдержать его взгляд, но у меня ничего не вышло. Неужто я и впрямь был ее рабом? Что, если Середит, которую я любил, существовала лишь в моем воображении, а я, дурак, все это время заблуждался? Я вонзил ногти в бедра, пытаюсь отвлечься на боль. А де Хэвиленд повернулся к доктору Фергюсону и стал разговаривать с ним, как будто меня рядом не было.

Ехали мы долго. Спустя несколько часов меня укачало на ухабистой дороге. Я радовался, что не нужно поддерживать беседу, но когда туман заволок окна и от холода заоченели руки и ноги, происходящее стало казаться мне все менее и менее реальным. Даже облачка пара, вылетающие из ртов моих спутников, были плотнее, чем у меня. Один раз мы остановились по малой нужде. К тому времени с болот мы уже выехали, и по обе стороны дороги вырос лес. Меж темными стволами деревьев клубилась мгла, и мир вдруг показался таким далеким и безрадостным, что мне захотелось поскорей вернуться в карету.

Каждая минута пути тянулась бесконечно. Беседа де Хэвиленда и Фергюсона могла бы меня заинтересовать, если бы люди, о которых они сплетничали, были мне знакомы, но поскольку я не знал никого из них, постепенно их разговор слился со стуком колес. Мне не было никакого дела до лорда Лэтворти, Норвудов или Гамбдонов; не волновало меня и то, по любви или по расчету выходит замуж Онорина Ормонд. Я уже готов был отдать мизинец ради нескольких минут тишины, но они наконец замолчали, и стало только хуже. Теперь мне в голову полезли мысли о Середит, моей семье и о том, куда меня везут, но думать об этом не хотелось.

Постепенно вокруг нас вырос Каслфорд. Сперва на горизонте показались его смутные очертания и послышалось далекое эхо; затем тени в густом тумане стали ярче и усилилось зловоние сточных вод, угольного дыма и кирпичной пыли. Карета протарахтела мимо стройки, где дымилась груда торфа, извергая едкий дым, заставивший де Хэвиленда закашляться и аккуратно сплюнуть мокроту в платок. Мы выехали на широкие улицы, где по обе стороны от нас грохотали повозки, а дым имел удушливый аммиачный привкус старого навоза. Де Хэвиленд задернул ставни, и карета погрузилась в серый полумрак, но не избавила нас от звуков внешнего мира. Я боролся с тошнотой, а за окном фыркали и ржали лошади, кричали люди, визжали женщины, лаяли собаки, и за всем этим гвалтом гулким фоном жужжали колеса и механизмы, или слышался еще какой-то звук, или неразборчивая какофония звуков. Я помнил Каслфорд совсем другим, но не стоит забывать о том, что я несколько месяцев прожил на болотах, где тишину не нарушали даже крики животных. Закрыв глаза, я представил мастерскую Середит — *свою* мастерскую, брошенную, но все еще существующую где-то там, в тишине, и мысль о ней согрела меня, как талисман.

Наконец мы остановились. Тело мое затекло и одеревенело, голова раскалывалась. Де Хэвиленд вышел из кареты и щелкнул пальцами, подзывая меня.

— Выходи, сынок. Чего ты ждешь?

Я ждал, пока выйдет доктор Фергюсон, но тот удобно устроился в углу, и тут я понял, что он поедет дальше без нас. Я неуклюже протиснулся мимо него и очутился на тротуаре. Кучер шикнул сквозь зубы, прогоняя холод и растирая руками плечи. Карета не трогалась с места.

Я огляделся и запахнул пальто, укрываясь от внезапно налетевшего холодного ветра с частичками угольной сажи. Мы стояли на улице с широкими голыми тротуарами и высокими кирпичными домами; тут и там виднелись кучки грязного снега. К каждому дому вела лестница и перила, а все двери и ступени были одинаковыми. На крыльце ближайшего к нам дома стоял лавровый куст в глазированном горшке, и даже с расстояния десяти шагов я видел на листьях пятна копоти, черной, как плесень.

— Проклятье, ты уснул там, что ли? — Де Хэвиленд поднялся по лестнице и позвонил в колокольчик. Я поспешил за ним и увидел на двери табличку с витиеватой гравировкой: «*Де Хэвиленд, Ч. П. П.*». Не знаю, чего я ожидал, но не этого.

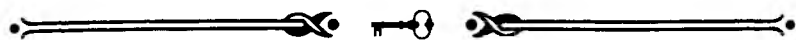
Дверь открыла суровая дама с пучком и пенсне на шнурке. Увидев де Хэвиленда, она просияла и отошла в сторону, пропуская его в дом. Ее улыбка застыла, когда она увидела меня, но дама ничего не сказала, лишь промолвила:

— Хорошо, что вы вернулись, господин де Хэвиленд. Миссис Сотертон-Смайт нуждается в ваших услугах. Мистер Сотертон-Смайт даже пригрозил обратиться к другому переплетчику, если вы скоро не вернетесь.

— И оставить книги его жены в нашем хранилище? Сомневаюсь, что он осуществит угрозу, — он коротко и сухо рассмеялся. — А в чем дело? Неужто жена пронюхала о его новой любовнице?

Дама откашлялась, покосилась на меня, но де Хэвиленд махнул рукой.

— Не волнуйся, это мой новый ученик. Рано или поздно ему все придется узнать. Ты записала ее на прием?

— Пока нет, сэр. Но я отправлю записку вечерней почтой.

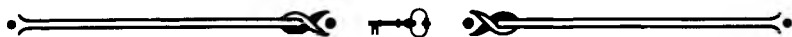
— Вот и славно. Приму ее завтра. Но прежде проверь, оплатил ли Сотертон-Смайт последний счет.

Он прошел по коридору, вымощенному плиткой. С одной стороны я увидел полуоткрытую дверь с табличкой «Приемная». Через щель в двери мне открылась светлая модная гостиная: стены, оклеенные обоями с узором из птиц и камышей, журналы, разложенные на столике веером. В фарфоровой вазе стоял букет весенних цветов, хотя на дворе была зима. В глубине этой комнаты виднелась еще одна дверь, но я не успел толком разглядеть ее: де Хэвиленд остановился, бросил взгляд через плечо и нахмурился.

— Что ты там копаешься? Никогда не был в приличном доме? Иди сюда.

Суровая дама испарилась: по всей видимости, скрылась за дверью в противоположном конце коридора. Замок щелкнул. Я поспешил за де Хэвилендом и догнал его, когда тот толкнул дверь черного хода и вошел в темный коридор, ведущий в тесный маленький дворик. Мы очутились у старого покосившегося деревянного здания. За мутными стеклами окон мелькали тени. Огибая лужи, де Хэвиленд подошел к дому и открыл дверь.

— Мастерская, — провозгласил он. — Ты будешь спать в комнате наверху. Ну же, заходи. — Он миновал темный коридор и толкнул дверь слева. Та распахнулась, и я увидел комнату, в которой сидели четверо или пятеро мужчин, склонившись над верстаками или прессами. Один из них встал — в руке у него был молоток — и начал что-то говорить, но увидев, кто стоит на пороге, отдал честь и промолвил:

— День добрый, сэр.

— И тебе того же, Джонс. Бэйнс, Уинторн, на улице стоит карета, груженная коробками; их нужно принести. Будьте добры, займитесь этим. Сундук снесите мне в кабинет, остальное тащите сюда. — Он даже не взглянул на рабочих, оставивших свои дела. Один из них обтягивал уголок кожей, и я увидел, как он поморщился и отклеил обтяжку, чтобы та не высохла полуготовой. Рабочие понуро прошаркали мимо, но де Хэвиленд словно не замечал их. — Джонс, познакомся: мой новый ученик. Он будет спать наверху и работать с вами.

— Переpletчик-подмастерье, хозяин?

— Да. Но он также умеет... — де Хэвиленд рассеянно махнул в сторону книжного прессы, — умеет делать грубую работу, так что, пока будет учиться переплетать, пригодится вам и тут. — Он повернулся ко мне. — Я позову тебя, когда ты понадобишься. В остальное время слушайся мистера Джонса.

Я кивнул.

— И само собой разумеется, в большой дом тебе нельзя, пока я тебя не позову. — Он повернулся и вышел. Рассохшаяся дверь скрипнула и захлопнулась с глухим стуком.

Стоявший у окна мужчина поднял голову, презрительно выпятил губы, будто насмываясь, и стал смотреть, как де Хэвиленд пробирается по двору, пытаясь не замочить ног. Трое рабочих, даже не переглянувшись, склонились над верстаками. Я сунул руки в карманы, чтобы хоть немного согреть пальцы. Ждал, пока Джонс спросит, как меня зовут, но тот склонился над прессом и продолжил стучать молотком по спинке книжного блока.

Я кашлянул.

— Мистер Джонс...

Один из рабочих фыркнул: мужчина, сидевший ближе всех к выходу; он вертел готовую книгу на свету, проверяя четкость тиснения. Я повернулся к нему, и он закатил глаза.

— Не Джонс, а Джонсон. Этот осел даже имена наши запомнить не может.

— Он свое-то имя запомнить не может, — заметил его товарищ, не отрываясь от работы. — Де Хэвиленд, мать его. Типа француз, как же.

— Значит, мистер Джонсон, — проговорил я.

Но Джонсон мне так не ответил. Рабочий, что заговорил со мной, пожал плечами и положил готовую книгу на столик у стены.

— Заверни ее, будь добр.

Я не сразу понял, что он обращается ко мне. Неуклюже прошагал по проходу между верстаками, а рабочий, пока я дошел до столика, уже вернулся на свое место у печи. Осматривая наконечник паяльника, он добавил:

— Заверни ее в коричневую бумагу и запечатай воском. Сверху напиши имя, порядковый номер и поставь пометку «Хранилище». Затем заполни учетную карточку. Сейчас я покажу, как.

Джонсон небрежно бросил между ударами молотком:

— А чья это книга?

— Раншэма.

Рабочие хором рассмеялись.

Я взял книгу. Она была тоненькая, небольшого формата, с комбинированным переплетом из кожи и мраморированной бумаги. Никто не смотрел в мою сторону, и я, преодо-

лев сомнения, открыл книгу и осмотрел ее изнутри. Форзац был неаккуратно обрезан, из него торчала нитка, и между форзацем и титульной страницей не было авантитула. «Сэр Персиваль Раншэм, том 11» — было написано на титульном листе. Я машинально пролистал блок: направление волокон было неправильным³. Потом раскрыл ее в случайном месте. Она была написана вычурным, трудночитаемым языком, полным витиеватых оборотов. *«...Ее фигура определено раздалась, и я поздравил ее мужа с грядущим прибавлением в семействе и спросил, когда ожидать младенца; представьте мой ужас и недоумение, когда он сперва удивился, а затем рас- свирепел...»*

— Жаль, что книга не на продажу, — заметил Джонсон. — Раншэм — просто умора. Коллекционеры посмеялись бы на славу. — Он в последний раз ударил молотком по книге, зажатой в прессе, и принялся раскручивать деревянные болты. — Слышал, как он толкает речь, Хикс? Я однажды видел его в ратуше. Он разглагольствовал о правах нижних сословий — его любимая тема. Вечно вяпается во что-нибудь. Неудивительно, что его переплетают дважды в год. — Он достал книгу из пресса, вынул деревянные клинышки и осмотрел закругленный корешок. — Сойдет. Так ты будешь заворачивать книгу, парнишка? Или, как все *настоящие* переплетчики, не хочешь марать руки черновой работой?

Я вытянул из стопки лист коричневой бумаги и стал заворачивать книгу, стараясь делать это как можно проворнее. Пальцы не слушались, и получилось у меня плохо; когда же

³ Неписаное правило переплетчиков гласит, что направление волокон бумаги и переплетного картона должно быть вертикальным, параллельным корешку.

я понял, что забыл записать имя, мне пришлось развернуть бумагу и прочесть его снова. Наконец я закончил работу, накапал воска на узелок и припечатал его монограммой — изящными буквами «Д» и «Х». И как я сразу не догадался, что де Хэвиленд — не настоящее имя? Я не знал фамилию Середит, но при мысли, что он предпочел от нее отказаться, меня пробрала радостная дрожь. Значит, он не любил ее, или не доверял ей, или не понимал ее. Откуда ему знать, любила она меня или нет? Но проблеск тепла длился всего миг. Теперь я был здесь, и все это не имело значения.

Я наклеил ярлык, и парень помоложе — Хикс, кажется, — забрал книгу у меня и указал на стопку карточек.

— Теперь напиши на карточке имя, номер тома и дату. В правом верхнем углу сделай пометку «Хранилище». И следуй за мной.

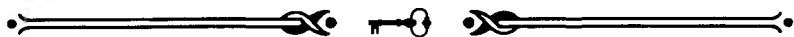
Мы вышли в коридор, где на стене висел мешок. Хикс бросил в него сверток.

— Книги, которые отвозят в хранилище, клади сюда. Бронированную повозку присылают из банка всего раз в месяц, поэтому дверь на улицу всегда должна быть заперта, а курить в мастерской строго запрещено, ясно? Потеряешь книгу — лишишься работы. Книги на продажу хранятся здесь, пока де Хэвиленд их не заберет. — Он указал на дверь напротив того места, где мы стояли. — Видишь этот ящик? Карточки опускаешь сюда, в щель. По вечерам старая крыса приходит и забирает их. Понял?

— Кажется, да.

— Вот и хорошо.

По двору плелись двое рабочих, которых отправили за багажом; они сгибались под тяжестью коробок и ящиков.

Хикс открыл им дверь. Отдуваясь и кряхтя, они затащили коробки в коридор, а потом в мастерскую.

— А у тебя что за история? Отрабатываешь обучение? — спросил Хикс.

— Можно и так сказать.

Он открыл рот, видимо, собираясь спросить что-то, но прищурился и снова закрыл.

— Что ж, тогда займись чем-нибудь полезным, — промолвил он через секунду.

Мне поручили протирать верстаки. Стоило раз провести тряпкой по столу, как она почернела от сажи. Затем я стал подметать пол. Быстро смеркалось, и сначала я решил, что, когда за окном стемнеет, работа в мастерской прекратится, но когда свет потускнел настолько, что грязь на полу стало невозможно разглядеть, рабочие зажгли лампы и продолжили заниматься своим делом. В мастерской было тепло лишь около печи, а от маслянистого, едкого запаха угля у меня крутило живот. Я ничего не ел с завтрака, но никто не поинтересовался, голоден ли я.

— Мусор можешь выбросить в корзину за домом, — сказал Хикс. — Рядом с сараем, где хранится уголь... пойдем покажу. Заодно и угля принесешь. Разожги печь и отправляйся спать, ладно? Выйдешь покурить, Джонсон?

Прошагав по коридору, мы вышли в боковую дверь. Она вела в узкий, плохо освещенный переулок. Казалось невероятным, что улица с высокими элегантными домами находится лишь в двух шагах от переплетной. Здесь дорога была немощеной, покрытой глубокими рытвинами заиндевевшей грязи и длинными блестящими полосами гололедицы. Беспорядочно громоздились стены и выпирающие крыши из

рифленого железа. Хикс указал на низкую пристройку с одностатной крышей. Я выбросил мусор из ведра в корзину и стал нагружать ведерко углем. В доме напротив завывала собака. Хозяин прикрикнул на нее, и завопил ребенок.

— Господа, — раздался высокий голос, — господа, прошу... — Я поднял голову. По замерзшей грязи ковыляла старуха. Хикс с Джонсоном переглянулись; Хикс выбросил спичку, которой зажег трубку. — Прошу, не уходите, господа. Я знаю, что вы думаете, но я не нищенка и не прошу милостыню. Вы же переплетчики, верно? У меня есть для вас кое-что.

— Мы не переплетчики, — ответил Джонсон. — Если тебе нужен переплетчик, иди стучись в дверь со стороны Элдерни-стрит.

— Я стучалась. Но сторожевая псина у двери не захотела меня пускать. Послушайте, господа... я в отчаянии. Но обещаю, вы не разочаруетесь. Ради моих воспоминаний мужчины выстроятся в очередь. Честно.

Хикс выпустил облако дыма, и на конце его трубки затеплился огонек.

— Тебя же Мэгз звать, верно? Послушай... Предложение что надо. Но мы такими делами не занимаемся. Даже если... — Он замолк.

— Да бросьте. Я с вас много не возьму. Пару шиллингов, не больше, за долгие годы воспоминаний. За самое лучшее. Что захотите. Секс. Как мужчины меня избивали. На моей улице произошло убийство, я все видела своими глазами...

— Прости, Мэгз. Может, попробуешь кого-то из подпольщиков? Фаготини? Его лавка на углу Скотобойни и Библиотечных рядов.

— Фаготини? — Старуха смачно сплюнула. — У него нет вкуса. Говорит, что еще не продал мою прошлую книгу, ту, что переплел в прошлом месяце. Но это все отговорки, он прижимист, аки жаба.

Джонсон вдруг спросил:

— А где твои дети, Мэгз?

— Дети? Нету у меня детей. И мужа никогда не было.

— Ты так всю жизнь и прожила, одна? — В голосе его слышалась горечь, но не было насмешки. — Ты это точно знаешь?

Старуха заморгала и странным рассеянным жестом вытерла лоб рукавом. Только тогда я понял, что вовсе не старость избородила морщинами ее лицо и сделала глаза пустыми.

— Жестокий ты человек, надо мной смеяться.

— Я не смеюсь. Ты и так уже все продала. Ступай домой.

— Мне бы всего пару монет. Господа, сжальтесь. Правдивый рассказ о жизни на улице — готова поспорить, графья и герцоги заплатят за него несколько гиней! Я предлагаю вам выгодную сделку!

— Мэгз... — Хикс вытряхнул трубку, постучав по стене пристройки, хотя не докурил. — Ты уже спрашивала, помнишь? Когда Джонсон отвел тебя в мастерскую и напоил чаем? Или ты и про это забыла? — Последовало молчание; Мэгз рассеянно вертела головой. — Неважно. Ступай и найди другой способ зарабатывать на жизнь, иначе от тебя ничего не останется.

— На жизнь? — Она расхохоталась и замахнулась на него полой своей драной накидки, как темная птица крылом. — И это, по-твоему, жизнь? Я, по-твоему, жива? Да мне уже давно плевать, я хочу все забыть. Я лучше стану одной из

сумасшедших, что околачиваются у лавки Фаготини, пуская слюни, одной из тех, кого он выскреб до дна. Я *хочу*, чтобы от меня ничего не осталось.

Джонсон вышел вперед, схватил ее за локоть и развернул в ту сторону, откуда она явилась. Он дернул ее так резко, что она подвернула ногу и чуть не упала.

— Довольно. Убирайся отсюда или я вызову полицию.

— Мне бы всего пару шиллингов... хорошо, один. Один шиллинг! Шесть пенсов!

Он оттащил ее подальше от двора переплетной и толкнул. Женщина зашаталась, бросила на него злобный взгляд, и на миг мне показалось, что она плюнет ему в лицо. Но она этого не сделала и заковыляла прочь в океане мерзлой грязи. Скрывшись за углом, она закашлялась — звук был низким, хриплым, и я словно услышал ее настоящий голос.

Вернулся Джонсон.

— Холодно сегодня. Пойду-ка я в дом.

Хикс кивнул и сунул трубку в карман. Меня дожидаться они не стали; я бросил в ведро еще пару горстей угля и поспешил за ними. В дверях я услышал, как Хикс спросил:

— Так у нее есть дети?

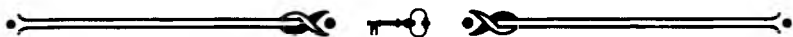
— В живых остались трое. Они в работном доме. Зато какой-то везучий ублюдок сейчас читает трактат о материнской любви.

Дверь за ними затворилась.

Я развел огонь в печи и взял свой мешок с вещами, брошенный в углу. Кто-то из рабочих бросил:

— Твоя комната наверху. В конце коридора.

Никто не пожелал мне спокойной ночи. Я поднялся по лестнице; ноги от усталости дрожали. На лестничной пло-

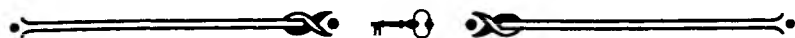

щадке было маленькое окошко; на грязном стекле застыл ледяной узор в виде листьев папоротника. Я приблизился к нему и дунул, но лед не растаял.

Комната оказалась тесной и грязной, от холода сводило зубы. В одном углу стояла провисшая кровать, на пол свешивалось несколько одеял. Постараюсь не думать о том, сколько людей спали на ней до меня. Разглядев под кроватью ночной горшок, я стал дышать осторожнее, опасаясь учуять зловоние. Но через минуту холод стал невыносимым, и я улегся на кровать, завернувшись во все одеяла. Те пахли сыростью и плесенью, но могло быть и хуже. Матрас сваялся комками, а сквозь истертую наволочку в голову впивались перья. Мне казалось, что я не согреюсь никогда.

На улице закричали. Завернувшись в одеяло, я встал посмотреть в окно, но стекло было покрыто черным налетом угольной сажи, единственный фонарь светил тускло, и я ничего не увидел. Впрочем, вскоре крики затихли. Теперь лишь изредка выла собака и где-то плакал ребенок. На зубах хрустела маслянистая угольная пыль, также я чувствовал ее на кончиках пальцев. Чем дольше я буду здесь оставаться, тем будет хуже, и в конце концов уже ничто не смоет с меня этот налет, даже кости мои почернеют.

Я зажмурился. Перед глазами возник ясный образ: Альта в дверях маслобойни роняет ведро, ее глаза ширятся от радости, и она бежит по двору мне навстречу. Как наяву я почувствовал землистый, аммиачный запах свинарника, увидел шелковистую сливочную струйку свеженадоенного молока, вытекающую из опрокинутого ведра. Мне казалось, что с тех пор, как я уехал, время на нашей ферме остановилось: если я вернусь сейчас, по-прежнему будет лето, Альта и мои

родители ни капли не изменятся, а меня будут дожидаться незаконченные дела. Или нет... если бы я мог вспомнить, что было до того, как я заболел; вспомнить прошлую зиму, когда я все еще знал, кто я... Кажется, тогда моей единственной заботой была посадка живой изгороди на верхнем поле и я боялся лишь того, что мама заметит исчезновение ее лучшего ножа, который я взял, чтобы освежевать кролика. Я открыл глаза и вытер слезы рукавом.

Я не мог вернуться домой. Но если я продержусь здесь несколько дней, де Хэвиленд отправит меня к Дарне, и я сделаю свой первый переплет.

Теперь, когда я знал, что меня ждет, мне было чуть-чуть полегче, но в то же время я понял, что не смогу убежать от судьбы, и испытывал страх. Побывав у Дарне и сделав переплет, я смогу выбирать. Может быть, отправлюсь в новое место или найду способ вернуться в мастерскую Середит, ставшую мне вторым домом. Но пока я должен оставаться здесь. Иначе мне придется бояться всю жизнь, а я ведь даже не знаю, в чем причина моего страха. Знаю лишь, что страх как-то связан с Люцианом Дарне и моими кошмарами.

Я растянулся на кровати. Подушка покрылась восковым налетом старого масла для волос. Стараясь не обращать внимания на бугристый матрас, я свернулся в клубок и замер. Наконец я немного согрелся, но все равно сон мой был неглубоким. Сквозь дрему я слышал хлопанье дверей и крики дерущихся пьяных. По всему городу били часы. Потом, должно быть, усталость взяла свое, потому что, когда наутро Хикс постучал в дверь, разбудив меня, я не понимал, где нахожусь, и с трудом вспомнил свое имя.

Х

Через три дня де Хэвиленд отправил меня к Дарне. Накануне вечером он вызвал меня к себе, послав за мной секретаршу, мисс Бреттингэм. Когда я явился в гостиную, загроможденную мебелью и безделушками, со стенами, сплошь увешанными картинами, так что на них почти не осталось свободного места, он рассеянно изучал толстый гроссбух в переплете из мраморированной бумаги и пролистывал стопку квитанций.

— А, это ты, — поднял он голову. — Дарне-старший ждет тебя завтра с утра. Я отправлю с тобой посылку: не забудь забрать ее у мисс Бреттингэм. В ее кабинете, напротив приемной. — Он смерил меня взглядом с головы до пят и поморщился. — Вечером я пришлю в твою комнату личную одежду. И, будь добр, помойся.

Мистер де Хэвиленд указал пером на дверь, повелевая мне идти. Чернила брызнули на раскрытую бухгалтерскую книгу, и он раздосадованно прищелкнул языком.

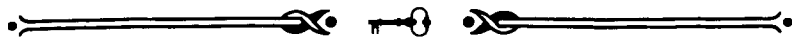
— Но я...

— Мне некогда. С утра я сразу уезжаю в особняк Лэтворти, и дел у меня невпроворот. Если у тебя есть вопросы, спроси кого-нибудь еще.

— Кого?

— Да хоть самого лукавого. Ступай.

Вечером я поднялся в комнату и обнаружил на своей кровати новый костюм: светло-серый, с голубым жилетом и чистой рубашкой с накрахмаленным воротником. В грязной тесной комнатухе он смотрелся настолько чужеродным, что с порога казалось, будто какой-то аристократ случайно

забрел в комнату и лег на кровать умирать. Приблизившись и поднеся свечу, я также увидел блестящие туфли, шляпу из чесаного фетра и коробочку слоновой кости с запонками и застешкой для галстука. Примерять все это не было нужды; я знал заранее, что наряд окажется неудобным и не по размеру. Я положил костюм на самый чистый участок пола и попытался забыть о нем, но всю ночь мне чудилось, будто он тянет ко мне свои отглаженные руки.

На следующий день я старательно смыл с себя грязный налет, накопившийся за день, и побрился с ледяной водой, а насчет того, что костюм окажется неудобным, я оказался совершенно прав.

Стоило мне войти в мастерскую, Хикс присвистнул и выкрикнул:

— Эй, ребята, гляньте-ка на Его Светлость! — Товарищи мои зашлись хохотом.

Де Хэвиленд взял карету и поехал в Лэтворти, а мне пришлось брать кэб; раньше я никогда не ловил кэб и долго стоял на тротуаре на Элдерни-стрит. Наконец один возница остановился и спросил, не заблудился ли я. А я и впрямь на миг растерялся и решил, что забыл адрес Дарне, но потом, запинаясь, все-таки назвал его, и возница велел мне садиться в карету. Мисс Бреттингэм отдала мне «посылку» — ею оказался сундук, который де Хэвиленд наполнил книгами доверху, — я затащил его на сиденье, а потом залез в карету сам, пожалев, что де Хэвиленд не догадался отправить сундук почтой.

Из окна кареты я глядел на проносящийся мимо Касл-форда, но мое сердце билось так отчаянно, что перед глазами все сливалось, из общей массы проступали лишь отдельные

фрагменты: ряд новых домов, портик с колоннами на углу, витрины с яркими образцами тканей. У меня возникло ощущение, что все вокруг — старательно созданная подделка; казалось, если мы свернем и поедем другим маршрутом, я вгляжусь внимательно и увижу, что дома на самом деле сделаны из раскрашенного картона, что это всего лишь хлипкие декорации. Не узнавал я и себя. В этом светло-сером костюме и голубом жилете я чувствовал себя самозванцем и поджимал пальцы в слишком тесных ботинках.

Я старался не думать о том, каково это будет — переплестать человека, но мысли лезли в голову против моего желания. Ничего у меня не выйдет, полагал я, или хуже того — переплетная лихорадка вернется, и я, потеряв контроль над собой, снова утону во мраке горячечных галлюцинаций. Кричащего, меня увезут в сумасшедший дом. А Люциан Дарне увидит все это. На языке повис горьковатый привкус страха.

Кэб протарахтел по мосту и миновал замок — полуразрушенную громадину из желтого камня. Внезапно карет и повозок стало больше: они выскакивали по бокам и ехали так близко, что я мог до них дотронуться. Нас словно подхватило течение; затем карета замедлила ход и свернула в переулок. Там было тихо. Вдоль дороги высились ряды платанов с голыми ветками.

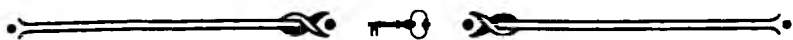
— Приехали.

— Что? — Я не расслышал и наклонился вперед.

Возница вытянул руку с хлыстом и указал на дом.

— Дом номер три, — проговорил он. — Видишь кованую «Д» на воротах? Это здесь.

Я вышел из кареты, вытащил сундук и с грохотом бросил его у ног. Занятый своими мыслями, я не подумал о том, как

буду расплачиваться с кучером, и на миг запаниковал. Однако, сунув руку в карман, почувствовал прохладную тяжесть соверена в руке. Вероятно, де Хэвиленд или мисс Бреттингэм проявили неожиданную предусмотрительность. А может — что вероятнее всего, — монету забыл предыдущий хозяин костюма, и с момента, когда сюртук надевали в прошлый раз, никто не проверял карманы.

Кэб уехал. Я глубоко вздохнул. Кованые узоры на калитке извивались, как лианы, — венок из чугунных ростков вокруг витиеватой буквы «Д». Дорожка, усыпанная гравием, делила припорошенную снегом лужайку на четыре части и вела к широкой парадной двери с витражными стеклами. Дом с двумя фронтонами был построен из старого красного кирпича; по обе стороны от двери располагались высокие зашторенные окна. В доме горел свет. Вверху, где фасад встречался с крышей, стены украшала лепнина в виде симметричных урн и выступов. В таком большом доме наверняка имелись два входа, как в особняке де Хэвиленда, — один для знатных гостей, второй для простолюдинов. Я попытался вспомнить, говорила ли мисс Бреттингэм что-то про черный ход. Но нет: она лишь наказала мне вести себя почтительно, но не подобострастно. *«Помни: ты представляешь мистера де Хэвиленда»*. Она произнесла это так, будто де Хэвиленд был величайшим человеком на земле, и я едва ли мог надеяться стать его достойным представителем.

Значит, постучусь в парадную дверь. Я присел на корточки, чтобы поднять сундук; плечи заныли. Однако пару месяцев назад я бы и вовсе не сумел его поднять. Сундук предназначался мистеру Дарне: *«Первым делом вручи ему сундук — только ему и никому больше, понял?»* — но зата-

щить в дом такую тяжесть оказалось непросто. Пот выступил на лбу, воротник рубашки впился в шею, и я подумал, что ткань, наверное, уже успела запачкаться и покрыться серыми пятнами копоты.

В окне верхнего этажа как будто бы колыхнулась занавеска. Я стал уговаривать себя, что мне показалось, но чувствовал, как чей-то взгляд скользит по мне, пока я иду по дорожке, и вздохнул с облегчением, оказавшись у входной двери. Прижав сундук к дверному косяку, я кое-как дотянулся до колокольчика и стал ждать. Руки тряслись под весом ноши. Рисунок на панели из цветного стекла — лампа и ее пламя, окруженные зеленой лентой, — задрожал и заплесал перед глазами. Гудели колени, дрожь в них была слишком сильной и не могла быть вызвана далеким дребезжанием колес по булыжной мостовой. Дыхание участилось.

— Доброго дня, сэр, — произнес кто-то.

Но я не обратил внимания на открывшую дверь служанку — тихий голос, кружевной чепчик, прыщик на лбу, — потому что в коридоре за ее спиной увидел Люциана Дарне, спускающегося по лестнице. Земля вдруг пропала у меня из-под ног, и я закачался на волнах тьмы.

Каким-то чудом я все же удержался на ногах. Каким-то чудом, когда Дарне... Люциан Дарне взял сундук у меня из рук и повел в комнату, я смог последовать за ним, с трудом удерживая равновесие. Каким-то чудом я даже отвечал ему, хоть и не помню, что он спрашивал и что я говорил в ответ.

Не сразу, но мир перед глазами наконец обрел прежнюю четкость. Я сидел за полированным овальным столом из черного дерева, блестящим, как зеркало. В комнате было тем-

но, и хотя через окно просачивался серый дневной свет, лампы на стенах горели. В камине пылал огонь. Цветом камин напоминал сырое мясо с прожилками жира, обои были такого же цвета, но более темного оттенка, с узором из мелких бордовых цветов. У стены в дальнем углу комнаты стоял высокий застекленный шкаф с диковинками. Я прищурился, пытаюсь разглядеть коллекцию: пучок перьев, порхающие бабочки под стеклянным колпаком, оскал гигантской челюсти... В ушах по-прежнему гудело, будто рядом кто-то водил пальцем по ободку стакана, но гул был совсем слабым и я старался его не замечать.

— Отец спустится через минуту. Желаете чего-нибудь? Может, стаканчик хереса? Мы только что пообедали, к сожалению. Ужин в восемь.

— Благодарю.

Люциан Дарне захлопотал у графина в дальнем углу комнаты, и мне стало легче. Я с силой выдохнул и сжал ноги, чтобы унять дрожь в коленях. Он не помнил меня. Когда мы виделись в прошлый раз, во взгляде его читалась ненависть. Теперь в нем не было ничего, ни капли узнавания, ни следа презрения или ярости — ничего, что могло бы мне навредить, лишь легкая тень высокомерия, которая, судя по всему, была для него привычным выражением и не относилась ко мне.

— Прошу.

Передо мной оказался стакан, и я заставил себя посмотреть ему в глаза.

— Спасибо. — Я не ожидал, что мой голос прозвучит так ровно. Сделал маленький глоток, и жидкость теплом разлилась по телу.

— Посылка для отца, правильно я понимаю?

— Да.

Вероятно, я должен был остановить его, не дать открыть сундук, но он с такой уверенностью щелкнул замками, что не было сомнений: он делал это раньше. Люциан Дарне достал четыре или пять книг, повертел в руках, взглянул на корешки и бросил обратно с откровенным презрением. Одну книгу он разглядывал дольше других, нахмурившись, — ту самую, на которую и я обратил внимание, когда де Хэвиленд убирал ее в сундук, со светлой обложкой, на которую словно просыпали красно-золотые тлеющие угольки. Но в конце концов он и ее бросил в сундук, причем с еще большей ненавистью, чем швырял предыдущие.

Пока он рассматривал книги, у меня было время понаблюдать за ним. Надо признать, он изменился: исчезли круги под глазами, осунувшееся лицо разгладилось. На щеках появился румянец, который через несколько лет у людей такого типа обычно превращается в болезненно-красный, лихорадочный; взгляд был тусклым, как грязное стекло, но в целом Люциана Дарне можно было назвать красивым. Однако мне не верилось, что передо мной стоял тот же юноша, которого я видел у Середит, — тот самый, чье худое мрачное лицо являлось мне в кошмарах.

Открылась дверь. Чей-то голос произнес:

— Ты, должно быть, помощник де Хэвиленда.

Я начал подниматься, но седовласый мужчина, стоявший на пороге, поднял палец и снисходительно улыбнулся. В глазах его играли искорки.

— Сиди, юноша.

Он прошел мимо сына и сжал мою руку в ладонях. У него была теплая сухая кожа. Вблизи я увидел, что не так он и стар, несмотря на седую шевелюру и худое лицо; в нем было что-то не от мира сего, что-то неземное, но не хрупкость. Я с трудом представлял этого человека во главе промышленной империи Дарне.

— Очаровательно, — проговорил он, — ты же почти ребенок. И уже переплетаешь для де Хэвиленда! В наше время так мало юношей находят себе полезное занятие.

Люциан Дарне махнул на дверь.

— Мне вас оставить?

— Нет, нет, останься. — Дарне-старший разглядывал меня так пристально, будто желал проникнуть мне в душу. — Жаль, что твой хозяин сам не смог приехать, но, как я понимаю, лорд Лэтворти увел его прямо у меня из-под носа. Ну да ладно, зато я познакомился с тобой. Какая удача.

— Мистер де Хэвиленд наверняка жалеет, что не смог приехать.

— Как же, как же, — ответил Дарне-старший, но по добром, его слова не прозвучали насмешкой. — Как бы то ни было, де Хэвиленд наверняка рассказал тебе о нашей бедной Нелл — сядь, Люциан! — и о том, сколько бедняжка страдалась. Нет нужды, — он снова поднял палец, — говорить о ее несчастях в присутствии моего сына, он слишком нежен для рассказов о чужих неприятностях. — Может, презрительные нотки в его голосе мне только почудились, может, Люциан вовсе не стискивал зубы, а может, все так и было на самом деле. — Но я хотел бы снова видеть ее счастливой, — закончил Дарне.

— Де Хэвиленд сказал, что у вас есть служанка, и ей требуется...

— Именно, именно. — Он кивнул, чем спас меня от неловкости. — Простого переплета будет достаточно. Она простая девушка, знаешь ли, умом не блещет, хотя все мы, естественно, ее очень любим. Ты, кажется, что-то сказал? — обратился он сыну.

— Нет, — ответил Люциан, налил себе стакан бренди и выпил залпом половину.

В глазах Дарне-старшего промелькнуло что-то вроде печали, но когда он снова повернулся ко мне, его лицо разгладилось и стало безмятежным. — Думаю, много времени это не займет. Она молода, а в юности несчастья быстро забываются. Что до самой книги, доверяю тебе самому выбрать оформление и все прочее. Если пришьешь готовую книгу через неделю, буду рад.

— Прислать книгу? Сюда? Но я думал, книги отправляют в хранилище...

— Нет, нет. У нас здесь свое хранилище. А теперь вынужден тебя покинуть. У меня дела, и, боюсь, мы больше не увидимся. Во всяком случае, сегодня. Но, надеюсь, наши пути вскоре снова пересекутся. — Он похлопал меня по плечу и вышел из комнаты.

— Я забыл сказать, мистер де Хэвиленд прислал вам эти... — Я указал на сундук, но было слишком поздно, дверь за Дарне-старшим закрылась.

Люциан проводил его взглядом.

— Он очень обаятелен, не так ли?

— Я рад с ним познакомиться. — Только сейчас я осознал, что Дарне-старший не поинтересовался, как меня зовут.

— Конечно, конечно. — Люциан наклонил пузатый стакан и вылил на язык последние капли. — Впрочем, тебе-то какая разница, какой он из себя? Главное, чтобы хорошо платил. Хоть и платит он не тебе, а де Хэвиленду.

— Он заботится о благополучии вашей служанки, что любезно с его стороны. Не всякий хозяин поступил бы так.

Люциан рассмеялся, наполнил свой бокал и выпил бренди одним глотком.

— Ты что-то вроде врача, — то ли спросил, то ли констатировал он. — Приходишь и вскрываешь нарыв. Большой пульсирующий гнойник размером с чью-то жизнь. Потом моешь руки и притворяешься, что не нюхал ничего, кроме роз. Уходишь с отяжелевшими карманами и ждешь следующего раза. Точь-в-точь как врач. Работа на благо людей. Но на самом деле ты занимаешься этим, потому что людям вроде моего отца нравится вкус гноя...

— Какая мерзость.

— Мерзость, верно?

Я отвернулся. В стекле шкафчика с коллекцией диковин зашевелилась тень, точно один из предметов ожил. Но то было отражение Дарне-младшего: он подошел к камину и протянул свободную руку к огню. Он был без запонок, манжета распахнулась, и я увидел вены на его запястье, выступающие нити сухожилий. Кожа была бледной, желтоватой, как слоновая кость.

Когда он заговорил снова, голос его был усталым, точно он осознавал тщетность своих слов.

— Я пошлю за ней. Тебе нужно что-то еще?

— Нет.

Он пожал плечами.

— Как знаешь. Работать будешь здесь?

— Полагаю... да.

Для работы мне нужны были лишь стол и два стула, а может, даже и в этом не было необходимости. Что сказал де Хэвиленд через день после смерти Середит? *Нужно лишь дотронуться до клиента и выслушать его. Возьми бумагу, чернила и перо, сядь напротив и убедись, что клиент согласен, — вот и все, дальше все получится само собой.* Неужто этого достаточно? Чувство нереальности происходящего окутало меня, как в тот раз, когда мне снилось, будто меня выбрали королем в День летнего солнцестояния, а я забыл танцевальные па. Я не успел объяснить Дарне-старшему, что я всего лишь ученик и понятия не имею, что делать. А при мысли о том, что Люциан будет смотреть на меня, у меня вспотела шея. Я поставил сумку на стол, открыл ее и достал стопку бумаги, перо и пузырек чернил. Аккуратно разложил их на столе. Больше в сумке ничего не было. Заполненная квитанция от де Хэвиленда лежала во внутреннем кармане.

Люциан позвонил в колокольчик. Дождаясь служанку, он спросил:

— И сколько времени тебе понадобится?

— Точно не знаю.

— Де Хэвиленд обычно делает перерыв на чай около четырех.

— Я... Нет, я не буду делать перерыв. Спасибо.

— Хорошо. Когда Нелл выйдет, я пришлю кого-нибудь с ужином. Если что-то еще понадобится, вызови Бетти, ладно?

— Да.

Люциан, кажется, хотел добавить что-то еще, но тут вошла служанка, и он отвернулся.

— Будь добра, позови Нелл. И проследи, чтобы их никто не беспокоил, пока мистер... прости, я не знаю твоего имени.

— Фармер, — ответил я. Я понимал, что его воспоминания о доме Середит стерлись, как и все остальное (теперь это было записано в его книге), но мне казалось странным, что нам приходится знакомиться снова.

— Мистер Фармер, — эхом отозвался он с легкой издевкой в голосе, словно мое имя его насмешило. — Не беспокойте их, пока мистер Фармер не позвонит и не велит принести ужин. — Наконец он снова взглянул на меня, и в его глазах мелькнула искра злобы. — Удачи, мистер Фармер. Надеюсь, вам... понравится.

Я отвернулся, борясь с желанием ударить его. *Понравится.* Неудивительно, что его презирав собственный отец.

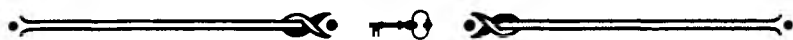
Когда он выскользнул из комнаты вслед за служанкой, я перевел дух. Сел и провел рукой по волосам, утирая со лба жгучий пот. На языке ощущался древесный привкус хереса с легкой примесью желчи. Стук моего сердца, казалось, слышался в каждом углу комнаты и отдавался на разной ноте от всех поверхностей: стекла, дерева, мрамора, оклеенных обоями стен.

— Сэр, вот Нелл.

Пошатываясь, я поднялся, словно меня внезапно разбудили. Горничная постарше поклонилась и вышла, затворив дверь с тактичным щелчком, прозвучавшим громче удара.

Нелл. Я не знал, чего ожидать, и потому удивился, увидев ее.

Она была... бесцветной. Казалось, ее стерли, как карандашный набросок: худенькая, с выпирающими шишковатыми ключицами и пустым, как у обветренной статуи, лицом. Совсем юная, моложе меня и даже Альты.

Я указал на стул напротив; жест чем-то напомнил мне де Хэвиленда, и я поежился. Нелл повиновалась, но движения ее были странно безжизненными, ей словно не было ни удобно, ни неудобно. Она *отсутствовала*. Я нервно сглотнул. Милли тоже пребывала в кататоническом состоянии, приехав к Середит, но ее кататония была иной, яростной, как эпицентр бури. А Нелл... ее просто как будто здесь не было.

— Меня зовут Эмметт. А тебя Нелл, верно?

— Да, сэр.

— Не надо звать меня «сэр».

Это был не вопрос, и она не ответила. Я мог бы догадаться, что она промолчит, но ее молчание показалось похожим на несогласие.

— Тебе известно, зачем я здесь?

— Да, сэр.

Я подождал. Ничего. Она могла бы стесняться, кокетничать или дерзить мне, как Альта, когда была в ее возрасте. Но Нелл ничего этого не делала. Я надавил ногтем на подушечку большого пальца и как можно ласковее произнес:

— Так скажи мне. Зачем я здесь?

— Вы приехали стереть мне память.

— Хм-м... — Она была права; ее формулировка оказалась не лучше и не хуже других. — Да. Если ты согласна. Твой хозяин... мистер Дарне, — я презирал себя за свой напыщенный тон, — он сказал, что ты очень расстроена. Это так?

Нелл посмотрела на меня. Будь на ее месте любой другой, мне было бы трудно выдержать взгляд — в ее глазах не было ничего человеческого. Это был взгляд животного. В конце концов мне пришлось первому отвести глаза.

Воротник невыносимо впивался в шею. Я оттянул его пальцем, а потом замер, внезапно смутившись.

Сядь напротив и убедись, что клиент согласен.

— Послушай, — сказал я, — мне лишь нужно знать, хочешь ли ты отдать мне свои воспоминания. Если не хочешь, я...

Она закусила губу. Незаметное движение, но оно стало первым признаком жизни.

Мое сердце подпрыгнуло. Я наклонился к ней, стараясь не выдать своей радости.

— Все будет хорошо, не сомневайся, — проговорил я. — И если ты чувствуешь, что можешь продолжать жить с этим, это прекрасно. Так гораздо лучше. Может быть, ты чувствуешь в себе смелость и желание жить с тем, что произошло? Что, если ты сильнее, чем тебе казалось сначала, когда ты попросила...

— Я не просила. Мистер Дарне захотел.

— О. Хм, да, наверное... — Звук собственного голоса был мне ненавистен — льстивый, угодливый, отчаянно пытающийся найти выход из затруднительного положения, в котором я оказался. Я стиснул зубы и подумал о Середит. Она бы хотела, чтобы я проявил себя лучшим образом, и не ради меня самого, а ради этой бледной девочки с осунувшимся лицом и безжизненным взглядом. — Я лишь хочу сказать, — продолжил я, стараясь говорить бесстрастно, — что у тебя есть выбор. Никто не может заставить тебя делать то, что тебе не хочется.

— Правда?

— Конечно, да... — начал было я, но что-то в ее лице изменилось, и я замолчал.

Что это было? Проблеск какой эмоции? Она слегка прищурила глаза, точно я произнес нечто, достойное презрения.

Потом снова продолжила тарашиться на меня. Пустота то заволакивала ее взгляд, то уступала место проблескам чувств. На мгновение мне показалось, что я узрел в ее взгляде безбрежную, как пустыня, безнадежность, но через миг я засомневался. Может, она просто не отличается умом. Мистер Дарне так и сказал: умом не блещет. Скорее всего я преувеличиваю, вижу то, чего нет, ничего странного, учитывая, как сильно я нервничаю. У меня крутило живот.

Наконец она потупилась. Ее руки лежали на коленях, ногти были обкусаны до мяса, грязь въелась в кожные складки на костяшках. Когда она дышала, грудь ее едва шевелилась.

— Что я должна делать?

Я откинулся на спинку стула. Накрахмаленный воротник вонзился в шею. *Есть, правда, тонкость в умении управлять воспоминаниями, главное — не стереть лишнего...* Я пытался не бояться. Середит не сомневалась, что переплет мне под силу; говорила, что я рожден переплетчиком.

— Просто расскажи мне обо всем. Своими словами.

— О чем?

— О том, что хочешь... забыть.

Она на дюйм приподняла плечи. Открыла рот, но не произнесла ни звука. Прошло немало времени, и я стал поглядывать на колокольчик. Я мог бы вызвать служанку, оставить записку и выскользнуть за дверь прежде, чем Дарне-старший или младший ее прочтут.

Я встал. Взгляд Нелл последовал за мной с опозданием на секунду. Тут я подумал, что она, возможно, пьяна; но нет, я бы учуял запах или понял это по ее речи.

— Нелл, послушай, — сказал я, еще больше поджимая пальцы в тесных туфлях, — я никогда... я не могу переплести

тебя, понимаешь? Меня прислали сюда по ошибке. Я ученик переплетчика и никогда... Я объясню мистеру Дарне, что ты ни в чем не виновата и к тебе это не имеет отношения. Через пару дней мистер де Хэвиленд сможет приехать сам. Но сейчас я не смогу тобой заняться. Зря я начал говорить с тобой... зря пытался создать впечатление, что... Я думал, что у меня получится. — Я замолк и добавил чуть тише: — Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она закрыла глаза.

— Да, — ответила она, и голос ее прозвучал словно издалека.

— Приношу свои извинения. — Слова были чопорными, как мой накрахмаленный воротник.

Она не пошевелилась. Что-то блеснуло на ее щеках, и я понял, что она плачет — недвижно и беззвучно, как статуя под дождем. Я отвернулся и оказался лицом к лицу с застекленным шкафом-витриной. На одной из полок стояла красивая китайская шкатулочка, а рядом с ней лежало что-то сморщенное и маленькое, похожее на чернослиvinу. Я пригляделся и увидел, что это маленькая голова с ракушками вместо глаз. Я повернулся к Нелл.

— Давай просто посидим здесь немного. Потом я позвоню в колокольчик и все объясню мистеру Дарне. — Я не мог позвонить сразу; возникнет впечатление, будто я и не старался вовсе.

— Посидим здесь?

— Да. Просто отдохнем.

Она моргнула, и слезы усилившимся потоком покатились по щекам и закапали с подбородка. Она вдруг стала тереть лицо передником, и я на мгновение увидел в ее лице черты

девочки, какой она была когда-то, — впрочем, она ей по-прежнему оставалась.

— Отдохнем? Здесь?

Голос Нелл прозвучал хрипло, словно на поверхность проступило какое-то чувство, но я не смог угадать, какое именно.

— Да. Если захочешь.

— Я... — Она замолкла, не договорив, как будто хотела сказать что-то опасное, но передумала. Затем кивнула, и ее лицо вновь превратилось в бесстрастную маску.

— Вот и хорошо.

Я выдохнул как можно медленнее, пытаюсь расслабить узел в желудке. Затем пересел на другой стул, чтобы смотреть на огонь в камине, не выворачивая шею. Пламя прогорело; остались лишь красно-золотые пузырьки, росшие на головешках, как грибы; они уменьшались, но одновременно разрастались и множились, распуская в стороны голубоватые корни. От очага постепенно распространилось тепло, смягчая боль в моих ногах и расслабляя напряженные мышцы, после долгого путешествия в карете в Каслфорд болевшие беспрестанно. Подняв голову, я увидел узор на обоях, то расплывающийся, то проясняющийся; пятна становились изящными завитушками, а потом снова пятнами цвета освеженной плоти. Газовые лампы горели неровно и прищептывали. Дыхание Нелл замедлилось. Теперь мы дышали в такт.

Так прошло много времени, и наконец пробили часы. Я взглянул на Нелл. Та смотрела в стену, и взгляд ее был столь неподвижным, что я уж решил, что она заснула с открытыми глазами.

— Я позову горничную, — тихо сказал я. — Ты готова вернуться к себе?

Она не ответила. Я встал и наклонился к ней.

— Нелл?

Ничего. Она не спала, в этом я не сомневался; вероятно, она впала в тот же транс, что и я, убаюканная тишиной и теплом. Я смотрел на нее, видел, какой красивой она могла бы быть, если бы не была такой грустной, и сердце мое разрывалось. Потом я снова позвал ее по имени — «Нелл?» — и положил руку ей на плечо.

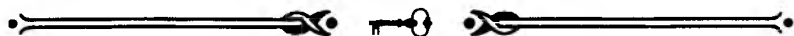
Мир ухнул и завертелся. А потом вывернулся наизнанку.

XI

Печаль текла, как серая река, затягивая меня в свои пучины так стремительно, что я успевал увидеть картинки лишь урывками. Проносились дни. Черными вспышками мелькали ночи. Меня не существовало, я был частью ледяного потока, оком всевидящим, но неслышащим. Что происходит? Я пытался вспомнить, кто я — свое имя, облик, что угодно, — но меня больше не существовало, а потом не стало и «я».

Серый поток. Его скорость чуть не сбила меня с ног. Потом постепенно он замедлился. Я стал *смотреть* чужими глазами и видеть мир не таким, каким привык, а искаженным чужим зрением, инаковостью восприятия. Все было таким же, но совершенно *иным*, настолько иным, что я бы закричал, если бы существовал, если бы от меня осталось хоть что-то, что могло бы бояться.

Постепенно картина выровнялась, и я увидел детали, которых никогда бы не заметил, будь я собой; то же, на что

я обычно обращал внимание, казалось размытым. Узнал ли я... впрочем, я слишком прочно сросся с Нелл, чтобы понимать, что чувствовал в тот момент; я знал лишь, что она смотрит на парадную дверь с витражным стеклом в центре, изображавшим горящую лампу, обвитую зеленой лентой. Она была довольна, взволнована, предвкушение теплилось внутри угольком. Она дернула за колокольчик, и это было странно, будто я надел чужую перчатку.

И снова мир завертелся. Раздался голос, оборвавшийся, как крик, подхваченный ветром: «...не в эту дверь! Вход для слуг за домом!» — и растворившийся, проглоченный накатившей серой волной. Последовали другие вспышки, яркие, как лихорадочные сны; в них мелькали тени — черные, неразличимые. Крошечная спальня в мансарде, серые стены и отваливающаяся штукатурка на побеленном потолке. Холод. Ночи, когда от усталости она валялась на кровать и мгновенно забывалась сном. Старик-хозяин — присмотреться, не такой уж и старый, — который относился к ней по-доброму. Черно-белое лицо, едва замечавшее ее присутствие. Пышногрудая женщина в переднике, отвесившая ей пощечину и той же рукой угостившая ее куском кекса с цукатами. Волны мыльной воды на плиточном полу, сырость, въедающаяся в колени, как плесень. Старик стискивает ей плечо. И снова спальня. Дверь, запертая снаружи. Глядя на отслаивающуюся грязную краску, она просовывает палец в замок, пытается вскрыть его ногтем. Не получается. Зима, работа без продыху, плечо, вывихнутое под тяжестью ведра для угля; старик усаживает ее: «У тебя лицо запачкалось, милая... возьми мой платок...» И снова спальня, иней на почерневшем от копоти стекле, старик: «Да что ты боишься,

я принес тебе...» Угля. Он принес угля. Она лежит без сна, ей плохо от холода и почти хочется, чтобы он пришел снова, но в то же время она молит небеса, чтобы не приходил. Дверная ручка поворачивается; она сжимает кулаки; старик: «Замерзла?»»

Серость смыкается над головой, душит ее, не дает вздохнуть. Потом холодное утро. Ее лихорадит. *«Да что с тобой такое? Шевелись, девица!»* Ее дважды тошнит. Сушить одежду некогда. Холодное прикосновение сырого полотна. Только вытрешь пол, и он уже грязный. Пыль на каминной полке растет, как плесень. Кажется, она сходит с ума. Спальня. Старик. Вонь из ночного горшка.

Думай только о том, что съела и что вышло с другого конца, — думай только об этом. Нет...

Пауки таятся в углах черными узелками. Невидимые насекомые ползут по рукам. Грязь под ногтями, нужно от нее избавиться. Солнце обжигает шею — должно быть, весна пришла незаметно. Но все по-прежнему серым-серо. В горло лезет душливый запах сирени.

Летний домик. Отсыревшие подушки. Трясущиеся руки, расстегивающие пуговицы. Снова спальня, душная, знойная; ее лицо закапано мужским потом. Спальня, кабинет, мертвая летняя тишина, мокрые шлепки чужой плоти о ее плоть. Спальня. Осень. Дальше все как в тумане. Серые стены ее спальни, тени в углах. Зима.

И старик. Старик. Старик.

Я вынырнул, глотая воздух. Легкие обожгло кислотой. Кабинет плясал перед глазами, плыл и двоился, словно я хлебнул лишку. Но я был здесь, я вернулся, а кошмар оказался...

Реальным. Он все еще был реальным. Но теперь я очутился за его пределами.

Она сидела напротив. Ее глаза были закрыты. Я тоже закрыл глаза, чтобы не видеть ее, но во мраке под веками видел ее воспоминания — уже меркнувшие, далекие, теперь кажущиеся чужими, но по-прежнему близкие настолько, что я поежился. Хозяин. Дарне-старший. В своих воспоминаниях она отказывалась называть его по имени, предпочитала именовать его «стариком», точно это было ее единственной властью над ним. Но это был он. Благосклонный блеск в глазах, кажущаяся доброта, искренняя, безыскусная улыбка... По коже поползли мурашки. Он понравился мне. Нравился он и ей. До того как...

Я попытался сделать вдох и закашлялся. Возвращение в мир и в мое тело прошло болезненно. Но это была хорошая боль, она означала, что я здесь, я существую, и мы с ней больше не одно целое.

— Сэр?

— Да? — Я поднял голову и заморгал, пока картина перед глазами не прояснилась.

Она приподнялась на стуле, словно вдруг очнулась, не понимая, где находится.

— Вы что-то хотели? Простите, я, наверное, задремала... Здесь так тепло.

— Что? Нет. Ты не задремала. Я...

— Вам нехорошо, сэр? Хотите, я позову кого-нибудь?

— Нет. Нет. Благодарю. Мне просто нужно... время. — Я охрип, словно заговорил впервые после нескольких дней молчания. — Нелл...

— Да, сэр?

Я опустил голову. Мое отражение в полированном столе черного дерева сияло, как бледная луна на темном небе. В глубине клубились тени, но стоило мне посмотреть на них, как они рассеялись. Я резко встал, внезапно испугавшись, что меня снова засосет тьма. Нелл теребила подол фартука, глядя на меня как на смертельно больного.

— Прошу тебя, ступай и отдохни, — промолвил я. — Ты устала. Мистер Дарне... — я споткнулся, произнося его имя, но Нелл даже не моргнула. — Мистер Дарне разрешил. Кто-нибудь тебя заменит.

— О, — она нахмурилась, — спасибо, сэр. — Повернулась, двинулась было к двери, но остановилась, а потом торопливо вышла, отряхивая передник, будто заходила в комнату, чтобы вымести золу из очага.

Дверь притворилась. Тихий щелчок еще долго звучал в моих ушах, потом перерос в гул и рев, заглушив все остальные звуки. Наконец рев стих, и я услышал потрескивание дров в камине, шипение газовых ламп, глухие шаги и голоса людей в соседних комнатах. Часы пробили четверть часа: сперва раздался шероховатый скрежет заводного механизма, а затем — гулкий звон, нарастающий с каждым ударом. Я медленно вдохнул и прислушался к телу, выискивая знакомые симптомы старой болезни. На миг мне показалось, что боковым зрением я увидел тьму, крадущуюся из углов, но с выдохом ощущение исчезло, осталась лишь усталость.

Я встал и позвонил в колокольчик, чтобы служанка позвала Люциана Дарне, но, уже вытянув руку, замер и поморщился от горечи во рту. Очаг, отражение газовых светильников в стеклянных дверцах шкафа, старинные часы с уставившимся на меня самодовольным ликом луны, тол-

стый персидский ковер на полу... С каминной полки невидящим взглядом поверх завитых усов таращились фарфоровые спаниели. Я мысленно смахнул с них пыль, мечтая швырнуть о стену, чтобы дурацкие статуэтки разлетелись на мелкие кусочки, но в то же время боялся осуществить свое намерение. Я полировал взглядом каминную решетку, отчаянно торопясь закончить прежде, чем *старик* зайдет и увидит меня. Я чувствовал зернистую сажу под ногтями и пятна сажи на бедрах... На всех предметах в комнате лежала печать воспоминаний Нелл.

Потянувшись за сумкой, я увидел на столе книжный блок: аккуратная стопка пока еще не переплетенных страниц, исписанных вручную. У меня перехватило дыхание. Эти строки написал я. Я не помнил, как писал, но никаких сомнений: я узнал свой почерк. Само собой, это писал я, кто же еще? Мне не сразу удалось совладать с собой; затем я потянулся и положил бумаги в сумку.

Я не задумывался о том, что случится, когда хозяева обнаружат, что я ушел не попрощавшись; что скажет де Хэвилленд, узнав, что я сбежал. Выскользнул в коридор; сердце бешено колотилось, словно я совершил воровство. Проем в конце коридора вел в холл, выложенный шахматной плиткой; с одной стороны стояла кадка с папоротниками, из-за нее выглядывала фигура. Увидев меня, фигура испуганно замерла. Я не сразу понял, что передо мной зеркало, а в зеркале — мое отражение. Вверх уходила витая лестница; стены были увешаны портретами, но я не стал разглядывать их и торопливо двинулся к входной двери. Наклонившись, открыл первый засов, а вот со вторым пришлось повозиться.

Случайно я задел локтем фарфоровую подставку для зонтов, и та громко заскрежетала по мраморному полу.

— Куда это ты?

Вопрос, заданный с холодным любопытством, заставил меня отпустить задвижку. Я обернулся. За мной стоял Дарне, но не старик, а Люциан.

— Ухожу, — ответил я, удивившись его беззвучному появлению.

— Куда? Через час будем ужинать. Де Хэвиленд всегда остается.

— А я не останусь.

— Ты не можешь просто уйти. Даже если ты не голоден, отец захочет побеседовать с тобой.

Я покачал головой.

— Тебе что, нехорошо?

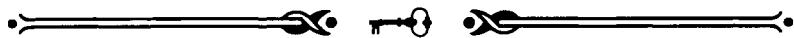
Я открыл было рот, чтобы ответить, но понял: говорить с ним бессмысленно. Повернувшись к двери, налег на задвижку. Та поддалась, и я взялся за третью.

— Да что с тобой такое? Пусть горничная покормит тебя. Потом придет отец, заплатит тебе, и пойдешь.

Задвижка с лязгом отодвинулась. Я увидел тень у себя за спиной и ощутил на плече прикосновение его ладони. Меня словно молнией ударило. Развернулся, ударил, не глядя, кулаком и попал ему под ребра.

Люциан зашатался, ухватился за меня.

— Да успокойся ты... я просто хотел... — Он дохнул на меня сладкими алкогольными парами. Его лицо расплылось перед глазами. Нелл... Он никогда не обращал на нее внимания, ни разу не предложил помочь...

Младший Дарне потянул за ремешок моей сумки, и тот порвался. Я поскользнулся и упал на колени. Сумка распахнулась, ее содержимое высыпалось на пол. Листочки с записями разлетелись, вспорхнув, и медленно опустились на пол. В глубине дома хлопнула дверь.

Оглянувшись украдкой, словно опасаясь, что нас услышат, Люциан стал собирать листы охапками, не заботясь об аккуратности.

— Ну же, давай помогай!

Когда я поднялся с колен, он подхватил последние листы с кофейного столика и запихнул их в сумку. Волосы на его шее слиплись от пота, воротник потемнел у верхней кромки.

Я последовал за ним в кабинет. Люциан поставил на стол мою сумку. Из нее торчали белые уголки бумаг, мятые и загнутые. Взглянув на часы, он молча предложил мне бокал хереса. Я заколебался, но потом согласился. Он наблюдал, как я потягиваю сладкую жидкость, а потом плеснул себе бренди.

— Как прошло? Удачно?

Я не ответил.

Он выпил бренди и теперь стоял, глядя на меня и поглаживая горлышко графина.

— Ох уж эти переплетчики, — произнес Дарне-младший почти дружелюбным тоном, словно я был всего лишь его гостем. — Если честно, я вас побаиваюсь. Каково это — побывать в голове у другого человека? Каково это, когда другой предстает перед тобой беспомощным, нагим, и ты так близко, что можешь попробовать его на вкус? Должно быть, это похоже на секс по заказу. Похоже? —

Кажется, он и не ждал ответа. — А чтобы получить новый заказ, приходится пресмыкаться перед такими, как мой отец, понимаю...

Я по-прежнему молчал. Потрескивал огонь в очаге.

— Торговля подделками процветает, ты в курсе? Тебя это не тревожит? — Он замолк, но, кажется, мое молчание его нисколько не смущало. — Сам я ни разу не держал в руках подделку, по крайней мере я так думаю, но любопытно было бы поглядеть. Можно ли отличить настоящие воспоминания от вымысла? Подделки называют *романами*. Они гораздо дешевле в производстве, надо полагать. И их можно копировать. Одну и ту же историю использовать снова и снова — и это сходит продавцам с рук, нужно просто вести учет, чтобы не продать одну и ту же книгу дважды одному человеку. А мне вот что интересно: кто пишет эти книги? Люди, которым нравится живописать горе, пожалуй. И те, кто не считает обман зазорным. Те, кто может дни напролет сочинять длинную печальную ложь и не сойти при этом с ума. — Он щелкнул по графину, словно подчеркивая свои слова. — Мой отец, само собой, ценитель. Утверждает, что мгновенно отличил бы настоящую книгу от романа. Мол, настоящие книги пахнут по-особенному... правдой, как он говорит, или жизнью. По мне так они пахнут отчаянием.

На стене у окна висел мрачный пейзаж в роскошной раме с завитушками: горы, пенящийся водопад, полуразрушенный мост, заросший плющом. Мне захотелось оказаться там, внутри картины, и стоять на растрескавшемся каменном парапете, чтобы шум воды заглушал тихий голос Люциана.

— Но я все время думаю о вас, переплетчиках, — продолжал он. — Каково это — украсть у человека душу? Забрать страдания, обезвредить их? Вылечить рану, чтобы ее можно было нанести заново, как в первый раз?

— Это не так...

— Вы называете себя врачевателями. Мол, забираете боль и помогаете забыть несчастья... Вы представляете все так, будто ваше ремесло почтенно. Наведываетесь в гости к горюющим вдовам, невротичным старым девам, сглаживаете излишки эмоций... — Он покачал головой. — Вы делаете боль терпимой, когда другие средства не помогают. Верно?

— Я...

Люциан рассмеялся, но смех его оборвался так резко, что тишина эхом повисла в воздухе.

— Нет, — наконец проговорил он. — У вас есть секреты. Если бы ваша работа состояла только в этом... — Он втянул воздух сквозь стиснутые зубы. — Де Хэвиленд приходил к одним и тем же служанкам в нашем доме, к каждой по нескольку раз. — Он поднял вверх длинный указательный палец. — К Мэри он ходил пять лет кряду. К Марианне — три года. Эбигейл, Эбигейл, Эбигейл... даже не помню, сколько раз он переплетал ее, она одна из отцовских любимиц. Сару переплетали дважды. А теперь вот Нелл. К Нелл вы тоже будете ходить годами, пока она не постареет. Каждый год вы будете возвращаться к ней, каждый год она будет рассказывать ту же историю, и каждый год вы будете стирать ее, а мой отец — читать воспоминания и торжествовать, ведь для него это двойное удовольствие: видеть все ее глазами, а потом снова сотворять с ней все то же самое, как в первый раз.

— Нет.

— Да, Фармер. — Его голос врезался в меня, как скальпель: такой острый, что боль приходила лишь через несколько секунд. — По-твоему, почему он вам так много платит? Это его порок, его извращенный маленький порок, и он нашел хитрый способ предаваться ему безнаказанно. Когда служанки уходят от нас, от них не остается ничего, лишь оболочка. Перед уходом их переплетают в последний раз, и они не помнят совсем ничего, а если кто спросит — станут отрицать, что мой отец когда-либо к ним прикасался. Они лишь твердят, что он хороший человек, прекрасный человек, а если кто-нибудь пытается сделать что-то, чтобы его остановить... Он смеется. Смеется, понимаешь? Потому что полностью себя обезопасил. Когда я узнал о том, что творится в этом доме, он отослал меня прочь и сказал, что мне еще повезло, что меня не уехали в дом для умалишенных. А такие, как ты — ты, Фармер, и остальная ваша братия, де Хэвиленд и прочие, — вы его пособники. Из-за вас он чувствует себя безнаказанным. Вы приходите и делаете за него грязную работу.

— Нет, — ответил я, — нет, это не всегда так. Предназначение переплетчика в другом.

— Меня от тебя тошнит. Хоть бы вы все сдохли. Жаль, что мне смелости не хватает прикончить тебя сейчас.

Я посмотрел ему в глаза и едва не вздрогнул: именно это лицо я видел в окно у Середит. Лицо, полное ненависти, будто ненависть — единственное чувство, на которое он был способен. На мгновение я словно перенесся туда и увидел высокие окна и безбрежное небо над болотами. У меня перехватило дыхание. Я мог бы рассказать ему, что

мы уже виделись. Мне хотелось это сделать. Мне хотелось, чтобы призрак Середит преследовал его. Она помогла ему, а теперь ее нет, и он радуется. Скажу, и выражение его лица изменится с презрительного на испуганное. Я даже открыл рот, готовясь заговорить. Он должен знать обо всем. Но перед глазами возник образ Середит: она вцепилась в ключ на шее и не желала отдавать его никому. И как мне ни хотелось выложить ему в лицо все, я не смог. Я отвернулся.

— Я не шучу, — проговорил он. — Я бы убил тебя, не будь я таким трусом.

С тихим шипением в камине потух уголек. Огонь в газовой лампе, напротив, разгорелся ярче, и на секунду комната озарилась странным светом. Когда пламя снова выровнялось, все вокруг казалось мне нереальным, даже Люциан, сверливший меня злобным взглядом. Внезапно я понял, что очень устал.

— Не сомневаюсь, — ответил я. Что еще я мог сказать? Я взял сумку со столика, куда он ее поставил.

— Что ты делаешь?

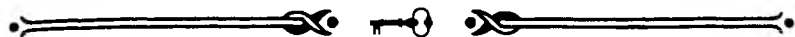
— Ухожу.

— Ты не можешь уйти. Ты должен повидать отца. — Дар не вытянул руку, словно мог преградить мне путь. Он не твердо стоял на ногах; расстегнутая манжета повисла, как грязное крыло.

Перед глазами заплясали темные тени.

— Передай ему, что я заболел, если хочешь.

— Он рассердится... — Люциан замолк. — Послушай. Ты должен подчиняться мне. Тебе платят за работу. Ты — слуга.

Кулаки у меня так и чесались ударить его, но в то же время хотелось застегнуть ему манжету, как ребенку.

— Можешь пожаловаться де Хэвиленду, — ответил я, обошел его и направился к двери.

— Стой. Погоди. Вернись сейчас же!

У двери я остановился. Дарне протянул руку, чтобы коснуться моего плеча, но на этот раз я это предвидел и резко развернулся, сбросив ее. Он зашатался и расплескал бренди; брызги запачкали кроваво-красные обои.

— Прошу, — его глаза сверкали лихорадочным блеском, но взгляд был твердым, несмотря на опьянение.

— Я ухожу. Прости, Люциан.

Он заморгал.

— Что?

— Я просто сказал... неважно. Прощай.

Я начал открывать дверь, но Люциан метнулся вперед и с грохотом захлопнул ее.

— Я же сказал — стой, — выпалил он. Его щеки покраснелись, от него сильно пахло алкоголем, но говорил он очень четко, прищурив глаза. — Ты назвал меня *Люцианом*? Кем ты себя возомнил? Моим другом?

— Нет, разумеется, нет.

— Очень на это надеюсь! Ты должен знать свое место. Ты поделщик отца, забыл? Ты — ничто. — Он вытянулся в полный рост. — Как ты смеешь так говорить со мной? Стоит мне пожаловаться де Хэвиленду...

— Жалуйся. Мне все равно.

— ...он тебя на улице выкинет! Мой отец об этом позаботится. Ты высокомерный... наглый... — Он замолк, запыхавшись. — Чтобы такой мальчишка, как ты...

Я как можно тише произнес:

— Но ведь тебя так зовут, верно? Люциан — всего лишь имя.

— Ты мне не ровня, Фармер! Или прикажешь называть тебя... — Он запнулся, словно на мгновение удивившись тому, что не знает моего имени.

— Если хочешь, можешь называть меня Эмметтом, — спокойно проговорил я. — По правде, мне плевать, как ты будешь меня называть. И ты прав: мы не ровня. Ты считаешь себя лучше меня, но если бы ты знал... — Я замолк. Что-то странное отобразилось на его лице.

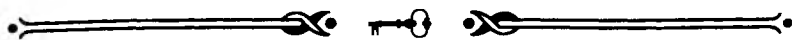
— Эмметт, — повторил он, — Эмметт Фармер. — Он нахмурился, разглядывая меня, будто пытался что-то вспомнить.

Мое сердце остановилось.

Он подошел к стоявшему на столе сундуку с книгами, склонился над ним, достал одну книгу, потом другую и отложил в сторону. Теперь он двигался медленно, словно спешить ему было некуда. Наконец он достал книгу, которую я уже видел раньше: кожаный переплет кремово-белого цвета с инкрустацией в виде темных пятнышек с красно-золотыми краями. Казалось, будто пепел просыпался на светлую обложку и прожег ее насквозь. Книга выглядела хрупкой, и мне казалось, что я чувствую прикосновение пальцев Люциана к телячьей коже.

— Эмметт Фармер, — проговорил он с холодным любопытством в голосе. — Так и знал, что где-то видел твое имя. — Он повертел книгу в руках. Его пальцы скользили по светлой коже. Потом он развернул книгу ко мне корешком.

Я остолбенел. Он же пригвоздил меня неподвижным взглядом, ожидая моей реакции.

В глубине души я всегда знал. Та часть меня, что изнывала от пустоты и горя, за день до приезда де Хэвиленда пыталась отыскать эту книгу — *мою книгу*. Не Люциана я тогда искал, а себя.

Переpletная лихорадка. Ночные кошмары, болезнь. Де Хэвиленд называл эту болезнь «лихорадкой переpletенного». Мне вдруг стало ясно, почему. Я заболел, потому что сам был переpletчиком. И когда Середит взялась переpletать меня, у нее ничего не вышло — точнее, вышло, но не до конца, вот почему я чуть не сошел с ума. Вот почему я до сих пор чувствовал себя так, а прикосновение пальцев Люциана к корешку заставляло меня вздрогнуть.

— Отдай ее мне. — Мне по-прежнему было трудно дышать.

— Теперь эта вещь принадлежит моему отцу. У них с де Хэвилендом договор.

— Нет! — Я бросился вперед. Пальцы коснулись края переpleта, и нервные окончания взвизгнули, как от ожога. Люциан вовремя отпрянул и попятился к камину, смеясь. Книгу он держал за спиной, вне видимости, но я чувствовал ее присутствие так же явственно, как будто она была частью моего тела.

— Хочешь поиграть? Забавно, — промолвил он.

Я снова бросился на него и напоролся на его кулак. Удар выбил из меня весь воздух, комната закружилась, но мне удалось собраться и я стал теснить его к камину. Обхватил его руками и пнул коленом в пах; он согнулся пополам, хватая ртом воздух, и мне удалось выхватить заветный томик. Книга раскрылась в моих руках, но строки расплывались перед глазами: я видел их как сквозь дым; прищурился, пытаюсь разобрать хоть слово, но взгляд не фокусировался.

— Ах ты мерзкий... — выдохнул Люциан и потянулся за колокольчиком.

Старик Дарне мою книгу не получит. Все что угодно, только не это. Я лихорадочно огляделся, но спрятать книгу было негде; они отнимут ее у меня...

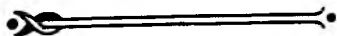
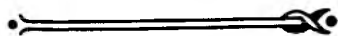
В отчаянии я сдвинул ногой каминную решетку и сунул книгу в огонь.

Секунду та лежала нетронутая пламенем. В ушах звенело; я слышал голос Люциана, визгливый, искаженный, но не разбирал слов. Время остановилось, а потом длинный огненный язычок, неспешно подбиравшийся к книге, полыхнул и разгорелся мгновенно, как пролитое масло.

Искры пустились в пляс, и страницы запылали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

вернуться домой и переждать. Вот что я тебе скажу: починю-ка я пока ямкоделатель⁴.

— Там цепь не в порядке, соскочила, — сказал и бросил свою лопату в телегу поверх остальных. — Придется ехать к кузнецу.

— Все равно проверю: заодно и узнаем, прав ты или нет. — Он сел на козлы. — Поехали.

Я задрал голову. Сквозь клочковатые облака просвечивало голубое небо; до темноты еще несколько часов, то есть до кормежки свиней времени полным-полно. Я видел, что снег вот-вот перестанет, да и ветер стих. Зима впереди, успеем еще насидеться в доме при свете лампы; на сегодня работа окончена, но возвращаться не хотелось, меня тянуло на дела поинтереснее.

— Фред Купер сегодня собирался охотиться с хорьками в Касл-Дауне и сказал, что я могу пойти с ним, если захочу...

Отец замотал лицо шарфом и пожал плечами, но глаза его понимающе блеснули.

— Как хочешь, — ответил он. — Все равно тебе сегодня делать больше нечего. Да и мама порадует, коли прине-сешь ей пару кроликов.

— Ладно. — Я побежал вниз по холму к тропинке, ведущей через долину, наслаждаясь внезапной свободой. Отец щелкнул языком, погоняя лошадь, и колеса повозки бодро затарахтели по дороге.

Когда я отыскал Купера, тот уже обошел нижний участок, но не поймал ни одного кролика, однако, прочесав периметр земель лорда Арчимбольта, мы нашли много нор и наловили

⁴ Машина для проделывания ямок в земле под колышки.

прилично. Солнце садилось, Фред уже сажал хорьков в ящик, и тут мы увидели, что к нам бежит девушка. Ее силуэт темнел на фоне пылающих полосатых облаков, и на миг мое сердце подскочило — я решил, что это Пераннон Купер. Но потом разглядел в бежавшей Альту. Та помахала и окликнула меня, но порыв холодного ветра подхватил и унес ее слова.

— ...больше не могу там сидеть, — запыхавшись, выпалила она, подбежав ближе, и, сделав шуточный книксен, подружески поздоровалась с Фредом. — Мама сказала доделывать дела и идти к тебе, помочь донести кроликов.

— Трех кроликов я и сам донесу, пигалица, — ответил я.

Она улыбнулась и повернулась к Фреду, откинув с лица растрепавшиеся пряди волос.

— Привет, Фред. Как твоё жите-е-бытьё? Как лишай?

— Гораздо лучше, спасибо. Бальзам твоей мамы помог. — Поймав мой взгляд, он объяснил: — Лишай был не у меня, а у кур Пераннон.

— Пойдем, Талли, — я взял Альту под локоть, и мы зашагали вниз по холму. — Фред, спасибо тебе, нам пора возвращаться, — сказал я, обернувшись. — В воскресенье увидимся?

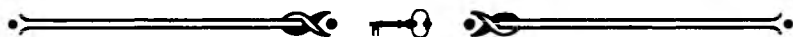
— Я передам от тебя привет Пераннон, — прокричал он, сложив ладони рупором, и, рассмеявшись, ушел, прежде чем я успел ответить.

Мы спустились с холма и вошли в рощу.

— Лентяйка, — бросил я, — так ты мне рубашку и не заштопала.

Альта бросила на меня косой взгляд, отчасти озорной, отчасти виноватый.

— А ты вот бродишь по чужим угожьям, — она кивнула на дыру в заборе, в которую мы только что пролезли.

Я пожал плечами. Лорд Арчимбольт все равно никогда не проверял свои капканы: по слухам, он всю зиму просиживал в одной комнате в Новом доме, мучаясь от ревматизма. Кроме того, эта земля должна была по праву принадлежать нам. Семьдесят лет назад она и была нашей. И никакой гнилой забор не помешает мне ходить сюда, тем более никто и не заботится о его починке. Никто и не заметит, что мы ходили по этой тропе, главное — держаться тихо. А кролики... стро-го говоря, мы браконьерствовали, ведь граница владений захватывала и участок, где они водились, но лорд Арчимбольт не держал егеря, и охранять кроликов было некому, а самому лорду до них не было дела.

Мне уже захотелось домой. Холодный вечерний воздух жалил щеки, и я плотнее запахнул телогрейку.

— Пошли быстрее. И не сворачивай с тропы, тут полно капканов.

Альта кивнула и засеменила за мной следом, подобрав юбки. Но когда тропинка пошла через лес, уже перед самым нашим домом, свернула и побежала к просвету меж деревьев. Я слышал, как хрустит под ее ногами подернутая морозцем высокая трава на берегу рва, отгораживающего лес от старого замка. Потом с металлическим стуком заскользили по льду каблуки, и, когда я оглянулся, она уже была на середине рва. Альта шла и хихикала, слегка поскальзываясь на каждом шагу и расставив руки в стороны, чтобы не упасть. Впереди на фоне огненного неба высились черные голые руины старого замка.

— Альта! Вернись!

— Сейчас!

Я выругался сквозь зубы. Холод стоял невыносимый, каждый дюйм открытой кожи задубел. Да и сумерки густели.

В детстве мы на спор лазали в эти руины, но то было весной и летом. Помню, как солнце заливало зеленые стены, сплошь заросшие плющом, гладкая поверхность илистого рва переливалась нефритом, точно зеленый атлас, а в самом замке стояла глубокая мягкая тишина, нарушаемая лишь нашим смехом и притворными испуганными визгами. Но сейчас, глядя на эти ветхие стены на фоне неприветливого зимнего пейзажа, я почти поверил, что замок населен привидениями.

Скользя и пошатываясь, Альта добралась до края рва, на миг остановилась и помахала мне. Потом она полезла вверх по склону и скрылась в полуразрушенном дверном проеме.

— Черт тебя дери, Альта, — я сделал глубокий вдох, и морозный воздух обжег горло. Пришлось и мне ступить на лед; я пошел, ступая тверже и осторожнее Альты. Зима наступила недавно, ров только схватился — совсем обмелевший, он всегда замерзал первым, ведь работы по углублению дна не проводили уже несколько веков. Ручей у водяной мельницы и каналы с другого края деревни еще даже не начинали замерзать, но здесь лед под ногами хотя и трескался, но не проламывался, и я добрался до противоположного берега в целости.

Альты нигде не было — ни шевеления, ни звука, словно руины замерзли. Голые деревья на фоне заката напоминали рисунок тушью.

— Альта, — позвал я негромко: что-то заставило меня понизить голос до полупшепота. Я медленно взобрался наверх и пошел вдоль стены замка, надеясь увидеть сестру. Наконец я заметил узкий проход в невысокой стене и очутился на круглой лужайке. Впереди высилась разрушенная башня. В центре лужайки когда-то был огромный колодец, но много

лет назад его засыпали и накрыли каменной плитой с вырезанной на ней лежащей фигурой. Плита напоминала надгробие. Слева я заметил каменную лестницу, ведущую к двери, увитой облысевшим плющом, и пустые окна башни, сквозь которые виднелись кроваво-алые занавеси облаков.

Где же она? Я откашлялся и позвал громче:

— Альта! Ради всего святого! — но мой голос все равно прозвучал тихо и сипло.

Тишина. Где-то вдалеке вскрикнула и замолкла птица. Ощутив покалывание в затылке, словно под чьим-то взглядом, я медленно обернулся. Чувство, что за мной следят, не покидало меня, в какую бы сторону я ни поворачивался. Однако меня окружал лишь голый лед, пустые окна и двери. Все застыло в ожидании.

Наконец я вернулся к заросшей лужайке и колодцу, накрытому плитой.

Внезапно изваяние на плите шевельнулось.

Мое сердце заклинило, как замок. Я попытался, нащупывая опору, но опереться было не на что. Последний луч солнца вдруг вспыхнул, ослепив меня и отбросив пурпурный отблеск на поверхность рва и тонкий слой снега на земле. Я моргнул. Картинка перед глазами прояснилась, и я увидел, что фигура села; лицо скрывал капюшон, а плащ и каменная плита в лучах заката отливали красным.

— Ты нарушил границу владений, — раздался мужской голос.

Я снова попытался и сунул руки в карманы. Кровь прилила к щекам. В высоких окнах насмешливо свистел ветер.

— Я ищу сестру, — я сглотнул, мой собственный голос звучал надтреснуто и хрипло.

— Значит, границу нарушила она.

— И ты, раз на то пошло.

— Откуда ты знаешь? — Незнакомец прыгнул с каменной плиты и приблизился. Мы с ним были почти одного роста, но я, пожалуй, чуть ниже. Он откинул капюшон, и я смог разглядеть его лицо: тонкое, худощавое, с темными глазами. — Может, я нахожусь здесь по праву. В отличие от тебя.

Я уставился на него. Стремительно сгущались сумерки, словно пролитые на воду чернила. В темном плаще он казался частью заброшенного замка, его духом, пробудившимся к жизни, или призраком, восставшим из мертвых: бледное лицо со впалыми щеками напоминало лицо покойника. Я глубоко вздохнул; мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы спокойно пройти мимо него и заглянуть в дальние сумрачные углы в поисках Альты.

— Я сейчас уйду, — промолвил я.

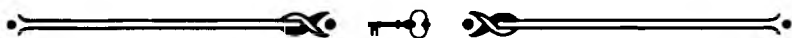
— Как тебя зовут?

Я не ответил. Вокруг стояла полная тишина, контуры деревьев слились с густыми тенями. Я вгляделся в темноту, надеясь увидеть движение или край платья Альты.

— Дай угадаю. Ты похож на... Смита. Нет? Поучер? Фармер? — Я невольно вздрогнул, и он присвистнул. — Фармер? Угадал?

Не отвечая, я повернулся к нему спиной. В меркнувшем свете серебристая поверхность замерзшего рва потускнела и стала свинцово-серой. Что-то зашуршало в кустах среди сучковатых рододендронов, росших вдоль дальнего берега, секунду спустя из травы выскочила лисица и убежала.

— А кстати, чьи эти кролики? Ты ведь знаешь, что наказание за браконьерство — депортация?

— Послушай... — Я слишком поздно вспомнил о кроличьих тушках, висевших на моем плече.

— Эмметт! — Голос Альты многократным эхом отскочил от каменных стен: я не сразу сообразил, откуда она меня звала. А потом бросился ей навстречу, радуясь, что могу повернуться к нему спиной. Нырнул в арку и вышел на маленький каменный мол.

Она махала мне, стоя чуть поодаль на берегу рва.

— Я нашла яблоки! — крикнула она. — Подмерзшие, но сладкие. А кто это с тобой?

Он пошел за мной следом. Я взглянул на него и крикнул Альте:

— Никто. Возвращайся немедленно!

Она пригляделась в тусклом свете.

— Привет, Никто, — произнесла она. — Меня Альтой зовут.

— А я — Люциан Дарне, — представился он и поклонился, взмахнув рукой, так низко и так церемонно, что, казалось, поклон занял целый час.

Моя сестра просияла и сделала книксен, словно не заметив насмешки.

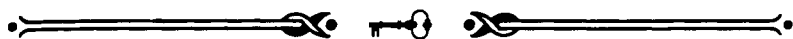
— Пойдем, Альта. Я совсем закоченел. И нам запрещено сюда ходить.

— Ладно, ладно! Иду. Я просто хотела...

— Все, я ухожу. — Я повернулся и двинулся туда, откуда мы пришли, к другому берегу рва и тропинке, ведущей к дому.

— Сказала же, иду!

Я шел вперед, не останавливаясь, пробрался сквозь камыши и проверил лед ногой; впереди он просвечивал, и я обошел ненадежный участок чуть левее. Глубоко вздохнул, оста-

новился и стал ждать Альту. Ее темная фигурка едва различалась среди деревьев на противоположном берегу рва. Дарне вышел на лед и стоял между мной и сестрой.

Сказала ли она что-то или мне послышалось? Наверное, нет, наверное, это был просто случайный звук в тишине, шорох птичьих крыльев или бормотание ветра в кустах. Но через миг Альта ступила на лед, неуклюже согнув одну руку и пытаясь удержать яблоки в сгибе локтя, и двинулась к середине рва. Она пошла не прямым путем, мимо Дарне, а забрела вправо, к самой широкой части, где лед еще не...

Он раскрылся под ней, как рот. Альта даже не успела понять, что случилось, коротко ойкнула, не успев закричать, а потом пропала из виду.

Я побежал, ощущая сопротивление воздуха, не дававшего мне двигаться быстрее. Ботинки скользили по мертвой траве, я терял равновесие и задыхался, словно под лед провалилась не моя сестра, а я сам.

— Все в порядке! Не приближайся! — Он подоспел к ней первым.

Альта поднялась на ноги, отфыркиваясь, — темная вода была ей по пояс. Люциан Дарне сбросил плащ и кинул ей, как веревку; она ухватилась, и он вытащил ее на лед. Затем встряхнул плащ и завернул в него Альту так плотно, что та стала похожа на черный узелок, из которого выглядывало одно лицо. Когда я наконец подошел, он встал и помог ей подняться на ноги.

— Где вы живете? Далеко?

— Недалеко. Десять минут пешком.

— Я отвезу ее. Она продрогнет до смерти.

— Мы сами справимся, спасибо. — Но Альта страшно хрипела: свистящий звук, вырывавшийся из ее груди, был

ужасным, словно кто-то раздувал сломанные меха. Когда я потянулся и взял ее за руку, мой голос сорвался на крик: — О чем ты думала, Альта? Ты могла бы...

— Верхом быстрее будет. Моя лошадь за мостом. Альта покажет путь. Ты же знаешь дорогу, Альта?

Она закашлялась и кивнула.

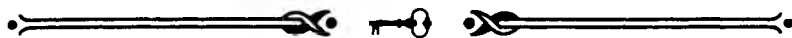
— Прошу, Эмметт... мне так холодно...

Я хотел было сказать, что прогулка до дома ее согреет, но она дрожала, а сквозь плащ Дарне просачивалась ледяная вода. — Хорошо. Пойдемте. — Я повернулся к нему. — Надеюсь, ты доставишь ее в целости, иначе...

Но он уже бежал к мосту, и Альта ковыляла за ним. Я смотрел им вслед: они скрылись среди деревьев. В сумерках казалось, что кусты рододендрона подкрались ближе и укоротили тропинку; вскоре я уже не видел их спин, но голос Дарне раздавался в морозном чистом воздухе, а потом я услышал стук копыт. Внезапно я остался один. Висевшая на плече связка кроликов была тяжелой и сырой, их шерсть — мягкой, как плесень. Меня пробрала дрожь, и я понял, что совсем закоченел.

Я повернулся и поплелся домой.

Дома никто не обратил на меня внимания. Под лестницей на кухне я остановился и посмотрел вверх. Мама сутилась в спальне, разводила огонь, и голос ее звучал гулко, отдаваясь от стенок очага. Альта сипло отвечала. Наверху лестницы стояли отец и Дарне; если бы они посмотрели вниз, то увидели бы меня. Они разговаривали. Папа ссутулил плечи, как делал, беседуя с учителем или судебным приставом из Каслфорда, иногда приезжавшим в деревню навестить бра-

та; Дарне сказал что-то, и он рассмеялся с коротким подобострастным жестом. В ответ гость улыбнулся и откинул со лба прядь волос. На нем была моя лучшая рубашка. Манжеты обтрепались, а воротник пожелтел от времени.

У меня возникло минутное желание пойти на кухню и подождать, пока он уйдет, но вместо этого я поднялся по лестнице, протолкнулся мимо них и вошел в комнату Альты. Та возлежала на подушках, как героиня баллады; ее щеки снова порозовели. Выглядела она намного лучше, и когда заговорила хриплым голосом, мне даже показалось, что она притворяется.

— Привет, Эмметт.

Я не шевельнулся, глядя на нее сверху вниз.

— Ты маленькая дурочка! Я же сказал — с тропы не сворачивай!

Не ответив, Альта отвернулась и уставилась на огонь. На устах ее играла улыбка: почти незаметная, хитрая, точно она находилась в комнате одна.

— Альта! Ты меня слышала?

Мама взглянула на меня и нахмурилась.

— А ты почему не остановил ее, Эмметт? Где была твоя голова? Если бы ров оказался глубже...

— Все в порядке, мам, — отозвалась Альта. — Люциан же меня спас, верно?

— Да, хвала Всевышнему, но...

Альта закашлялась. Мама вскочила и склонилась над ней.

— Ах, моя милая. Дыши неглубоко и как можно медленнее. Вот так. Так-то лучше.

— Принесешь мне попить?

— Конечно. — Мама торопливо прошагала мимо меня, взглядом давая понять, что мне еще достанется.

Когда она ушла, Альта откинулась на подушки и закрыла глаза. От кашля ее щеки покраснелись.

— Ну спасибо, Альта. Теперь они думают, что я во всем виноват. — Я вздохнул. — Серьезно, почему ты меня не послушала?

Она открыла глаза.

— Прости, Эм.

— Да уж!

— Но очень уж мне захотелось туда слазить.

— Хоть бы смотрела, куда идешь. И что тебя вообще на лед понесло? Я же говорил...

— Да знаю, знаю. — Она казалась рассеянной, точно в ушах ее играла музыка, слышная только ей. Склонив голову, сестрица обводила пальцем орнамент на одеяле.

— Так вот... — Я не знал, что еще сказать. Наклонился, пытаюсь разглядеть ее лицо. — Альта?

— Я извинилась, Эмметт. — Она со вздохом взглянула на меня. — Оставь меня в покое, ладно, Эм? Я плохо себя чувствую. Кажется, простудилась.

— И кто в этом виноват?

— Почему ты не можешь со мной по-доброму? — Не успел я ответить, как она продолжила: — Дай мне отдохнуть, Эмметт. Я больше ничего сейчас не хочу. Я ведь могла умереть.

— Именно! Вот об этом я и...

— Тогда прекрати ко мне цепляться, ладно? Мне нужно время подумать. — Она повернулась на бок среди подушек, и теперь я видел только ее плечо и затылок. Ее коса расплелась.

— Ладно. — Я зашагал к двери. — Хорошо. Отдохни и подумай о своем глупом поведении.

— Никакое оно не глупое! Я просто решила, что он бросится меня спасать, и он так и сделал.

— погоди, — опешил я, — что?

Она не ответила.

В два шага я пересек комнату и очутился у кровати. Схватил ее за плечо и повернул к себе лицом, не церемонясь.

— Ты это сделала нарочно? Чтобы он бросился тебя спасать?

Она вырвалась из моих рук.

— Эмметт! Тихо! Он же здесь, в доме!

— Какая разница! Ты вышла на нетвердый лед, рассчитывая, что какой-то надменный хлыщ, которого ты видишь впервые в жизни, вытащит тебя из воды? Не рассчитывая даже, а надеясь, что это произойдет, ведь точно ты знать не могла? Как тебе ума хватило? А если бы ты умерла? А если...

— Ш-ш-ш-ш... — прошептала она, встав на колени на кровати и вытаращив глаза. — Прошу, Эм, не надо.

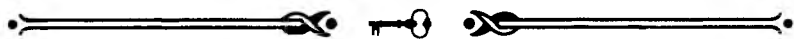
Я глубоко вздохнул.

— Надеюсь, тебе приснится, что ты тонешь, — выпалил я, — и ты проснешься с криками, задыхаясь! Чтобы никогда — слышишь, никогда! — больше не думала так рисковать. Иначе я сам тебя прикончу.

— Ничего ты не понимаешь. Просто завидуешь, ведь Пераннон Купер не стала бы ради тебя бросаться в замерзшую речку!

Я поймал ее взгляд. Последовала пауза; хитрая улыбка снова заиграла на ее губах, неслышная мне таинственная музыка вновь зазвучала в ее голове.

Покрутив пальцем у виска, я подошел к окну, отодвинул штору и выглянул во двор. Было темно, не видно не зги, но

в хлеву беспокойно мычали коровы. Альта их, само собой, не подоила. Над скатом крыши молотильни холодно мерцали звезды. Когда я успокоился и смог говорить ровно, я сказал ей:

— Не волнуйся. Я ничего не скажу маме с папой, — опустил штору и направился к двери.

— Эмметт, куда ты?

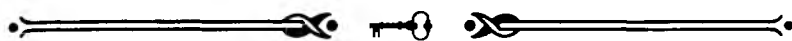
Я вышел и закрыл дверь, не дослушав ее. Мне было на что злиться; нити моего гнева скрутились в плотный узел, и пришлось упереться ладонями в стену, чтобы немного успокоиться. Перед глазами мелькали картины: Альта выходит на лед и проваливается; Дарне проносится мимо меня, полы его темного плаща развеваются. Даже сейчас, стоя в теплом свете лампы, заливающим ступени и слушая, как мама роется в шкафу с одеялами в конце коридора, я чувствовал холод, видел каменные стены и красное небо с рваными краями облаков. Я моргнул, отгоняя видение. На стене напротив панно, вышитое нашей двоюродной бабушкой Фрейей, напутствовало: «Прекрасна Дщерь Невинная в Скромности своей».

Мама окликнула меня поверх стопки одеял.

— Что ты здесь делаешь? Оставил Альту без присмотра?

— С ней все в порядке. — Громко топая, я спустился вниз по лестнице и зашел на кухню, но на пороге замер как вкопанный. У плиты стоял Дарне и рассеянно разглядывал одну из картинок на стене. Я сглотнул, вытаращившись на него и поразившись нахлынувшей ярости. Глядя на него, я мог думать только об Альте, провалившейся под лед, о том, как мои ноги скользили по льду, когда я пытался бежать ней. А ведь это он во всем виноват. И как он бросился к ней — машинально, не думая, словно имел на нее право...

Она могла бы умереть...

Он оглянулся, а когда увидел меня, изменился в лице так стремительно, что я даже не успел заметить, какое выражение было у него раньше. Стараясь сдержать гневные нотки в голосе, я спросил:

— Почему ты все еще здесь?

— Твой отец пошел искать мне плащ. Моя одежда промокла.

— На тебе моя рубашка.

— Ее дала мне твоя мать. Рубашка твоего отца была бы мне по колено.

Я продолжал таращиться на него. Дарне пожал плечами и повернулся к плите. Он оказался еще более худым, чем я думал: моя рубашка висела на нем мешком, воротник болтался, и я видел его верхние позвонки. Он смущенно переступил с ноги на ногу, точно почувствовав на себе мой взгляд.

— Вижу, ты и штаны мои надел.

Он снова обернулся. На щеках расцвели едва заметные красные пятна, но взгляд его был спокойным и ровным.

— Их тоже дала твоя мать. Сказала, что ты не будешь против. Но я вижу, ты хочешь, чтобы я их снял.

— Еще чего.

— Нет, если ты против... — Он начал стягивать рубашку через голову. Над поясом брюк под белой кожей мелькнула выпирающая тазовая кость.

— Прекрати! — Я инстинктивно отвернулся. — Это абсурд.

— Спасибо. — Послышался шорох ткани. — Не беспокойся, я верну твою одежду при первом же случае.

Наконец я решил, что можно взглянуть на него снова. Его волосы намокли и взъерошились, а румянец расплзся по щекам, словно их намазали помадой. Моя рубашка на нем

выглядела совсем поношенной: она протерлась и просвечивала на ребрах, а на плече, там, где Альта неумело ее залатала, топорщился шов. Что есть то есть: на Дарне рубашка смотрелась, как карнавальная костюм.

Я сделал медленный вдох.

— Спасибо, что спас мою сестру...

— На здоровье.

— ...но тебе пора идти.

— Твой отец пошел мне за плащом.

— Ты должен уйти. Сейчас.

Он взглянул на меня, моргнул и нахмурился, а затем отвел глаза и потеревил обтрепанную манжету. Я ждал, когда он двинется к двери, но он не шевелился и катал растрепавшиеся нити между большим и указательным пальцем.

— Ты, кажется, не рад, что я привез домой твою сестру.

— Как я уже сказал, спасибо тебе за это.

Он покачал головой.

— Мне не нужна благодарность.

— Тогда что тебе нужно?

— Ничего! Это я и пытаюсь тебе объяснить. Я просто довез ее до дома. И дело не в том, что Альта... — хотел было добавить он.

— Что — Альта? — Я попытался не думать о том, какой она была всего пару минут назад: как сияли ее глаза, как она раскраснелась и улыбалась про себя — улыбалась тому, что этот человек ее спас.

— Ну... — Он заколебался, потом склонил набок голову, и глаза его хитро блеснули. — Я не заметил, чтобы она сопротивлялась.

Он смеялся над ней.

Я бросился на него. Дарне зашатался, попятился и ударился о стену, а я прижал его горло согнутой рукой. Его глаза расширились, он попытался вырваться, хватая воздух ртом, но я навалился всем весом.

— Зачем ты... — попытался сказать он и закашлялся.

— Не смей так говорить о ней! — Наши лица были на расстоянии ладони друг от друга — так близко, что я чувствовал на своих губах его дыхание. — Она еще ребенок, понял? Глупый ребенок.

— Я не говорил...

— Я вижу, какого ты мнения о ней!

— Да отпусти ты меня!

— Послушай. — Я перестал давить на его горло, но когда он попытался вырваться, схватил его за плечо и вновь прижал к стене. Он ударился затылком о стену и зашипел от боли. — Ты забудешь о том, что сегодня случилось, слышишь? И если подойдешь к Альте хотя бы на милую — или к моим родителям, или ко мне, — я тебя прикончу. Или хуже. Понял?

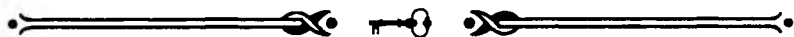
— Кажется, да.

Я медленно отпустил его. Он поправил воротник — мой воротник, — по-прежнему пристально глядя мне в глаза, но руки его дрожали, и я остался доволен.

— Хорошо. Тогда ступай.

— Но ты наверняка захочешь, чтобы я вернул твои вещи.

— Нет. — Если бы мама слышала меня сейчас, то пришла бы в ярость, но мне действительно не нужны были эти вещи; я думал совсем о другом. — Можешь оставить их себе. Или сжечь. — Я снова взглянул ему в глаза, ожидая, что он удивится.

Дарне склонил голову набок, точно обдумывал предложение, затем поклонился мне низко, с преувеличенной любезностью, и я почувствовал себя неотесанным батраком.

Не оглянувшись, он вышел в холодную ночь.

XIII

Наутро Альта упала в обморок на лестнице, и ее отнесли обратно в кровать; она бредила, ей казалось, что пол проваливается под ногами, но нам с отцом было некогда о ней тревожиться — выпал снег, глубокий, плотный, а овцы остались на нижнем поле. Тот день запомнился мне белой воющей метелью; мы загоняли овец под крышу, а яростный ветер ледяными иглами вонзался в лицо. Буран так шумел, что приходилось кричать, чтобы услышать друг друга, и когда мы наконец загнали стадо в укрытие, добрались до дома и рухнули в кухне без сил, в ушах все еще звучал высокий надрывный вой. Кровь прилила ко лбу и щекам, ошпарив кожу. Отец клял погоду, но в голосе его слышалось облегчение, и я понимал, как сильно он тревожился. Однако долго мы в доме оставаться не могли — заскочили всего на несколько минут, чтобы согреться и перехватить поесть; нас снова ждала работа, не говоря уж о том, что теперь, когда Альта заболела, все ее обязанности легли на наши плечи.

Следующей ночью под весом снега провалился подгнивший угол сарая. Покормив скот, подоив коров и вычистив поддоны от сыворотки, я все утром пытался его починить и промерз до костей. Талая вода текла по рукавам и затекала за шиворот. После я занялся другими привычными делами — вычистил свинарник и конюшню, нарубил дров...

От холода и навалившего снега каждое движение давалось с трудом, но мою работу за меня никто делать не собирался. Помимо всех бед, мы потеряли одну овцу после первой стрижки, а когда отец отказался продать Альфреду Стивенсу мясо по дешевке, тот вышел из себя, и мне пришлось их разнимать. Нервы у всех были на пределе, даже мама на меня рывкнула. Поджидая врача, чтобы тот послушал Альту, она случайно сыпанула в пирог соли вместо сахара, и я нашел ее плачущей от злости.

Во всей этой суматохе у меня осталось так мало времени на себя, что не думать о Дарне было легко. Но иногда я все же отвлекался от дел и вспоминал о нем. Мне стало любопытно, где он сейчас, где живет, добрался ли до дома в одной рубашке, не подхватив простуду. Он сдержал слово и рубашку не вернул; мне пришлось выменять запасную у Фреда Купера, и надеялся, что мама не заметит подмены. Этот Дарне не такой уж рыцарь, каким хотел предстать, думал я, и меня это радовало; еще больше я радовался, что сумел отвадить его от Альты. Но вместе с тем я был как на иголках, будто ждал чего-то; мне казалось, что я упустил что-то важное.

Прошла неделя или две, прежде чем Альта поправилась достаточно и вспомнила о нем. Однажды после ужина, в один из тех дней, когда солнце не хочет клониться к закату, но дневного света все равно не хватает, чтобы переделать все дела, я устал, и все тело у меня болело, а от спящих солнечных лучей на снегу перед глазами плясали звезды. Надо было лечь спать, но в комнате Альты горел камин, в отличие от моей — холодной, темной и неприветливой. Я вошел на цыпочках и сел на стул у ее кровати. Теплая спальня освещалась лишь пламенем в камине и одной-единственной лампой; зо-

лотистый полумрак смягчал все контуры — лица спящей Альты, замысловатого узора из сердец и ромбов на выцветшем бледно-розовом одеяле, старых штор, массивного изголовья железной кровати. Я смотрел в огонь, думая обо всем и ни о чем: когда оценится наша собака Пружинка, пригласить ли мне Пераннон Купер на ужин в честь Завершения, не лучше ли пускать овец пастись на поле у роши и окупится ли баран, купленный по настоянию отца. Но о чем бы я ни думал, в глубине сознания неотступно маячила фигура — худошавая, темноглазая, смотревшая на меня с вызовом.

— А Люциан приходил меня проводить?

Я вздрогнул.

— Что?

Альта перекатилась на другой бок и откинула со лба влажные пряди волос.

— Люциан приходил меня проводить? Мама сказала, что я долго пролежала в лихорадке. Я ничего не помню.

— Нет.

— Ни разу?

— Нет.

У нее на шее пульсировала жилка.

— А ведь он обещал.

— Значит, не сдержал обещание.

— А как же его одежда?

Я пожал плечами. Как раз с утра мама в испуге вспомнила:

— Ох, а ведь тот юноша так и не вернулся за рубашкой!

И такой дорогой плащ... Еще решит, что мы воры.

Ничего не сказав в ответ, я незаметно ускользнул в конюшню и принес лошадям гораздо больше воды, чем нужно, а потом уработался до седьмого пота.

— Но это ужасно, — заметила Альта. — Он решит, что ты украл его вещи.

— Они, наверное, ему больше не нужны.

— Но как же так? И он обещал меня проводить. Не понимаю, почему он не пришел.

— Думаю, он просто забыл о твоём существовании.

Сестра нахмурилась и села на подушках, завернувшись в покрывало. От движения она закашлялась. Я потянулся, взял ее за руку и держал, слегка сжимая, пока ее дыхание не восстановилось.

— Глупышка, — проговорил я, — посмотри на себя. Кряхтишь и плюешься, как старая молотилка Дженсона.

Она закатила глаза.

— Я же не нарочно заболела.

— А кто в этом виноват? — Я старался не слишком на нее наедаться. — И все ради чего? Ради какого-то мальчишки, который даже не пришел тебя навестить. Наверняка он давно уехал.

— Он племянник лорда Арчимбольта.

— Что?

Альта поморщилась и выдернула руку: наверное, я сжал ее слишком сильно.

— Мне Сисси Купер сказала. Он из Каслфорда, но сейчас живет у лорда и помогает ему... управлять замком или что-то в этом роде. Сисси говорит, он из очень богатой семьи. Управляющий лорда Арчимбольта сказал другу ее деда, а тот сказал отцу Сисси, а она...

— Так он живет в Новом доме? И надолго он приехал?

— Никто не знает. Может, и навсегда. Может, после смерти лорда Арчимбольта он унаследует поместье и замок.

Я встал, но в маленькой комнате даже некуда было отойти. Сел на корточки у очага и стал тыкать кочергой в огонь, пытаюсь разломать наполовину прогоревшие дрова.

— Он обещал зайти и навестить меня. А еще сказал, что пришлет мне фруктов из Каслфорда!

— Видимо, пошутил. — Я сломал пополам самое больше полено, и оно развалилось, выпустив сноп искр.

— Эмметт, что с тобой? За что ты его так ненавидишь?

Я сел на пятки. Сквозняк приподнял кусок коры в очаге, и по его краю поползла огненная полоса; затем он взлетел и закружился, словно серая снежинка.

— Лучше, чтобы вы с ним не виделись, — проговорил я наконец. — Он не станет... такие люди, как мы, не можем... Ты не можешь... Ты понимаешь, о чем я. Лучше тебе о нем забыть.

— Нет, не понимаю.

Я взглянул на нее: она наклонилась вперед, щеки ее пылали.

— Ты ничего о нем не знаешь. Почему я не могу ему понравиться?

— Понравиться? Альта, ты ребенок, которого он вытащил из воды. Вот и все. Забудь о нем, ради всего святого! — Мы обменялись гневными взглядами. — В любом случае, — сказал я медленнее, — как ты сама заметила, он обещал тебя навестить и не пришел. Можешь сделать выводы.

Она молчала. Пепел в очаге вспыхивал и бледнел. Я понял, что если буду продолжать ворошить головешки, огонь совсем потухнет. Вытащил кочергу и встал. На каминной плите тонким слоем лежал пепел; я чувствовал его между пальцев.

— Что ты ему сказал?

— Что?

Альта прищурилась.

— Ты что-то ему сказал, верно?

— Ничего я не говорил. Зачем? Он и не собирался возвращаться, Альта.

— Ну ты и пес, Эмметт!

Она вскочила с кровати и кинулась на меня. Я отбивался, щадя ее, но так боялся причинить ей вред, что она исхитрилась хорошенько вдарить мне по плечу, а потом со всей силы влепила по уху ладонью, как кнутом.

— Альта, ради бога, прекрати!

— Ты лжешь! Что ты ему сказал? — Каждое слово она сопровождала ударом.

Наконец я схватил ее за запястья и бросил на кровать не так осторожно, как хотелось бы. Несколько секунд она продолжала бороться, точно мы снова были детьми, потом обмякла на подушках и закашлялась. Лицо покраснелось, намокло, как у малышки, темные волосы липли к щекам.

Я сел рядом с ней на кровать и разгладил ближайший к ней кусочек одеяла. Она долго кашляла, а потом затихла.

— Аадно, — сказал я, — ты права, я велел ему держаться от тебя подальше.

— Но почему?

— Потому что испугался...

— Как ты мог? — Она села и взглянула на меня. Глаза ее горели, голос срывался на хрип. — Эмметт, как ты мог? Не понимаю. Ведь он бы наверняка пришел меня проведать, я в этом уверена. А потом...

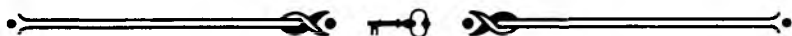
— Да, а потом что?

Она молча уставилась на меня и натянула одеяло на голову.

— Альта.

Ее голос глухо прозвучал из-под одеяла:

— Ты все испортил! Все. Всю мою жизнь.

Я закатил глаза.

— Не говори ерунду.

— Ты не понимаешь! — Ее лицо показалось из-под одеяла. — Я точно знаю, Эм. В тот момент, как я увидела его, я сразу поняла. Я люблю его.

Последовало молчание. Я ждал, что она прыснет и первой ответит взгляд, но она этого не сделала. Никогда я не видел на ее лице такой уверенности, горячности и страсти. Мои внутренности скрутились в тугую тяжелый узел.

— Не говори глупости. Ты его совсем не знаешь. Разве можно так говорить?

— Но я знаю, что люблю его, — промолвила она. — Стоило мне его увидеть, и я сразу поняла. Это любовь с первого взгляда.

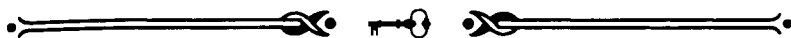
— Любовь с первого взгляда — сказки, Альта. Нельзя влюбиться в человека, не узнав его как следует.

— А мне кажется, будто я знала его всю жизнь! Когда я его увидела... Послушай, Эм, Сисси говорит... — Она снова села; глаза ее были серьезны. — Сисси говорит, что к людям по ночам иногда приходят ведьмы — нет, Эм, послушай, — приходят и оставляют горстку золотых монет, а когда ты просыпаешься, то ничего не помнишь. Они забирают все твои воспоминания, Эм! Что, если я уже знаю его, но просто забыла, что, если мы раньше любили друг друга, и поэтому я...

— Чепуха какая, — отмахнулся я. — Во-первых, тебе не кажется, что все бы заметили, если б ты внезапно память потеряла?

— Сисси говорит, что такое случилось с ее троюродной сестрой, поэтому она немного странная.

— Ты не настолько странная.

— Эмметт, я не шучу!

— Тогда покажи, где ты спрятала свои золотые монеты, — я откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. — Ах, никаких монет у тебя нет? И что я говорил? Хватит нести чепуху.

— Можно подумать, ты что-то в любви понимаешь! — Она зарылась лицом в подушку и заплакала.

Я встал, потом снова сел, протянул руку и коснулся ее плеча. Она резко стряхнула мою руку, продолжая плакать. Я стиснул зубы и попытался заставить себя уйти, но не мог оставить ее в таком состоянии, рыдающей безутешно, будто сердце ее было разбито.

— Ладно, прости. Не плачь, прошу. Талли... обещаю загладить свою вину. Подумаешь, какой-то парень. Таких в деревне полно. — *«Но мне нужен именно он»*, — услышал я ее ответ, хотя она не произнесла ни слова. — Просту, прекрати. Просто перестань, Альта. Не плачь. Послушай, — я попытался развернуть ее к себе лицом, но она всем телом напряглась, когда я дотронулся до нее, и я оставил попытки. — Прости. Я волновался за тебя.

Она ответила из-под одеяла:

— Ты просишь прощения?

— Да. Я не хотел тебя расстроить. Я просто...

— И ты напишешь ему? Извинишься?

Я заколебался. Она снова заплакала, тише. Я говорил себе, что это обычная истерика, но в ее рыданиях слышалось такое отчаяние, что я не выдержал и процедил сквозь зубы:

— Ладно. Извинюсь, если надо.

— И попросишь его прийти и проведать меня, как он и обещал?

— Я... не придет он, Альта, я в этом совершенно уверен.

Она повернулась ко мне. Ее лицо покраснелось, полные слез глаза сверкали.

— А ты сделай так, чтобы он пришел.

Я провел рукой по волосам.

— Ладно. Только не плачь.

— Спасибо. — Она вытерла щеки внутренней стороной запястий и прерывисто вздохнула. — Прости, что я на тебя накричала, Эм.

— Ты знаешь, что я терпеть не могу, когда ты так меня называешь.

— Прости, Эмметт. — Она слезливо улыбнулась и шутливо толкнула меня в плечо. Мне вдруг захотелось дать ей сдачи и на этот раз не щадить ее. — Ты лучший брат на свете.

— Вот уж спасибо, пигалица. — Протянув руку, я дернул ее за косичку. Она вырвала ее у меня из рук. Я поднялся. — Ты бы лучше поспала. Завтра увидимся.

— Сходишь к нему завтра утром, первым делом?

Я кивнул.

— Тогда доброй ночи.

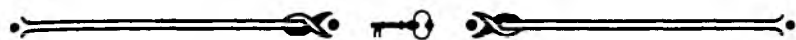
Она уютно устроилась в кровати и натянула одеяло до подбородка. Я уже стоял на пороге, когда она сонно проговорила:

— Эмметт?

— Что?

— Я выйду за него, вот увидишь.

Подъезды к Новому дому завалило снегом: кругом было белым-бело и тихо. Пасмурный день сулил еще один снегопад, и я отправился верхом, чтобы как можно скорее вернуться домой. Иногда с дерева на дорогу падала снежная

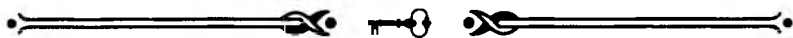
шапка или птица вспархивала в кустах, но в остальное время тишина стояла оглушительная, а свет падал так странно, что я натянул поводья, заставив лошадь умерить ход.

На первый взгляд дом, показавшийся из-за деревьев, выглядел необитаемым, однако, выехав на широкую заснеженную поляну перед ним, я увидел, что из одной из труб валит дым, а крыльцо расчищено от снега. Дом, построенный из песчаника, летом, должно быть, отливал золотисто-медовым, но в свете зимнего дня казался серым, как и все кругом. Я вгляделся в окна в поисках движения, но увидел лишь отражавшееся в них бледное небо. Спрыгнув с лошади, я взял сверток из коричневой бумаги, перевязанный шпагатом, — в нем лежала одежда Дарне, — и прошагал по просеке к массивной входной двери. Надо мной нависла башня с зубцами, и иррациональное чувство, будто за мной следят, возникло снова, как там, в руинах старого замка. Я мог бы оставить сверток на пороге, где кто-нибудь точно о него споткнется; письмо, адресованное Люциану Дарне, я засунул за веревочку.

Я колебался, не зная, как правильно поступить. Чем дольше я оставался здесь, тем больше вероятность, что мы встретимся. Не дав себе возможности передумать, я с силой надавил на кнопку звонка, повернулся и прислонился к холодной стене крыльца. Царапнув когтями и захлопав крыльями, на крышу над головой приземлилась птица, и несколько горстей снега упали вниз. Дверь отворилась скорее, чем я ожидал. Это был он, Люциан.

Он прищурился и словно бы хотел что-то сказать, но не промолвил ни слова.

— Я принес твою одежду.

Он взглянул на сверток в моих руках, а потом снова перевел взгляд на меня.

— Держи. — Я протянул ему сверток. Он покачался на каблуках, и тут я понял, что он ждал меня, хоть и не был абсолютно уверен, что я приду. Наконец он взял из моих рук сверток.

— А твои рубашка и брюки по-прежнему у меня, — ответил он. — Я мог бы привезти их, конечно, но ты ясно дал понять, что в твоём доме мне не рады.

— Ничего страшного.

— Спасибо. — Он накрутил конец веревочки на пальцы и снова взглянул на меня. — Тебе, должно быть, нелегко было заставить себя приехать сюда.

В его устах это прозвучало невинно, но я все же уловил насмешку, незримо присутствовавшую в его словах, как осколок стекла в прозрачной воде.

— Признаюсь, не ожидал увидеть тебя на пороге, — ответил я. — Думал, мне откроет горничная.

— Ах, ну разумеется... В этом доме полно слуг, по одному на каждую комнату. Мне и невдомек, почему ты просто не оставил сверток сторожу.

Домик сторожа стоял в руинах: крыша прохудилась, в половине окон отсутствовали стекла. Проезжая мимо, я слышал, как по каменному полу засеменили чьи-то лапки. Стиснув зубы, я повернулся и приготовился идти.

— А это что?

Оглянувшись через плечо, я увидел, как он достал из-под веревочки мое письмо.

— Письмо с извинениями. Альта велела... — Я замолчал и, сделав над собой усилие, продолжил: — Зря я тогда наговорил тебе всякого.

— Наговорил? Ты имеешь в виду, зря кинулся на меня с кулаками?

Я развернулся и взглянул ему прямо в глаза.

— Просто прими извинения, и разойдемся.

Последовало молчание. Мы сверлили друг друга взглядами. Казалось, будто мы стоим на тонком мосту над пропастью: стоит одному чуть толкнуть другого, и упадем оба.

Наконец он поднял одно плечо и улыбнулся кривой полуулыбкой.

— И что мне теперь делать? Дать тебе на чай и отпустить восвояси?

Я даже не моргнул. Он же хохотнул и отвел взгляд; ладно, хоть одну маленькую победу я одержал в этой схватке.

— Моя сестра будет рада, если ты проводишь ее.

— Провожу? Правда? — Он прищурился. — А что случилось? Кто-то шепнул вам на ушко, что я — сын и наследник Пьера Дарне?

Я сделал глубокий вдох.

— Она просто хочет поблагодарить тебя, как полагается.

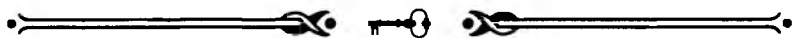
— Но у меня возникло впечатление, что ты не хочешь, чтобы я виделся с твоей семьей.

— Слушай, то, что я сказал тогда... извини. — Я чуть не подавился, произнося это. — Альта очень хочет тебя видеть. В нашем доме тебе будут рады. Вот и все.

Он медленно кивнул, крутя в пальцах конверт.

— Теперь можно не читать, я все сказал. — Я потянулся, чтобы отнять у него письмо. Но он отдернул руку быстрее мысли.

— Это уже мне решать.

Я поборол желание силой отнять у него письмо. Лучше остановиться, решил я и зашагал по снегу к своей лошади, чувствуя на спине его взгляд. На лошадь вскочил одним быстрым движением: еще одна моя маленькая победа.

Мне хотелось уехать, не оглядываясь, но вопреки себе у съезда на дорогу я бросил взгляд через плечо. Люциан Дарне по-прежнему стоял на пороге, хотя черепица на крыше дребезжала под порывами ледяного ветра. Он поднял руку, в которой держал мое письмо.

— Передай мое почтение родителям, — голос его в заснеженной тишине звучал ясно и четко. — И скажи сестре, что скоро я ее проведу.

Два дня спустя я вышел во двор и увидел его лошадь, привязанную к воротному столбу. Раньше у меня не было возможности толком ее разглядеть. Кобыла бурой масти, грузная и спокойная. Таких выбирают те, кто боится упасть. Я сразу понял, что лошадь принадлежит ему: в нашей деревне никто не ездил в дорогом седле, а если у кого и имелось подобное, каждый день его не использовали, держали для особых случаев.

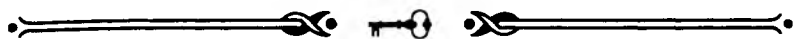
Я поставил корзинку с лучиной у поленицы. Смеркалось, и я чуть не споткнулся о полено, откатившееся к ногам. Выругался и ухватился за один из новых столбиков, которыми мы подперли крышу в рухнувшем углу сарая.

— Эмметт?

Альта звала меня. Дверь конюшни открылась, и свет от лампы пролился на мощеный камнями двор. Я прикрыл глаза от резкого света и заморгал.

— Ты почему не в постели? — спросил я. — Холодно же.

— Пружинка оценилась. Зайди, посмотри.

Я перепрыгнул через корзину и поспешил вслед за ней в конюшню. Там было тепло и душно, пахло сеном и лошадьми. Крепыш, увидев меня, заржал, но я прошел мимо, лишь мимоходом похлопав его по носу.

— И сколько их?

— Всего двое. Но оба живы.

Я подошел к самому дальнему стойлу, которое всегда пустовало, и перегнулся через загородку, выглядывая в соломе щенков. Пружинка суежилась, закрывала малышом своим телом, но спустя некоторое время беспокойно отошла в угол, и я успел увидеть два крошечных тельца с кудыми хвостами. Один щенок был темным, а другой — белым с пятнышками. Я улыбнулся.

— Аппетит у них хороший, папа их осмотрел — вроде здоровые. И какие миленькие!

И верно. Я потянулся чуть дальше через загородку. Пружинка завиляла хвостом, но когда я протянул руку, чтобы погладить ее, проигнорировала меня и вернулась к щенкам. Те начали сосать молоко, уткнувшись слепыми мордочками ей в живот, и я, кажется, даже слышал, как громко они проглатывают его.

— Совсем маленькие, — холодный голос Дарне разрушил идиллию, и я чуть не потерял равновесие. Он стоял прямо за моей спиной.

— Да, — ответил я, схватившись за деревянную загородку. — Совсем.

Он вышел из тени и заглянул в стойло. На нем была та же темная дорогая одежда, что и вчера; прилипшая к лацкану соломинка переливалась на свету, как тонкая золотая цепочка. На щенков он смотрел, будто прикидывая, можно ли сшить из них пару перчаток.

— Похожи на маленьких пушистых червячков, — заметил он, — только с хвостами.

— Точно, — отвечала Альта, — но такие миленькие, правда? Эмметт, подвинься. — Зацепившись ногами за трещину между двумя досками, она приподнялась, повисла на загородке и потеснила меня в сторону, чтобы Дарне тоже мог посмотреть. — Смотрите...

— Черненький станет отличным крысоловом, — сказал я. — Спорим?

— Папа сказал то же самое! — Альта сморщила нос. Черный щенок зевнул, зажмурив слепые глазки, и устроился спать на соломе. — Но откуда вы знаете? Я вот думаю, вы просто гадаете.

— Вид у него такой, решительный. — Поймав ее взгляд, я рассмеялся. — Правда! Я не придумываю.

— Его-то папа и решил оставить. Сказал, что ухаживать за двумя нам не по силам.

— А беленькую, значит, отдаст Альфреду Картеру?

— Нет. Миссис Картер сказала, что у них своих собак хватает. Придется поискать малышке других хозяев. — Альта погрустнела. Ледяной ветер дул мне за шиворот.

— Вы собираетесь ее продать? — спросил Дарне.

Я глянул на него поверх головы сестры, потом отвернулся.

— Это же терьер, — ответил я. — Не каретная собака⁵ и не охотничья.

— И что?

⁵ Каретная собака (*carriage dog*, англ.) — группа пород, которые выводили специально, чтобы собаки бежали рядом с каретой и охраняли путешествующих от разбойников; таких собак обычно заводили купцы и знать. Например, далматины изначально были каретными собаками.

— Если она никому не нужна, значит, ничего не поделаешь, придется...

— Брось, Эм, — вмешалась Альта. — Кто-то из Миллеров наверняка ее возьмет. Или цыгане, если вернутся в этом году... Им же всегда собаки нужны, верно? — Веселость в ее голосе была напускной.

Малыши перебирали лапками, забывшись доверчивым щенячьим сном.

— Да, — ответил я, — мы обязательно ее пристроим.

Дарне нахмурился.

— А если не пристроите?

Я бросил быстрый взгляд на Альту. Та смотрела на щенков и притворялась, что не слышала, но глаза ее были безрадостными.

— Не волнуйся об этом, — ответил я.

— Но что с ней будет?

Я заколебался. Альта подняла взгляд и опустила. Взяв соломинку, стала теребить ее и оплетать пальцы. Дарне не отрывал от нее взгляд.

— Тогда отец ее утопит, — сказал я. Последовала тишина, в которой слышался лишь шорох соломы и плеск струи помочившейся лошади. Альта бросила соломинку в стойло, сжав губы.

— Но ведь не может...

— Ты спросил, Дарне. А я ответил.

— Ясно.

— Неужели? Здесь, на ферме, мы не можем позволить себе привязываться к животным.

Вмешалась Альта:

— Эм, прекрати, прошу. Не надо...

И в ту же секунду Дарне спросил:

— А можете отдать ее мне?

Альта резко развернулась, уцепившись рукой за стенку стойла. Мы оба уставились на Дарне. Наконец я произнес:

— Что?

— Можно я... возьму ее себе? Я вам заплачу. И буду о ней заботиться. Я никогда... я хоть и не фермер, но постараюсь хорошо за ней ухаживать.

— За беленькой?

— Что? Да. А ты думал, я о ком?

— Но зачем тебе терьер?

— Я просто... — Он сделал глубокий вдох. Что-то мелькнуло в его глазах. — А какое это имеет значение? Обещаю, я позабочусь о ней.

— Ну конечно, идеально, большое спасибо! И у щенка будет хороший дом, правда, Эм? Папа так обрадуется! Спасибо, Люциан!

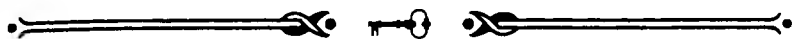
Альта прыгнула с перегородки, и Дарне протянул руку, поддерживая ее. На миг она засомневалась, брать его руку или нет; их ладони почти коснулись друг друга, и она вспыхнула. Дарне улыбнулся, она ответила ему тем же. Не глядя на меня, она проговорила:

— Какой Люциан добрый, верно, Эм?

— Мы найдем ей другой дом.

Я обрадовался, увидев, как померкла улыбка Дарне.

— Не говори ерунду! Ты можешь взять ее, Люциан. Ты ведь спас мне жизнь! А теперь спасешь еще одну. — Она шагнула ему навстречу, сжав пальцы в кулак, словно все еще чувствовала его полуприкосновение.

Он покосился на меня, и взгляд его был нечитаемым. То, что на миг в нем промелькнуло раньше, исчезло. Он повернулся к Альте и сказал:

— Спасибо.

— Пойду скажу отцу! — выпалила Альта, ее глаза блеснули. Она хлопнула дверью конюшни и закашлялась на холоде. Потом снова стало тихо.

Дарне молча разглядывал щенков. Я же сверлил его взглядом до тех пор, пока он не поднял голову и не посмотрел на меня.

— Ты сможешь забрать щенка, лишь когда ему исполнится три месяца, не раньше.

Он кивнул. Золотистый отблеск лампы делал его лицо похожим на древнее позолоченное изваяние. В дверь ворвался сквозняк и погнал по полу соломинки; меня пробрала дрожь. Я стиснул зубы, чтобы он не заметил.

— Но я бы хотел навещать ее в промежутке. Чтобы она ко мне привыкла.

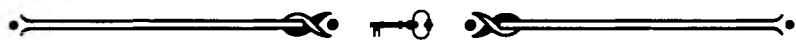
Я уже собирался уходить, но споткнулся и остановился; гвозди на подошвах так громко царапнули по полу, что Крепыш зашевелился в стойле и шумно выдохнул через рот. Дарне смотрел на меня открыто, бесхитростно; мой взгляд скользнул по его белоснежному воротнику, соломинке на лацкане, блестящим черным сапогам. Как он умудрился пройти по двору и не запачкать их?

Я протянул ему руку.

— Хорошо сыграно, отдаю тебе должное.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь этого добивался? Теперь у тебя есть повод приходить к нам постоянно.

Он взглянул на мою протянутую руку. Я отдернул ее, прежде чем он успел пожать ее и унизить меня этим.

— Вообще-то, я всегда хотел завести собаку.

— Не сомневаюсь.

— А если твой отец все равно собирается утопить щенка...

Я зашипел сквозь зубы:

— Забудь. Ты выиграл.

— Послушай, я не знаю, с чего ты взял, что мы соревнуемся...

— Прошу, не надо пытаться сразить меня своим обаянием. Достаточно того, что другие валяются у тебя в ногах.

Он пристально смотрел на меня; меж бровей залегла тонкая морщинка. Под этим взглядом меня охватил жар; я словно почуял наступление лихорадки.

Дверь с грохотом распахнулась.

— Папа так рад, Люциан! — воскликнула Альта. — Я знала, что он обрадуется. Давай я достану малышку из стойла и дам тебе подержать? Только ненадолго, Пружинке это не понравится, но малышка хоть тебя понюхает и... Что это у вас произошло? — Она переводила взгляд с меня на Люциана. — Эмметт, ты чего такой надутый? Как будто у тебя запор.

— Не задерживайся допоздна, Альта.

Я вышел и оставил их вдвоем.

XIV

Я надеялся, что Дарне передумает, но когда на следующий день он не пришел, меня отчего-то охватило разочарование, словно я планировал подражаться с кем-то, а тот извинился и драка не состоялась.

Неделю после его визита погода стояла бесцветная, белесая — снег не шел, но небо сливалось с землей и играло со зрением шутки. Я пытался не думать о Дарне, но взгляд скользил по непривычно мягким контурам и гладким полям, которые прежде всегда выглядели иначе, и мысли начинали блуждать, а потом... Как-то раз я возвращался с верхнего поля по глубоким сугробам и, споткнувшись о невидимый камень, полетел вперед. У меня возникло странное ощущение: я не сразу понял, где нахожусь. Лишь поднявшись на ноги, я узнал сломанный участок забора, которым собирался заняться уже несколько месяцев, и изумленно покачал головой: это ж надо было заблудиться здесь. В ту ночь я плохо спал, и на следующий день был дерганным и раздражительным. Все валилось из рук, все шло не так: я споткнулся о ведро с молоком и опрокинул его; неплотно закрыл задвижку в маслобойне, и туда пробралась свинья; крыша молотильни едва не обрушилась, а одну из наших овец загрызла лиса. Отец, как и я, пребывал в скверном расположении духа, а у мамы своих дел было по горло: она кормила цыплят и выполняла прочие обязанности Альты, а меня послала таскать воду для стирки. Наконец я чуть не отхватил палец резкой для репы; это привело меня в чувство.

Улучив момент, когда мама повернулась ко мне спиной, я стащил кусок хлебного пудинга и пошел в конюшню. Там я ел и смотрел, как Пружинка кормит щенков. Но даже эти новорожденные комочки почему-то меня раздражали; сначала я не мог понять, чем они могли мне досадить, но потом понял, что они напоминали мне о нем, о Люциане Дарне, о том, как он смотрел на меня; его презрительный

взгляд лежал на мне печатью, даже когда его самого рядом не было.

— Люциан!

Альта звала его — не знаю, давно ли. Я запихнул в рот остатки пудинга и вышел во двор. Сестра стояла у окна и махала рукой; на дороге у ворот слышался приближающийся стук копыт. Но снег приглушал все звуки, и когда секунду спустя он спешился прямо передо мной, я вздрогнул от неожиданности. Наши взгляды встретились. Он вежливо и осторожно кивнул и с преувеличенной тщательностью отряхнулся. Его куртка пахла лошадьёю, а высокие сапоги были забрызганы грязью; я же работал целый день и знал, что от меня разит потом и я весь в грязи, паутине и овечьем помете. И хотя мы оба не блистали чистотой, я почему-то отвернулся и покраснел против своей воли. На пне лежал топор; не зная, куда себя деть, я взял его и сделал вид, будто рубил дрова перед его приездом. Схватил ближайшее полено и с громким стуком расколол его пополам.

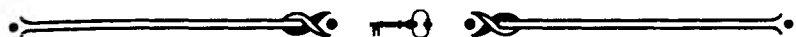
Кажется, он хотел что-то сказать, но тут на порог выбежала Альта.

— Пойдем посмотреть щенков! — выпалила она, и Люциан пошел за ней. Задержался ли он у ворот, ожидая, что и я его поприветствую? Мне было безразлично. Я расколол еще три полена и последовал за ними в конюшню.

— Смотри, вот тут у нее будет большое черное пятнышко, — говорила Альта, когда я вошел, бережно держа щенка под грудь. — Вот, поддержи.

— А если уроню?

— Не уронишь, — успокоила его Альта. — Вот так. Хорошенькая, правда? Как ты ее назовешь?

— Еще не думал об этом. — Он неуклюже поднял щенка. — Ты права, на нее как будто чернила пролили. Вот тут как будто пятно. Может, назвать ее...

— Надеюсь, ты не собираешься назвать ее Пятном, — сказал я.

Люциан Дарне оглянулся: он не заметил, как я вошел.

— Я этого не говорил. Может, Капелька? Или Чернушка?

— Клякса, — предложила Альта.

Щенок раскрыл рот и зевнул, точно слышал ее, и Альта засмеялась.

— Видишь? Ей нравится. Пусть будет Клякса.

Так собака и стала Кляксой. Впрочем, Дарне, похоже, было безразлично; он улыбнулся лишь потому, что Альта улыбнулась, как будто был готов соглашаться с ней во всем. С щенком он держался, как с младенцем, — осторожно, во всем слушаясь Альту, — и я презирал его за это. Я не сомневался в том, что он ведет игру: его улыбки, ласковые постукивания по носу щенка — все было ради Альты. И на ферму он приезжал, чтобы повидаться с Альтой, а не со щенком. Теперь он навещался к нам раз в пару дней. Когда кашель усилился и Альте пришлось неделю пролежать в постели, он часами сидел рядом, играл с ней в игры и дразнил ее, а она объедалась шоколадом, который он специально для нее заказал из Каслфорда.

Поначалу я держался в стороне. Пусть приезжает, думал я, но видеть их вдвоем мне совсем не хочется. Но примерно через неделю мама затащила меня в кладовую, когда я проходил мимо, и закрыла за собой дверь.

— Эмметт, можно поговорить?

— Что? Здесь? Холодно же.

— Я быстро. Речь об Альте и... мистере Дарне.

Мистер Дарне. Должно быть, мои чувства отобразились на моем лице, потому что она не дала мне ответить.

— Послушай, Эмметт. Я знаю, что он тебе не нравится — и не смотри на меня так, думаешь, никто ничего не заметил? Но прошу, подумай об Альте.

— Я думаю об Альте. Именно поэтому...

— Для нее это может быть хорошая возможность. Если он в нее влюбится...

— Глупость какая! Не влюбится он.

— Тут можно лишь гадать. Но подумай о том, чем это может для нее обернуться, Эм. Если он женится на ней... Такое бывает! Нечасто, но она очень красивая девушка, и может стать, так и будет! Он богат, хорош собой, обаятелен, молод. Лучшего ей и желать нельзя. Постарайся все не испортить.

— Другими словами, ты хочешь продать ее подороже.

Мама тербила себя за ухо, и на мочке остался след от ногтя — крошечный красный полумесяц. Наконец она произнесла:

— Я и не жду, что ты поймешь. Ты очень наивный, Эмметт. Даже наивнее Альты. Но мне нужна твоя помощь.

— Помощь? И чем я могу помочь? Начать распекаяться перед ним? Или пообещать, что Алта окажется бесподобной в постели...

— Не смей!

Последовало молчание. Я сунул руки в карманы и сделал глубокий вдох.

— Что я должен делать?

— Что бы ты ни думал, — обиженно произнесла она, — мы любим Алту больше жизни и не желаем ей зла. Я наде-

юсь — отчаянно надеюсь, — что ее жизнь изменится благодаря мистеру Дарне. Но если этого не случится, я не хочу, чтобы ее репутация пострадала. Мы с отцом хотим быть уверены в том, что она никогда... какими бы ни были ее чувства к нему, она не должна... *оступиться*.

— Ей кажется, что она его любит, — ответил я. — Разумеется, она захочет *оступиться*.

— Что ж. Тогда мы с папой просим тебя приглядывать за ними. И проследить за тем, чтобы этого не произошло.

— То есть я должен стать их дуэньей? Мам, да у меня работы невпроворот, а ты просишь меня сидеть целыми днями с вышивкой и слушать их болтовню?

— Не глупи, Эмметт. Я знаю, как ты занят. Не целый день, нет. Просто поглядывай за ними, когда появится свободная минутка, и старайся не оставлять их надолго одних. Нам нужно уберечь ее.

Я сжал кулаки в карманах и уставился мимо нее на банку варенья из локвы. В школе локву называли «зуболомкой». Ее твердые плоды можно было есть, лишь когда те уже немного подгнили.

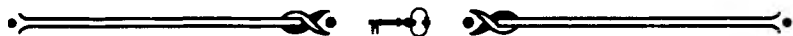
— Мам... он разобьет ей сердце.

— От этого еще никто не умирал.

— Она еще ребенок.

— Я была на год ее старше, когда вышла за твоего отца. И это чудесная возможность, Эмметт. Неужели не видишь? Что, если бы тебе выпал шанс на лучшую жизнь?

— Если бы этот шанс мне предложил Дарне, я бы велел ему засунуть его... — Мама прищурилась, и я вовремя замолчал. — Я бы отказался.

Вздохнув, мама, взяла с полки пару банок и прошла мимо меня к выходу. У самой двери она деловито проговорила:

— Просто пусть они знают, Эмметт, что в любой момент ты можешь войти неожиданно. Хотя это ты можешь сделать?

— Да, — ответил я, но она уже ушла.

Я сделал все, как просила мама. Мне не хотелось следить за ними, пришлось переступить через себя, и поначалу, поднимаясь по лестнице в комнату Альты, я каждый раз сокрушался, что отрываюсь от дел и трачу время понапрасну. Со стороны кажется, будто зима на ферме — время затишья, но если не доделать весь мелкий ремонт, не починить машины, весной придется поплатиться — точнее, мне придется краснеть перед отцом, что я все не успел. Однако присутствие Дарне претило мне не только поэтому: мне не нравилось, как он смотрел на меня, мне не нравилось, что рядом с ним я острее ощущал вонь свиного навоза, машинного масла и пота, въевшегося в рубашку. Мне не нравилось, как скручивался в узел мой живот, когда он приближался. Я инстинктивно чувствовал его присутствие на ферме, даже если не видел, что он приехал. И сперва я даже надеялся поймать его на чем-нибудь постыдном, чтобы со спокойной душой можно было приказать ему уйти и никогда не возвращаться, но он никогда не выглядел виноватым, словно скрывать ему было нечего. Еще одна причина, почему я совсем не доверял ему: он никогда не позволял себе ничего лишнего, разве что тянул Альту за косицу или щелкал ее по щеке. Он обращался

с ней, как брат с сестрой; казалось, для него она — ребенок, только и всего.

Но шли дни, и мы стали проводить больше времени втроем. Как-никак, имелись у меня и дела, которые можно было делать в доме. Стало раньше смеркаться, и я был только рад сидеть при свете лампы и чинить снасти, выстругивать нагели или штудировать каталог семян, готовясь к долгим спорам с отцом по поводу того, в какой пропорции лучше высаживать овсяницу и тимофеевку. Холода стояли жестокие; я принес Пружинку с щенками в дом и поставил им ящик у плиты, да и у Альты в комнате всегда горел камин, ведь она еще до конца не поправилась. Иногда было почти приятно коротать вечера в тепле с Альтой и Дарне, которые тихо переговаривались или красноречиво молчали; бывало, Дарне насвистывал нежную мелодию, а Альта пыталась вышивать и портила вышивку. Бывало, мне приходилось больно вбиваться ногтями себе в ладони, напоминая себе, что нельзя поддаваться его обаянию.

Как-то раз Альта весь день была в дурном настроении; Дарне приехал вечером, когда солнце уже закатилось, и при нем она пыталась не показывать своего раздражения, но я видел признаки: она нервно накручивала на палец прядь волос, а потом вдруг уставилась на меня.

— Эмметт, неужто у тебя нет других дел?

— Что? — Я наблюдал за Дарне, он раскладывал пасьянс на одеяле у нее на кровати; он не заметил вала червей, из-за которого мог бы убрать целый ряд, но я прикусил язык и не сказал ему об этом.

— Ты бы пошел и занялся чем-нибудь полезным. Если тебе скучно, вовсе не обязательно сидеть с нами.

— Мне не скучно.

— А что ж ты смотришь букой?

Я почувствовал, как кровь приливает к щекам. Дарне оторвался от игры и смотрел то на Альту, то на меня, нахмурившись. А ведь я так старался не показать, что на самом деле думаю о нем, и мне казалось, что последние пару недель мне это удавалось.

— Замолчи, Альта.

— Никто не заставляет тебя здесь сидеть. Люциан слишком хорошо воспитан, чтобы выпроводить тебя, но...

— Альта, — Дарне собрал карты, — я не возражаю, пусть сидит.

— Ты так из вежливости говоришь, Люциан. А ты, Эм, если не можешь быть вежливым, просто уходи.

— Альта, не надо никого из-за меня прогонять, — прервал Дарне и посмотрел мне в глаза. — Извини, Эмметт.

Я гневно взглянул на него.

— За что?

— Я лишь... я лишь хотел сказать, что... — Он шумно выдохнул. В комнате воцарилась тишина. Не поднимая взгляд, он сунул карты в коробку. — Альта, послушай, уже поздно. Я приду завтра.

— Нет! — Она схватила его за рукав и взглянула на него округлившимися глазами. — Прошу, не уходи.

Он метнул на меня быстрый взгляд, и я пожал плечами. Затем он неожиданно сунул мне в руки колоду карт.

— Перетасуй их, ладно? — Он сел, наклонился к Альте и взял ее лицо в ладони, заставив посмотреть на него. — Это

ты, Альта, ведешь себя невежливо, а не Эмметт, — произнес он. — А ну-ка прекрати.

— Ч-что?

— Я не против того, чтобы сидеть вдвоем. Эмметт тоже. Или ты перестанешь грубить, или мы оба уйдем.

Она таращилась на него, совершенно сбита с толку, а затем, к моему изумлению, тихонько рассмеялась и захлопала ресницами.

— Ты прав, — произнесла она. — Прости, Люциан.

— Прощаю, — он рассмеялся и постучал ей по носу указательным пальцем. — А теперь давай я тебе погадаю. Посмотрим, что тут у нас.

Он взял у меня карты и разложил четыре в линию на покрывале. Я заметил, что Альта погладила себя по щеке, словно все еще чувствовала его прикосновение. Дарне поднял голову.

— Двойка пик, двойка червей, пиковый валет, пиковая десятка. Хмм... Интересно.

— Плохие карты?

— Нет, — ответил он, — вовсе нет. — Он указал на двойку червей. — Эта карта значит любовь. Но двойка пик перед ней... не уверен, что она означает. Может, ссору. Или то, что ты сначала не поймешь, что любовь настоящая. А пиковый валет... Брюнет. Значит, ты влюбишься в брюнета. И он тоже тебя полюбит. Как тебе такой расклад?

Альта взглянула на него и затаила дыхание. Она не улыбалась. На миг я увидел в ней взрослую женщину, которой она станет.

— А что будет потом? — спросила она.

— Потом... — Он собрал карты и перетасовал колоду. — Об этом карты молчат. Наверное, будете жить долго и счастливо. Так что полежи и подумай об этом, а я вернусь завтра. Может, даже принесу твоих любимых засахаренных фруктов. Идет? — Он встал.

Альта кивнула. Она по-прежнему выглядела совсем взрослой.

Люциан потянулся и взъерошил ей волосы.

— И чтобы никаких больше скандалов, — добавил он.

Она проводила его взглядом. Если бы он обернулся, то увидел бы, как она смотрит на него, но он не сделал этого, а сбежал вниз по лестнице, словно мальчишка после уроков, радующийся долгожданной свободе.

Я нагнал его на кухне. Сквозь полуоткрытую дверь я увидел его на корточках на полу, но когда вошел, он уже встал. Он прижимал к груди щенка.

— Уже ухожу, — бросил он. — Хотел напоследок взглянуть на Кляксу. — Я промолчал. Он нахмурился и спросил: — Что? Почему ты так на меня смотришь?

Я закрыл за собой дверь.

— Что за игру ты ведешь, Дарне?

Он медленно присел на корточки и опустил Кляксу в ящик. Но подниматься не стал, а остался на корточках, глядя на меня снизу вверх. Клякса жевала его палец.

— Какую игру? О чем ты говоришь?

Я сделал медленный вдох.

— Альта встретит красивого брюнета, и тот в нее влюбится? Ты это серьезно?

Он пожал плечами.

— Послушай, это просто...

— Что? Шутка? Игра? А ты не подумал, придумывая эту чушь, что она может все принять всерьез?

Он поднял одну бровь.

— Но почему ты решил, что я все придумал?

— Потому что... — Я запнулся и добавил, понизив голос: — Значит, это просто совпадение, что ты сказал ей именно то, что ей хотелось услышать.

На его лице что-то промелькнуло и погасло.

— А мне казалось, все девчонки мечтают встретить высокого брюнета.

— Будь ты проклят, Дарне! — Я сел на кушетку напротив, чтобы видеть его лицо. — Как можно быть таким лицемером? И как ты смеешь признаваться ей в любви?

Он опешил и отдернул руку, перестав играть с Кляксой.

— Я не говорил ничего подобного.

— То есть ты понятия не имел, как она воспримет твои слова?

— Не говори глупости. — Он встал. — Не знаю, на что ты намекаешь, но если ты решил, что я замыслил запятнать добродетель Альты...

— Ты, верно, меня за дурака держишь.

— Хм-м... — Он оглядел меня с головы до ног. — Не знаю, что на это ответить.

Я вскочил и подошел к нему совсем близко. Сердце бешено колотилось. Меня сводило с ума постоянное желание — нет, *потребность* — ударить его, хотя я знал, что не осмелюсь это сделать.

— Почему бы тебе просто не оставить ее в покое?

Последовала пауза. Он пристально смотрел на меня, сложив руки на груди, и наконец произнес:

— Хорошо. Я во всем признаюсь.

— В чем?

— Ты прав. Я намерен соблазнить Альту — знаю, что она еще ребенок, но так даже интереснее. А потом я собираюсь ее бросить. Если она забеременеет, тем лучше. Пусть ее жизнь будет разрушена. И твоя, и жизнь твоих родителей — просто потому, что мне так захотелось. Мне нравится разрушать людям жизнь.

Я вытаращился на него. Его глаза поблескивали, как черные камушки: неподвижные, нечеловеческие. Горло у меня сжалось, и я едва смог заговорить.

— Ты... правда...

— Да нет же, конечно, нет! — Он развернулся и отошел от меня на несколько шагов. — Господи, да за кого ты меня принимаешь? Я спас жизнь твоей сестре, привез ее домой, навещаю ее во время болезни, приношу подарки, чтобы ее развеселить, беру щенка, чтобы его не утопили... А ты все это время бросаешь на меня такие взгляды, будто я замыслил убийство! Почему?

— Потому что меня от тебя в дрожь бросает!

— Спасибо, что ответил честно, — устало проговорил он после некоторой паузы, снял плащ с гвоздика на стене и надел его. — Насчет Альты можешь не волноваться. Я ее не трону.

Я склонил голову и отвернулся. Дверь скрипнула и хлопнулась; я услышал его шаги в коридоре. Черепица на крыше задребезжала под порывом ветра. На улице стоял жестокий мороз, но он же прискакал сюда по снегу и льду — доскачет и обратно.

Я подошел к собачьему ящику и заглянул в него, но щенки спали. Только Пружинка повернула голову и завиляла хвостом. Если бы не Дарне, Клякса сейчас была бы уже мертва.

Но все-таки меня не оставляло чувство, что с ним что-то не так. Я это не выдумал.

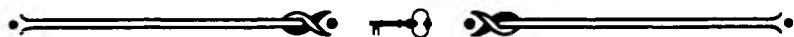
Я вытянул руку и подержал ладонь над горячей плитой, раздумывая, хватит ли мне смелости ее коснуться.

Следующие несколько дней я избегал обоих. Я давно обещал Альфреду починить крышу его дома; стоял мороз, погода для ремонта неподходящая, ведь известковый раствор замерзнуть не должен, но я настоял на своем. Сказал матери с отцом, что пойду немного поработаю в Филдс-Роуд, и те переглянулись, однако за день до этого я достроил забор вокруг гумна, так что отец не стал возражать, лишь неодобрительно покосился на меня, дожевывая кусок пирога.

— Что ж, придется мне взять на себя работу Альты, — сказала мама и вернулась к завтраку. Я же наклонил голову, спрятал лицо и принялся щипать хлеб на маленькие кусочки.

Через пару дней мы закончили ремонтировать крышу, и я вернулся на ферму. Близилось Завершение, надо было резать свинью, нести в дом колоду и еловые ветки. Обычно я радовался приготовлениям к празднику, но теперь мне казалось, что Дарне вечно маячит где-то за спиной, приходит или уходит, и стоит лишь обернуться, как я увижу его.

Мы с мамой опалили щетину на костре и как раз тащили свинью в дом, когда во двор въехал Дарне. Я ощутил на себе мамин взгляд. Внезапно в нос ударила густая вонь паленой щетины и запах крови, пропитавшей одежду. Я чуть не задохнулся. Утерев пот со лба, повез тачку через открытые воро-

та. В сторону Дарне не глядел, хотя слышал каблуки его сапог, звонко цокнувшие о мощный камнем двор, когда он спешился. Все так же не глядя на него, подошел к насосу и умылся ледяной водой. Потом два часа разделявал тушу, а закончив, установил коптильню во дворе и только к вечеру, когда уже стемнело, смыл с себя грязь и поплелся наверх. С колотящимся сердцем вошел в комнату Альты, но Дарне спокойно кивнул мне, будто уже забыл все то, что я ему наговорил.

— Приветствую тебя, Фармер, — проговорил он.

— Дарне, — промолвил я в ответ.

Он чуть склонил голову набок и вернулся к игре, в которую они играли с Альтой. Повисла тишина, изредка нарушаемая звуком брошенных костей, тихой бранью Дарне и хихиканьем Альты. Я стал распутывать упряжь, которую принес починить, но пальцы дрожали, и я никак не мог справиться.

После этого дня мы с Дарне, казалось бы, заключили перемирие. Просто старались не смотреть друг на друга, а если уж возникала нужда что-то спросить, то делали это бескровным обезличенным тоном, будто бы раньше никогда не встречались. Я опасался, что Альта заметит перемену в нашем поведении, и больше не метал на Дарне гневные взгляды, когда тот дергал ее за косу, ну а он оставил свой насмешливо-любезный тон. Однако моя сестра никого и ничего не замечала, когда он находился рядом с ней. Мне еще не доводилось видеть ее такой счастливой, и при мысли об этом болела душа. Я знал, что долго так продолжаться не будет: рано или поздно Альта поймет, что Дарне не любит ее.

Время шло, и вот уже до Завершения осталось всего два дня. Куда ни глянь, всюду в доме висели вечнозеленые гир-

лянды, блестящие звезды из золоченой бумаги и красные шары. На кухне пахло корицей и растопленным сливочным маслом.

Альта всю прошлую неделю плела гирлянды из плюща, но делала все очень медленно и кое-как, потому что больше смотрела на Дарне, чем на работу в руках. Теперь же она сидела на кушетке, завернувшись в одеяло, и раздавала указания, пока мы с Дарне развешивали гирлянды по стенам. Ее глаза разгорелись от восторга, и Дарне, то и дело поглядывая на нее, улыбался.

— Вот эта криво висит! Прикрепите в середине!

— Будет исполнено, миледи. — Парень отвесил поклон, держась за край гирлянды; стул, на котором он стоял, закачался. — Здесь?

Я быстро опустил взгляд на груду темно-зеленых листьев, уже потерявших свой блеск.

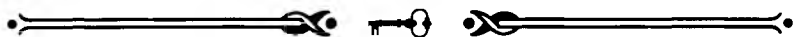
— Принесу еще булавок.

— Хорошо, — кивнул он. — Альта, смилуйся, необязательно же выверять все по линейке!

Я пошел на кухню и принялся искать булавки в ящике комода. Мама, перепачкавшись в муке, раскатывала тесто на столе. Раскраснелась точь-в-точь как Альта.

— Ох, Эмметт, будь добр, достань мне вон ту банку! И раз уж ты здесь, зажги плиту, отмерь фунт сахара и поставь вариться карамель. Куда подевался отец? Он обещал ошипать гуся!

Когда я наконец вернулся в гостиную, Альта с Дарне целовались. Я замер в дверях. Но нет, мне почудилось — эти двое просто танцевали. Он обнимал мою сестру и кружил по комнате; пара ловко лавировала между стульями, лица

почти соприкасались. Дарне мурлыкал себе под нос мелодию, потом сбивался на шепот:

— Раз, два, три... влево... вместе... отлично... ах! Виноват, виноват!

Танцующие споткнулась, и он попытался подхватить мелодию с того же места, где та оборвалась.

— Ла-ла-ла... да, вот так... ла-ла ла, — пропел он, и Альта захихикала. — Ой, хватит, я больше не могу. Ты мне все ноги отдавила! — Смеясь, они остановились.

— Давай еще потанцуем, — попросила Альта.

— Тебе нельзя переутомляться.

— Я и не стану.

Моя сестра с улыбкой взглянула на него снизу вверх, часто-часто дыша. Какой же прекрасной она мне показалась в этот момент! Рука Дарне на ее талии выглядела изящной и тонкой: рука аристократа, который в жизни не проработал ни дня.

— А я устал, — промолвил он, откинул со лба завиток взмокших волос и отпустил Альту, и все это как будто одним жестом. — Так мы будем вешать бумажные цепочки? Кажется, твой брат пошел за булавками. — Он посмотрел на дверь и увидел меня.

— Эмметт! — воскликнула Альта и побежала ко мне, ступая легко, словно в танце. — Люциан учил меня танцевать вальс!

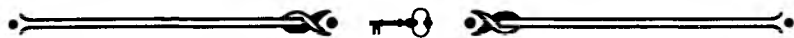
— Я видел.

Поставив на комод коробочку с булавками, я принялся сосредоточенно возиться с крышкой.

— Мы хорошо танцевали?

— Один из вас точно знает, что делает.

— Я никогда раньше не танцевала вальс, Эм. Не может же у меня все получиться с первого раза! Мне нужно трениро-

ваться. — Она протянула руку Дарне, но тот рассмеялся и покачал головой.

— Прости, Альта. Мне бы твою выносливость.

— Тогда покажи Эмметту, что нужно делать. Мы с ним потренируемся, и когда ты приедешь в следующий раз, я не собьюсь ни разу, обещаю!

— Альта, тебе только на днях разрешили вставать с постели...

— Кажется, мне пора, — мы с Дарне произнесли свои реплики одновременно.

— Нет, нет! Прошу, Люциан. Всего несколько минут. Завтра канун Завершения, будь добрее.

Он закусил губу и взглянул на меня со смутной улыбкой.

— Ты можешь сама его научить, Альта. Ты знаешь все шаги.

— Хорошо. Но ты останься и поправь меня, если я ошибусь. — Она развернула меня боком, и мы встали лицом в одну сторону. — Повторяй за мной. Шаг вперед, в сторону и вместе, вот так, видишь? Раз, два, три...

Я попытался повторить ее шаги. Дарне еле сдерживал улыбку.

— Да нет же, вот так! Ох, Эмметт, что ж ты так медленно!

— Дай ему шанс, Альта, — вмешался Дарне. Я остановился и взглянул на него, но он смотрел мне на ноги. — Не торопи его. Ты и сама сначала копалась.

Альта вздохнула и потянула меня за рукав.

— Вот так, понял? Теперь встань здесь, а я здесь... и держи руки вот так. — Она попыталась поставить меня в нужную позу, как деревянную куклу. — Теперь води... раз, два, три... о господи, Эмметт!

— Я что-то сделал не так? Вроде все правильно повторил.

— Да, но ты должен *вести*! Я тебя за собой тащу, а должно быть наоборот! Люциан совсем не так танцует.

— Наверняка, — буркнул я себе под нос.

— Покажи ему, Люциан. — Она схватила Дарне за руку и толкнула мне навстречу. — Покажи ему, как надо!

— Может, не стоит... — возразил было я, и Дарне запротестовал одновременно со мной. Мы резко замолчали и уставились друг на друга. На его лице застыло настороженное выражение, он покраснел.

— Не думаю, что моему брату нужна моя помощь, — наконец вымолвил он. — Особенно с танцами.

— Не говори глупости, — ответила Альта. — Просто покажи ему.

Дарне не шевельнулся. Он словно чего-то ждал. Наконец я, дурак, понял, чего именно.

— Не стесняйся, — проговорил я натянутым голосом, который как будто мне не принадлежал. — Покажи.

— Хочешь, чтобы я потанцевал с тобой?

Я глубоко вздохнул.

— Если этого хочет Альта, и ты не против...

Он долго смотрел на меня. По его лицу невозможно было прочесть его мысли.

— И ты не боишься, что тебя бросит в дрожь от моего соседства?

— Нет, — ответил я как можно спокойнее. — Не боюсь.

Он прищурился, глядя на меня, словно приценивался к скотине на рынке. Горячая кровь прихлынула к моим щекам. Я отвел взгляд.

Дарне рассмеялся. Станный это был смех: настороженный, но довольный — смех человека, который выиграл, но сам не понимает, за какой приз сражался.

— А у тебя неплохо получается, между прочим, — заметил он. — Шаги ты выучил. Надо просто привыкнуть, только и всего. — Он протянул руку, но заколебался. — Уверен?

— Ты будешь его учить или нет? — не выдержала Альта. — Столько шума из-за какой-то ерунды! Ох уж эти мальчишки.

Дарне приблизился на шаг. Я вздрогнул и почувствовал, как он отшатнулся; тогда, повинуюсь бессознательному импульсу, я потянулся и взял его за руку, как Альта несколько минут назад взяла меня. Я не ждал, что его рука окажется такой теплой и липкой от пота: совершенно обычная рука, как у мамы или Пераннон Купер.

— Показывай, — сказал я, — раз уж мы решили.

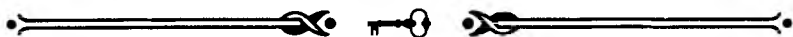
— Готов? Раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три...

Он оказался на удивление силен. Мы кружились по комнате, и я вдруг понял, о чем говорила Альта: мне ничего не приходилось делать, я просто следовал за ним. Но это так напоминало объятие — удушающе тесное; мы находились так близко друг к другу, что мне стало трудно дышать. Раз, два, три...

Я споткнулся, и он тут же выпустил меня.

— Вот и все. Теперь сможешь тренироваться с Альтой.

— Да, — я часто заморгал. Комната кружилась перед глазами. Я будто все еще вращался в танце. Сделал шаг в сторону и зашатался; Дарне подхватил меня за локоть и помог удержаться на ногах. Тепло его руки просачивалось сквозь

рубашку, как вода. Я отдернулся — глупый инстинктивный рывок, — и он резко отодвинулся; лицо его внезапно похолодело.

— Спасибо, Дарне, — промолвил я, но голос мой прозвучал еле слышно.

— Альта! — позвала с порога мама. — Ты почему на ногах? Я разрешила тебе спуститься вниз с условием, что будешь сидеть на кушетке!

— О... я просто...

— Быстро в кровать! Простите, мистер Дарне. Счастливого Завершения. — Мама подхватила одеяла в охапку и погнала Альту к выходу. Та вздохнула, одарила Дарне лучезарной улыбкой и послушно зашагала вперед.

Мы остались наедине. Дарне взглянул на меня, точно собирался что-то сказать, но потом резко повернулся, взял плащ и вышел в коридор. Я заколебался, посмотрел на груды забытых бумажных гирлянд, а потом что-то заставило меня броситься вслед за ним, хотя я вовсе того не хотел.

Я нагнал его во дворе. Пошел мелкий снежок. Он увидел меня, но не остановился и продолжил на ходу натягивать перчатки, точно я был стеной или деревом.

— Ты вернешься в Каслфорд на Завершение? — спросил я.

— Нет. — Дарне поправил перчатки и посмотрел на меня, словно не понимая, зачем я здесь. — Мой дядя тоже празднует Завершение. Во всяком случае, так мне сказала кухарка. Будет олений бок, шампанское, кларет, портвейн... Семь блюд, фарфор с золотой каемкой, лучшее столовое серебро. И мы с дядей вдвоем в обеденном зале размером с ваш амбар.

— Так, значит.

— Не волнуйся, будет весело. Ко второй смене блюд дядя напьется до беспамятства, а я буду сидеть и смотреть, как он засыпает в тарелке. — Он поднял воротник и поплотнее запахнул на шее. — Я приеду через несколько дней после Завершения, если ты об этом спрашиваешь.

— Приезжай к нам на праздничный ужин.

— Что?

Я увидел, как сверкнули его глаза в сгущающихся сумерках, как на брови налипли снежинки. Сглотнул комок в горле и сказал:

— Мать с отцом обрадуются, если ты придешь. А уж Альта и подавно. Еды хватит на всех. Мы всегда приглашаем рабочих с семьями, один гость погоды не сделает.

— Ты зовешь меня на ужин в честь Завершения?

Я приподнял одно плечо, но он продолжал сверлить меня взглядом. Наконец я еле слышно промолвил:

— Да.

Он изменился в лице.

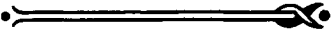
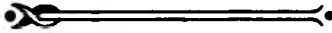
— Нет. Но спасибо.

— Но...

— Ты же на самом деле не хочешь, чтоб я пришел? — Он сухо улыбнулся, словно я неудачно пошутил.

— Нет, я не...

— Да будет тиха твоя тьма, а свет придет раньше, чем надо, — произнес он хорошо знакомые слова — традиционное поздравление с Завершением. Потом вскочил в седло и ускорился, а я так и остался стоять на заснеженном дворе, дрожа от холода.

XV

Весна в том году пришла раньше обычного. После Завершения было еще несколько метелей, но редких, и ко второму полнолунию снег зарыхлел, покрылся оспинами и вскоре стоял. На земле остались лежать лишь водянистые кучки с бурыми краями. Пока снег не сошел полностью, грязь стояла по щиколотку, и с каждым шагом я проваливался в рыхлую землю. Потом за одну ночь проснулись деревья и высали из почвы всю влагу; в воздухе запахло зелению и пробуждением. Я всегда любил первые весенние дни, когда ворота зимы внезапно распаивались, освобождая из заточения все живое. Но в этом году я словно очутился в незнакомом краю и открывал для себя все заново. Я смотрел на весну глазами горожанина Дарне, и все мне казалось в новинку.

Альта поправилась и вернулась к обычным для нее домашним делам; Дарне уже не мог приезжать каждый день и просиживать у нас по нескольку часов, но все равно бывал часто. Что удивительно, его присутствие совершенно не мешало нашей жизни и работе; мне уже казалось, что он всегда был здесь, на нашей ферме. Он не путался под ногами, но и не замечать его было трудно. Альта несла обед работникам на верхнее поле, а он ее сопровождал; Альфред предсказывал дождь, а он послушно принимался; мы с отцом в амбаре заготавливали силос, а он проходил мимо и, заслышав вонь закишавшей травы, отворачивался и утирал слезящиеся глаза.

Несколько недель я прожил в хижине пастуха, принимал ягнят и следил за окотом. По вечерам приходила Альта и приносила ужин, а иногда с ней заглядывал Дарне. Мы подолгу сидели и пили чай, почти не разговаривали и смотре-

ли, как на небе ярко разгораются звезды. Однажды он пришел во время окота. Когда все случилось, Дарне стоял на коленях в грязи и вытирал соломой мордочку ягненка; с одной стороны его лицо освещала луна, с другой — свет лампы. Его рубашка запачкалась кровью и слизью, но он этого будто бы и не замечал — смотрел на ягненка, склонившись над ним, потом взглянул на меня с восторженной улыбкой.

— Видишь? Не так-то сложно это было, — сказал я, и он покачал головой и рассмеялся.

Клякса следовала за ним по пятам. Мы смеялись, вспоминая, как она всполошилась, впервые учуяв кролика; собаку будоражили густые запахи леса, земли и деревьев, и нас радовала ее прыть.

Однажды мы возвращались домой с поля, где возводили навозную кучу под руководством Дарне — тот выбился из сил, всего лишь десять минут поработав лопатой.

— Вот бы у меня был такой нюх, как у Кляксы! — сказала Альта.

— Тогда бы тебе не понравилось, как ты пахнешь, вонючка, — усмехнулся я, догадываясь, что она имеет в виду.

Мы были слишком заняты, чтобы следить за Дарне, и, будь его воля, он мог бы покуситься на невинность Альты — подходящих моментов было предостаточно. Но он ее не трогал. Они никогда не оставались вдвоем надолго, и порой мне казалось, что Дарне специально приезжает именно в те часы, когда мы с отцом работаем на дворе, — он всегда вызывался помочь мне, но не Альте.

Временами я смотрел, как он играет с Кляксой, — бросает ей палку или пытается отогнать от кроличьей норы, — и вдруг мне приходило в голову, что, возможно, мы все оши-

баемся и на самом деле ему нужна не Альта, а Клякса и наше общество. В дядином доме ему наверняка было одиноко, и непохоже, чтобы он водил знакомство с кем-то еще поблизости; не исключено правда и то, что дружелюбие его неискренне и он околачивается у нас, просто потому что ему скучно. Я смотрел на Альту, и у меня переворачивалось все внутри; если она ему действительно безразлична, ее сердце погибнет от тоски. Но потом я слышал, как он насвистывает, въезжая во двор, или ловил его взгляд, когда он целовал Альте руку, и понимал: Дарне не обманывает нас. Он был счастлив, как и она; похоже, пока ему достаточно было всего лишь находиться с ней рядом. Пока.

К весне Клякса подросла и перестала нуждаться в материнском молоке. Я думал было сказать Дарне, чтобы забирал ее и больше не приходил, но каждый раз, когда слова уже вот-вот готовы были сорваться с языка, я проглатывал их, откладывая еще на час или на день. Мне почему-то не хотелось думать о том, что будет, когда Клякса покинет нас навсегда. Дарне давал нам деньги на корм, но мы всегда считали Кляксу *нашей общей собакой*, а не только его. Пружинка так давно была щенком, что я уже забыл, как это весело; забыл, как можно потратить весь день, играя в перетяг, бросая палку или связывая веревку в узлы, чтобы собаке было что пожевать. Темно-коричневое пятнышко на спине Кляксы почернело, хвост ей купировали, и от него остался лишь маленький торчащий пенек, но она все еще была совсем маленькая. Когда, набегавшись, псинка уставала, я сажал ее в полотняный мешок, куда иногда складывал пойманных кроликов, и она презабавно высовывала мордочку наружу. Альта проходила мимо и шептала: «Кролики!» — и Клякса наостряла уши.

Однажды, увидев меня с мешком на плече, Дарне принялся комментировать, ни к кому не обращаясь: «А вот мадемуазель Эмми — щеголяет одетая по последней столичной моде. Обратите внимание на сумочку, изящно наброшенную на плечо и украшенную меховой оторочкой. Глядите-ка, оторочка глядит на нас веселыми глазенками, вот дела!»

Через несколько дней я отправился стричь колючую изгородь на верхнем поле, а мешок взять забыл; пришлось Дарне нести Кляксу на руках. На середине пути он проворчал:

— Ну что за избалованная собака! Поверить не могу, что я ее несу. Скоро она паланкин потребует... — Я предложил понести ее, но он покачал головой: — Ничего. Своя ноша не тянет.

— Так что же ты ворчишь?

— Нравится, — он улыбнулся.

Я закатил глаза, но его добродушие было заразительным. Мы спустились по тропинке к дому, шагая рядом в молчании, которое нисколько нас не тяготило. Альта позади нас тихонько напевала. Я обогнал Дарне и открыл калитку, ведущую на верхнее поле, — оно лежало под паром, и можно было срезать путь. Но как только мы ступили на поле, Клякса на его руках заскулила, заизвивалась. Он ругнулся сквозь зубы, пытаясь удержать собаку.

— Унюхала что-то. Тихо, Клякса. Тихо! — Но собака его не послушалась — продолжала выкручиваться, пока мы не дошли до края поля, где колючая изгородь упиралась в стену нашего двора. Здесь она еще раз крутанулась, и Дарне воскликнул: — Да успокойся ты, дворняжка полоумная! — Неуклюже протиснувшись в калитку, он вскрикнул изменившимся тоном: — Проклятье! Она напрудила мне на рубашку!

Альта приснула со смеху, но тут же попыталась обратить этот звук в вежливое и изящное покашливание.

Дарне спустил Кляксу на землю, та немедленно бросилась прочь и нырнула в угол амбара, где любили собираться крысы.

— Чертов щенок, — выпалил он, взглянув на свою грудь. — Я промок и провонял насквозь.

— Тебе бы переодеться, — сказала Альта.

— Не нужно, доеду так. Сегодня в кои-то веки тепло.

— Не глупи, — вмешался я. — Альта, принеси ему мою рубашку. — Потом, не дожидаясь ответа, пригласил: — Пойдем на кухню, Дарне.

Он проследовал за мной.

На кухне я первым делом поставил на плиту таз с водой, чтобы та немного согрелась. Дарне замер на пороге.

— Фармер...

— Да?

— Тебе необязательно давать мне рубашку.

Я обернулся.

— Что?

Он, кажется, не мог подобрать нужные слова.

— Если не хочешь... то есть... я знаю, ты не любишь одалживать свои вещи.

— Что за чушь ты несешь?

Он замялся, а потом добавил — вроде бы в шутку, но голосом совсем не шутливым:

— Когда я в прошлый раз взял твою рубашку, ты чуть меня не удушил.

Кровь прихлынула к моим щекам.

— Если я верно припоминаю, — сказал я, — ты тогда пригрозил раздеться.

— Да, но ты же велел вернуть твою одежду.

— Давай договоримся так: я пообещаю больше не дуть тебя, а ты больше не грозись раздеваться передо мной.

— А эта рубашка, провонявшая собачьей мочой? Ее-то можно снять?

— Только дверь закрой. Если Альта увидит тебя голым, в обморок упадет.

— В таком случае, тебе, пожалуй, тоже стоит закрыть глаза. Я рассмеялся. Само получилось, я не хотел.

— Просто вымойся и переоденься поскорее, Дарне.

Он кивнул с притворным послушанием и затворил дверь кухни. Я нырнул в кладовую, чтобы взять новый кусок мыла, а он тем временем успел снять рубашку. За эти месяцы Дарне немного поправился, но я бы по-прежнему не назвал его хорошо сложенным; и все же за долгие часы прогулок с Кляксой он нарастил мышцы на груди и ребрах, да и живот уже не был впалым, а стал просто плоским.

— Спасибо, — Дарне взял мыло.

Я отвернулся. Несмотря на все наши шуточки, мне было неловко смотреть, как он плещется в тазу, будто крестьянин, смывающий грязь после рабочего дня. Особенно учитывая, что я был одет; не знаю почему, меня это смущало.

В дверь постучали. Я приоткрыл ее и выдернул рубашку из рук Альты.

— Я взяла ту, где не было заплаток... — успела сказать сестрица, прежде чем дверь перед ее носом захлопнулась.

— Спасибо, — снова проговорил Дарне, натягивая рубашку через голову. Она хорошо на нем сидела, хотя плечи у меня были шире, чем у него. — Погоди-ка... это не та самая рубашка, из-за которой в прошлый раз ты так рассердился?

— Нет, — ответил я и, не подумав, добавил: — Замолкни, Дарне.

Он звонко и торжествующе рассмеялся, поправляя манжеты. Меня уже не волновало, что рубашка протерлась на локтях; он, кажется, не замечал, что моя одежда старая и грязная.

— Уже можно зайти? — позвала из-за двери Альта. — Вы чем там занимаетесь?

— Секунду, — ответил я и услышал, как она вздыхает и царапает дверь ноготком.

Дарне застегнул рубашку, скомкал свою и положил на кухонный стол. Я не зажег лампу, и в полумраке кухни сверток белого полотна напоминал розу. Он стоял неподвижно и смотрел на меня. Потом очень тихо спросил:

— В чем дело?

— Прости, — выпалил я так быстро, что слоги набегали друг на друга. — Я вел себя как дурак. Прости.

— Ничего страшного.

— Да нет же... все это время...

— Забудь, Фармер.

— Останься на ужин. Наверное, будет просто пирог, но я знаю, мама возражать не станет...

— С радостью. Спасибо.

— И на этот раз я не просто из вежливости прошу...

Мы смотрели друг на друга в упор. Было слишком темно, и я не мог толком разглядеть выражение его лица: оно белело в темноте светлым пятном. Кухня за его спиной внезапно показалась чужой, незнакомой — большая темная плита, ряды блестящих медных кастрюль, каменные полы и выцветшие картины на стенах. В кладовке тускло блестели банки на полках.

— Я только... Мне наверх сходить... мигом.... — Я развернулся и вышел в коридор. — Дарне остается на ужин, — бросил на ходу Альте.

— Что? Ты пригласил его остаться? Но почему? — Она схватила меня за локоть, и я чуть не споткнулся.

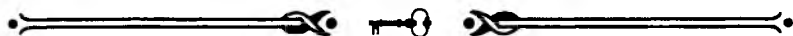
— А что такого?

Альта, прищурившись, взглянула на меня. В коридор проник синий полумрак весенних сумерек, и ее пестрое розовое платье окрасилось лиловым. За спиной сестрицы по стене крались тени. Окно было открыто; над полями гулял западный ветер, разгоняя кислые запахи двора; он принес с собой сладость свежей травы — аромат если не теплых деньков, то их скорого приближения. Я вдруг отчетливо почувствовал весну, и волосы на руках встали дыбом. Сбросив руку Альты, я рассмеялся.

— Что происходит, Эмметт? С чего это вы с ним вдруг подружились?

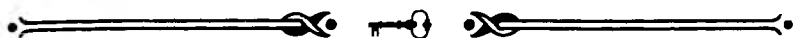
В ее голосе слышались облегчение, недоверчивость и что-то еще — то, о чем ей неловко было говорить вслух. Я ухватился за перила и взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Альта окликнула меня по имени, и в ее голосе звучала мольба, но я уже поднялся наверх и не стал оборачиваться.

Пожалуй, с того самого дня мы и подружились. Рядом с Дарне я все время чувствовал опасность: его присутствие ощущалось как подводное течение, низовка, грозящая утянуть на дно; однако я все же мог сопротивляться предательской тяге, и через некоторое время научился притворяться, что этой тяги не существует. Я убеждал себя, что мне все это

почудилось: чувство близкой опасности и искра между нами, заставившая мои волосы встать дыбом в тот день, когда Дарне впервые появился в нашей жизни; что моя неприязнь к нему была необъяснимой, иррациональной, а теперь, узнав его лучше, я могу больше не бояться.

А моя сестра... Она словно почувствовала, как рухнул последний барьер. Я никогда не говорил ей, что теперь, случись Дарне попросить ее руки, она бы заручилась моим согласием, — хотя конечно же мое согласие ровным счетом ничего не значило, — но Альта, ощутив мою молчаливую поддержку, бросилась в омут любви с головой, как прыгают с утеса. Она вся светилась от счастья, искрилась, как будто золотой мир, в котором ей предстояло стать женой Дарне, сиял на расстоянии вытянутой руки, заливая ее своими лучами. Альта была еще ребенком, и, как ребенка, ее интересовали игрушки: платье, которое она наденет на свадьбу, дом, где они будут жить, кольцо, что он ей подарит. Как-то раз они с Сисси Купер сидели на изгороди, а я шел мимо; так вот, прежде чем они успели заметить меня и захихикать, я услышал слова Альты: «...и длинная вуаль! С кружевной каймой, вышитыми цветами и маленькими жемчужинками...» Впрочем, меня это не волновало; я не спал по ночам по другой причине. На ее еще детском лице порой проступало совсем не детское выражение; я видел в ней женщину, которой Альта станет через десять лет, и понимал, как сильно она желала Люциана. Даже ее шаг изменился: хотя и остался легким, но приобрел плавность; она мягко проводила кончиками пальцев по поверхности предметов, словно только что открыла для себя прикосновение. Она потеряла аппетит, и даже форма ее лица изменилась: рот стал шире, а скулы — острее.

Но Дарне не изменил своего отношения к ней. Он по-прежнему держался с Альтой непринужденно, как брат с сестрой, шутил и подтрунивал. Может, потому что доверял ей. Впрочем, один раз мне пришла в голову ужасная мысль, что он ее презирует... Но нет. Он ни разу не сказал моей сестре плохого слова. Если и был человек, к которому он относился с насмешливой любезностью, вероятно, маскировавшей неприязнь, то таким человеком был я.

Я бы сошел с ума, пытаюсь понять, что у него в голове. Поэтому просто перестал думать об этом. У меня и так забот хватало: весна вступила в свои права, в саду и на полях пробивались сквозь землю первые всходы. Деревья наливались соком, а после окончания всех дел мама посылала нас собирать охапки дикого чеснока и одуванчиков на вино. В лесу лорда Арчимбольта мы наткнулись на поляну колокольчиков. Я взглянул на них и рассмеялся: неудивительно, что Альта влюблена, сезон-то самый подходящий. Даже мне весна вскружила голову.

На той неделе настроение у всех было приподнятое: близился День Пробуждения, и в воскресенье мы выбрались на ярмарку. С того самого дня, как я купил книгу у торговца и сильно разозлил этим отца, ярмарка никогда не радовала меня, но в этом году я ждал ее, и не только потому, что в этот день мы не работали. Шагая меж прилавков в компании с Дарне, Кляксой и Альтой — родители шли позади рука об руку, словно жених с невестой, — я видел все как будто впервые. Шатры, гирлянды из флажков и дым костров, на которых готовилась еда; повсюду люди в лучших нарядах, яркие краски и румяные лица, смех, звон монет, переходящих от покупателя к продавцу, солнечные блики на налитых доверху пивных кружках...

Дарне остановился и присвистнул, ошеломленный ярмарочной суетой.

— Пойдем, — рассмеялся я. — Ты разве не проголодался?

— Проголодался. Я угощу вас пирогами, — ответил он.

— Мы не попрошайки, Дарне. Я и сам могу купить пироги.

— Ладно, я просто... неважно.

Клякса совсем ошалела: то и дело дергала поводок. Мы двинулись к ближайшему прилавку и купили пироги. Клякса умяла свой, не жуя, довольно облизнулась и уставилась на нас, в надежде получить добавку. Но мы уже свернули в узкий боковой ряд и продолжили бесцельно бродить между шатрами и деревянными прилавками. У прилавка с украшениями Альта остановилась, глаза ее загорелись. Дарне потянулся к карману:

— Сколько стоят голубые бусы?

— О... спасибо, Люциан. Ты очень щедр.

Он отмахнулся, показывая, мол, пустяки. На миг я проникся к нему глубокой неприязнью — тоже мне, молодой лорд, подачки раздаст... но он поймал мой взгляд и весело подмигнул.

За следующим прилавком Дарне купил три раскрашенных деревянных яйца и бросил одно мне так неожиданно, что я едва его поймал. Другое было вручено Альте.

— Дарне, — заметил я, — расписные яйца принято дарить своей зазнобе.

— Я так и сделаю, — ответил он и показал третье яйцо, которое оставил себе. — Бог с тобой, Фармер, это всего лишь яйцо. А ты смотришь на меня так, будто я задумал взять взамен твою душу.

Я натянуто рассмеялся и сунул яйцо в карман. Где-то зазвонил колокольчик, и Альта потянула меня за рукав.

— Пойдем, а то опоздаем.

— Не опоздаешь, не бойся. Сначала же танцуют малыши... Танец с лентами, — пояснил я, увидев, что Дарне не понимает, о чем речь. — В центре ярмарочной площади возводят большой столб, к нему привязывают ленты. Девчонки танцуют вокруг него и опутывают лентами, да так, что потом не распутать.

— Это очень красиво, — добавила Альта. — А Пераннон Купер выбрали королевой Пробуждения. Эмметт, ты непременно должен ее увидеть!

Она помахала подружкам, собравшимся в центре ярмарочной площади, улыбнулась Дарне и убежала.

В честь праздника девушки надели свои лучшие платья; голову каждой украшал растрепанный венок из подвявших полевых цветов, да и сами они, ясноликие, напоминали первоцветы. Почти все распустили волосы, лишь Альта заплела две передние пряди в косички и связала их на затылке, словно хотела отличаться от остальных. Девчонки, обступив Альту, зашушукались и захихикали, потом обернулись и стали смотреть на нас. Сисси Купер указала на Дарне, притворяясь, что вежливо машет ему рукой, и прыснула.

— Я словно торт в витрине кондитерской, — заметил он.

Я рассмеялся. Именно так они и смотрели на него: голодными, завистливыми, мечтательными глазами. Все, кроме Альты: сестрица полагала, что торт предназначенся ей.

Дарне невозмутимо развернулся, поднял руку и прикрыл глаза от солнца. Его щеки порозовели.

— Тебе правда хочется посмотреть на танец с лентами? Или, может, незаметно улизнем?

— Давай, — ответил я.

— Слава богу.

Я не стал говорить, что вряд ли ему удастся что-то сделать незаметно, ведь девчонки с него глаз не сводили. Просто взял его за руку и увел в толпу, пытаюсь не обращать внимания на Альту, принявшуюся звать его по имени. Толпа чуть поредела, и мы бросились бежать, пока не очутились там, где ярмарка почти заканчивалась; несколько одиноких обшарпанных прилавков стояли, как заброшенные сараи.

— Сбежали, — с облегчением выдохнул он и остановился перевести дыхание. — Побаиваюсь я девчонок в этом возрасте, и особенно когда они собираются в стаи.

— Как волчицы.

— Или вороны.

Я улыбнулся.

— Значит, у тебя нет сестер?

— Есть, целых две. Лизетта и Сесилия. Но они старше меня.

— Надо же, я не знал.

До меня вдруг дошло, что о Дарне я знаю совсем мало; например, он никогда не говорил о своих родителях. Хотел было сказать ему об этом, но он переменялся в лице, и я обернулся посмотреть, что привлекло его внимание.

Прилавков с книгами стоял вдали от прочих, на участке, по колену заросшем травой. Полупустая тележка пробуравивала в земле глубокую колею. Торговец мог быть тем же человеком, продавшим мне книгу много лет назад, разве что седых волос прибавилось, живот еще больше прирос к позвоночнику и глазки бежали чаще. А может, это был совсем другой

человек — так ли это важно? Тот или другой, он по-прежнему торговал книгами. Стопки разноцветных кожаных корешков с золоченым узором; несколько переплетов попроще, один или два — с массивными металлическими уголками; обрезы с пятнами плесени. Я шагнул к прилавку, и отчего-то мое сердце забилося чаще.

Дарне так крепко схватил меня за руку, что я чуть не вскрикнул.

— Ты что это задумал, Фармер?

— Ничего. Просто хотел... — я растерянно моргнул.

— Ты, что ли, не знаешь, что это такое?

— Я просто хочу посмотреть.

Он прищурился, молча развернулся и ушел так быстро, что ошейник впился в горло Кляксы; бедняжка захрипела, засеменяв на натянутом до предела поводке. Я замер, раздумывая, что делать дальше. В ушах звенела пронзительная, высокая мелодия волынки: вдалеке начался танец с лентами. Мелодия то нарастала, то стихала, уносимая порывом ветра. Книготорговец не смотрел в мою сторону; его салные седые волосы были спрятаны под шляпу. Прилавок выглядел покосившимся, шатким и, казалось, готов был рухнуть в любой момент. Но книжные корешки переливались на ярком весеннем солнышке оттенками голубого, красного и пыльно-зеленого с золотым тиснением...

Вдруг словно лопнула натянутая нить: я вышел из оцепенения и бросился вслед за Дарне.

— Эй! погоди! Стой же!

Но я не мог угнаться за ним. Не сомневаюсь, что он меня слышал, но останавливаться не желал и даже побежал быстрее, лавируя в высокой траве и спускаясь в лощину.

Уворачиваясь от торчащих веток, я наконец нагнал Люциана, да и то лишь потому, что низкая ветка хлестнула его по лбу, заставив остановиться.

— Что с тобой? — выпалил я.

Он обернулся и набросился на меня, словно продолжая старый ожесточенный спор:

— Тебе они нравятся, да? Книжки? Спорим, у тебя где-нибудь припрятана пара штук? Чтобы было чем согреться зимними вечерами? Упитья чужим унижением, разлитым по бумаге, читать о нем снова и снова, пока ты...

— Что? Да что ты такое несешь?

— Тебе должно быть стыдно!

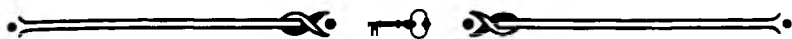
— Из-за чего?

— Ах, значит, по-твоему, в этом нет ничего стыдного? Человеческими жизнями торгуют на ярмарке, чтобы крестьянам было чем развлечься, когда работы нет? — процедил он сквозь зубы и прислонился к стволу дерева. Над бровью алела тонкая полоска — след от ветки, хлестнувшей по лбу. Через мгновение он поднял глаза и пристально всмотрелся в мое лицо; не знаю, что он надеялся в нем увидеть, но наконец Дарне отвел взгляд. А потом снова заговорил, на этот раз тише и спокойнее, словно я прошел неведомое испытание. — Ты правда ничего не знаешь?

— Нет.

Он долго водил пальцами по царапине на лбу, прежде чем произнести:

— Книжки — это люди, Фармер. Украденные жизни. Высосанные воспоминания о худшем... о самом худшем, что только может случиться с человеком.

— Что? — Я вытаращился на него. — То есть... люди... записывают свои воспоминания и...

— Записывают? Нет! Переплетчики забирают их воспоминания и сшивают в книгу, а человек обо всем забывает. — Он нахмурился. — Полагаю, здесь не обходится без колдовства — злой, темной магии. Сами переплетчики считают свое ремесло почетным и уверяют, что творят добро. Но это не так. «Бедняжка Эбигейл, сколько она выстрадала, не проще ли забрать у нее память?» А потом дурные люди, такие, как книготорговец с ярмарки, завладевают книгами и продают, чтобы другие могли... — Он резко замолк. — Ты знал об этом. Наверняка знал.

Я покачал головой.

— Догадывался, что книги — это что-то плохое. Но разве так можно... я просто не верю.

Но я поверил. Вот почему родители бледнели от одного упоминания о книгах; вот почему они никогда нам о них не рассказывали. В голове тотчас же возникли тени костра и лагерь накануне битвы; отец, в ярости занесший руку. Я понял, мне повезло, что я не дочитал до конца.

— Но ты наверняка видел книги, — продолжал он. — Даже школьные учебники — чьи-то воспоминания. Разве учителя в школе вам не рассказывали?

— В школе мы учились по табличкам. У нас были прописи, письма. — Я повел затекшими плечами. — Но книг я никогда не видел. В наших местах книги не читают.

На лице Дарне застыло недоверчивое, напряженное выражение, которое я частенько видел у него раньше. Наконец он кивнул. Мне показалось, что прошло несколько часов.

— Ты прав, — промолвил он. — Откуда тебе знать про книги. Ближайшая к вам переплетчица, старая ведьма, живет на болотах, до нее несколько миль пути. Неудивительно, что ты не знаешь о ее существовании. Мне про нее дядя рассказывал. Ему она, впрочем, ни к чему. Его интересует лишь то, что плещется на дне бутылки.

Дарне замолчал. Клякса что-то унюхала и натянула поводок. Он стоял и смотрел себе под ноги, но там ничего не было, кроме примятой травы, сгнивших прошлогодних листьев и узловатых древесных корней, в нескольких местах вспоровших землю. Вдруг над нами защебетала птица; порыв холодного ветра ударил мне в лицо, принес с собой запах земли. Я сунул руку в карман и нащупал расписное яйцо, которое он подарил мне на ярмарке.

— Дарне...

— Что?

Я хотел ему что-то сказать, но что? Через мгновение он выпрямился и прошагал мимо меня к тропе, ведущей вверх по склону. Деревья росли слишком часто, и мы не могли идти рядом; я следовал за ним, втайне радуясь, что он не видит моего лица. Мне не хотелось, чтобы он заметил, как стыдно мне стало, когда я вспомнил ту книгу с ярмарки и гнев отца.

Клякса взволнованно взвизгнула и метнулась в сторону; Дарне чуть не наступил на нее, но не рассмеялся, как обычно, а лишь резко подтянул к себе поводок. Какого бы зверя она там ни унюхала, погоню пришлось отложить.

Он остановился на вершине небольшого пригорка, где кончался лес. Отсюда открывался вид на руины замка, ров, блестящий в долине внизу, и дом его дяди: тот виднелся на горизонте, почти скрытый от глаз свежей листвой. Близ-

лась гроза: над головой сгущались клочковатые темные облака. Солнце в последний раз блеснуло из-за туч, окрасив все жидким золотом; затем тучи сомкнулись и заволокли небо.

— Хочешь пойти ко мне секретарем? — вдруг спросил Дарне.

До меня не сразу дошел смысл сказанного.

— Что?

— Мне нужен секретарь. Само собой, с приличным жалованьем. Работа несложная: писать письма, давать советы и все такое прочее. Не перебивай, — добавил он, резко развернувшись ко мне. — Дай мне хоть раз договорить и послушай, прошу. Я хочу те... мне нужен человек с незамутненным взглядом, тот, чья голова не забита всей этой ерундой. Да, ты будешь получать жалованье, но я не прошу тебя идти ко мне в услужение. А если тебе не понравится, можешь уйти в любой момент.

Я повернулся к горизонту и вгляделся в приближающееся грозное облако. Его зазубренная кромка напоминала край устричной раковины: жемчужно-серая оборка на темном фоне. Что бы он ни говорил, начав работать на него, я стану его слугой. Я представил себя управляющим поместья Арчимбольта, его лесами и сельскохозяйственными угодьями. Отдельный кабинет в Новом доме и жалованье, на которое отец с матерью могли бы...

— У меня уже есть работа, если ты не заметил, — ответил я.

— Заметил. Но ты же не планируешь всю жизнь работать на отцовской ферме?

Я поджал большие пальцы ног, чувствуя, как просела под подошвами рыхлая земля.

— Когда отец состарится, ферма станет моей.

— Да, но...

— Да, но *что*? По-твоему, этого мало? — Я повернулся к нему лицом и приосанился, почти сравнившись с ним ростом. — Или ты хочешь сказать, что любой, будь у него выбор, предпочел бы стать таким, как ты, чем работать на ферме?

— Прекрати! — Он покачал головой. — Я совсем не то хотел сказать. Я предлагаю тебе другую жизнь. Вот и все.

— Мне не нужна другая жизнь.

Наступила тишина. Я топтал лоскут травы, пока совсем не примял его к земле вперемешку с комьями грязи. Я знал — стань я управляющим, мог бы вдохнуть жизнь в запущенное поместье Дарне; отец стал бы спорить со мной, говорить, что я слишком мал и не ведаю, о чем говорю, но у меня не было сомнений, что я смог бы увеличить урожаи вдвое, а дичи развелось бы столько, что хватило бы и браконьерам.

Взглянув на Дарне, я увидел, что тот смотрит на меня; напряженные морщинки залегли вокруг его губ и глаз, будто он силился скрыть от меня свои мысли.

— Но ты хотел бы попробовать?

Я стиснул зубы, с трудом представив, как подчиняюсь его приказам. А когда они с Альтой поженились...

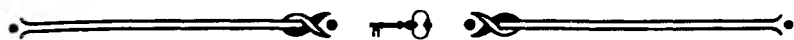
— А если не соглашусь, — ответил я, — ты найдешь кого-то еще на это место?

— Мне нужен ты. Если откажешься, я больше никого искать не стану. — Он изменился в лице. — Так что скажешь?

— Нет, — ответил я.

— Эмметт...

— Нет.

Он закрыл глаза с видом человека, потерпевшего поражение. Затем вздохнул и начал спускаться вниз, на поле, к тропинке, ведущей к дому.

— Будь проклят ты и твоя гордость, — обессиленно выпалил он.

— Гордость? Это я-то гордец?

Он не ответил. Кажется, он даже не слышал меня.

Я поплелся вслед за ним. Глина налипла на ботинки, и каждый шаг давался с трудом.

Желая нарушить тягостное молчание, я произнес:

— А разве твой дядя не захочет сам выбрать тебе помощника?

— Дядя тут ни при чем. Когда-нибудь я вернусь в Каслфорд и стану работать на отца, управлять его фабриками.

— Погоди, — опешил я, — а я-то думал... ты планируешь вернуться в Каслфорд?

— Да, если отец соизволит положить конец моей ссылке. — Он глянул на меня через плечо и тоже остановился. — А ты что думал? Меня отправили сюда в наказание. Разрешили выбрать: или к дяде, или в дом для умалишенных. Я и не собирался оставаться здесь навсегда. Вот почему я хотел, чтобы ты... Впрочем, забудь. Как-нибудь переживу.

Я зарылся пятками в грязь и надавил, прорвав слой травы и увязнув в глине по самые щиколотки.

— А как же Альта?

— А что с ней? Мне нужен ты, а не Альта.

Он резко сорвался с места, и я чуть не поскользнулся, пытаясь его нагнать. Облака сбились темной грядой, серая пелена окутала все вокруг. Вдалеке, на другом краю долины,

бледная завеса дождя опустилась на Новый дом и руины старого замка.

Мы подошли к каменной стене у подножия холма. В стене была вырублена лестница. Дарне молча перелез и стал ждать меня на противоположной стороне, повернувшись спиной. Колокольчики здесь уже отцвели; их примятые пожухлые листья покрывали глинистый склон. Каркнул и затих ворон.

Я слышал его дыхание. В его волосах застрял кусочек коры почти такого же цвета, как растрепавшиеся прядки, шея сзади перепачкалась зеленым лишайником.

— А что ты натворил? — спросил я.

— Что?

— За что тебя наказали?

Он медленно повернулся ко мне. Его глаза тревожно округлились; он явно хотел рассказать мне о чем-то, но не мог. Или мог, но не хотел.

— Неважно, — ответил он, — все равно это больше не повторится.

Вдруг пошел град. Мы инстинктивно бросились к ближайшему дереву, но почки еще только распустились, и редкая листва не могла нас укрыть. Клякса дрожала, сжавшись в комок у ног Дарне. Градины били меня по голове и плечам, таяли и стекали вниз ледяными струйками.

— Лучше нам вернуться, — сказал я, пытаюсь перекрыть стук града. — Можем выпить чего-нибудь горячего...

— Ты иди. А я пойду домой.

— Дарне...

— Оставь меня в покое. Со мной все в порядке.

Он не дал мне шанс ответить. Не успел я возразить, как он перемахнул через ручей и побежал по полю, поскользывая-

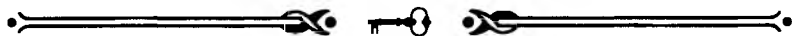

ясь в грязи. Его одежда вмиг промокла, по спине стекали струи. Может, мне и следовало пойти за ним, но сначала я решил, что слишком рано, а потом стало поздно; нужный момент я упустил.

XVI

Дарне больше ни разу не упоминал о своем намерении вернуться в Каслфорд. Я даже решил, что, возможно, неправильно понял его. Быть может, он имел в виду «вернуться ненадолго, а потом снова поселиться у дяди» или «*наведаться* в Каслфорд»? Слишком уж долго длилось его наказание. Я попытался представить его отца, но воображение рисовало лишь нечто вроде ярмарочной мишени с дырой вместо лица: видел его костюм, дорогие часы и цилиндр, но черты лица расплывались. Потом я попытался угадать, что же такого мог натворить Дарне, чтобы его захотели поместить в приют для умалишенных. Мысли об этом не давали мне покоя, как корка на ране, которую то и дело хочется ковырять; никак не мог отделаться от них, хотя они причиняли боль. Я думал об этом, когда мы сажали репу, расчищали поле от камней и засеивали его травой; навязчивые мысли зудели в голове, даже когда я спал, и маячили на грани сна и бодрствования. Иногда я даже думал во всем признаться Альте — но в чем? Что бы я сказал ей — что с Люцианом явно что-то не так, но что именно, я не знаю? Проще было держать все в секрете, притворяться дурачком и делать вид, что ничего не понимаю, когда она хмурилась и спрашивала, о чем я думаю.

Лишь в присутствии Дарне назойливые мысли отступали. Рядом с ним я забывал обо всем. Существовала лишь

Клякса и новый трюк, которому она научилась, или забор, который я учил его чинить, или мешок голубей, что мы наловили по пути домой. Я с удивлением обнаружил, что Дарне никогда не держал в руках ружье. Он совершенно не умел стрелять и смеялся над собой, когда промазывал. В конце концов он вручил ружье мне и сказал: «Давай же, Фармер, я знаю, тебе не терпится показать мне, как это делается». Альта жалела голубей, когда те с глухим стуком падали в подлесок, но пирог с голубями всегда ела с большим аппетитом. Порой Дарне оставался ужинать.

На смену весне пришло знойное лето, словно река замедлила свой ход и из стремительного прозрачного потока обратилась в неторопливую извилистую зеленую ленту. У Альты прибавилось дел: телята выросли из грудного возраста, а значит, молока стало больше и можно было заняться приготовлением сливочного масла и сыра; потом настало время стричь овец — сначала наших, потом соседских, с фермы Хоумов и Грейтсов. Несколько дней мы виделись с Дарне лишь накоротке, когда тот приходил навестить Кляксу.

На следующий день после того, как мы достригли овец, я кормил свиней; отец стоял рядом, облокотившись о забор. Неожиданно он проговорил:

— Ты хорошо потрудился, сын. Возьми сегодня выходной, если хочешь. Попрошу Альфреда доделать твои дела. — Он потянулся и почесал свиноматке спинку прутиком. — Подожди юного господина Дарне, и идите гулять, чтобы он не путался тут под ногами.

Выходной в разгар летних работ — это было неслыханно, но спорить я не стал. Однако когда отец попросил взять с собой Альту, я понял, что все это затеяно ради нее — родители

боялись, что Дарне утратит к ней интерес. Но я не придавал этому значения.

Я никогда не ощущал такой свободы, как в тот день, когда мы углубились в леса лорда Арчимбольта — те самые леса, которые должны были принадлежать нам, — и прошли мимо Нового дома. Клякса уже научилась реагировать на кличку и всегда возвращалась, когда мы ее окликали, поэтому мы спустили собаку с поводка и дали побегать. Но потом, заболтавшись, напрочь забыли о ней, и когда Альта принялась ее звать, Клякса, вероятно, успела убежать слишком далеко, чтобы услышать нас. Поначалу мы не волновались. Клякса была умной собакой — гораздо умнее других, как утверждал Дарне, — и никогда не терялась. Но примерно через час я ощутил, как грудь моя сжимается от тревоги. В лесу стояли проржавевшие насквозь вековые капканы: вдруг она угодила в один из них и поранилась? Или застряла в лисьей норе, или столкнулась носом к носу с сердитым барсуком?

— Давайте поделимся, — предложила Альта. — Мы с Люцианом пойдем к реке. Встретимся через полчаса, Эмметт. — На Завершение Дарне подарил ей изящные карманные часы, и она театральным жестом достала их из кармана с одной-единственной целью: показать Дарне, как ей нравится подарок.

— Хорошо. Но только ты, Альта, иди к реке, — я схватил Дарне за руку, прежде чем тот успел возразить, — а мы пойдем вверх по склону. Мы быстрее ходим и успеем больше осмотреть.

Дарне бросил на меня косой взгляд, в котором промелькнуло что-то, но сказал лишь:

— Не тревожься за Кляксу, Фармер. С ней все будет в порядке.

— Я и не тревожусь.

Мы с ним стали взбираться по лесистому склону и вскоре очутились на дороге к Новому дому. Прямо перед нами выросла сторожка. Она совсем заросла; густая завеса плюща почти скрывала ее от глаз, но дверь была приоткрыта. Клякса вполне могла погнаться за крысой, прошмыгнувшей в дверь, и застрять меж половиц или вовсе провалиться под пол, сидеть там и звать на помощь.

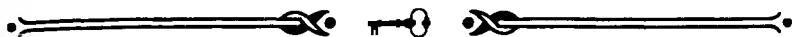
— Пойдем, — сказал я и толкнул дверь.

Пол в доме был таким грязным, что под ногами хрустел песок. В центре стояли стол и два стула, один с провалившимся сиденьем; в углу лежала груда гниющих тряпок неизвестного назначения, высились стопки старых гроссбухов, покоровившихся от времени, и деревянные ящики. Пахло сыростью, хотя было жаркое лето, но сквозь прореху в потолке струился солнечный свет, а в разбитое окно дул теплый ветерок. Я огляделся, прислушался, но не услышал ни звука. К слову, пол тут оказался каменным: провалиться под него никак нельзя.

— Посмотрим наверху? — предложил Дарне.

Лестница покосилась, но все ступени были на месте. На втором этаже в центре пола зияла дыра, разинутая, точно беззубый рот, и солнечные лучи, проникавшее сквозь такую же широкую дыру в крыше, точнехонько в нее. Казалось, что-то огромное и тяжелое когда-то давно упало с неба, пробило крышу и пол и приземлилось в самом низу. Я сделал осторожный шаг вперед и позвал:

— Клякса! — Ответа не последовало. — Наверное, ее здесь нет.

Дарне вышел вперед и сделал несколько шагов по пыльным половицам.

— Ей бы здесь точно понравилось, — поморщился он. — И, кажется, я что-то слышал...

— Здесь могут быть крысы.

— Клякса! Ко мне! — Ни звука в ответ: лишь мягкое облачко пыли взметнулось и закружилось в луче солнца. Он обошел дыру в полу и направился в дальний угол комнаты, где в тени стояли высокие напольные часы. — Клякса!

Осторожно ступая, я следовал за ним.

— Альта наверняка ее уже нашла, — тихо пробормотал я.

— Но что, если она здесь застряла?

— Тут негде даже спрятаться.

Я оглядел комнату. Здесь не было ничего, кроме часов и нескольких старых картин, покрытых пятнами сырости; в углу притулился комод без дверцы и ящика. Будь Клякса здесь, мы бы ее уже увидели.

Дарне потянул себя за нижнюю губу.

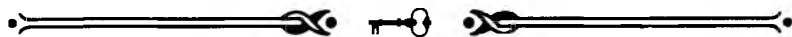
— Ладно, — наконец произнес он. Он как будто бы хотел добавить что-то еще, но трижды чихнул и сказал: — Пойдем отсюда.

Мы вернулись к лестнице тем же путем, осторожно обогнув дыру в полу. Вдруг под моими ногами просели половицы, и я схватился за подоконник, чтобы не потерять равновесие. Дарне протянул руку, не касаясь меня, чтобы я мог ухватиться за него в случае опасности.

— Осторожно.

— Я осторожен.

— Просто дружеский совет... — Он вдруг замолк. Я взглянул на него: он смотрел куда-то в окно.

— Что там? — спросил я, но не успел договорить: он схватил меня за рукав и оттащил в угол. — Что...

— Тихо! — Он прижал меня к стене. Я ударился головой о напольные часы, и внутри деревянного каркаса тихобрякнули заржавевшие колокольчики.

Дарне вжался в угол рядом со мной.

— Там мой дядя. Он идет сюда. Не шевелись!

Я нахмурился. Он молча показал на мое ружье и провел пальцем по горлу. Я откинулся к стене; сердце бешено забилося. Если мы не пошевелимся... а дядя не станет подниматься вверх...

Внизу скрипнула и затворилась дверь. Я постарался дышать бесшумно и унять подступающую панику. На первом этаже слышались шаги. На миг мне показалось, что дядя собирается подняться по лестнице, и похолодел от страха, но нет: он ходил взад и вперед по комнате. Что он там делает? Сквозь дыру в потолке поднялись клубы приторно-сладкого трубочного дыма. Я сглотнул слюну, сдерживая кашель. Дарне посмотрел на меня, и я тихо кивнул: *все в порядке*.

Дверь снова скрипнула. В дом вошел кто-то еще. Я стиснул зубы, борясь с желанием заглянуть в дыру и посмотреть, кто это. Легкая поступь явно принадлежала женщине.

— Вот ты где. Охотилась на моих кроликов, браконьерка? Мое сердце замерло.

— Да, сэр, и мне очень, очень стыдно, — раздался девичий голос.

Взмокнув от пота, я прижался к стене и вздохнул с облегчением. Голос принадлежал не Альте. Он принадлежал... я вдруг опешил, узнав этот певучий говор. Пераннон

Купер. Пераннон? Ее-то как сюда занесло? И неужели она ловила кроликов? Братья ее, бывало, промышляли браконьерством, но Пераннон никогда не ходила в лес. Ее интересовали лишь мальчики и картинки с модными платьями; она планировала при любой возможности переехать в Каслфорд. Я не мог взять в толк, зачем ей охотиться на кроликов.

— Я видел тебя, — раздался голос лорда Арчимбольта. — У тебя в сумке большая, жирная, сочная куропатка!

Да чтобы Пераннон подстрелила куропатку? Я покосился на Дарне, но тот стоял, хмуро потупившись в пол.

— Ох, сэр, — отозвалась Пераннон. Она словно нарочно растягивала слова, подражая говору неграмотной крестьянки; так могла бы говорить ее бабушка. — Вы застали меня с поличным, сэр. А я-то, дурочка, попалась.

— Еще как попалась. Маленькая хулиганка.

— Простите меня, сэр, — ее голос дрогнул.

— Повтори!

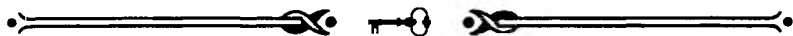
— Ах, сэр. Я такая негодница! Я маленькая хулиганка!

— И ты знаешь, что бывает с такими маленькими негодницами, как ты?

— О... — Она судорожно вздохнула. — Прошу, лорд Арчимбольт, не трогайте меня, я всего лишь непослушная маленькая охотница... и обещаю, что больше не стану...

— Наклонись. И подними юбки.

Меня бросило в жар от стыда, но уже через секунду мне захотелось смеяться. Я сморщил нос и зажмурился, стараясь сдерживать смех; Дарне зажал руками рот и прерывисто вдохнул. Только бы он на меня не посмотрел... Я поджал пальцы ног и стиснул кулаки. Стоит нам пикнуть, и...

Шлеп. Ремень хлестнул по голой коже. А потом Пераннон безо всякого выражения произнесла:

— О-о-о-о-о.

Я снова чуть не прыснул со смеху. Кажется, Пераннон совсем не умела притворяться! Мне стоило больших усилий не смотреть на Дарне; главное сейчас — не переглядываться, иначе мы точно рассеемся; он и так уже весь трясся от беззвучного смеха.

— Вам полагается шесть ударов плетью, юная леди!

Шлеп.

— О-о-о-о-о. — *Шлеп.* — О-о-о-о-о. — *Шлеп.*

Последовала небольшая пауза, словно Пераннон уснула и пропустила свою реплику, но потом эта реплика прозвучала:

— О-о-о-о, сэр, прошу, не надо!

— Ты усвоила урок? — Снова пауза и шорох ткани. Затем лорд Арчимбольт издал долгий хриплый стон, за которым последовал ритмичный скрип. Пераннон тоже начала стонать, но невпопад.

Дарне зашевелился.

— Обещал шесть ударов плетью, а было четыре, — прошептал он так тихо, что его слова услышал только я.

Я прыснул. Он с силой зажал мне рот рукой, и я почувствовал кожу его ладони на своих зубах.

— Ш-ш-ш, — прошептал он, — они тебя слышат! — От неожиданности я укусил его, но не нарочно. Он отдернул руку, и мы встали плечом к плечу, судорожно дыша и пытаюсь не рассмеяться в полный голос.

— Славная девочка, — пыхтел лорд Арчимбольт, — славная. То есть, я хотел сказать, плохая девчонка! Негодница!

— О да, сэр, вот так, как приятно! Простите меня, я больше так не буду!

Теперь они пыхтели и взвизгивали, как животные. Это было уже не так смешно. Стол скрипел все громче; к скрипу добавился другой звук — деревянные ножки стола царапали каменный пол. Я хотел было потянуться и заглянуть в дыру в полу, но Дарне меня опередил: он наклонился и вытянул голову, заглядывая в отверстие.

Скрип — царап — скрип — царап — о-о-о-о — скрип — царап...

Он резко отпрянул и прижал меня к стене, навалившись всем весом и тяжело дыша. С минуту мы стояли, замерев: вдруг нас услышат? — но ничего не изменилось: снизу доносились все те же ритмичные звуки.

Дарне пробормотал:

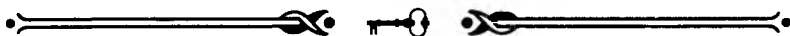
— Стол движется. Они прямо под нами. Посмотрят вверх и нас увидят.

Я закрипел зубами. Угол напольных часов врезался мне в спину прямо меж лопаток. Дарне положил руку мне на грудь и не давал пошевелиться. Его лицо было совсем близко. Мне стало трудно дышать; его ребра впивались в мою грудь, от него исходил жар, и у меня закружилась голова. Я подумал было оттолкнуть его, но не осмелился. Снизу по-прежнему доносилось мерное «скрип — царап».

— О-о-о-о... о-о-о-о... — застонала Пераннон.

Я зажмурился, пытаюсь не слушать ее, но мое воображение уже нарисовало отчетливую картину: Пераннон в страстном экстазе, возможно, притворяется, а может, нет. Я снова открыл глаза и попытался думать о чем-то еще — о чем угодно, кроме этого.

Но мне было некуда деться. Ощущая дыхание Дарне на своей шее, я чувствовал, как взмокли мои волосы и как напряжен, как натянут он. Его ладонь обжигала через рубаш-

ку — он прижал ее к моей груди чуть выше сердца. Сегодня вечером, раздевшись, я увижу на груди ее след, подумал я, но тут же спохватился — какая глупость! Я попытался думать о чем-то холодном — прохладной воде или льде, — но даже вперившись глазами в потолок, видел лишь мелкие капли пота на лбу Дарне и его взмокший воротник. Наверняка Пераннон сейчас тоже вся взмокла, и капли пота стекают в ложбинку меж ее грудей, а уж между ног...

Впился ногтями в ладони и уставился в потолок. Стал думать об отслаивающейся штукатурке и полосках облупившейся краски на стенах, скрутившихся, как пергаментные свитки. Сосчитал надколотые лепные розы, украшавшие выступ под потолком, — раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Но все было напрасно. В паху потеплело, внизу живота знакомо заныло. Я прикусил язык и ощутил во рту соленый вкус. Кровь в паху пульсировала все сильнее, и вот уже по телу пробежали мурашки и подкосились колени. Как бы я ни противился, мое тело выдавало меня. Я громко сглотнул, Дарне пошевелился и посмотрел мне в глаза. Я отвел взгляд. Если бы он отошел хотя бы на шаг... Но он стоял слишком близко.

Может, он ничего не заметил?

Я покраснел, кожу саднило, будто лицо обгорело на солнце. Почему он так смотрит на меня?

Он наклонился ко мне, и его губы на миг коснулись мочки моего уха.

— Тебя это заводит, Фармер?

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Прямо здесь и сейчас. Вот бы пол подо мной рухнул, мы бы упали и все четверо погибли под обломками! Я смотрел в потолок, притворяясь, что не слышал его.

— Если совсем не вмоготу, — прошептал он спокойно, как голос в моей голове, — давай, помоги себе сам. Только тихо.

— Заткнись!

— Может, тебе нужна дружеская рука?

— Иди к черту, Дарне.

Тут я все-таки не сдержался и взглянул на него. Он беззвучно смеялся, прижавшись лбом к стене. В следующий миг наши взгляды встретились, и он мне подмигнул. Я схватил его за плечо и стал медленно сжимать, пока мои пальцы не нащупали кость. Он вырвался, по-прежнему улыбаясь, насмехаясь надо мной, бросая мне вызов... но какой? Чего ему от меня было нужно? Я мог бы его ударить, но поднял бы шум.

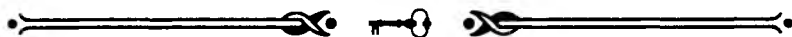
— О-о-о... славная девочка... о да... у-ху... р-р-р-р...

Лорд Арчимбольт застонал громче, а потом замолк. Мы замерли и прислушались. Наконец зашуршала ткань, щелкнула пряжка ремня и звякнули монеты на дне кошелька.

— Спасибо, лорд Арчимбольт, — прошебетала Пераннон. Ее певучий акцент испарился; теперь она говорила обычно, как мы с Альтой. — В то же время на следующей неделе?

— Верно, милая.

Послышались легкие шаги; дверь захлопнулась. Мы с Дарне выжидающе переглянулись: расслабляться было рано. Но через несколько минут, зевнув, чиркнув спичкой и выкурив трубку, о чем нам сообщило облачко голубого дыма, поднявшегося в дыру в полу с первого этажа, лорд Арчимбольт вышел и закрыл за собой дверь. Дарне тихонько подошел к окну и выглянул на улицу, а затем вздохнул с облегчением — длинный, протяжный выдох, который, казалось, продлился несколько минут.

— Что ж, — промолвил он, — дядя всегда говорил, что если уж поймает браконьера, то накажет его как следует.

Мы расхохотались. Наконец можно было дать себе волю. От смеха у нас заболели животы, мы согнулись пополам и закашлялись. Мы еще долго смеялись, а когда наконец успокоились, обогнули дыру и выбрались на цельный участок пола. Дарне остановился и покачал головой.

— Невероятно, — выпалил он и снова засмеялся; из его рта брызнула слюна, блеснув в луче света. Мне опять стало смешно, и мы двинулись к лестнице зигзагами, как пьяные, хватаясь за животы.

— Один раз я чуть не чихнул.

— Не упади! — Я потянулся и схватил его за руку. Спотыкаясь, мы спустились по лестнице и вышли на улицу. Солнце слепило глаза; зеленела листва.

— Ты небось рад, что я не наказываю браконьеров, как мой дядя.

— Да уж, — я покачал головой и перевел дыхание.

Он первым перестал смеяться. Когда я наконец успокоился, он стоял, прислонившись спиной к стене сторожки. На губах по-прежнему играла улыбка.

— А кто эта девчонка? Та, что была с дядей?

— Пераннон Купер. — Я не смог прочесть по глазам, знакомо ли ему ее имя. — В жизни бы не подумал, что она промышляет такими делами.

— Пераннон Купер? Она тебе нравится, верно?

Я с удивлением вспомнил, что раньше так и было.

— Уже нет.

— Ну да, конечно, — он хитро улыбнулся, словно не поверил мне.

— Нет же, она давно мне разонравилась, с тех пор как... — Я осекся. — А ты откуда про нее знаешь?

— Альта рассказала. — Он пожал плечами и отвернулся. — Имя запомнилось.

— Ясно.

У него вспотела шея. Рубашка помялась; два острых залома топорщились на спине. Я стоял и тербил ремень рубжя, не зная, о чем говорить дальше.

Внезапно он развернулся.

— Клякса! Мы так ее и не нашли! Я совсем... как же мы могли...

— Да. Пойдем.

Он бросился бежать через лес и вскоре совсем исчез из виду: лишь его рубашка мелькала среди деревьев белым пятном. Если я не хотел упустить его, надо было следовать за ним тотчас же. Но что-то мешало мне: стало не по себе, будто я почувствовал приближение болезни или забыл о чем-то, но не мог понять, о чем.

Вдалеке залаяла Клякса. Я отмахнулся от неприятного чувства и бросился на лай.

После этого Дарне перестал приходить.

Сначала мы решили — и убеждали в этом друг друга, — что ничего не случилось, просто ему некогда и он наверняка придет на следующий день. Но прошло несколько дней, потом неделя, а от него так и не было вестей. Альта умоляла меня сходить с ней в Новый дом и поискать его там. В тот день я выкладывал камнями яму, откуда наши коровы пили воду, и обрадовался спокойной прогулке. Ветер высушил намокшую от пота рубашку. Мы подошли к дому и позвонили в ко-

локольчик, но никто не ответил. Даже служанка не вышла на порог, чтобы прогнать нас прочь. Альта повернулась ко мне. Она вся сникла, как бутон после заморозков.

— А вдруг он умер, Эм?

— Что за ерунда. Об этом знала бы вся округа.

— А вдруг...

— Да замолчи ты!

Назад мы шли молча. Мы оба понимали, что Дарне вернулся в Каслфорд, не сказав ни слова и даже не попрощавшись. Но я не мог повторить это вслух при Альте. Неужто он так жесток? Но ведь он не пришел.

Дома обстановка накалилась до предела; родители кричали друг на друга, Альта закатила истерику в маслобойне, недоследила за молоком, и двухдневный удой скис. Клякса поднимала уши и скулила каждый раз, когда мимо ворот проезжала лошадь. Я целыми днями работал на жаре и не щадил сил, а когда к вечеру приходил домой, голова раскалывалась, но несмотря на это мне не спалось. Всю ночь я сидел у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу; я желал увидеть Дарне и проклинал его, тоска по нему и неприязнь слились воедино — я с трудом мог отличить одно от другого.

Потом настал канун Солнцестояния. Мы с Альтой поссорились, потому что она отказалась идти на деревенский праздник; потом поссорились еще раз — я назвал ее избалованной и сказал, что ей пора забыть о Дарне и найти ему замену; потом извинился, но она влепила мне по ушам, и мы снова поссорились. В конце концов мы пошли на праздник, где деревенские развели большой костер, однако веселиться не хотелось; пиво горчило, отец хлебнул лишку и чуть не под-

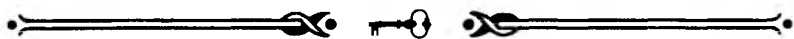

рался с Мартином Купером, мама бросилась их разнимать; я отвернулся, но взгляд мой тут же упал на Альту, стоявшую чуть поодаль с девчонками. Те, как водится, нарядились в лучшее и повесили на шею гирлянды из живых цветов, а на запястья надели цветочные браслеты. Но если на ярмарке в День Пробуждения Альта стояла в центре и вся светилась от счастья, тогда как другие девушки бросали на нее завистливые взгляды, то теперь Сисси Купер подозвала ее и сказала: «Альта, иди скорее, послушай — Герти помолвлена!» Герти встряхнула волосами и произнесла: «Не убивайся, Альта, скоро ты найдешь другого». Мне захотелось врезать им обeim за их самодовольный тон. Но я знал, что гордость не позволит Альте уйти домой, даже если я возьму ее за руку и уведу прочь, поэтому я остался, и мать с отцом тоже. Мы смеялись и пели с остальными и вернулись домой на рассвете, как солдаты после проигранного боя, не получившие ранений и пытающиеся делать вид, что все обошлось.

Заснул я поздно, точнее, рано, как только сквозь калитку во дворе пробились первые косые солнечные лучи. Заснул не в кровати, а сидя на подоконнике; во сне меня преследовало печальное лицо Альты. Я знал, что виноват в ее несчастье. Что именно я сделал не так, я не догадывался, но не сомневался: вина за мной. Эта мысль навязчиво крутилась в голове и сводила меня с ума; впрочем, была от нее и польза — она не давала мне думать о другом. О Дарне.

Вдруг стекло, к которому я прислонился щекой, задребезжало. Я вздрогнул и резко выпрямился, очнувшись ото сна, и тут снова что-то ударило по стеклу.

Я открыл окно и выглянул во двор, прищурившись от солнца. Наступило утро, и уже нещадно пекло.

— Фармер, — позвал Дарне, — почему никого нет?

— День Солнцестояния, — ответил я. — Все спят. Где ты был?

— Спускайся, расскажу. — Он наклонился и погладил Кляксу, которая восторженно нарезала вокруг него круги.

Я поспешно натянул чистую рубашу и вытер с подбородка засохшую слюну. У двери Альты ненадолго остановился; мне хотелось отомстить ей за то, что надавала мне по ушам, но заставил себя постучаться.

— Альта! Дарне приехал.

Скрипнули пружины кровати: она встала.

— Передай, что я не хочу его видеть, — ответила сестрица, и я услышал, как она прошлепала по полу к комоду, где хранилась ее лучшая ночная рубашка.

Спустившись с лестницы, я выбежал во двор, на ходу выпрыгнув в башмаки. Дарне рассмеялся.

— Вид у тебя... потрепанный, — сказал он.

— Мы до рассвета жгли костер, — объяснил я. — Потом пришли домой, покормили скот и легли спать. В День Солнцестояния спят до полудня. Даже отец. Выходной же.

— О. Прости, я не...

— Ничего, — ответил я, пожалуй, слишком поспешно. — Я рад тебя видеть.

Мы замолчали. Дарне наклонился и потрепал Кляксу за уши.

— Альта не желает с тобой разговаривать, — сказал я.

— Жалко.

— Но, кажется, она просто хочет, чтобы ты упрасивал ее выйти. А потом стал молить о прощении. Как там у девочек принято.

— Но ты-то хочешь со мной разговаривать?

— Да. Как видишь.

— Вот и отлично. Тогда пойдем. — Не успел я зашнуровать ботинки, как он пристегнул поводок к ошейнику Кляксы и вышел за ворота.

— Дарне, — сказал я, наконец нагнав его, — а где ты был? Мы решили... то есть Альта решила... мы места себе не находили.

— Мне надо было подумать, — ответил он.

— Подумать? Неделю?

— Я думаю медленно.

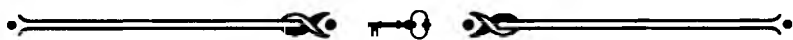
Он хотел рассмешить меня, и ему это удалось; но я все же заметил, как ловко он увернулся от ответа.

— И куда мы идем? — спросил я.

— Выгуливаем Кляксу.

Я двинулся за ним, радуясь прогулке по лесу и шурясь от золотистых солнечных бликов в зеленой листве. Лишь когда лес поредел, я понял, куда мы пришли. Под нами простиралась неподвижная река цветом чуть темнее неба, а на противоположном берегу высились руины замка. Мы никогда не ходили сюда, будто не хотели вспоминать день нашей встречи, но сейчас увитый глицинией замок совсем не походил на призрачный черный силуэт на фоне алого закатного неба, каким я увидел его тем зимним вечером. Я словно очутился в другом месте. Вдохнул полной грудью: с другого берега доносился пряный аромат гвоздики.

Мы обошли ров, осторожно ступая по мосту; Клякса бежала впереди. В маленьком дворике я остановился у колодца и задрал голову, подставив лицо солнцу. Свет слепил глаза, и я зажмурился, а когда наконец разлепил веки, башня и сте-

ны слились в одно песочно-желтое пятно, испещренное водными бликами и зелеными крапинками листьев, выше сияло ярко-голубое небо. У меня кружилась голова, не хватало дыхания, словно воздух был разрежен, и я невольно подумал: может, я еще толком не протрезвел? Протер заспанные глаза и отвернулся, чтобы не смотреть на солнце. И сразу перед глазами заплясали темные точки.

Дарне вгляделся в глубь колодца, словно надеялся увидеть что-то на илистом дне.

— Я хотел спросить тебя кое о чем, Фармер, — наконец заговорил он.

— Слушаю.

— Это насчет Альты.

— Она просто дуется, — отмахнулся я. — Если бы ты постучался к ней и стал умолять увидаться, она бы мигом тебе открыла. Теперь же она так просто не сдастся: придется подарить ей минимум две коробки засахаренных фруктов.

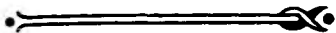
— Я не об этом хотел спросить.

Мне вдруг показалось, что солнце жжет нестерпимо. Я пожалел, что столько выпил вчера.

— Она оправится, — сказал я. — Ей всего пятнадцать, Дарне. Скоро она тебя забудет. Но только будь с ней помягче, прошу. Она пытается храбриться, но на самом деле...

— Да замолчи ты! — Он провел рукой по лицу, и на миг мне показалось, что он тоже не спал всю ночь. Он молчал так долго, что я уж решил, это нарочно. А потом произнес:

— Я думал попросить ее руки.

XVII

Я вытаращился на него. Обычно я избегал смотреть на Дарне в упор. У него были темные глаза, но в солнечных лучах на радужке плясали янтарные и охряные искорки. Раскрасневшиеся щеки усеяны светлыми, почти незаметными веснушками. Он закусил губу, и я заметил, что зубы у него немного неровные, но очень белые. Я ничего не почувствовал. Все это время, столько месяцев мы ждали, пока он скажет эти слова или нечто подобное, и вот он произнес их; можно было успокоиться и жить дальше. Я смотрел себе под ноги и пинал камень у основания стены колодца. Глаза саднило от яркого солнца. Теплый воздух пропитался пресным цветочным ароматом и пах как выдохшаяся розовая вода.

— Ясно...

Дарне продолжал смотреть на меня открыто, выжидающе, и мне показалось, что он надеялся услышать что-то еще.

— Но разве ты... — Я вдруг охрип и прокашлялся. — Мы простые фермеры. Разве твои родители... отец...

— Он ничего не сможет сделать. Мы можем пожениться тайно, а потом... — Дарне на секунду отвел взгляд. — Я буду заботиться о ней. Все будет хорошо.

— Тогда... я рад, — ответил я. — Альта будет счастлива.

Он кивнул. Я развернулся и двинулся к арке, ведущей к полуразрушенному залу. Косые солнечные лучи светили в окна, заросшие глицинией, высвечивая на траве узор из светло-зеленых квадратов. У меня заболела голова.

— Думал, ты обрадуешься, — сказал Дарне.

— Я и радуюсь, — я глянул на него через плечо и натянуто улыбнулся. — Мы все надеялись на такой исход.

Но он не улыбался.

— И ты тоже?

— Само собой. То есть... да. — Только бы он не решил, что нам нужны его деньги. Но будь он бедняком, мать с отцом никогда бы... Я просунул костяшку в щель в каменной стене и навалился на кулак всем весом. — Надеюсь, вы будете счастливы.

Дарне не ответил. В листе над моей головой закурлыкал голубь; его клич прозвучал кратким перезвоном колокольчиков.

— И ты больше ничего не скажешь? Не вижу, чтобы ты прыгал от радости. Или рвался пожать мне руку, как брат будущему брату.

— Я же сказал, что рад. Да и при чем тут я? Уверен, Альта порадуетса за нас двоих.

— Я не об этом. — Он пинал ботинком стену. Солнечные блики на воде освещали его лицо снизу, в глазах мелькали тени. — В чем дело, Фармер? Ты по-прежнему считаешь, что я разобью ей сердце?

— Нет. — Я говорил искренне. В какой-то момент я проникся к нему доверием и сам не заметил, как это произошло.

— Значит, ты по-прежнему меня ненавидишь? Можешь признаться, я не обижусь.

— Не говори ерунду.

— Тогда в чем дело? Альта мне небезразлична. Я не подведу тебя, не сомневайся.

Я глубже просунул костяшку меж острых камней. А когда достал кулак, увидел, что до крови ободрал кожу. Дарне был прав: мне бы радоваться. Теперь у Альты будет длинная вуаль, расшитая жемчужинками, и дом в Каслфорде, и горничная; теперь у нее будет Дарне. Все, о чем она мечтала, имен-

но в таком порядке. В глубине души я понимал, что это несправедливо, но мне было все равно.

— А почему ты меня спрашиваешь? — сказал я. — Спроси моих родителей. Спроси Альту. Почему тебя так заботит мое мнение?

— Потому что...

Но я не желал слышать ответ. Прошел через арку и очутился в зале с высокими стенами и без крыши. Встав в его конце, постарался дышать как можно медленнее, сосредоточившись на том, что видел перед собой: розах, увивавших стены, широком бордюре из замшелых камней, невысокой траве. Кто-то присматривал за замком, внезапно понял я: это был садик, не просто руины. Странно, учитывая, какое запустение царило в остальных владениях лорда Арчимбольта.

— Эмметт, поговори со мной. Что случилось? Если ты не хочешь...

— Прошу тебя, не женись на ней, — выпалил я и закрыл лицо руками.

— Хорошо.

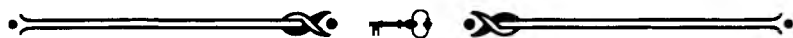
Я услышал его ответ и растерялся, не понимая, почему он это сказал.

— Прости, — выдавил я с трудом: в горле застрял болезненный ком. — Нет, конечно же женись на ней, я просто... я... не знаю, что со мной, я сморозил глупость, не выспался, вот и все. Забудь. Я не то хотел сказать.

Он взял меня за руку и развернул к себе лицом.

А потом поцеловал.

Часы пробили шесть. Я знал, что бой доносится с конюшни Нового дома почти в миле отсюда, но теплый воздух был

таким неподвижным, что было полное ощущение: часы бьют на противоположном берегу рва. Через несколько секунд бой повторился — еще шесть ударов — и в этот раз мне показалось, что время замедлило ход. Никогда прежде я не ощущал такой тишины и покоя; все замерло, лишь слегка подрагивала зеркальная водная гладь, когда из воды на миг выныривала рыбешка. Птицы внезапно начинали петь и так же внезапно замолкали. Солнце опустилось за деревья на холме, но еще даже не смеркалось; сегодня был самый длинный день в году, до темноты оставалось еще несколько часов.

— Эмметт?

Я оглянулся. В полуразрушенном дверном проеме стоял Дарне. Он перепутал пуговицы, когда застегивал рубашку, и один край свисал ниже другого. Я раскрыл рот, чтобы заговорить, но мог лишь улыбаться.

— Ты как, в порядке?

— Да.

— Хорошо. — Он указал на траву рядом с местом, где я сидел. — Не возражаешь?

— Нет, садись.

Я искоса взглянул на него, и от моего покоя не осталось и следа. Этот голос, это лицо без маски... Знаю ли я этого человека? Нет... И вместе с тем я знал его гораздо лучше, чем того, другого; именно этого Дарне я знал всегда, с того самого момента, как впервые увидел.

Прогоняя пробежавший по спине холодок, я подтянул колени к груди и поежился.

— Замерз?

— Начинает холодать.

— На солнце теплее.

— А мне здесь нравится. — Мы коротко переглянулись и улыбнулись друг другу; потом он снова отвел взгляд.

После долгого молчания он спросил:

— Ты голоден?

— Нет. А ты?

— Не очень.

Мы снова замолчали. Клякса залаяла и заскулила, и мы машинально повернулись к пролому в стене. — Лягушки, — пояснил Дарне. — Хорошо, что она привязана.

— Это уж точно.

Вяхирь сонно окликнул подругу. Внизу рыба показала спинку и снова нырнула на глубину, оставив после себя серебристую дорожку на зеленой воде. Я попытался вернуть ощущение покоя и пустоты, которое испытывал всего минуту назад, но рядом с ним это оказалось невозможно.

— Послушай, Эмметт...

— Что? — Мой голос прозвучал резко, как неожиданная атака. Мы неподвижно смотрели друг на друга.

— Хочу, чтобы ты знал, — промолвил он, осторожно выговаривая слова, точно диктовал письмо, — если тебе захочется сделать вид, что ничего не произошло...

Я заметил грязь под ногтями и сосредоточенно принялся вычищать ее.

— Ты этого хочешь?

— А ты?

— Я спросил, чего хочешь ты. — Мне не хотелось смотреть на него, но я все же не удержался. — Насчет меня не переживай, Дарне. Желания крестьян просты и примитивны, их легко удовлетворить.

— Прекрати! — Он поднял руку, точно готовился отразить удар. — Да что с тобой? Я лишь сказал, что...

— Что хочешь сбежать. И все это ничего для тебя не значило. — Я ненавидел себя за то, что произносил эти слова вслух.

— Не будь дураком. — Он посмотрел мне в глаза. Я стиснул зубы и постарался выдержать его взгляд. Если я позволю ему увидеть, что чувствую сейчас, это станет для меня последним унижением.

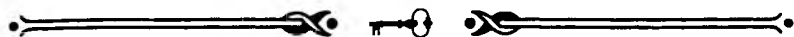
Не знаю, чем я себя выдал, но у меня ничего не вышло. Он вдруг расплылся в широкой и счастливой улыбке.

— Так значит, ты не хочешь обо всем забыть? — проговорил он. — Хорошо. Потому что я тоже не хочу.

Мне стало трудно дышать. А потом что-то внутри меня рассыпалось: как будто давно расколотый горшок, который кто-то склеил заново, упал и раскололся, задетый чьей-то неосторожной рукой. Я тоже рассмеялся.

Прошло немало времени. Он потянулся и погладил меня по щеке тыльной стороной ладони, и этот жест заставил мое сердце кувыркнуться, как и все, что он сделал в тот день.

Много позже, когда самый длинный день наконец померк и превратился в ночь, мы разошлись по домам, спотыкаясь, как пьяные, и поцеловались в темноте на перекрестке, прежде чем расстаться. Я помню этот поцелуй, отчаянный и долгий; нам так не хотелось отпускать друг друга, что на губах остались синяки. А может, это было потом, следующей ночью, когда я тайком выбрался из дома в летнем сумраке и встретился с ним снова? Время, тягучее, как мед, замедлило свой бег. Дни после Солнцестояния, когда Альта еще дулась, слились в один сверкающий день. Ничего не измени-

лось, но все стало другим; жизнь шла своим чередом, сладость была через край, и все казалось одновременно обычным и удивительным. Он помогал мне в работе — мы работали вместе на жаре, раздевшись до пояса и обливаясь потом; потом делали передышку и пили имбирное пиво, что приносила нам мама. Он пил так быстро, что чуть не захлебывался, вытирал рот рукой, смотрел на меня и улыбался. А потом, потом, потом... Однажды в сумерках — то ли закатных, то ли предрассветных, до или после, точно не помню — он взял меня за руку, и наши пальцы переплелись; после мы лежали под звездами, и я с колотящимся сердцем целовал его в лоб — странно, что сердце билось так отчаянно после всего, что мы сделали, но я все еще боялся отпугнуть его. В тени замковой стены он сорвал розу и вставил в петлицу моей рубашки, а когда я укололся шипом, наклонился и слизнул крошечную каплю крови с моего пальца.

Жарким днем — был ли то наш последний день, прежде чем Альта его простила? — мы урвали час наедине в руинах замка, и он повернулся ко мне и с нежностью, заставившей меня вздрогнуть, сказал:

— Может, теперь будешь называть меня Люцианом?

— А разве я не называл?

— Нет. Ты всегда зовешь меня Дарне. И это как-то... странно. — Он улыбнулся. — Особенно когда ты говоришь «Дарне» и следом — «умоляю, еще».

— Заткнись, Дар... Люциан. — Я ткнул его локтем в бок. Он смеялся. — А как же Альта? Она заметит. И спросит, с каких это пор мы зовем друг друга по имени.

— А это важно?

— Да. — Я выпрямился. — Нельзя ей рассказывать.

— Конечно, нельзя, глупец ты эдакий. Я не то имел в виду. — Он тоже выпрямился и повернулся так, чтобы видеть мое лицо. — Никто не должен узнать о нас. Никогда.

— Да знаю я! Потому и сказал...

— Ладно. Тогда продолжай звать меня Дарне. — Он встал и зашагал прочь.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Ты не лорд, чтобы раздавать приказы, Люциан», но вовремя остановился, увидев, как он бьет кулаком о каменный дверной проем. Я подошел к нему. Сердце колотилось. Положил руки ему на плечи, ожидая, что он оттолкнет меня или скажет что-то еще. Но он этого не сделал.

— Люциан... никто не узнает.

— Как же я все это ненавижу. Сил нет.

— Понимаю. — Мне было нечего добавить. Он прижался ко мне. Я потянулся и прислонился лбом к его затылку. Его волосы пахли травой и летом.

Потом он рассмеялся сухим, болезненным смехом, прозвучавшим, как хрип, и сунул руку в карман. На его ладони что-то блеснуло.

— Что это?

— Обручальное кольцо. Купил в Каслфорде.

Я стиснул зубы. Мне захотелось толкнуть его руку, чтобы кольцо выскользнуло и упало в ров. Но вместо этого взял и рассмотрел как следует. Простой серебряный ободок с крупным темным камнем, переливающимся тенями и бликами, которые мерцали и таяли, поймав солнечный луч. Оно было прекрасно.

— Альта хотела золотое, с рубинами и жемчугом, — заметил я.

— Я знаю. — Он попытался поймать мой взгляд и снова рассмеялся, но на этот раз его смех звучал искренне. — Ты же знаешь Альту. Она не стесняется намекать, какие подарки ей нужны.

— Так почему...

— Оставь его себе.

— Что? Мне? Но зачем?

— Или ты решил, что я все-таки обручусь с Альтой после всего, что было?

— Ты мог бы сдать его в ломбард. Или обратно в лавку. Оно, наверное, стоит не меньше...

— Носи его на шее. Прошу тебя. — Он сомкнул мои пальцы и сжал их; кольцо больно впилось в ладонь. — Я куплю тебе цепочку.

— Хорошо, — ответил я, хоть ничего и не понял. — Повешу пока на шнурок.

Он подошел к кромке рва и окунул стопу в воду. Я рассматривал кольцо, поворачивая его на свету и любуясь переливами цвета: бирюза, пурпур, изумруд...

— погоди, — вдруг вырвалось у меня, — если ты знал, какое кольцо хочет Альта...

— Я послушался сердца, — не поворачиваясь, ответил он.

— То есть ты... — я замер. Я видел контур его щеки: он улыбался. — Ты знал, — медленно проговорил я. — Ты купил кольцо мне, заранее зная о том, что случится между нами?

— Я надеялся, что это случится.

— Так значит, ты все просчитал, самодовольный болван? Ты все спланировал.

— Но-но, — ответил он, — какой же я болван, если знал обо всем заранее?

Я бросился на него. Он попытался поставить мне подножку, но потерял равновесие, и мы стали бороться, рискуя свалиться в воду. Я чувствовал, как он трясся от хохота.

— Не смей воспринимать меня как должное! — воскликнул я. — Я тебе не слуга. — И тоже засмеялся, но потом посерьезнел; мы замерли на расстоянии вытянутой руки друг от друга и смотрели друг другу в глаза.

— Не буду, — ответил он. — Обещаю. Никогда.

Заметила ли Альта перемену в моем лице, объявив, что в следующий приезд Люциана намерена его простить? Я надеялся, что нет, но сложно не вызывать подозрений, когда весь твой мир меняется в одночасье, и ты вместе с ним. Альта так хорошо меня знала; порой я удивлялся, как она могла не замечать, что каждая жилка в моем теле, каждая мышца поет от счастья и чувствует себя живой? Она сказала: «Зато он не стал навязываться», — и мне пришлось отвернуться. Хотелось смеяться и плакать. Теперь все вернется на круги своя. Я не смогу прикасаться к нему и называть его Люцианом. Буду бояться даже взглянуть на него — вдруг Альта прочитает по лицу, что на самом деле у меня на уме? Это было невыносимо, но что еще я мог сделать?

На следующий день я с трудом мог находиться рядом с ним. Он вел себя так легко, так непринужденно. Его улыбки предназначались Альте, его шутки были обращены только к ней, и каждый взгляд, брошенный искоса, заставлял ее краснеть и опускать глаза долу. Сердце мое сжималось, как пружина; я не хотел думать о том, что будет, когда пружина отскочит.

В тот день мы поехали к каменщику забрать пару бракованных надгробий — надпись на них была высечена с ошиб-

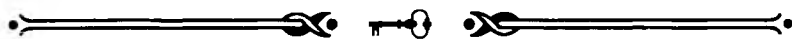

кой, — чтобы сделать из них полки в маслобойне. Мы втроем сидели в повозке; Люциан с Альтой смеялись и флиртовали, будто уже были обручены. Я и жалел, что не поехал один, и понимал, как мне было бы невыносимо чувствовать, что я упустил возможность побыть рядом с ним, пусть даже он ни разу не пересекся со мною взглядом. Наконец мы загрузили последний камень, Люциан поднял голову, и я решил, что сейчас-то он посмотрит на меня, но нет — он бросился помогать Альте забраться в повозку и стал поддразнивать ее по поводу надписи на мраморном надгробии — мол, теперь на каждом бруске масла будет отпечатано «*готовся к смерти*»... Может, все, что случилось между нами, мне только привиделось? Или он хочет показать мне, что я для него всего лишь игрушка?

Повозка остановились, Альта пошла за кустик, а он обнял меня за шею. Я хотел повернуться к нему, но он вцепился мне в шею, удерживая мою голову на месте. Мои нервные окончания скрутились в узел, ощутив его прикосновение. Альта могла нас услышать. Так мы и сидели в полной тишине, и вскоре она вернулась с букетом цветов, сделав вид, что ходила вовсе не справить нужду.

Тем вечером я не мог ни есть, ни спать. В полночь я вышел из комнаты. Я должен был увидеть его; если он не ждет меня на перекрестке, я готов был дойти до самого Нового дома.

Когда дверь моей спальни затворилась, я очутился в крошечной тьме; нащупав стену коридора, провел по ней кончиками пальцев, ощущая каждую шероховатость и выпуклость в штукатурке. Ботинки я нес в руке, и половицы под босыми стопами почти не скрипели.

Но когда я проходил мимо комнаты Альты, сестра тихо окликнула:

— Эмметт? Ты?

Я замер и собрался с мыслями.

— Хочу проверить, как там Клякса.

Альта открыла дверь так быстро, что я понял: она не спала. Ее силуэт вырисовывался в лунном свете, но лицо оставалось в тени.

— А что с ней? Ты что-то слышал?

— Нет. Забудь. Ложись спать, сестренка.

— Зайди, посиди со мной. Мне не спится.

Я стиснул зубы. Если мы с Люцианом не увидимся сегодня, я сойду с ума. Но Альта могла услышать, что я ушел, а потом вернулся. Рисковать я не мог. Шагнул в спальню, залитую лунным светом. Ночь впитала в себя все краски: узор из роз и сердец на покрывале стал черно-белым, а листья плюща за окном поблескивали, как угольки. Обстановка казалась незнакомой, словно я смотрел на отражение комнаты в зеркале.

Альта забралась на кровать и легла. Я сел рядом с ней и стал выжидать, но по ее дыханию определил, что она не спит. Влажной ладонью она держала мою руку. Я старался не думать о других влажных ладонях, которые совсем недавно касались меня.

— Эм?

— Засыпай.

Она взбила подушку и перевернулась на другой бок. На миг воцарилась тишина. Потом она вздохнула и села, опершись о стену.

— Не спится мне. Не хочу. Эмметт...

— Что?

— Думаешь, Люциан в меня влюблен?

Я вздрогнул, как задетая струна, затем бесшумно выдохнул и постарался успокоиться. Сердце билось так громко, что я не сомневался: Альта слышала удары.

— Не будь дурочкой.

Она пошевелилась; в тусклом свете луны блеснули ее темные глаза, и я уже решил, что она сейчас накинется на меня. Но она лишь переплела пальцы и спросила:

— А почему это я дурочка?

— Он... то есть ты... — Я замолчал и пожал плечами.

Альта тихо рассмеялась.

— Неважно, — сказала она, и по ее голосу я понял, что сестра улыбается. Она подтянула колени к груди и обхватила руками. — Люциан приходит каждый день, Эм. Мог бы давно забрать Кляксу и больше не возвращаться. Но он все еще здесь.

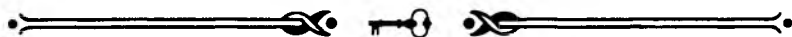
Я кашлянул.

— Наверное, ему просто скучно.

— Нет. Я знаю, что нам суждено быть вместе, Эмметт. Я просто чувствую. — Альта наклонилась вперед и схватила меня за запястье; я невольно отшатнулся. — Ты не поймешь, пока сам не влюбишься. Когда-нибудь это и с тобой случится, Эм. — Она вздохнула. — Как только я увидела Люциана, все для меня изменилось. Я ждала его всю жизнь. Теперь моя жизнь никогда не станет прежней.

Я не ответил. Во дворе послышался шорох и тихая возня.

Альта больше ничего не сказала, сидела и по-прежнему крепко сжимала мое запястье. Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. По полу скользил лунный свет; каждый раз, когда я открывал глаза, тени подкрадывались все ближе и становились длиннее. Я ждал,

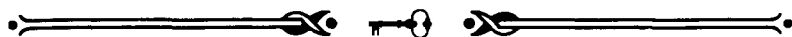
пока сестра выпустит мою руку, и в конце концов задремал, а потом и уснул, должно быть, даже раньше нее. Проснулся уже утром; оказалось, мы оба проспали. Со двора доносилось недовольное мычание коров. Я выскользнул из комнаты, не став будить Альту, и сам их подоил; не знаю, зачем я это сделал, наверное, мне просто хотелось побыть одному. Разлив молоко по ведрам и написав на каждом сегодняшнее число, я обошел другой скот. От досады и неловкости я не находил себе места. То, что мы сделали, разобьет Альте сердце, просто она еще об этом не догадывалась. Она проводила с Люцианом дни напролет, убежденная, что он влюблен в нее, и я проводил дни напролет с ними обоими, надеясь улучшить хоть один взгляд, хоть одно словечко, но не получая ничего. Однако в том не было моей вины; просто мир был устроен несправедливо. Должен же быть какой-то простой и безболезненный способ от нее избавиться? Я ломал голову, пытаюсь найти решение, старался не обращать внимания на стыд, от которого внутри все сжималось, и понимал, что не выдержу еще одного дня такой агонии.

Когда Люциан приехал и ловко спешился — он-то наверняка спал сладко, как младенец, — Альта бегала по дому в чулках, размахивая одним ботинком.

— Уже иду, Люциан! — окликнула она его и прокричала: — Эм! Где мой второй ботинок? Вчера был здесь!

— Наверное, собаки утащили. Иди без обуви. Я собираюсь на незасеянное поле, посмотреть, не пора ли его боронить. Дарне даже не заметит, если ты побежишь босая, как беспризорница.

— Подождите меня! Ботинок должен быть где-то здесь, — сестра носилась из комнаты в комнату.

— Догоняй нас, когда найдешь, — крикнул я и побежал вниз.

Альта стала искать под кроватью. Не найдет она свой ботинок: я надежно припрятал его на чердаке, в самой глубине, где мы храним яблоки в ящиках. Поздоровался с Люцианом как ни в чем не бывало.

— Альта ботинок потеряла. Она будет долго его искать. Пойдем?

— Пойдем. Еще увидимся, Альта, — сказал он громче, и мы, не сговариваясь, повернулись и бросились к воротам наперегонки, толкаясь локтями; каждый хотел первым открыть засов. Когда ворота за нами захлопнулись, мы побежали дальше, хихикая, как дети.

— Нехорошо это, — сказал он наконец, выбившись из сил.

— Да уж. Хочешь, вернемся?

— Нет. — Мы переглянулись и побежали быстрее. Клякса прыгала вокруг и восторженно лаяла, решив, что это игра.

Мы нырнули в арку и очутились за каменной стеной разрушенного замка, где никто не мог нас увидеть. Там мы наконец смогли дотронуться друг до друга, и все перестало существовать, кроме прикосновений его губ, рук и кожи.

После мы лежали в тишине, и он вдруг спросил:

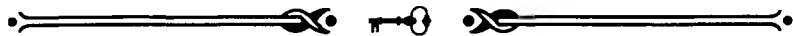
— А почему ты раньше так меня презирал?

— Ты был таким... надменным. Настоящий лорд.

Он засмеялся. Лежал на спине, затенив глаза рукой от солнца. Потом с улыбкой перевернулся набок, чтобы видеть меня.

— Прости. Никогда не слышал, чтобы это слово произносили с такой ненавистью.

— Ты должен понимать, о чем я. Ты стоял там с таким видом, будто эти развалины принадлежат одному тебе. — Мне

не хотелось шевелиться, и я указал плечом в сторону двора с колодцем.

— Они действительно принадлежат мне. То есть почти.

Я приподнялся и сел, прислонившись к стене спиной. У моих ног росла ромашка; я сорвал ее и стал выдергивать лепестки, как Альта, когда играла в «любит-не-любит».

— Твой дед обманом завладел этими землями, а раньше они принадлежали моему деду, — заметил я. — Слыхал об этом? Лес, где я, по твоему мнению, незаконно отлавливаю кроликов, на самом деле когда-то был нашим. Но твой дед нанял адвокатов и поклялся, что эти угодья всегда принадлежали Арчимбольтам.

За стеной залаяла Клякса. Мы отпрянули друг от друга, я принялся поспешно застегивать рубашку, но через миг Клякса снова притихла. Люциан лег на траву.

— Лягушки, — промолвил он. — Нет, я об этом не знал.

— А потом ты стал увиваться за Альтой, как господин, решивший воспользоваться правом первой ночи. В тот день, когда ты ее спас, мой отец чуть ли не в ноги тебе кланялся.

— Но я спас ей жизнь!

— Я тоже там был. И если бы тебя там не оказалось, сам бы спас ее.

— Если бы меня там не оказалось, — проговорил Люциан, — она бы не вышла на лед.

— Так ты знаешь?

— Она сама призналась.

Я раздавил ощипанную ромашку большим пальцем. Ох, Альта. Считает себя такой хитрой, а сама взяла и раскрыла перед ним все карты.

— Зря она это сделала.

— Эмметт... — Он потянулся ко мне, но я не пошевелился. — Ты же знаешь, что я ее не обижу?

— А если она узнает о нас? Что тогда будет?

— Я тогда не шутил про предложение руки. Скажи лишь слово, и я женюсь на ней, — проговорил он очень тихо.

Я потерял лицо, словно стирая грязное пятно.

Он перекатился набок и принялся рассматривать пушистый мох, выросший на камнях у основания стены. По камню полз муравей; Люциан вытянул палец, и муравей перебрался ему на руку.

— А что ты думаешь по поводу того, чтобы стать моим секретарем? О деньгах даже не думай. Скопишь Альте на приданое.

Я не ответил. Он смахнул муравья в траву.

— Прошу, Эмметт, подумай. Из тебя выйдет отличный советник, я даже не сомневаюсь. Крестьянская смекалка и чутье... ладно, ладно, молчу! — Я повалил его на землю, а он даже не сопротивлялся. Он поднял руку и погладил меня по голове, не глядя мне в глаза. — Пойдем ко мне сегодня, переночуешь в особняке. Когда вернешься домой, скажешь родителям, что я собеседовал тебя на должность управляющего.

Я отпустил его.

— Что?

— Всего на одну ночь. Или на несколько ночей. Прошу. Я пошлю письмо твоим родителям и все объясню.

— Не могу. Ты же знаешь. Нужно отцу помогать. Если не я, то кто...

— Неужели ты настолько незаменим?

Я сел. Солнце поднялось высоко; я и не заметил, как пролетело время.

— Такова жизнь на ферме, Люциан. Работа не ждет.

— Альта несколько недель болела. Неужели пару дней без тебя не обойдутся? Прошу, Эмметт.

Я поднялся на колени и принялся застегивать пуговицы на рубашке.

— Мне пора.

Он схватил меня за запястье.

— Когда мы втроем — ты, Альта и я, — невыносимо при-
творяться, что меня интересует только она.

Я посмотрел на него, а потом отвел взгляд. В зарослях глицинии над нашими головами раздался шорох, и несколько сливочно-белых лепестков с коричневой каймой оторвались и пролетели мимо. На том берегу беспечно закурылкал сонный вяхирь; вдали заблеяли овцы и пробили часы.

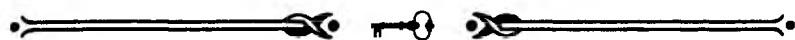
— Хорошо, — ответил я.

Он потянул меня за руку, и я неохотно лег рядом.

Люциан улынулся. В тот самый момент я решил, что никогда не забуду, каким он был в тот день; как лежал, щурясь на солнце, с травинкой, приставшей к виску.

— Я знаю, почему ты меня ненавидел, — проговорил он. — Ты желал меня и боялся своего желания.

Комната Люциана в Новом доме находилась на самом верхнем этаже, в мансарде. Она была тесной, со скошенным потолком и маленьким чугунным камином, но из створчатого окна открывался вид на террасу и руины старого замка.

— Раньше тут жила служанка, — сказал он, пока я осматривался. — Я выбрал эту комнату, чтобы быть как можно дальше от дяди. — Я машинально покосился на дверь, но Люциан повернулся ко мне и уперся ладонями в стену по обе стороны от моей головы. Я оказался в ловушке. Он улыбнулся: — Не волнуйся, дядя спит в комнате с охотничьими трофеями. Старикан не любит подниматься по лестнице, у него подагра. А еще он все время пьян. Можешь шуметь сколько влезет, он все равно нас не услышит.

— А зачем мне шуметь?

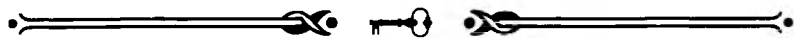
Он наклонился и укусил меня за ухо. Я рассмеялся, а потом у меня перехватило дыхание, и пришлось следить за тем, чтобы не забывать дышать, иначе пошел бы ко дну.

Время то расширялось и казалось бесконечным, то сжималось до долей секунд: спазм наслаждения, солнечные блики на потолке, его пальцы, вцепившиеся мне в плечо, полутьма и густой запах вина, которое сделали раньше, чем мы появились на свет. Его кольцо на шнурке оттягивало мне шею. Он наклонился, взял его губами и поцеловал меня. Металл царапнул зубы; я ощутил вкус соли, камня и слюны.

В полночь меня разбудил бой часов на конюшне. Люциан сидел на подоконнике; в лунном свете вырисовывался его силуэт. Проникавшее сквозь оконную решетку серебристое сияние напоминало жемчужины, застрявшие в рыболовной сетке. Я больше не понимал, кто я. Я родился заново, это был уже не я; новый я принадлежал Люциану.

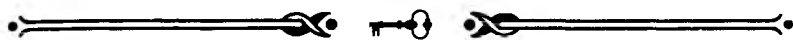
Никогда еще я не был так счастлив. Даже не догадывался, что такое возможно.

Проснувшись утром, я лежал, не веря своему счастью; оно ослепляло меня, и я держался за край кровати, как по-

терпевший кораблекрушение цепляется за обломок корабля. Мне бы сейчас быть дома, работать, но я думал о ферме и как будто представлял чью-то чужую жизнь, не свою. Со мной или без меня дневные дела будут сделаны; но как же приятно лежать спокойно, слушать пение птиц, знать, что я улизнул от своих занятий, и понимать, что мне это безразлично. Солнце давно встало и заползло на кровать, освещающая смятые простыни и ноги Люциана. Тот спал беспробудным сном, закинув руку за голову; под кожей запястья просвечивали голубые вены. Во сне его лицо казалось мягче, а рот — шире. Я долго смотрел на него, представлял, каким он был в детстве и каким станет в старости. Но в конце концов мне пришлось встать: во-первых, я так долго любовался им, что у меня защемило сердце, и, во-вторых, мне захотелось в уборную.

Я крался по коридору в гулкой летней тишине и морщился, когда скрипели половицы. Я не осмеливался открывать двери, боясь наткнуться на служанку или, чего хуже, на лорда Арчимбольта. В конце концов я отворил окно в конце узкого лестничного пролета и помочился на клумбу внизу. Мне казалось, я запомнил дорогу к комнате Люциана, но я забрел слишком далеко, заплутал и очутился в длинном темном коридоре, по обе стороны которого тянулись ряды закрытых дверей. Коридор казался таким безликим и симметричным, что мне стало не по себе. Наконец я приоткрыл одну из дверей как можно тише и осторожнее, надеясь краешком глаза увидеть окно и вид из него: тогда бы я по крайней мере понял, в каком крыле дома нахожусь. Но, заглянув в комнату, я понял, что зря осторожничал: это была кладовая со скошенным потолком

и одним-единственным пыльным окошком в дальнем углу, откуда открывался вид на дорожку и лес вдалеке. В нос ударил запах нагретшейся на солнце пыли, теплый, как ванна.

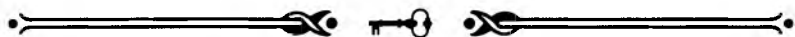
Я зевнул и шагнул в комнату. Коробки и старая мебель громоздились так плотно друг к другу, что я с трудом нашел проход между ними. Заметив у стены прямоугольный сверток, укутанный отрезом грязного бархата, я развернула ткань и увидел портрет бледной женщины с темными глазами и такими же темными кудряшками; фоном служили цветущие заросли. Женщина устало и безжизненно взирала на меня с полотна. Внизу на раме значилось: «Элизабет Сэссун Дарне». Мать Люциана? Навряд ли, портрет был слишком старым; должно быть, это его бабушка. Я стал внимательно рассматривать ее лицо, пытаюсь увидеть сходство. Взгляд у женщины на портрете был странный, меланхолический и отсутствующий, — совсем не такой, как у Люциана, его-то глаза блестели смекалкой, — но в форме лба, пожалуй, было что-то похожее...

Я отступил назад, чтобы получше рассмотреть портрет, и наткнулся на большой жестяной короб. Взметнувшаяся пыль зашекотала ноздри, и я чихнул. И тут же от неожиданности сел на пол, чуть не раздавил коллекцию бабочек под стеклом.

Прямо передо мной стояла коробка поменьше. Я подтянул ее к себе и открыл.

Там были книги.

Книги? Я чуть было не оттолкнул коробку. Теперь, когда я знал, что представляют из себя книги, я боялся к ним прикоснуться, точно они переносят заразу. Но что плохого мо-

жет случиться со мной здесь, на этом теплом тихом чердаке, в доме, где мирно спит Люциан?

Я взял книгу, лежавшую на самом верху, и не почувствовал головокружения и тошноты, как тогда, на ярмарке в День Пробуждения, когда раскрыл книгу, купленную у торговца. Слова перед глазами были просто словами, и больше ничем.

«На заре моего детства, в нежные годы, когда солнце отрочества еще не возшло надо мною и не расцвели бутоны моего девичества, невинность мою впервые осквернило вторжение мужчины».

Я перевернул страницу. Рассказ продолжался в том же напыщенном тоне, со множеством аллегорий и упоминаний Венеры и Приапа.

«Его громадный жезл, который он направил не в открытые врата моего сада наслаждений, а в другую дверь, служившую целям куда более приземленным...»

Я засмеялся.

— Что ты делаешь?

Я обернулся. Прислонившись к дверному косяку, на пороге стоял Люциан, растрепанный и почти раздетый. На нем была моя рубашка, застегнутая на одну пуговицу. Спокойный и заспанный, он, улыбаясь, подошел ко мне. Я думал, что он меня поцелует, но он вдруг замер.

— Что это?

— Книга. Здесь нашел. Но, кажется, с ней что-то не так. Она не такая, как...

— Как ты можешь это читать? — Он забрал у меня книгу и махнул, точно хотел зашвырнуть ее в угол. Но потом открыл и пролистал несколько страниц.

— Ого!

— Что там?

— Кажется, это подделка. Роман. Вот почему она здесь, а не у отца... Смотри.

На форзац из узорчатой бумаги был наклеен ярлык с именем переплетчицы.

— Это не может быть настоящим переплетом мадам Сауэрли. Они даже ее имя с ошибкой написали: здесь «э» пропущено.

— Я совсем не понимаю, о чем ты говоришь, Люциан.

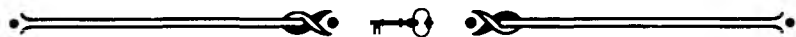
— Мадам Сауэрли? Это самая известная переплетчица порнографических книг, она жила сто лет назад. А, ты имеешь в виду *романы*? — презрительно усмехнулся он. — Это настоящие книги. Их пишут, как пишут в журналах, придумывают всё. Они не про реальных людей. Это не настоящие воспоминания, а выдуманные. Но неважно. — Он закрыл книгу и с тенью улыбки на лице покачал головой. — Ты совсем ничего не знаешь. Святая наивность.

— Откуда мне знать о том, о чем мне никто никогда не рассказывал?

— Еще бы. У твоих родителей чистая душа. Но не тревожься. Мне нравится твоя неиспорченность.

— Иди к черту, Дарне.

— Нет, серьезно. Очень нравится. — Он наклонился, прижался губами к моей щеке и прошептал: — Ты невинен во всем. Ни разу не читал книг, не был с девчонкой — или с парнем, раз на то пошло, не считая меня. — Он отстранился, улыбаясь во весь рот, а я в шутку замахнулся на него, но он поймал мою руку, и улыбка вдруг стерлась с его лица. Мы переглянулись.

Внизу раздался глухой стук. Люциан повернул голову и прислушался.

— Кто-то стучит в дверь? — спросил он.

— Не знаю. Разве дверь не открывает экономка? — Вдруг летняя тишина показалась очень хрупкой; мне не хотелось, чтобы нашу идиллию нарушил кто-то извне, пусть даже на миг.

— Если ты имеешь в виду кухарку, та приходит лишь по вечерам.

— А дядя?

— Вряд ли. Придется мне спуститься.

Он встал и принялся застегивать рубашку.

— Правда? — Я потянулся и стал расстегивать пуговицы, которые он только что застегнул. — А что, если кто-то помешает тебе одеться? Может, тебе стоит спуститься в таком виде?

— Очень смешно, Эмметт. — Но он не смеялся. — Наверное, это булочник.

— Давай голодать. Мне все равно. — Стук усилился, а потом прекратился. — Видишь? Проблема решилась сама собой.

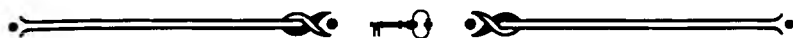
— Ладно. — Он сел и позволил мне расстегнуть рубашку до конца. В ямке между ключиц блестели капельки пота. Но когда я наклонился к нему, он слегка отстранился, и наши губы не соприкоснулись.

— В чем дело?

— Книга, — промолвил он. — Как ты понял, что это подделка? Ты же сразу догадался, верно?

— Не знаю. Во мне ничего не екнуло. А это важно?

— Нет. Но твое чутье впечатляет. Ты бы понравился моему отцу. — Я заметил в его глазах недобрый саркастический

блеск, и мне стало не по себе. — Эмметт, ты для меня загадка. Такой невинный и вместе с тем...

— Может, хватит уже про мою невинность?

— Ладно, больше не буду, — улыбнулся он, — но только если ты позволишь мне уничтожить ее окончательно.

Конюшенные часы пробили четыре, и мы вдруг поняли, что страшно проголодались. Выкарабкались из уголка, который обустроили себе между коробками — «С ума сойти, мы только что занимались этим на глазах у моей бабушки!», — и спустились вниз. Прокравшись мимо комнаты с трофеями, очутились в громадной темной кухне и набили животы холодным пирогом, солониной и кексом, пропитанным бренди. Я и не заметил, как проголодался, а ведь мы не ели очень давно. После нашего пиршества обеденный стол напоминал поле боя: его усеивали объедки, крошки, капли варенья. Я хотел прибраться, но Люциан покачал головой.

— Оставь. Пусть кухарка сделает свою работу.

— Но... — Устрой я такой свинарник на нашей кухне, мать задала бы мне на орехи.

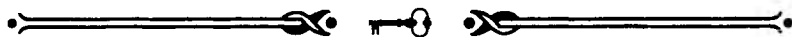
Люциан подхватил последнюю недоеденную корочку пирога.

— Пойдем, — бросил он с набитым ртом, — не дай бог нас кто-нибудь увидит. — С этими словами он вышел. Я засомневался, потом все же свалил грязные тарелки в раковину, наспех протер стол и поторопился за ним.

Нагнал я его в коридоре: он стоял у окна с эркером и читал письмо. Заслышав мои шаги, он поднял голову.

— Плохие новости... Мне очень жаль, Эмметт.

Мое сердце подскочило, как грузило на конце лески.

— Что случилось?

— Не пугайся ты так, все в порядке. Письмо от отца. — Он помахал у меня перед носом листком голубой бумаги. — Я должен поехать в Каслфорд.

— Сейчас? Неужто так срочно?

— Извини.

— Притворись, что не видел письма. Почтальоны часто теряют почту.

— Ты не знаешь моего отца, Эмметт. — Он наклонился и поднял с ковра надорванный голубой конверт, задержавшись чуть дольше, чем следовало. — Стоит послушаться его, и он найдет способ за это отомстить.

— Брось, Люциан. Еще недавно ты собирался тайком жениться на Альте, а теперь переживаешь из-за какого-то послания? — Он не ответил, и я глубоко вздохнул. — Или ты врал, обещая на ней жениться?

— Нет! Нет, конечно же я говорил правду. — Не глядя на меня, он свернул письмо в плотную трубочку. — Но я... наверное, я сказал это, не подумав. Прости. Я трус, ясно?

— Тебя послушать, так он настоящий злодей. А твоя мать? Не может она за тебя заступиться?

— Ты не знаешь, что он за человек! Он... он на всякое способен. — Дарне сложил письмо пополам, потом еще раз пополам, пока оно не стало похоже на крошечный сверток. — Мать все ему спускает с рук. Притворяется, что ничего не замечает. Иначе он просто стер бы ей память. И стирал бы каждый раз.

Он замолчал. Я внимательно смотрел на него. Его лицо было задумчивым и отстраненным: он снова надел свою старую маску. Теперь я понял, почему Люциан никогда не рассказывал о своей семье.

— Тогда тебе лучше ехать, — сказал я.

— Эмметт, прости меня. Правда.

— Я пойду. Только ботинки надену.

— Тебе необязательно прямо сейчас уходить.

— Хочешь, чтобы я помог тебе собрать вещи?

Он скорчил гримасу, и я обрадовался, что мне удалось хоть немного развеселить его. Повернулся, взбежал по лестнице и вошел в его тесную душную комнату под самой крышей. Пахло потом и вином, что мы пили вчера. Мне очень хотелось задержаться здесь подольше, смотреть на неприбранную кровать, маленький камин и вид за окном, чтобы все это навек отпечаталось в моей памяти, но я схватил ботинки и закрыл за собой дверь.

Когда я спустился, Люциан стоял у окна и смотрел на улицу. Он оглянулся, но не улыбнулся мне.

— Как только вернусь, сразу зайду повидаться.

— Конечно.

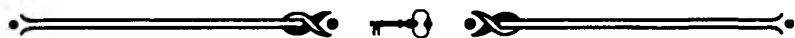
— Присмотри за Кляксой.

— Да.

Мы замолчали. Я шагнул ему навстречу. В тот же момент он подался ко мне, и мы чуть не столкнулись лбами. Я взял его лицо в свои ладони, и мы поцеловались так, будто были не только любовниками, но и врагами, будто виделись в последний раз и хотели, чтобы остановилась Земля.

Слова вертелись у меня на языке, но я заставил себя уйти, так и не сказав их.

Когда я вернулся домой, двор был пуст и тихо грелся под солнцем. Ферма казалась нарисованной, ненастоящей. В амбаре никого не оказалось; никто не смазывал сенокосушку;

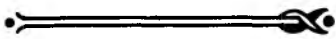
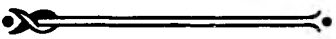
в свинарнике не убирались. Я открыл ворота; Пружинка и Черныш тут же кинулись ко мне и зашлись требовательным лаем. В их миске кончилась вода. Я наполнил ее, напоил Кляксу и тут же сполоснул лицо и шею ледяной водой. Боле-ла голова, глаза пересохли от усталости, но я работал быстро, желая компенсировать пропущенный день. Может, тогда никто не станет укорять, что я долго отсутствовал. С тяжелым сердцем я вспомнил, как злился отец, когда Альфред без предупреждения пропал на два дня; случилось это в период заготовки сена, и Альфред эти два дня провалялся в канаве в Каслфорде мертвецки пьяный. Я же переночевал под чужой крышей всего одну ночь и вернулся, готовый сразу приступить к работе.

Пошел в амбар и взял вилы. Густая тишина была настолько несвойственна этому месту, что я прислонился к стенке свинарника, повернул голову и прислушался. От безмолвия закладывало уши; я словно очутился под водой. Может, кто-то заболел, решил я. Прошагал через двор и вошел в дом, но там было так же тихо. Поднялся по лестнице на цыпочках. Гулкое биение моего сердца эхом отскакивало от стен. Понимались глухие голоса, и я развернулся. Говорили в гостиной. Это показалось мне странным, ведь в будни мы никогда не бывали там, лишь когда приходили гости. Дверь была приоткрыта; я подкрался и заглянул в щелочку.

На кушетке, склонив голову, сидела мама. Отец стоял у камина.

Я распахнул дверь. Мама подняла голову и увидела меня. Она плакала.

— Эмметт, — промолвил отец, и я увидел, что он тоже плачет.

XVIII

Родители молча смотрели на меня. В воздухе плясали пылинки: сонно всплывали в луч света и так же сонно выплывали из него, за долю секунды становясь из видимых невидимыми. За пределами солнечного луча все казалось выцветшим, поблекшим; обои пожелтели, картины на стенах совсем потемнели, как будто от времени, и стало сложно понять, что на них изображено. Восковые фрукты под стеклянным колпаком на комодке подернулись тонкой серой пленкой: пыль неясно как проникла под стекло. В углу, где на Завершение висела гирлянда из плюща, к потолку пристал одинокий сухой лист.

Мама не плакала с того самого дня, как Джо Таннер пробрался в конюшню и его лягнула лошадь, забив до смерти; до того я видел ее в слезах всего раз, когда маленькую Фрейю Смит задавило жерновом. А уж отец и вовсе никогда не плакал. Сейчас лицо его покраснелось и опухло, глаза налились кровью, а уголки губ опустились. Было в этом что-то непристойное, точно я смотрел на голого человека или сырое мясо.

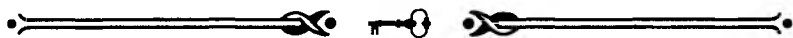
Что-то случилось с Альтой.

Я понял это сразу, и почва ушла из-под ног; я потерял равновесие, и мне показалось, что сейчас упаду. Я не мог говорить, но и тишина казалась нестерпимой; однако я знал — что бы ни нарушило ее, будет лишь хуже.

— Сядь, — сказала мама. Секунду назад мои колени ослабели и ноги не держали меня; теперь же я не мог согнуть окаменевшие суставы.

— Что случилось? — спросил я.

— А ты, что ли, не знаешь, сын? — Отец говорил устало, почти ласково.

— Где она? — Мама глубоко вздохнула, и внутри меня все перевернулось. — С Альтой что-то стряслось, да? С ней все в порядке? Скажите, что случилось!

— С Альтой? — нахмурился отец. — Альта наверху.

— Не поздно ли ты вспомнил о сестре, Эмметт?

Тишина. Мамино лицо стало как лед: неподвижное, белое, столь суровое, что у меня перехватило дыхание. Я перевел взгляд с нее на отца, потом снова на нее, и вдруг все понял.

— Я... — промолвил я, презирая слабость в своем голосе и дрожь, — я не...

— Я не знаю, что сказать тебе, — оборвал меня отец. Он никогда не казался мне стариком, но сейчас стоял, оперевшись о каминную доску, точно боялся упасть. — Мой сын. Мы-то думали, что ты хороший парень. Гордились тобой.

Молчание окутало меня со всех сторон, и мне стало трудно дышать.

— Я ничего не... — попытался объясниться я. — Я лишь... — Я не мог выговорить простые слова, точно заново учился говорить.

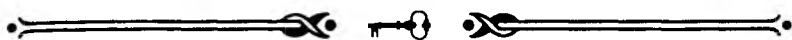
— Как ты мог? — Мамин голос прозвучал точь-в-точь как Альтин, как если бы Альта повзрослела, постарела и потеряла надежду. — Не понимаю, Эмметт. Зачем, объясни?

— Что — зачем?

— Зачем ты решил уничтожить будущее Альты? Зачем лгал нам? Зачем пренебрег всем, чему мы тебя учили?

— Я ничего такого не делал! — Наконец я собрался с силами и попытался объяснить. — Я не лгал! Просто... я не хотел причинить ей вред.

— Как ты смеешь так говорить! — Мама согнулась пополам, точно ей не хватало воздуха. — Ты знал о ее чувствах.

Ты знал о наших чувствах, о том, как все мы надеялись... — Она слотнула. — Мы позволили тебе быть с ними, хотя ты должен был работать. Мы верили тебе. А ты все испортил. Намеренно. Зачем ты так поступил?

— Потому что я... — Я осекся. Колени задрожали, точно я увидел гадюку в траве и вовремя замер. — Альта тут ни при чем. Вы тоже.

Папа сделал несколько шагов и остановился в центре комнаты.

— Не говори так, — сказал он. — Ты не такой. Ты не стал бы забывать о семье. То, что ты делал с этим... мальчиком... Все случилось не по твоей воле. Ты этого не хотел.

Я уставился на него. Он думал, что я поступил так из злобы, ревности и желания отомстить; он *хотел* представить все так, будто мною двигала ненависть. Иначе я стал бы *таким*. Дрожь в коленях распространилась по всему телу; я затрясся, точно земля дрожала под ногами. Я хотел быть только с Люцианом; никто другой мне не нужен был. *Каким* это меня делало? *Кем*?

— Прошу, — ответил я, — все было совсем не так. Я не пытался насолить Альте. Я... мы... любим друг друга.

Мама ахнула.

— Замолчи!

— Прошу, — срывающимся голосом повторил я.

— Ни слова больше! — Отец ходил из угла в угол.

Я вперился взглядом в бумажное колечко, приставшее к потолку. Вспомнил, как Люциан стоял на стуле и вешал бумажную цепь в канун Завершения. В тот день мы танцевали вальс, и близость наших тел привела меня в смятение. Вспоминание застигло меня врасплох; я прикусил щеку и сосредоточился на боли.

— Что сделано, того не изменить, — наконец сказал отец. — Больше мы об этом говорить не станем. Если это снова повторится, Эмметт, считай, семьи у тебя больше нет. На том и закончим. Понял?

Я медленно проговорил:

— Что «это»? Что «это» не должно повториться снова?

— Если ты еще хоть раз притронешься к другому мальчику... другому мужчине, или позволишь ему дотронуться до себя... Если мы услышим слухи, грязные сплетни — что угодно, — он замолчал. — Тебе ясно?

Мне было нестерпимо больно видеть, как отец на меня смотрит. Я словно стал для него чужим. Если я соглашусь, они простят меня, и все вернется на круги своя; мы сможем притвориться, что ничего не случилось...

— Пожалуйста, — взмолился я, — выслушайте меня. Прошу. Мама. — Я повернулся к ней, стараясь не замечать выражения ее лица. — Вы же хотели, чтобы у нас с Альтой была другая жизнь, верно? Он предложил мне работу в Каслфорде. Я мог бы работать у него.

— Что ты несешь?

Мой голос срывался, я тараторил, но ничего не мог с собой поделать.

— Почему только Альта может выйти замуж и сбежать от тяжелой жизни? Вы хотели, чтобы он спас ее. Почему он не может спасти меня? Я могу уехать и служить его секретарем...

— Быть его шлюхой? — процедил отец.

Повисла тишина, словно кто-то уронил хрупкую вещь, и та разбилась вдребезги.

— Роберт, — промолвила мама.

— Что, правда глаза режет?

Мой голос вдруг успокоился, хоть я и не понял, как это у меня вышло.

— Вы хотели, чтобы Альта вышла за него, — сказал я. — Что ж, он все еще может жениться на ней. Если я попрошу, он сделает ей предложение. О таком счастливом конце вы мечтаете?

Мама встала со стула, на котором сидела.

— Скажи, — произнесла она, — ты это серьезно?

Я не ответил.

— Ты правда считаешь, что это возможно? — сказала она тем же спокойным тоном. — Что Альта может выйти за него после того, как он... после всего этого. По-твоему, мы позволим *такому* человеку прикоснуться к нашей дочери хоть пальцем? И она будет счастлива выйти за мужчину, который сделал ей предложение, потому что *ты* его об этом попросил?

— Но если он по-прежнему ей нужен...

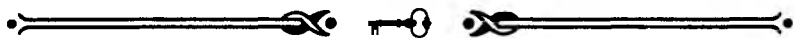
— Да как ты смеешь! С чего ты решил, что можешь поступать, как твоей душе угодно, а Альта станет подбирать твои объедки? Как смеешь ты считать, что она согласится довольствоваться столь ничтожной судьбой?

— Я этого не говорил!

— Довольно! — Отец встал между мной и матерью. — Довольно, Хильда. Не желаю больше слышать ни слова. Эмметт, ступай в свою комнату. Завтра мы проснемся и забудем об этом. Сейчас мне противно даже смотреть на тебя.

— Позволь объяснить... — начал было я, даже не понимая толком, к кому из них обращаюсь.

Мама подошла совсем близко ко мне и занесла руку. Я же, дурак, отшатнулся, и тут же пришел в ужас — как я мог пред-

положить, что она меня ударит? А она лишь ласково погладила меня по щеке, как малое дитя.

— Неужели ты не понимаешь, Эмметт? Мы прощаем тебя. Даем тебе второй шанс. Прими его. Прошу, — голос ее дрогнул, и она откашлялась. — Мы даем тебе шанс остаться нашим сыном.

Я поплелся наверх на подкашивающихся ногах, ничего не видя. Ушиб палец ноги о верхнюю ступеньку и ударился локтем о перила, но ничего не почувствовал, лишь смутный толчок, точно все это происходило не со мной и не здесь.

Дверь в комнату Альты была закрыта. Я прошел мимо, не останавливаясь, но что-то заставило меня обернуться. Под дверью шевельнулась тень; я понял, что Альта следит за мной.

— Альта?

Молчание. Но она была там, я не сомневался; тень едва заметно сдвинулась вбок, словно Альта тихонько пятилась вглубь комнаты.

Я распахнул дверь. Альта ахнула, и не успел я заговорить, как она набрала в легкие воздуха, выпрямилась в полный рост и хлестнула меня по лицу.

Мир вспыхнул и заискрился перед глазами красно-черными звездами. В ушах зазвенело, точно стекло разбилось на тысячу осколков.

Альта кричала на меня. Я слышал лишь обрывки фраз: *проклятый, отвратительный ублюдок... грязная свинья...* И другие слова; я даже не думал, что она их знает. Слова не ранили, а проникали под кожу, как занозы, которые начнут саднить и гноиться лишь позже.

Тогда я ударил ее в ответ.

Она замолчала и уставилась на меня широко раскрытыми глазами. На ее щеке расцветало красное пятно; я видел следы своих пальцев на ее скуле. Впервые в жизни я не ощутил угрызений совести за то, что причинил ей боль; мне было все равно и ни капельки не стыдно за свое безразличие.

— Как они узнали? — услышал я свой голос словно издали.

— Я следила за вами. Однажды ты вернулся с розой в петлице, и я поняла, что вы были в руинах старого замка. Я поняла, где вас искать. И все увидела. — Она сглотнула. Я никогда не видел, чтобы Альта смотрела на кого-то так, как на меня в ту минуту: ее лицо дрожало от ненависти и боли, и в нем читалось странное взрослое равнодушие. Ей было все равно, что я подумаю, увидев ненависть в ее глазах. — Я застала вас. Вы сношались, как животные.

Я закрыл глаза.

— Потом я поняла, что ты спрятал мой ботинок, Эмметт. Ты нарочно задержал меня. Я долго его искала, потом надела выходные туфли и пошла за вами. Я хотела увидеть Люциана. — Она замолчала. — Но нашла вас обоих. Вы разговаривали обо мне. О том, что я ничего для него не значу.

— Я никогда не...

— О том, как невыносимо ему притворяться, что он меня любит.

— Альта.

— Неважно. Тебе же плевать, верно? Ты смеялся вместе с ним. — Ее голос задрожал и сорвался, но через мгновение она заговорила снова. — Я пошла домой. Я не хотела рассказывать маме с отцом, но тебя не было всю ночь, и я не выдержала.

Я постарался не думать о том, что она испытала. Что бы она ни чувствовала, она не имела права им рассказывать. Она знала, какой вред нам причинит.

— Сначала они решили, что я ошиблась. А потом я сказала, что ты хранишь яйцо, которое Люциан купил тебе на ярмарке...

— Ты рылась в моих вещах?

— ...и что у него родинки на спине. И что я видела, как вы этим занимались. — Она замолчала. Почудилось ли мне торжество в ее голосе или она и впрямь злорадствовала? Сестра вздернула подбородок. — Тогда они поверили.

Я закрыл лицо ладонями. Мне хотелось умереть.

— Отец написал письмо родителям Люциана в Каслфорд. Хотел убедиться, что вы с ним никогда больше не увидите.

— Ты не имела права рассказывать им, Альта, — промолвил я и не узнал свой голос. — Ты влезла не в свое дело.

— Я люблю его, — выпалила она и замолчала. — Любила.

Конечно. Вот он, ее козырь. Слова, что я не осмелился произнести, а если бы произнес... Я не дал себе закончить мысль. Взглянув на нее в упор, я вложил в свой ответ все презрение, на которое только был способен:

— Значит, зря ты донесла на нас. Если бы ты промолчала, он бы женился на тебе.

Ее глаза расширились.

— Ты лжешь.

— Но теперь это уже неважно, правда?

С мрачным, извращенным удовлетворением я смотрел, как побледнело ее лицо; наконец она заморгала, и слезы заструились по щекам. От моего злорадства не осталось и следа.

Я повернулся к двери, и мой взгляд упал на что-то белое в углу. У стены лежали танцевальные башмачки Альты из шел-

ка цвета слоновой кости, ее радость и гордость. Не лежали — он были небрежно брошены, точно ей было безразлично, что с ними станется. Я вспомнил, как светилось ее лицо, когда она разворачивала их, шурша папиросной бумагой, — башмачки подарили на день рождения два года тому назад. В прошлом году Альта надела их на Праздник урожая и так боялась запачкать, что мне пришлось нести ее на руках на самом грязном участке дороги, лишь бы на ткани не появилось ни пятнышка. В тот день кто-то сказал, что в этих башмачках она танцует, как фея. «Скорее, как гоблин», — отшутилась она, и мы так сильно смеялись, что пришлось выйти на улицу. И там, на улице, она потребовала, чтобы я постелил ей под ноги плащ — не хотела ступать по голой земле. Но сейчас туфли покрылись пятнами травы и грязными брызгами.

— Прости, — сказал я. — Я не хотел тебя обидеть.

— Уходи, Эмметт.

Я заколебался. Почему-то я решил, что она передумает, как в детстве, когда мы ссорились и она закатывала истерику. Но Альта продолжала смотреть на меня в упор, пока я не вышел.

Не помню, как я попал в свою комнату. Свернулся калачиком на кровати, словно решил, что если уменьшусь в размерах, то и боль моя ослабнет. Долгое время я просто лежал и дышал, стараясь ни о чем не думать; потом услышал, как кто-то проехал мимо на лошади и залаяла Клякса. Тогда я не выдержал и заплакал.

Тоска по Люциану ощущалась как зияющая кровотокающая рана. Я даже чувствовал края этой жгучей отчаянной боли: она начиналась под грудью и заканчивалась где-то

в области паха. Стоило пошевелиться или заговорить, и боль усиливалась. Прежде мне никогда не хотелось умереть, но теперь меня целыми днями преследовало чувство, будто я тону, но спасительная тьма никак не поглотит меня.

Люциан уехал. Я бы отдал что угодно, лишь бы увидеть его или услышать его голос, но его больше не было рядом. И это все, что имело значение; все, о чем я мог думать. Постепенно в голову стали пробираться и другие мысли: мама с папой никогда не простят меня; Альта меня ненавидит; я разрушил их и свою жизнь. Альта видела нас с Люцианом вместе. Следила за нами.

А Люциан? Его отец теперь знал о нас. Если его накажут, виноват буду и я. При мысли об этом мне становилось трудно дышать, а внутри все сжималось. Я думал о том, что Люциан сейчас страдает из-за меня и презирает меня так же, как Альта. Я цеплялся за память о нем, вспоминал, как мы вместе смеялись, прикасались друг к другу, повторял про себя слова, которые мы друг другу говорили. Но с каждым биением сердца воспоминания меркли. Мне было так важно сохранить все в памяти, что я уже ни в чем не был уверен. Наверняка он возненавидел меня, или хуже — что, если я всегда был ему безразличен? Что, если он совсем не вспоминает обо мне и рад от меня избавиться?

У меня пропал аппетит. Казалось, я никогда больше не захочу есть. Мне не хотелось двигаться; заставить меня пошевелиться могла лишь Клякса, скулившая во дворе, но когда я вставал покормить ее, у меня в глазах темнело, и, наполнив ее миску, я спешил обратно в постель. Однажды она начала скрестись в дверь. Собак наверх не пускали, но я уже опозорил семью, и еще одна провинность едва ли ухудшила бы мое

положение, поэтому я впустил ее в комнату. Она порыскала по углам, потом легла рядом со мной на кровать, и я обнял ее. Тепло собачьего тела не заполнило пустоту внутри, но тихое дыхание Кляксы и ее тяжелый подбородок на моем плече уняли боль. Я наконец уснул, совершенно выбившись из сил.

Когда я очнулся, уже почти стемнело. Клякса спрыгнула на пол и подошла к двери; ее коготки царапали по деревянным половицам. Сердце стучало, точно мне приснился кошмар, но очнулся я не от кошмара, а от осознания реальности, резкого, как пощечина. Я сел, дрожа, и откинул со лба взмокшие пряди.

Внизу хлопнула дверь гостиной. Скрипнули половицы; раздался приглушенный голос. Говорил мужчина, но не отец, хотя через несколько секунд я услышал и отцовский голос, как мне показалось, подобострастный.

Я отвел Кляксу вниз и выпустил во двор. После духоты моей комнаты вечерний воздух казался теплым и ароматным, но я закрыл дверь, прошел по коридору и остановился у двери в гостиную. Этот голос... я замер и прислушался.

— Понимаю, как вы расстроены, мистер Фармер.

На миг мне показалось, что говорит Люциан; я вздрогнул и чуть не бросился к двери. Кровь зашумела в ушах, но тут я понял, что ошибся: мужчина говорил в той же манере, по-городскому, но голос у него был низкий, пустой и бескровный.

— Хорошо, — сказал отец, — я приведу его.

Я попытался, но скрыться не успел; открыв дверь, отец сразу увидел меня и прищурился, но ничего не сказал, лишь пригласил войти.

В кресле, положив ногу на ногу, сидел мужчина, голову он откинул на подголовник, словно присел отдохнуть. Мужчи-

на был уже немолод, в жидких рыжеватых усах блестела седина, а большой рот посередине лица напоминал переспелый фрукт на блюде. Он оглядел меня и расплылся в широкой улыбке, обнажив розовые десны.

Он обо всем знал. Не знаю, как я догадался, но было в его взгляде что-то такое, что я сразу понял: ему все известно.

— Эмметт? — спросил он.

— Да, — ответил я. Моя рубашка помялась; от меня разлило потом и псиной. — А вы кто такой?

— Меня зовут Эйкр. Я служащий мистера Дарне. Дарне-старшего, — уточнил он, как будто было непонятно, что он имеет в виду не Люциана. — Прошу, сядь.

— Я у себя дома. Захочу — сяду.

— Сядь, Эмметт, — сказал отец. Он стоял близко к лампе, и я заметил, что его лицо вспотело.

Я сел. У меня задрожала нога, и, пытаясь унять дрожь, я вдавил стопу в пол.

— Благодарю вас, мистер Фармер, — промолвил Эйкр. — Прискорбная ситуация, не так ли? Я вам глубоко сочувствую. Люциан умеет вскружить голову, что уж говорить. У нас большой опыт разрешения подобных... ситуаций. Люциан — славный мальчик, но он молод и всегда оставляет после себя череду разрушений, а отдуваться приходится нам. Итак...

— Череду разрушений?

— Он причинил огромный вред тебе и твоей сестре. Я вижу, как ты страдаешь. Нет, — он покачал головой, — я не прошу тебя рассказывать мне обо всем. Тебе и так, должно быть, тяжело после того, как с тобой... обошлись. Знай, я очень тебе сочувствую. И пришел предложить выход.

В душе моей затеплилась отчаянная надежда.

— Выход?

— Мне очень жаль, Эмметт. То, что случилось между вами, не должно было произойти. Люциан был жесток и беспечен, заставив тебя поверить... — Он откашлялся. — Но я могу сделать так, чтобы ты обо всем забыл. Вернешься к своей прежней жизни, и все будет, как раньше. Ты ведь жил счастливо и ни о чем не тревожился, пока его не встретил, верно?

Я не знал, что ответить.

— Пожалуй, да.

— Вот и отлично. Тогда выслушай мое предложение. Мы возьмем все расходы на себя, оплатим проезд и все прочее, и отвезем тебя к переплетчице. В знак извинения и благожелательности мы также вручим тебе и твоим родным небольшую денежную компенсацию. Подобные происшествия всегда причиняют много горя. Но близким родственникам важно понимать, что даже из таких неприятных инцидентов можно извлечь какую-то выгоду.

— Погодите... — Мысли в голове путались. Эйкр говорил так вкрадчиво и доверительно, будто пел мне на ночь колыбельную. — Вы хотите, чтобы я отправился к переплетчице? И стал книгой? Забыл обо всем, что случилось? — Мне почудилось, будто я слышу далекие звуки музыки, игравшей на ярмарке в День Пробуждения.

— С книгами связано много предрассудков, Эмметт. Но позволь мне тебя успокоить. Переплет — безопасный и безболезненный процесс; в конце ты станешь таким, как прежде. Ты забудешь о Люциане, забудешь о разочаровании, что пришлось пережить твоим близким, и сердечная боль уйдет. Ты станешь таким, как был, — он наклонился ко мне

и вытянул пухлую руку ладонью вверх, словно просил милостыню, — ты исцелишься.

— И вы мне за это заплатите. Но почему?

— Потому что мы несем ответственность за Люциана. Когда он соблазняет молодого, впечатлительного мальчика вроде тебя, мы не можем оставаться в стороне и позволить ему разрушать жизни. Речь не только о твоей жизни, но и о жизни твоих близких.

— Вы сказали... — я слотнул комок. — Вы сказали «когда он соблазняет». То есть это уже не в первый раз?

Эйкр зашевелился в кресле, будто ему вдруг стало тесно.

— Знаешь, Эмметт, порой нам кажется, что мы хорошо кого-то знаем, а оказывается, что это не так. Люциан умеет очаровывать. Полагаю, он внушил тебе, что ты для него единственный на всем белом свете. Вероятно, при этом он даже тебя не обманывал. То есть *не совсем*.

— *Не совсем*? Что это значит?

Эйкр говорил извиняющимся тоном, точно ему стыдно было сказать мне правду. Он будто бы извинялся: *прости, мне не хватает смелости рассказать тебе обо всем. И я хотел знать*.

— Что уж там говорить — наш Люциан влюбчив. Думаешь, ты был у него первым?

Я повернул голову, но все расплывалось перед глазами.

— Его отослали из Каслфорда, потому что он связался с... неподходящей персоной. Служанка из буфетной, совсем юная, можешь себе представить? Наверное, поэтому он предпочел тебя, а не твою сестру. Понимаю, что сейчас ты, должно быть, чувствуешь себя глупо, но ты тут ни при чем. Люциан может быть безжалостен; для него это своего рода игра. Охота.

— Вы лжете.

— Впрочем, это уже неважно. Теперь-то какая разница? Давай лучше подумаем о будущем. Я могу уже завтра прислать за тобой карету. Мы отвезем тебя к переплетчице на болота. Сделаем все тихо, чтобы никто не узнал. А после я заплачу твоему отцу двадцать гиней золотом или банкнотами, как угодно. Что скажешь на такое предложение?

Сердце мое билось так отчаянно, что кольцо Люциана подпрыгивало на груди.

— Нет, — ответил я.

Он изменился в лице. Последовало долгое молчание.

— Ясно, — проговорил он наконец. — Сколько ты хочешь?

— Что?

— Двадцать гиней мало? Назови свою цену.

— Дело не в деньгах.

— Дело всегда в деньгах. Какая цена тебя устроит? Тридцать? Пятьдесят?

— Нет. — Я встал. — Вы не понимаете, да? Мне все равно, были ли у Люциана еще любовники. — На последнем слове голос надломился, но мне было все равно. — Я не хочу обо всем забывать. Это все, что у меня осталось.

— Нежная память о высокомерном, лживом содомите?

Я никогда не слышал последнее слово, но догадался, что оно означает.

— Да.

— Эмметт. — Он отчеканил мое имя строгим, предостерегающим тоном. — Опомнись. Подумай. Пусть будет семьдесят пять гиней. Это очень щедрое предложение.

— Я лучше умру.

— Будь осторожен в своих желаниях.

Я метнул на него гневный взгляд. Каждый дюйм его оплывшего скабрёзного лица был мне ненавистен.

Наконец он пожал плечами и встал.

— Что ж, очень жаль. А ведь мы заботились в первую очередь о тебе. — Он пошарил в карманах своего пальто — просторного, мешковатого и слишком теплого для летнего вечера — и достал небольшой сверток. — Кажется, это твое. Рубашка, которую ты давал ему поносить. Он не хотел, чтобы у тебя был повод увидеться с ним снова.

Я взял сверток у него из рук.

— Если понадобится моя помощь, — продолжил он, — твой отец знает, где меня найти. И если сегодня ты не сможешь уснуть и будешь молить, чтобы боль ушла, знай: ты всегда можешь передумать. В этом нет ничего постыдного.

— Я не передумаю.

Он кратко и недобро ухмыльнулся, поклонился и вышел.

Когда я поднял голову, мама стояла в дверях. Я все еще держал в руках сверток, который дал мне Эйкр; вещь принадлежала мне, мать не могла ее забрать. Но она и не пыталась, лишь стояла молча.

— Я не поеду, — проговорил я.

Она медленно опустила тяжелые веки и снова приподняла их с трудом; ей словно стоило больших усилий не закрывать глаза.

— Эти деньги пошли бы Альте на приданое.

— Мама...

— Мы столько сил положили, чтобы не подпускать тебя к книгам. Это злое колдовство, сын. Но мистер Дар... твой

•═══════════✧═══════════
друг рассказал тебе обо всем, верно? Я должна была догадаться. Жаль, что мы сразу не поняли, что он за человек.

— О чем ты, мама?

— Мы думали, что уберегли тебя. Мы были так осторожны... — Она прислонилась к дверному косяку и рассеянно накручивала на палец край передника. — Моя мать всегда говорила, что это дурное, противоестественное колдовство. Высасывать из людей воспоминания, стыд, боль и горе... Вот почему переплетчики живут так долго, говорила она. Они высасывают из людей жизнь и кормятся этим. — Ее пустой взгляд скользил по платью, покрытому пятнами муки и сажки. — Но если ты вернешься таким, как был до этого...

Словно что-то застряло у меня в горле.

— Мама, послушай, мы с Люцианом...

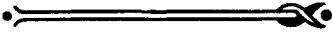
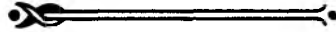
— Ступай, — оборвала она. — Просто уйди, Эмметт. Не позорь нас больше.

Я прошагал мимо нее и поднялся наверх. В висках пульсировала кровь; меня всего трясло. Я сел на кровать и прижал к груди свою старую рубашку. В горле набух болезненный комок. Склонив голову, я зарылся лицом в полотно. Что бы я только ни отдал сейчас, чтобы очутиться в объятиях Люциана, вдохнуть запах его кожи под дымкой лавандовой воды.

Ткань в моих руках хрустнула.

В воротник была вшита записка. Казалось, прошла вечность, прежде чем я сумел расковырять шов кончиком ножа. Наконец я достал клочок бумаги и развернул его.

*Встретимся на рассвете на перекрестке дороги на
Каслфорд и тропы на болота.
Люблю тебя.*

XIX

Случись мне в тот вечер с кем-то заговорить, я непременно выдал бы себя. Я весь пылаю от предвкушения и покраснел, как пьяный. Мне повезло, что я пропустил ужин и выходить из комнаты не было надобности. Лежал, не смыкая глаз, не в силах поверить своему счастью.

Через некоторое время я спустился выпить воды и столкнулся с Альтой на лестнице. Наши взгляды встретились. Через щель в двери ее комнаты на площадку второго этажа просачивался лунный свет, рисуя на верхних ступенях узор из черно-белых треугольников, но внизу, на лестнице, свет был мягким, рассеянным; он опутывал ее щеки и висок прозрачной паутиной. В этом свете трудно было определить ее возраст: она могла быть девушкой, женщиной, старухой. Но взгляд ее спокойных темных глаз не изменился.

— Эмметт? — позвала она.

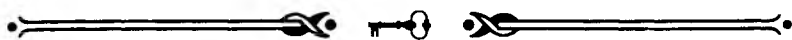
Голос прозвучал так ласково, что внутри меня затеплилась отчаянная надежда. Что, если она простила меня? Что, если никогда не любила Люциана по-настоящему?

— Да, Альта?

— Прости меня.

Вдалеке, а потом ближе ухнула сова; в углу двора раздался шорох. Я представил себя мышью и отчетливо увидел сову, безмолвно описывающую круги над двором; она терпеливо высматривала, когда во мраке блеснет мой глаз и шевельнется хвост. Моя смерть наступила бы мгновенно; я бы и сам не заметил.

— И ты меня прости.

Я спустился на одну ступеньку, чтобы встать к ней поближе, но она поспешно отвернулась и пробормотала:

— Мне нужно в уборную. Женские дела.

Альта выскользнула во двор. Я повернулся и проводил ее взглядом: сестра ступала по мощеному камнем двору, придерживая полы накидки, чтобы к ним не пристала солома.

Я мог бы окликнуть ее, но не стал. Вернулся к себе в комнату.

Не дожидаясь, пока небо посветлеет, я оделся и приготовился. Затем бесшумно спустился по лестнице и вышел во двор. Луна уже ушла, но звезды светили ярко. Мне было трудно дышать. Я вышел на дорогу, бросился бежать и бежал до самого перекрестка.

Вначале в предрассветном полумраке я увидел лишь тусклый свет лампы в непроглядной тьме; а приблизившись, различил контуры лошади и повозки. Хотел было окликнуть Люциана по имени, но тишина окутывала все вокруг колдовскими чарами, и я побоялся их нарушить. Я видел его — он стоял у головы лошади и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, укутавшись в плащ; его лицо скрывал капюшон.

Я глупо улыбнулся во весь рот и бросился к нему.

— Люциан! Люциан!

С бешено бьющимся сердцем потянулся к нему, и...

Это был не он.

Эйкр стоял рядом с лошадью; его лицо наполовину скрывал капюшон. В повозке сидел еще один человек; он устало, скучающе зевнул, и у меня по спине пробежал холодок, а потом я увидел ее...

Альту.

Она спала. Хотя нет. Лицо находилось на свету, но на лбу за-
легла тень; глаз заплаыл, а между носом и ртом запеклась струй-
ка крови. Я открыл было рот, но внутри все сжалось; а когда
попытался заговорить, то не смог издать ни звука, из груди вы-
рвался сухой хрип, подобный свисту раздуваемых мехов.

— Делай, как я скажу, и она не пострадает. — Эйкр отки-
нул капюшон. Долгое время ни он, ни я не двигались; потом
я понял, что он показывает на повозку. Он хотел, чтобы я сел
в нее. Наконец он сказал: — Не усложняй, сынок.

— Где Люциан?

Он фыркнул.

— Люциан? Да ты не слишком догадлив, парень, а?

Как я сразу не понял. Я должен был догадаться.

На удивление спокойным голосом я произнес:

— Как вам удалось выманить Альту из дома?

— Так же, как и тебя, парнишка. Прибежала как милень-
кая, даже раньше, чем ты.

Второй мужчина в повозке визгливо хихикнул, и я аж под-
скочил.

— А девица не робкого десятка. Мужу ее не поздоровится.

— Не смейте так о ней говорить!

Эйкр щелкнул пальцами.

— Довольно, — промолвил он. — Садись в повозку, Эм-
метт. Путь неблизкий.

Я взглянул на Альту, затем заставил себя посмотреть на
него. Он блефовал. Они не осмелятся причинить ей больше
вреда, чем уже причинили. Одно дело — оплеуха; а вот что-
то посерьезнее — уже преступление.

— Никуда я с вами не поеду.

— Время переговоров закончилось, парнишка.

— Я никуда не поеду.

— Райт, где тут у нас мешок?

Эйкр заглянул в повозку и вытащил мешок. У меня внутри все перевернулось.

— Так вот, мой юный друг. Я верю, что людям нужно давать второй шанс. Сейчас я покажу тебе всю серьезность своих намерений, а поскольку я добрый человек, то начну не с твоей сестры. Ты понял?

В мешке что-то шевелилось. Эйкр высоко поднял его, и я увидел очертания морды и лап, царапающих мешковину. Мешок заскулил: отчаянно, одиноко, как может скулить лишь терьер.

— Нет, — выпалил я, — нет, умоляю, нет!

— Вот уж не думал, что молодой Дарне способен кого-то полюбить, но, видимо, один крысеныш-переросток легко проникается симпатией к другому, — заметил Эйкр. — Райт поймал этого гаденыша вчера, когда тот пытался покусать его за ноги. Напомни, как его зовут? Тузиком?

— Нет...

— Нет? Впрочем, это уже неважно. Райт, окажи нам честь.

— Вы не можете... прошу, не делайте этого. Умоляю...

Эйкр швырнул мешок в повозку. Раздался глухой стук; Клякса взвизгнула. Я бросился вперед, но не успел перемахнуть через борт повозки: Эйкр схватил меня за руку и заломил ее за спину.

— Продолжай, — велел он своему подельнику.

— Нет! Клякса, нет...

Второй мужчина — Райт — выпрямился во весь свой великанский рост. Рядом с ним лежала дубина; он поднял ее и ухватил крепче. Он улыбнулся, кивнув Эйкру, как музы-

кант, готовый сыграть свою партию, замахнулся и ударил дубиной по мешку. Один удар. Два. Три.

Я кричал. Я так сильно отбивался, что Эйкр чуть не выпустил меня, но, зашипев сквозь зубы, усилил хватку и оттащил меня прочь. Я упал на колени, и меня вырвало; в голове было пусто, лишь плечо пронзила жгучая боль. Когда боль прошла, все звуки утихли: не слышалось больше ударов и собачьего визга, лишь ветер шелестел листьями. Мое лицо было мокрым от слез. С нижней губы свисали нити слюны и рвоты.

— Вставай. — Чья-то нога пнула меня под ребра. Райт выбил из меня весь воздух, и я стал хвататься за землю, будто бы это помогло мне дышать; затем мои легкие снова заработали, и я поднялся на ноги. Эйкр кивнул в сторону повозки.

— Забирайся.

Я потянулся и оперся о колесо, с туповатым любопытством заметив, как трясутся мои ноги. Все тело подрагивало, словно я ехал по ухабистой дороге. Обошел повозку сзади: Райт опустил перегородку. Забрался внутрь и рухнул на сиденье. Если бы я посмотрел влево, то увидел бы внизу окровавленный мешок; тот лежал так неподвижно, что я почти готов был убедить себя, что они блефовали. Но я слышал лай Кляксы и отчаянное душераздирающее поскуливание, когда она узнала мой голос.

Я моргал, и мир расплывался перед глазами. Влага катилась по подбородку и промачивала воротник. Но мне не казалось, что я плачу; я будто растворялся изнутри.

— Теперь слушай, — промолвил Эйкр и вздохнул, словно худшее осталось позади. — Мы поедем в дом переплетчицы, и когда доберемся, скажешь, что хочешь забыть о Люциане

Дарне. Потом мы вернемся, и вы с сестрой будете в полном порядке. Никто вас больше не потревожит. Что скажешь?

Райт, сидевший напротив, гауповато и зловеще улыбнулся и похлопал Альту по колену.

— Хорошо, — ответил я.

— А когда переплетчица спросит, скажи, что сам захотел, понятно? Хоть словечком обмолвишься про нас или Дарне-старшего, и будет... даже говорить не хочу, что тогда будет.

— Понял.

Он, кажется, хотел добавить что-то еще, но потом цокнул языком, и лошадь пошла.

Рассвело. Яркое небо на востоке слепило глаза. Я опустил голову и уставился на прыгающие тени. По дощатому полу повозки текла красная струйка, подбираясь все ближе к моим ногам. Я смотрел на нее и думал: вспомню ли я Кляксу после того, как мне сотрут память? Или ее заберут у меня, как и все остальное?

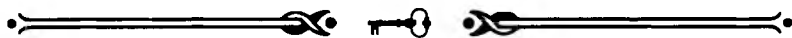
Все забудется. Все воспоминания о Люциане: как он смотрел на меня, улыбался, смеялся над моими шутками; его прикосновения и каждый дюйм его тела; его худые изящные руки, грудь, затылок, поясница, и все, что он мне говорил...

Тебя это возбуждает, Фармер? Я не подведу тебя... Поверь мне... Позволь мне... Да.

Я люблю тебя.

Но эти слова он произносил лишь в моих фантазиях.

Я зажмурился. Если еще раз прокрутить в голове все, что было, прежде чем я увижу переплетчицу, может, мне удастся сохранить хоть что-то. Может, что-то останется — не все, но хотя бы немного: первый поцелуй или последний; его последние слова, обращенные ко мне. Прошу, молил я про се-

бя, пусть мне останется хотя бы одно воспоминание, я готов отдать за это все что угодно; тогда я смогу переживать этот момент снова и снова, и даже если никогда не увижу Люциана, у меня сохранится память о нем.

— Хватит реветь, парень, — бросил Райт, — пол намочишь.

— Пусть ревет, — отозвался Эйкр с козел. — Переплетчица увидит, что он расстроен, и не станет задавать вопросы.

Я открыл рот, вдохнул и почувствовал соленый вкус на языке. Струйка крови, что текла по полу повозки, наткнулась на сухую травинку, лежавшую между отпечатком подошвы и торчащим гвоздем, и полилась в щель между досками. Представил, как кровь капает на дорогу, оставляя следы... Будто хлебные крошки...

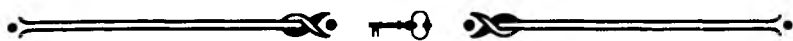
В воздухе запахло иначе: потянуло густой влагой болот; где-то рядом раздался пронзительный, жалобный птичий крик. Других звуков не было: лишь грохот колес и быстрый перестук лошадиных копыт.

Я мог бы солгать. Или притвориться. Может, так мне удалось бы сохранить память и запереть воспоминания в своем сердце — в книге из плоти и крови. Никто бы никогда не узнал.

Если бы я знал о том, как происходит процесс отбирания памяти! Я представлял это как смерть: дверь, в которую мне предстоит войти, не зная, что ждет меня с обратной стороны. Кроме Люциана, никто никогда не рассказывал мне о переплетчиках.

Он знал, что со мной случится. Знал все это время.

Мне стало трудно дышать. Даже вид книг был ему ненавистен. А все оттого, что... Меня накрыло осознание, гро-

мадное и абсолютное, как белое небо, и я понял, что всегда догадывался об этом, но ясно увидел только сейчас. Всем, кого соблазнял Люциан, стирали память. Это слово застряло в голове и не желало уходить. Да, *соблазнял*. Вот что произошло со мной: он соблазнил меня, зная, что рано или поздно все закончится именно так; возможно, думать об этом ему не хотелось, но он *знал*. И готов был рискнуть.

Прищурившись, я обратил взор к самому яркому участку неба. Перед глазами поплыл туман, защипало, но ничего не изменилось. Когда я повернул голову, на сетчатке отпечатались черный круг, закрывший лицо Альты.

Я нащупал в кармане записку. Даже если бы мне не мешало черное солнце перед глазами, перечитывать ее не было нужды; написанное отпечаталось в памяти. *Люблю тебя*. Обман, но как знать, быть может, почерк действительно принадлежал Люциану. Достал записку, вытянул руку и разжал пальцы. Ветер стих, листок бумаги упал вниз и застрял в зарослях тростника у дороги.

Когда мы миновали последний поворот и подъехали к дому переплетчицы, казалось, что он охвачен пламенем. Солнце садилось за нашими спинами, и все окна пылали яркой медью; я хоть и понимал, что огонь ненастоящий, по спине моей поползли мурашки, точно мне предстояло войти во врата ада. Я стиснул зубы и постарался не смотреть на дом; вместо этого повернулся к Альте, сидевшей в углу повозки. Она ссутулилась; глаза ее были закрыты. Несколько часов назад она очнулась и в растерянности спросила, где мы и куда направляемся, а когда ей ответили, не стала сопротивляться и убежать не попыталась. Я не знал, больно ли ей или

она просто боится. Райт дал ей воды, и она сделала несколько глотков, избегая смотреть на меня. Лишь один раз после долгого молчания она произнесла: «Эм, с тобой все в порядке? Может, это и к лучшему». Но я не ответил. Не сказал я и о том, что за окровавленный мешок лежит на дне повозки, а она и не спрашивала.

Мы свернули с тракта на тропинку, ведущую к дому. В лицо дул теплый ветерок, к которому примешивались болотные миазмы. Я ухватился за край повозки и занозил ладонь. Каждый раз, когда мы подпрыгивали на ухабах, кольцо Люциана под моей рубашкой ударялось о грудь. Я представил, что будет со мной после; быть может, я выйду на свет, как шахтер из-под земли, шурящийся от яркого солнца, и все начну с начала, смогу опять влюбиться. Я снова стану невинным, и все будет как в первый раз.

Повозка скрипнула и остановилась. К горлу подкатил густой комок желчи. Я сглотнул, борясь с тошнотой.

— Иди, — скомандовал Эйкр.

Но я не мог пошевелинуться. Все мысли улетучились.

— Позвони в колокольчик, — с мрачным терпением продолжал Эйкр. — Скажи, что тебе нужен переплет. Она спросит, уверен ли ты, и о чем хочешь забыть. Тогда расскажи ей о Люциане. Ничего сложного. — Он пошарил в кармане и достал визитную карточку. — А если спросит, чем будешь платить, отдай ей это.

Я взял у него карточку. «*Пьер Дарне, фабрикант*» — гласила надпись на ней. Перевел взгляд на другую руку, намертво вцепившуюся в край повозки, не зная, как заставить себя разжать пальцы.

— Эм... Прошу тебя.

Я взглянул на Альту. Райт тыкал ее пальцем в шею, улыбаясь во весь рот своей придурковатой улыбкой.

Тогда я встал. Надо сделать шаг, потом еще один, подумал я, и тогда, может быть, смогу дойти до двери. Я пообещал себе, что, сделав шаг, еще смогу передумать; но потом шаг превратился в два, в три, и я очутился на пороге и позвонил в колокольчик. Тот отозвался в доме нестройным перезвоном.

Через некоторое время открылась дверь. Переплетчица оказалась совсем старой и похожей на ведьму.

— Мне нужен переплет, — отчеканил я, словно рассказывая выученный урок. За ее спиной виднелся коридор: темные панели на стенах, лестница, двери, ведущие в разные комнаты. В доме было темно; лишь красноватое пятно закатного света, просочившись сквозь оконную решетку, лежало на полу. Пятно цвета пламени или старого красного дерева, гладко отполированного, прочного... Я уставился на него, не желая смотреть в лицо старухе. — Мне нужно забыть.

— Ты уверен? Как тебя зовут, мальчик?

Я ответил и, должно быть, не соврал, потому что перед ответом не задумался. Пятно света на полу померкло. Снаружи пылали солнце, небо и закат. Я старался думать только о них.

Не знаю, сколько времени прошло, но в конце концов она взяла меня за руку и повела по коридору в мастерскую. Я послушно следовал за ней; руки и ноги были как деревянные. Она отперла дверь. За ней оказалась тихая комната с грубо сколоченным деревянным столом, освещенным последними косыми лучами закатного солнца. Переплетчица указала на стул, и я сел. Ее лицо выражало сочувствие; она словно говорила: *расскажи мне все. Я все пойму.*

— Надо подождать, — произнесла она. Мы долго ждали, и наконец последний луч солнца дополз до дальней стены, становясь все тоньше и алее с каждой минутой; биение моего сердца замедлилось, усталость взяла свое, и узлы напряжения, не дававшие мне расслабиться, начали ослабевать. Наконец она протянула руку и коснулась моего рукава. Я не отдернулся.

— Теперь можешь рассказать, — промолвила она.

— Люциан, — ответил я, — мы повстречались в руинах старого замка. Зря мы забрели туда тем вечером.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XX

Глаза Эмметта Фармера вылезают из орбит. Он падает на колени и глотает свои воспоминания, как человек, которого заставляют пить воду, пока не лопнет его желудок.

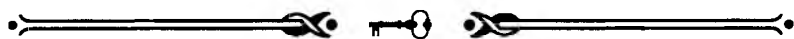
Меня тошнит от запаха горелой кожи. В камине клубится дым; щиплет в глазах. Пальцы отпускают колокольчик. Не помню, звонил я в него или нет. Я не могу шевельнуться. Еще ни разу в жизни я не видел ничего подобного. Его лицо искажено гримасой; оно опухает, пальцы беспомощно цепляются за воздух. Он задыхается и пускает пузыри: словно мешок с котятками идет на дно.

Мне его не жаль. Он сам виноват, я так считаю. Это он поджег книгу, а не я. И должен был понимать, что за этим последует. Он падает на четвереньки и царапает ногтями отцовский персидский ковер; его тошнит на ковер, но это его проблемы. Он сам напросился. И все же я не могу отвести от него взгляд.

— Люциан, — внезапно произносит он. Или мне это только кажется?

Он произносит мое имя еле слышно, а может, и не произносит вовсе; может, просто последовательность звуков, гласного и свистящего, и гримаса на его лице заставляют меня думать, что он обращается ко мне. Скорее всего, мое имя слышалось мне, как в шепоте ветра нам слышатся осмысленные слова. Люди вечно ищут смысл в бессмысленных вещах.

Но вдруг он просит о помощи? Впрочем, я ничем не могу ему помочь. Даже если бы я заставил себя к нему прикоснуться, что я могу сделать? А если ему нужна помощь, пусть зовет меня «Дарне». Или «господин Дарне». Кем он себя возомнил? С чего он вообще взял, что меня можно звать Лю-

цианом? Как смеет просить у меня прощения и смотреть на меня так? Я даже рад видеть, как он мучается.

Он снова произносит мое имя — на этот раз сомнений не остается. А потом — каков наглец! — протягивает мне руку, неустойчиво балансируя на коленях. Отвратительное зрелище: он словно нищий, только хуже, потому что одет не в лохмотья, а в этот фатоватый костюм, как у де Хэвиленда. Слабак! Хотя, пожалуй, нет; когда мы дрались в коридоре, он не показался мне слабым. Скорее, слабовольным. Вот и сейчас в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на страх. Жалкий трус.

Я нарочно отступаю на шаг. Сердце бьется, как часовой механизм. Если он еще раз попробует дотронуться до меня, пну его, как собаку.

Из камина валит дым. Он кашляет... нет, всхлипывает. Лицо его залито слезами. Нити слюны свешиваются изо рта. Склонившись над узорчатым ковром, он бьется в конвульсии и изрыгает желчь. Меня шатает. Не вздумай упасть, душень, приказываю я себе.

Книга почти догорела. Она горит очень быстро, будто сделана не из бумаги вовсе. Плотный черный дым проникает мне в глотку. Горло саднит; я сглатываю и протираю лицо расстегнутым рукавом рубашки. На льняном полотне остаются грязные мокрые пятна. Меня захлестывает ярость. Как они посмели — как посмел Эмметт Фармер — сотворить такое со мной! Кто дал им право очернять меня своим злым колдовством? Фармер — переплетчик, он заслуживает того, что случилось с ним, но я — я невиновен. Я тут ни при чем. Странная печаль проникает в меня с дымом, оседает на легких липким пеплом, но разве это моя печаль? Не хочу, чтобы воспоминания Эмметта Фармера замарали меня даже самую малость.

Книга вспыхивает короной пламени и прогорает. От нее остается лишь горстка пепла; страницы, серые и готовые рассыпаться в порошок, тонкие, как грибные перепонки. Теплятся угли. Кожаный переплет сгорел: от него остались лишь лоскуты с обугленными краями. Дым рассеивается.

— Люциан, — снова произносит Эмметт Фармер. Пытаясь подняться на ноги, он хватается за край стола для опоры и промахивается. Судорожно моргает. — Прошу, Люциан...

Его глаза закатываются, и на мгновение я вижу лишь белки и пустой взгляд. Потом он падает вперед, ударяясь челюстью об пол. В его горле что-то булькает; жидкость выливается на пол изо рта. Он дышит: значит, живой.

Воцаряется тишина.

Что мне делать? Фармер не шевелится, и мысль о том, чтобы прикоснуться к нему, уже не кажется такой ужасной. Я мог бы проверить его пульс, но я вижу, что грудь его вздымается и опускается. Я мог бы перевернуть его, чтобы он не захлебнулся собственной рвотой, но он и так лежит лицом вниз, а спазмы прекратились. Я опускаюсь рядом с ним на одно колено и осторожно протягиваю руку. Что делать дальше, я не знаю. Пожалуй, надо выяснить, в сознании он или нет. Но стоит мне коснуться его одежды костяшками пальцев, и меня начинает лихорадить. Я отдергиваюсь.

Нужно прийти в себя, пока кто-то не обнаружил нас.

Шатаясь, я поднимаюсь на ноги и выливаю в бокал последние капли бренди. Ударяясь о край стакана, графин дребезжит, как стучащие зубы. Я пью до дна и проливаю бренди на воротник. Капли стекают по шее и смешиваются с холодным потом на груди. Красные цветы на обоях взирают на меня разинутыми ртами; кажется, что они разевают свои пасти

все шире и шире за завесой дыма из очага. Представляю, как стал бы насмехаться надо мной отец, увидев, как я дрожу. Нужно прийти в себя.

Чтобы успокоиться, я часто прибегаю к такому трюку: представляю, что надо мной нависает серая стена, громадная, безликая и абсолютно плоская. Она полностью заслоняет обзор. Я закрываю глаза и встаю перед ней, представляю, как она поднимается выше и окружает меня со всех сторон. Наконец я оказываюсь внутри серого пузыря размером с бесконечность. Я один. Ничто не может причинить мне вред. Ничто не пробьется сквозь стену.

Открываю глаза. Лихорадочная дрожь прошла. Комната больше не расплывается перед глазами. Меня окружают роскошь и тишина, бархат, кожа и черное дерево. Старинные напольные часы, фарфоровые собачки на каминной полке, витрина с диковинками. Кабинет джентльмена, как с картинки в журнале. Только тело на полу у камина здесь явно лишнее.

Подхожу к потемневшей картине, на которой изображен незнакомый горный пейзаж, и смотрю на свое отражение в стекле. Я выгляжу ужасно, но по крайней мере могу взглянуть себе в глаза. Откидываю прядь мокрых волос со лба, поправляю галстук и подтягиваю узел так высоко, что влажного пятна на воротнике почти не видно. От меня пахнет бренди, но это дело обычное.

Наконец я звоню в колокольчик, сажусь в кожаное кресло у камина и кладу ногу на ногу. Я спокоен. Я контролирую ситуацию. Когда войдет Бетти и спросит, что мне нужно, мой голос не дрогнет. Велю ей принести еще бренди и вежливо попрошу убрать переплетчика с коврика и выставить вон в приличествующей манере. Что значит «приличеству-

ющая манера», мне неизвестно; если Бетти поинтересуется, я пожму плечами и велю ей спросить у кого-нибудь другого.

Стараюсь не смотреть на Фармера, и взгляд падает на овальный стол, который отец использует как письменный. На столе разложены книги, что принес давеча Фармер. Видно, что я их листал и что-то искал. Не знаю, разозлит ли это отца. Вот что хуже всего: невозможно угадать, что его разгневает. Но если он разозлится...

Делаю вдох. Представляю, как меня окружает серая стена. Гладкая. Ровная.

Дверь открывается. Я даже не вздрагиваю; я надежно укрыт стеной. Откашлявшись, обращаюсь к вошедшему:

— Уберите этот бедлам, да поскорее.

Я не слышу ответа. Лишь шаг. Не женский шаг.

Серая стена рушится, и я оказываюсь в мире острых углов, где все вызывает дурноту. Оборачиваюсь и с трудом поднимаюсь с кресла. Кружится голова; чтобы сосредоточиться, я больно прикусываю язык. Жалкое, должно быть, зрелище.

Отец слабо улыбается мне: любой, кто не знает его, назвал бы эту улыбку рассеянной.

— Прости, я решил, что это слуги.

— Одно неосторожное слово, — со вздохом произносит он, — может означать разницу между победой и поражением. Будь внимательнее, болван.

Мое лицо вспыхивает. Я стискиваю зубы.

Отец обходит темные лужи рвоты и дотрагивается до Эмметта Фармера носком ботинка.

— Ну что за nepотpeбствo. Надеюсь, ты тут ни при чем.

— Нет! Я... — Он поднимает палец вверх, и я замолкаю.

— Опиши, что тут стряслось. Будь краток.

Проглатываю комок в горле. Как найти подходящие слова и объяснить ему, что тут стряслось? То, как Фармер смотрел на меня, прежде чем лишиться сознания, как произносил мое имя, ужас на лице человека, которого насильно вынудили вспомнить часть его собственной жизни, — боюсь, отец не захочет этого знать.

Он вскидывает бровь.

— Не спеши.

Я знаю, что он имеет в виду противоположное.

— Он упал в обморок.

Глаза сами косятся в сторону камина. От книги совсем ничего не осталось, а если и осталось, обугленные клочки не различить среди тлеющих углей. Почему мне не хочется ни о чем рассказывать отцу?

Он крутит пальцем в воздухе, намекая, что я недоговариваю.

— Понятия не имею, что с ним такое. Он собирался уходить, а потом его вдруг вырвало на твой ковер.

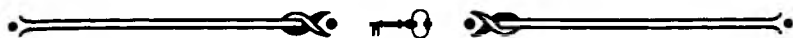
— Весьма изящно. И это все?

Он знает, что не все. Отвожу взгляд и пожимаю плечами; стоит посмотреть ему в глаза, и он поймет, что я пытаюсь перечить ему по-своему, незаметно и трусливо. Но долго выносить тишину я не в силах. И Фармер... скорее бы его отсюда убрали.

Слышатся легкие шаги.

— О, сэр, простите, я не ожидала... — Я оборачиваюсь; Бетти делает книксен и нервно прячет под чепец выбившийся локон. Будь в комнате я один, она бы так делать не стала. — Что мне... — Тут она замечает недвижимое тело на полу и коротенько взвизгивает, но вовремя замолкает. Видимо, решает, что Фармер мертв.

Отец даже не смотрит в ее сторону.

— Отправьте его в мастерскую де Хэвиленда. Там о нем позаботятся.

— Да, сэр. — Она не понимает, что происходит, но слишком боится моего отца и поспешно ретируется, не забыв сделать книксен. В коридоре она пускается бежать, а решив, что оказалась вне зоны слышимости, переходит на крик.

Мы стоим и молчим. Наконец приходят кучер и лакей; оба пахнут табаком и лошадьми. Увидев отца, они встают на пороге как вкопанные, но тот подзывает их, и они поднимают Фармера. Кучер взваливает его на плечо. Фармер стонет; из его горла с бульканьем вырывается очередной фонтан рвоты. Я никак не реагирую. Демонстрировать брезгливость или жалость не по-мужски. Отец вполголоса приказывает что-то лакею; тот берет со стола сумку с бумагами и перекидывает через плечо. Наконец они уходят.

Отец вдруг тихо усмехается, усаживается в кресло, повернутое к камину, и вытягивает ноги.

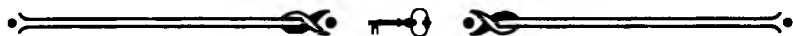
— Ну надо же. А каким щеголем он показался, когда только пришел! Красавчик, хоть и слегка грубоват. Я заметил, как ты на него смотрел.

Я молчу. Он прав. Фармер действительно показался мне красивым. Он *был* красив, прежде чем устроил весь этот бедлам.

— Малахольный народ эти переплетчики. Де Хэвиленд ничем не лучше. На новенького я возлагал большие надежды, но, кажется, все они из одного теста.

Я не отвечаю. Мне хочется стать невидимым.

— Изнеженные слабаки, — он жестом повелевает мне подбросить дров в камин. — Они нарочно взращивают в себе деликатность, будто бы слабость — почетный знак отличия. Бесхребетники. Де Хэвиленд зовет себя художником. Но вся-

кий переплетчик — всего лишь прямая кишка, через которую должно пройти дерьмо, прежде чем принять иную форму. — Он вытягивает шею, пытаясь разглядеть лежащие на столе книги, но те слишком далеко, и он решает не вставать.

Я делаю полшага по направлению к буфету, где стоят графины. Он даже не смотрит в мою сторону, но произносит резко, словно ударив хлыстом:

— Довольно. Сядь.

Мне нужно спиртное, чтобы смягчить неприятную сухость в горле, но я лишь сглатываю слюну. Подтаскивая стул от стола к центру комнаты, я представляю, как меня окутывает плотный серый туман. Решит ли он, что я веду себя послушно? Или усмотрит в моих действиях вызов?

После долгого молчания он произносит:

— Хорошо, что этот тип успел закончить, прежде чем ему поплохело.

— Закончить?

— С Нелл. — Отец смотрит на меня и улыбается. — Мой дорогой Люциан, не надо так напрягаться. Постарайся хотя бы сделать вид, что компания твоего старика тебе приятна.

— Если переплетчики так тебе ненавистны... — Я замолкаю.

— То что? Люциан, прошу, расслабься, не смотри на меня так, будто у тебя рука попала в колесо. — Он смеется. На его фабриках такое случается раз в пару месяцев: руки рабочих попадают в механизм; люди лишаются конечностей. И работы.

— Переплетчики. — Случившееся сегодня распалило мою ненависть; мне словно срочно понадобилось выкашлять комок слизи. — Если ты считаешь их паразитами, зачем платишь им? Если сравниваешь их с прямой кишкой, зачем забираешь их дерьмо себе?

Мне хочется, чтобы он разозлился. Хоть я его и боюсь, мне доставит удовольствие увидеть его гнев. Но он спокоен.

— Ты прав, мой мальчик. Это сравнение неуместно. — Отец откидывается в кресле и заводит руки за голову. Взгляд его падает на застекленный шкафчик у окна. Со стороны кажется, будто он с рассеянной улыбкой разглядывает страусиное яйцо и изящные резные фигурки из слоновой кости.

Я резко отворачиваюсь и смотрю в камин. Пламя почти погасло. Серый пепел толстым слоем пыли покрывает тлеющие угли. У самой каминной решетки лежит обгоревшая полоска кожаного корешка, скрутившаяся в спираль. Часть букв съедена пламенем, но несколько по-прежнему можно различить: МЕТТ МЕР. Два часа назад я ничего не знал об Эмметте Фармере, а теперь вздрагиваю, увидев обрывки его имени. Я складываю руки на груди.

Отец шевелится в кресле. Не глядя на него, я понимаю, что он повернулся и смотрит на меня.

— Что на этот раз?

Он не перестает улыбаться.

— Воспоминания Нелл... Скажи, ты всегда действуешь одинаково? Или кого-то заманиваешь соблазном, кого-то шантажом, а кого-то просто берешь силой? — У меня срывается голос. Как легко я могу все представить! Значит ли это, что я похож на него, раз вижу все так отчетливо?

— Ты же знаешь, Люциан: моя библиотека в твоём распоряжении. Если тебе любопытно...

Он наслаждается моей реакцией. Он знает, что я знаю, и ему это нравится.

Газовое пламя вспыхивает, и кажется, что лепной шнур на потолке покачивается и подрагивает. Когда лампа тускнеет,

в комнате становится темнее, чем прежде, такое ощущение, будто она уменьшилась в размерах.

Бьют часы. Еще совсем не поздно. Отец потягивается и откидывает голову. Я поднимаюсь. Он следит за мной, но я молчу.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Он зевает. — Ах, вот еще что, Люциан...

— Да?

— Увидишь Нелл — скажи, что у нее ровно один день, чтобы отмыть ковер, иначе я вычту стоимость из ее жалования.

Кто-то зажег лампы в моей спальне и развел огонь в очаге. Я встаю к нему как можно ближе. Сперва мне холодно до дрожи. Потом вдруг становится жарко, и я покрываюсь испариной. Повернувшись к окну, раздвигаю шторы. Пот на лбу мигом высыхает на холодном сквозняке. Капли дождя барабанили в стекло, словно гость, отчаянно желающий войти. Я вижу в окне свое отражение, а за ним — густую туманную тьму. Сквозь пелену дождя по обе стороны ворот мерцают фонари.

Отворачиваюсь от окна и оглядываю свою комнату. Она совсем не похожа на отцовский кабинет. Почти пуста: в ней есть кровать, стул, стол и сундук. Свет газовой лампы окрашивает голые белые стены в цвет желтого песчаника и отбрасывает на них мягкие тени. Все остальное, кроме стен, подсвечено красноватыми отблесками пламени. Мрак подкрадывается из углов. Покрывало на кровати блестит, как шелковое. Моя комната — единственное место, где я чувствую себя в безопасности.

Мне снова становится холодно. Я надеваю халат, запахиваю его поплотнее и подвигаю стул к камину. Сажусь там все-

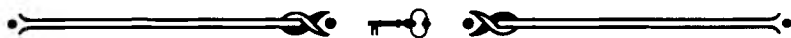
го несколько секунд и смотрю на огонь. Но надолго меня не хватает; я снова встаю и подхожу к сундуку у изножья кровати. Под грудой одеял у меня тайник. Там лежит полупустая бутылка бренди, но я ищу не ее. Я достаю другой сверток, сажусь и разворачиваю его.

Кусок полотна падает на пол. Лампа слишком далеко, букв не разобрать, но вставать не хочется. Я и так знаю книгу почти наизусть.

Воспоминания о детстве Уильяма Лэнгленда, эсквайра.

Отец подарил мне это на двенадцатый день рождения. «Воспоминания Уильяма Лэнгленда» стали первой книгой, которую я прочел от начала до конца. Я и раньше видел книги: они были у нас в школе, и учителя не уставали повторять, как высоко они ценятся. Книги бесценны, твердили они. Моего приятеля выпороли за то, что посадил на страницу кляксу. Но в школьных книгах содержались воспоминания дряхлых ученых, отчаянно нуждавшихся в паре монет на спокойную старость. Никому не было дела до их жизни, проведенной за преподаванием геометрии, экспериментами с призмами или разведением пчел. В библиотеке мы прятались или плакали; в старших классах она стала местом кратких грубоватых любовных встреч. Никто не ходил туда читать. Книги еле слышно поскрипывали на полках, точно повелевая нам не лезть не в свое дело. Их свезли туда, чтобы произвести впечатление на родителей; они были такой же частью школьной обстановки, как витражи или новое поле для крикета.

Но «Воспоминания Уильяма Лэнгленда»... о, то была совсем другая книга. Я хорошо помню день, когда мне ее подали. Мать всегда устраивала событие из дней рождения и суетилась вокруг нас с нервным энтузиазмом, в любой момент

грозившим обернуться истерикой. Подарки раздавала она, не отец. В том году я получил крикетную биту или фехтовальную рапиру, уж не помню, что именно, и я поблагодарил ее за это так горячо, как только был способен. В честь дня рождения устроили чаепитие с тортом, украшенным фигурками ядовито-зеленого цвета; прежде чем мы начали есть, их пришлось снять. На праздник явились девочки в платьях с рюшами и мальчики в пузатых бриджах, и те, и другие в сопровождении нянь. Гости заполнили всю гостиную, и я заметил, что мать неприязненно поджала губы. От сладкого у меня разболелась голова. Когда гости начали уходить, я попытался ускользнуть во двор, но мать немедленно вызвала меня обратно.

— Отец хочет видеть тебя. Он в своем кабинете, — промолвила она пустым, скушающим тоном, каким всегда говорила об отце. Я решил, что, должно быть, в чем-то провинился, но когда вошел, отец лишь взъерошил мне волосы и вручил сверток.

Я открыл его под пристальным взглядом отца. Оберточная бумага была темно-синего цвета с золотым узором. Я развернул подарок, не зная, что говорить. Не помню, что я тогда почувствовал. Наконец я поблагодарил отца и открыл книгу, тревожно избегая отцовского взгляда.

Фронтиспис⁶ — цветная гравюра — изображал лес осенним днем. Солнце садилось за заросшей мхом каменной стеной; золотились папоротники. Я вдохнул сладкий яблочный аромат прохладной земли и сырого подлеска. На миг я перенесся туда, в этот лес, покинув стены отцовского кабинета.

Кажется, я поблагодарил его еще раз. Потом он вроде бы показал мне титульный лист и печати, подтверждающие, что

⁶ Рисунок, размещаемый на одном развороте с титулом.

книга изготовлена с согласия Лэнгланда и куплена у уполномоченного книгопродавца. Само собой, он назвал стоимость книги. Но все это не имело для меня никакого значения. Я поднялся наверх и прочел книгу почти до самого конца. Она поглотила меня, и я даже не слышал, как прозвонили к ужину; не видел Эбигейл, когда та зашла в детскую зажечь лампы. Ласковые волны воспоминаний баюкали меня; я унесся в бескрайние поля и дремучие леса и увидел домик на дереве, ручную выдру и приключения на старой каменоломне. Добродушную, толстую мать, отца, умевшего ездить верхом и охотиться, трех старших братьев и верного друга, фермерского сына, всегда готового прийти на выручку... Лишь когда настало время ложиться спать, няня отобрала у меня книгу. Я очнулся, моргнул и вспомнил, где нахожусь; вспомнил, кто я.

Сколько раз я перечитывал ее с тех пор? Закрыв глаза, я вижу деревню Лэнгланда в низине и тропинку, ведущую к ней с крутого холма. Слышу, как поскрипывает известняк под редкой травой, на которой я лежу, глядя в небо. Вдыхаю ароматы дикого чабреца и нагретой солнцем земли.

В конце книги Уильям женился. Эта часть нравилась мне меньше всего. *Милый читатель, если бы я только мог поделиться с тобой хоть крупницей радости, переполнившей меня, когда моя любезная Агнес улыбнулась мне из-под цветочного венка, я бы считал, что моя жертва не напрасна...* Я вытянул руку к огню и представил, как с моих пальцев сыплются вниз нежные лепестки флердоранжа.

Я был глупцом. Эти воспоминания были так хорошо знакомы мне, словно я сам их прожил, но я никогда не задумывался о самом Лэнгланде и о том, как появилась эта книга. Воспоминания были старыми, и, скорее всего, Лэнгланд давно умер, но

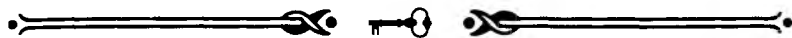
прежде я не понимал, что такое книги. Я понял это лишь год тому назад однажды вечером. Нет, это случилось даже меньше года назад... Тогда я все еще был отцовским любимчиком.

Дело было прошлой осенью, примерно за неделю до вступительного экзамена, ранним вечером, когда уже смеркалось. После урока я остался в отцовском кабинете. Доктор Ледбери только что ушел; я слышал его голос в коридоре — Эбигейл вручала ему шляпу. А я, кажется, размышлял об отрывке, который мы переводили, и взгляд мой рассеянно скользил по отцовскому шкафу с диковинками. Павлиньи перья прижались к стеклу, как папоротники в оранжерее. Тут я заметил, что сарацинский нож висит криво; должно быть, горничная протирала пыль и неаккуратно повесила его на место. Я встал и потянул на себя дверцу; обычно та была заперта, но попытка не пытка.

Тут шкафчик вдруг выдвинулся из стены.

Задержка в долю секунды — и открылась огнеупорная печать. За шкафом оказалась встроенная в стену книжная полка. Я уставился на ряды книг. Большинство из них были в дешевом матерчатом переплете, в отличие от дорогих томов из школьной библиотеки. Когда я прочел имена, во мне что-то кольнуло; они как будто были мне знакомы. *Марианна Смит. Мэри Флетчер. Эбигейл Тернер*. Я должен был узнать эти имена, но никогда не слышал, чтобы слуг называли по фамилии, и мне еще не приходилось видеть книг, в которых хранились женские воспоминания. Наверное, поэтому я взял одну книгу с полки, уселся на подлокотник кресла и повернулся к свету.

Не помню, много ли времени прошло, прежде чем я понял, что это за книги.

Когда отец вернулся домой, я сидел в его кресле и смотрел на пепел в очаге. Фитиль лампы давно пора было обрезать, и каминная полка почернела от копоти.

Эбигейл впустила его в дом. Я представил, как он касается ее руки, когда она берет у него из рук пальто, — легкое касание, подобное взмаху крыла. Он что-то пробормотал, а она засмеялась.

Он вошел в кабинет, насвистывая мелодию. Увидев меня, опешил, но лишь на мгновение. Затем зажег лампу и повернулся ко мне, внезапно освещенный пламенем. Он по-прежнему насвистывал.

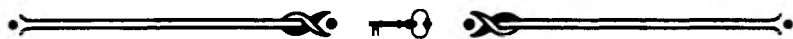
— Вижу, ты нашел мою маленькую библиотеку, — сказал он.

Тогда мне впервые подумалось, что я мог бы бросить ему вызов и победить. Но я ошибся. Я пригрозил пойти в редакцию «Каслфордского вестника», но отец лишь пожал плечами. Пригрозил обо всем рассказать матери, но он лишь поднял бровь и ответил:

— Мальчик мой, твоя мать — гениальная женщина: она в упор не замечает того, чего не хочет замечать. Но если тебе кажется, что ее книга хорошо бы смотрелась на этой самой полке...

Вступительный экзамен я так и не сдал. Через три дня меня отослали в деревню к дяде.

Я встаю. «Воспоминания Уильяма Лэнгленда» выскальзывают из рук и падают на пол, но я не наклоняюсь, чтобы их поднять. Мне не хочется думать об этих бесконечных месяцах, когда одиночество разъедало меня изнутри. Белые поля под снегом; черные леса. Часами я бродил по окрестностям,

не встречая ни одной живой души; изредка попадались лишь браконьеры с замотанными платками лицами, и те скрывались в зарослях так быстро, что я уж сомневался, не привиделись ли мне они. Канун Завершения мы праздновали с дядей, и тот напился, прежде чем унесли суп. Потом были дождливая весна и мир, зазеленевший в одночасье. Жаркое солнечное лето. Дни тянулись медленно, как солнце, ползущее по небосводу за моим окном. Полгода, бессмысленные, как мусор, что я нашел на дне дорожной сумки по возвращению домой: надорванный чек из ювелирной лавки; несколько фазаньих перьев; треснувшее деревянное яйцо с узором из цветов.

Но бог с ним. Я наклоняюсь и поднимаю книгу. Смахиваю пыль с обложки. Перед отъездом я сказал отцу, что сжег ее. Хотел, чтобы он понял: я не такой, как он. Но у меня рука не поднялась бросить книгу в огонь. Я уже готов был это сделать, но не решился. Уильям Лэнгленд мертв; ему все равно, сгорит книга или нет. Но я не сжег ее не поэтому. Я знал: будь Уильям Лэнгленд жив, я купил бы его воспоминания за любую цену. Выпил бы его детство одним залпом, не колеблясь ни секунды. И это означало, что я ничуть не лучше своего отца. Даже хуже — ведь Лэнгленд наверняка был в отчаянии, раз решился продать воспоминания о детстве. Что могло заставить его от них отказаться?

Я кладу книгу на подоконник. Шторы открыты; дождь барабанит в окно. Вдали, над голыми деревьями, в небе висит оранжевое марево. Должно быть, горит фабрика на другом конце Каслфорда. Но это не одна из наших фабрик, и дождь наверняка погасит пламя. А если нет, ветер дует не в нашу сторону.

В переплетной де Хэвиленда окна, как и у нас, черны от копоти. Где-то там Эмметт Фармер дышит тем же воздухом, вдыхает фабричные выхлопы и запах влажной мостовой.

Сколько людей во всем мире отдали свои воспоминания? Сколько жизней хранятся в подвалах и потайных шкафах? Сколько людей в этот самый момент читают обрывки чужой памяти? И сколько ходят по улицам, не подозревая о том, что половины их жизни недостает?

Я расстегиваю верхнюю пуговицу и тяну за воротник; тот впивается мне в шею, но горло сдавливает не тугая рубашка.

Я отворачиваюсь от окна. Мне бы лечь спать, но сон не идет.

Преодолев три лестничных пролета, я поднимаюсь в мансарду. Лестничная площадка наверху ледяная; здесь ничего нет, кроме дверей, ведущих в чердачные комнаты. Дождь барабанит по крыше; пахнет плесенью. Не знаю, зачем я здесь; рука, держащая лампу, дрожит так сильно, что тени скачут по стенам, как блохи.

— Нелл?

Никто не отвечает. Я стучусь в одну дверь, потом в другую.

— Нелл. Нелл!

Скрипят пружины металлической кровати. Нелл открывает дверь. Она так бледна, что кажется позеленевшей.

— Да, сэр? Простите, сэр.

— Можно я войду?

Она моргает. Глаза ее спокойны; влажные, бледно-голубые, такого же оттенка, каким мои сестры любят рисовать небо на акварельных картинках. На ней ночная рубашка, совсем старенькая, с обтрепанным воротом.

— Позволь войти. Я ненадолго.

Она заходит в комнату и торопливо семенит к кровати. Окно не занавешено, и в стекле я вижу свое отражение, кажущееся настоящим, сделанным из плоти и крови. Оглядываюсь и ищу, куда бы поставить лампу, но на спинке стула висит ее форма, а больше лампу ставить некуда, разве что на пол. Комната Нелл тесная, неуютная и напоминает чердак в доме у дяди, где я жил в том году; тот, правда, был просторнее, и из окна открывался вид.

Нелл садится на край кровати и принимается теревить край изношенного одеяла.

— Нелл... — откашлявшись, говорю я.

— Сэр, со мной все в порядке, правда. Простите, что я заболела. — Она смотрит на меня. Ни слова не говорит о том, что уже поздно, что я ее разбудил.

Мое горло сжимается. Я слышу свой голос словно издалека:

— Ты можешь довериться мне, Нелл? Я хочу тебе кое о чем рассказать. Тебе будет трудно в это поверить.

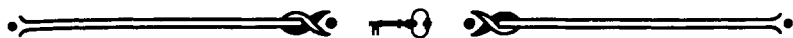
— Конечно, сэр. Слушаю.

— Прошу, доверься мне. Я хочу, чтобы ты собрала вещи, сейчас же. Соберись и будь готова уходить. Я дам тебе денег. Завтра рано утром незаметно уйди из дома.

— С вами, сэр?

— Нет! — Я отвожу взгляд. Оконное стекло дребезжит под порывами ветра. Рама протекает; на подоконнике скапливается вода, и струйка, прозрачная, как стекло, стекает по стене и темной лужицей расплывается на полу. — Нет, я с тобой не пойду. Я найду кого-нибудь, кто приютит тебя на пару дней. Потом можешь ехать домой. Поняла?

— Но сэр... — Она сидит, вцепившись в одеяло. — Обещаю, я больше не заболею!

— Это не наказание, Нелл. Я делаю это ради твоей безопасности. Я хочу тебя защитить. — Я говорю от чистого сердца, но в пустой комнате мои слова звучат столь напыщенно, что по спине бегут мурашки. Глаза мои прикованы к расплзающейся луже воды на полу. Позади с потолка каплет вода. Шифер на крыше глухо дребезжит под порывами ветра. — Прошу, Нелл, доверься мне. Здесь тебе грозит опасность. Рано или поздно с тобой случится что-то плохое, а я этого не хочу.

— Плохое? — Она начинает теребить матрас, вытягивая из прорех в наматраснике нити соломы.

Я делаю вдох. Надо было все продумать, пока я стоял за дверью. Сейчас нужные слова не лезут в голову. Я совсем не знаю, что сказать.

Открывается дверь.

Я не сразу слышу ее скрип; лишь когда Нелл вскакивает, до меня доходит. Она приседает в книксене, ударившись ногой о ножку кровати.

Я не оглядываюсь. Пауза между двумя сердцебиениями длится вечно, как миг после удара кожаным ремнем; тишина перед болью.

— Продолжай, — произносит отец, — скажи ей.

XXI

В трубе гудит ветер. Вода проливается на пол внезапным потоком; потом ветер умолкает, струйка замедляется и останавливается совсем. Комната Нелл вдруг начинает казаться еще более мрачной, зловещей, тесной и незащитной пред холодом зимней ночи.

Отец проходит мимо, и я улавливаю исходящий от него запах мыла и шелка. Сначала мне кажется, что он дотронется до Нелл или даже сядет рядом с ней на смятые простыни. Но он этого не делает. Он встает напротив меня, чтобы видеть нас обоих.

Нелл переводит взгляд с меня на отца. Что бы ни случилось, она знает: отдаваться ей. Я зажмуриваюсь, но ее лицо стоит перед глазами.

— Скажи ей, — повторяет отец. Его голос ласков. В детстве он был так добр ко мне после того, как избивал, что я почти ждал очередную порку. — Не бойся, Люциан. Я не стану тебе мешать. Скажи, что я с ней сделал.

— Я... — Мой голос предательски срывается. Сглатываю слюну и чувствую на языке вкус сажи и алкоголя.

— Прошу вас, мистер Дарне, я ничего не делала... Мистер Люциан попросил впустить его всего на минуту и пробыл здесь совсем недолго, сэр, клянусь!

— Не тревожься, Нелл. Люциан, чем скорее ты расскажешь ей обо всем, тем скорее мы покончим с этим.

Я не знаю, что за игру он затеял. Знаю лишь, что не выйду из нее победителем.

— Нелл, — я заставляю себя посмотреть ей в глаза. Но она кусает нижнюю губу и не хочет встречаться со мной взглядом. Она понимает, что ее присутствие ничего не решает; это наше с отцом дело. — Послушай меня, Нелл. Сегодня к нам приходил переплетчик и сделал книгу из... Из тебя. Тебя переплели. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет, сэр, что вы такое говорите? Я мыла пол, а потом почувствовала слабость, и...

— Ты ничего не помнишь. Это неудивительно. Тебе стерли память.

— Но... — Она осекается. Мне хочется думать, что она верит мне. Она покусывает обветренный уголок рта и начинает ковырять сухую корку. Ее бесцветный взгляд направлен в пол; пальцы тянут за отслоившийся кусочек кожи. Стена позади нее вся в сухих струпьях, как и ее губы; штукатурка растрескалась и отслоилась.

— Теперь ты больше не помнишь, как мой отец... — Он стоит совсем рядом; я чувствую его присутствие.

— Продолжай, Люциан.

Я откашливаюсь.

— Мой отец... — Но договорить не получается. Я словно человек, которого тошнит на пустой желудок: пытаюсь выкашлять слова, но напрасно.

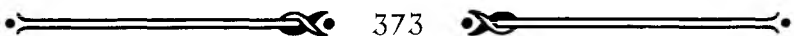
Отец садится рядом с Нелл. Та смотрит на него как на своего спасителя. Он улыбается и отодвигает с ее лица выбившийся локон. Ее губа кровоточит. Капелька крови свисает с нижней губы, как темно-красный лепесток.

— Я взял тебя, Нелл, — произносит он с бесконечной нежностью. — Я приходил сюда каждую ночь и делал с тобой, что хотел. И не только здесь. В летнем доме, в моем кабинете, в комнате Лизетты... Я брал тебя всякими способами. Ты плакала и умоляла меня прекратить. — Он не поворачивает голову, но встречается со мною взглядом. — Нелл, бедняжка моя... Чего я только с тобой не вытворял.

Она молчит.

Она не шевелится.

Глаза ее по-прежнему прикованы к его лицу.

— Ах, Нелл... Ты сердишься на меня? Теперь ты все вспомнила?

Она хмурится.

— Вспомнила о чем?

Кто-то издает звук. Это я. Отец не смотрит на меня, но уголок его губ подергивается.

— Нелл, малышка моя, — продолжает он, — знала бы ты, сколько раз я причинял тебе боль! Сколько раз оставлял тебя лежать в крови. А первый раз — ты конечно же помнишь, как это случилось в первый раз? Рассказать тебе, как это было? Как ты лежала здесь, в этой самой комнате, недвижно, словно думала, что заслужила это и, как я говорил, что ты сама напросилась, а ты кивала, плакала и...

— Прекрати... прошу! — выкрикиваю я, давясь собственными словами.

— Ты же все помнишь, верно, Нелл? Я все тебе рассказал. Нелл? Ты меня слышишь?

Она моргает.

— Простите, сэр.

— Что я только что сказал тебе? Повтори.

Она открывает рот. Капелька крови стекает по подбородку, и она вытирает ее, но на подбородке остается широкая красная полоса. Ее глаза мечутся.

— Простите, сэр, я неважно себя чувствую и плохо слушала, когда вы говорили. Я отвлеклась, я честно пыталась слушать, но...

— Повторяй за мной, Нелл: «Мистер Дарне изнаси...»

— Прекрати! — Наконец мне хватает сил вдохнуть и закричать. Но не слова отца вынуждают меня сделать это, а ее лицо: застывшее, испуганное. Она отчаянно пытается по-

нять. Я опускаюсь перед ней на колени. — Все хорошо, Нелл. Он просто шутит. Не тревожься. Прошу. — Она часто моргает. По щекам бегут слезы. Ранка на губе снова начинает кровоточить. Она разрывается, не зная, кому из нас верить.

— Ну разумеется. — Отец встает. — Я просто шучу. Мы оставим тебя в покое. Выпись хорошенько, а завтра проснешься и снова станешь прежней Нелл. Да, кстати, завтра тебе надо будет отчистить ковер в моем кабинете, иначе я попрошу Кука вычистить его стоимость из твоего жалованья.

Нелл громко всхлипывает.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

— На этом все. Люциан, ступай со мной.

Я встаю, и меня начинает шатать. Раскалывается голова; меня засасывает в воронку боли. Стой прямо, приказываю себе. Не дай бог меня сейчас вывернет наизнанку. Отец подталкивает меня к выходу. Мы спускаемся по лестнице; он так близко, что я чувствую его теплое дыхание на своей шее. У двери моей спальни он мягко постукивает меня по плечу.

— В мой кабинет, Люциан.

Я замираю, положив руку на дверную ручку. Моя ладонь взмокла. В доме очень тихо; ковры и шторы приглушают стук дождя. Кажется, что кроме нас с отцом в мире не осталось ни одной живой души.

Не оглядываясь, я миную коридор и спускаюсь по лестнице. Отцовские шаги вторят моим, словно эхо. В зеркале за папоротниками я вижу свое отражение. В бледном свете газовой лампы меня поражает наше с отцом сходство; когда я буду в его возрасте, то стану его точной копией.

Дверь кабинета приоткрыта. Огонь в очаге погас. Он не собирався возвращаться сюда сегодня; он отправился к Нелл с мыслью задержаться у нее надолго.

Отец закрывает дверь и садится в кресло. Он смотрит на меня из-под полуопущенных век. Я делаю шаг ко второму креслу, но он проводит пальцем в воздухе, словно вытирает пыль со стекла.

— Я не велел тебе садиться.

Я рад слышать эти слова. Рад любому поводу его ненавидеть. Стою, сунув руки в карманы, и заставляю себя улыбнуться, как будто бы притворная наглость может меня спасти.

— Мой милый мальчик, — произносит он наконец, — позволь спросить, чего ты пытался добиться там, наверху? — Он показывает на потолок, как будто имеет в виду «там, на небе».

Улыбка мигом стирается с моего лица. Не знаю, как ему это удастся. И разве не ясно, чего я пытался добиться?

— Я хотел предупредить ее. Нелл. Чтобы случившееся не повторилось.

Он коротко усмехается. Такое же выражение бывает у него, когда Сесилия показывает ему свои рисунки: ему скучно разглядывать их, но он снисходительно терпит.

— Ох уж эти твои нежные чувства. Какое милосердие. Какая забота. Что за мужественный порыв — защитить слабый пол...

— Милосердия у меня побольше твоего будет.

— Ах, Люциан, — вздыхает он. — Когда же ты начнешь понимать причины своих действий? Кто бы мог подумать, что мой сын так упорно не захочет смотреть правде в глаза.

Твой маленький благородный порыв не имел никакого отношения к Нелл.

— Я пытался...

— Нет. — Ему достаточно поднять палец, чтобы я замолк. — Ты пытался разозлить меня. Только и всего. На самом деле ты не лучше меня, а даже хуже, потому что я признаю свою порочность. Ты даже не задумался о том, сколько боли могут причинить бедной девушке твои действия. Ты хотел лишь привлечь мое внимание любой ценой. — Он берет бокал, стоящий рядом на столике, и наклоняет его, любуясь отблесками пламени на хрустальной ножке. К остаткам бренди на дне бокала прилип обрывок пчелиного крыла. — Однако ты предпочитаешь этого не видеть.

Как я ни пытаюсь призвать на помощь серую стену, ничего не происходит. Я в отцовском кабинете. Картины на стенах, мебель, фигурки — их яркие очертания режут глаза. Рвота на ковре растеклась контурами континентов. Географическая карта несуществующего места.

Отец хрустит костяшками и поднимается.

— Давай уж больше не будем говорить об этом. Ты убедился в полной бесполезности разговоров с человеком, чья память записана в книгу, и не станешь больше пытаться заставить Нелл вспомнить. Полагаю, очередное унижение тебе ни к чему.

Он встает ко мне очень близко. Я чуть выше его ростом и смотрю на него сверху вниз. Я киваю.

Он со всей силы бьет меня по лицу.

Я теряю равновесие. В голове — полная ясность, но колени подкашиваются, и я заваливаюсь вбок. Должен был предвидеть, что это случится; должен был подготовиться... Ковер

под ногами кренится и качается, как палуба корабля; миг длится очень долго. Потом я ударяюсь скулой о край стола, но чувствую удар секундой позже, когда уже стою на четвереньках, — как раскат грома, следующий за вспышкой молнии. В глазах кружатся блестящие черные снежинки. Я не могу вздохнуть и толком ничего не вижу. Я чувствую себя дураком.

— Люциан? Сынок, поднимайся. Незачем ползать у меня в ногах. Глупое дитя. — Он проводит чем-то мокрым по моей шее и уху. Я вижу окровавленный носовой платок. Заглядываю в лицо отца: тот подтягивает меня, и я сажусь, прислонившись спиной к ножке стола. — Ты слишком много пьешь, Люциан. Возьми себя в руки. Негоже так падать, когда тебя легонько по щеке хлопнули. Сядь-ка смирно, дай посмотреть. Ну вот. Хороший мальчик.

— Прости меня, — несмотря ни на что, мне хочется, чтобы он любил меня.

— Крови много, но рана несерьезная. Тебе уже лучше? Вот и славно. — Скомкав носовой платок, он бросает его на пол. Платок лежит на ковре, белый в темных пятнах, с окровавленной отцовской монограммой. Отец встает, покряхтивая и скрипнув коленями, и протягивает мне руку. Я слишком устал и не в силах ему отказать. И на мгновение я забываю обо всем, кроме теплой, твердой отцовской руки, что помогает мне подняться. — Иди спать, сын.

Я подхожу к двери. Голова раскалывается. Дверь поддается с трудом.

Скрипят пружины кресла: отец снова сел.

— Когда ты в следующий раз встречаешься с мисс Ормонд?

— Во вторник на той неделе у нас чаепитие.

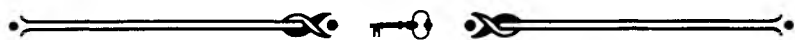

— Тогда зайди на кухню, прежде чем ложиться спать, и приложи к синяку бифштекс. — Он усмехается. — Если она увидит тебя с фингалом, чего доброго, решит, что ты буян, и отменит свадьбу.

Проходит пять дней; я работаю в Голубой гостиной. Точнее, делаю вид, что работаю: передо мной лежит бухгалтерский гроссбух и горы счетов и писем; ими завален весь стол, но мне трудно сосредоточиться. Отец в кои-то веки поручил мне важное дело — обычно мне доверяют лишь просматривать списки цен и импортеров. Но недавно один из младших клерков сообщил, что его начальник берет взятки; начальник же в ответ обвинил клерка в растрате. В который раз я перечитываю протоколы обвинений, словно слова в них могут измениться с третьим прочтением. Но внимание мое блуждает, я вот уже я разглядываю обои с рисунком из папоротников. Тень падает на стену, и голубые листья на голубом фоне отливают серебристым и лиловым. За окном пасмурно; комната залита траурным светом. Жужжит механизм напольных часов; они начинают свой замысловатый мелодичный перезвон. Болит голова, но фингал под глазом почти прошел, и на том спасибо.

К дому приближается карета; я слышу хруст гравия на дорожке. Через мгновение звенит колокольчик. Бетти вприпрыжку спускается по лестнице и пробегает мимо Голубой гостиной. Кто-то вскрикивает; слышится металлический лязг и всплеск воды.

— Глупая корова, что ты тут расселась? Вытирай, — шипит Бетти.

Я вспоминаю, что видел Нелл в коридоре — та оттирала плитку. Нахмурившись, принимаюсь массировать виски; чернильные строчки на бумаге расплываются перед глазами.

Встаю, подхожу к окну и узнаю карету де Хэвиленда. На боковой дверце красуется его искусный герб — книга в яркой пурпурно-золотой обложке, а слева и справа от нее — львы с выпущенными когтями. К краске прилип одинокий бурый лист. Колеса кареты позолочены, но я слышал, что подвеска у нее совсем плоха и в окрестности Каслфорда де Хэвиленд ездит на кэбе или почтовой повозке. Отец как-то восторгался этой каретой; помню, он назвал ее «достойным атрибутом».

Де Хэвиленд. Небось приехал вручить нам счет.

Постукивая ногтем по оконному стеклу, я невидящим взглядом смотрю на голые деревья. Мрачное небо висит над городом; предгрозовые облака смешиваются с клубами дыма. Отворяется входная дверь; я слышу голос Бетти и чьи-то шаги в коридоре. Гость направляется в отцовский кабинет; я прислушиваюсь, но Нелл никто не зовет. Лязгает ведро, и она снова принимается оттирать пол.

Прислоняюсь к стене и стараюсь не подслушивать. Над камином висит картина с изображением речных нимф, увитых гирляндами из лотосов и лилий. Светлокожие, зеленоглазые, они манят меня. Эта картина завораживала меня, пока я не обнаружил, что не бывает людей с такой совершенной белой кожей, как не бывает таких красивых юношей, как Бахус с картины на лестнице, которого живописец изобразил, искусно передав игру света и тени. Бывало, я закрывал глаза по ночам и представлял его губы, торс, изображенный в тени, влажно поблескивающие гроздья винограда. Теперь я понимаю, что обманывался, и мне ненавистно об этом ду-

мать. После того как решилось дело о моей помолвке, отец предложил перевесить картину в мою спальню в качестве свадебного подарка. Его глаза при этом недобро блеснули. Он знал — конечно же знал, от моего отца ничего не укроется; знал и о мальчиках из школы, и о городских проститутках. От подарка я отказался. Моя брачная ночь не станет для меня сюрпризом, не будет окутана тайной: жаркое, торопливое желание, пара минут учащенного дыхания и фрикций. Мне под силу изобразить такое даже ради Онорины Ормонд. Чего мне совсем не хочется, так это чтобы со стены на меня взирали нарисованные глаза Бахуса, его прекрасная гладкая грудь, плечи и живот, обманчиво сулящие нечто большее, чем похоть. Нимфы с гладкой младенческой кожей безмятежно смотрят на меня со стены. Я отворачиваюсь от них и возвращаюсь к столу.

Сажусь и заставляю себя прочесть хотя бы одно предложение из письма клерка. Кучер де Хэвиленда слезает с козел и закуривает сигарету. Дым струится меж ветвей, разматываясь, как бинт. Встаю, выхожу в коридор и направляюсь к отцовскому кабинету. Нелл домывает пол и сидит на корточках у самой дальней двери; влажная черно-белая плитка сверкает чистотой. Увидев меня, она колеблется: наверное, раздумывает, стоит ли ей подняться и сделать книксен. Я киваю в знак приветствия. Она склоняет голову и продолжает уборку.

Год назад я бы с презрением отнесся к любому, кто подслушивает под дверь; сейчас же сам стою у двери и стараюсь дышать как можно тише. Сердце колотится, как набат. Но дверь слишком толстая; голоса, раздающиеся по другую сторону, звучат приглушенно. Я отчетливо слышу лишь плеск швабры Нелл, окунаемой в ведро.

— Простите, сэр. — Я оборачиваюсь. Бетти несет на подносе чайный сервиз из розовой майолики. Она обходит меня стороной и открывает дверь. Пытаюсь спрятаться, но не успеваю. Отец стоит за столом и что-то разглядывает. Заходит Бетти; он поднимает голову и видит меня.

— А, Люциан. — Он словно ждал меня. — Заходи. Де Хэвиленд, полагаю, вы знакомы с моим сыном?

— Да, безусловно. — Де Хэвиленд вскакивает и пожимает мне руку. Ладонь у него гладкая, как мыло. — Юный господин Дарне.

Отец показывает на стул, и я сажусь. Кровь приливает к щекам, и полузаживший синяк под глазом болезненно пульсирует. Бетти расставляет чашки и блюдца на маленьком столике у камина. Она принесла только две чашки, но никто не просит ее сходить за третьей. Мы молча ждем, когда она закончит. Среди фарфоровых спаниелей на каминной полке стоит серебряная ваза с тепличными розами. Крупные, пышные темно-красные бутоны отливают пурпуром.

Бетти удаляется. Отец подходит к столику, наливает себе чай, а вторую чашку не трогает. Он возвращается на прежнее место и продолжает изучать книгу — небольшой томик в простом полотняном переплете голубого цвета.

— Хелен, — читает он надпись на корешке, — надо же, никогда бы не подумал... Мисс Хелен. Как благородно звучит.

— Прошу прощения, мистер Дарне. Мой подмастерье отдал распоряжения без моего ведома. Но если пожелаете, я попрошу рабочих переделать надпись...

— Нет, нет. Мне даже нравится. Взгляни-ка, Люциан. — Он показывает мне книгу с переливающейся серебром над-

писью на корешке. — Мисс Хелен Тейлор. Можно подумать, наша Нелл — важная персона, хотя такой совсем не является.

Я наклоняюсь и наливаю чай во вторую чашку. Де Хэвиленд шевелится в кресле, будто ждет, что я предложу чай ему. Я ловлю его взгляд и делаю глоток. Чай черный и горький.

— Должен похвалить вас, де Хэвиленд, — продолжает отец. — Текст весьма... изящен. Совсем не похож на ваши обычные поделки. Язык куда менее тяжеловесный. Однажды я попрошу вас посвятить меня в тайны переплетного дела и объяснить, почему работы разных переплетчиков так отличаются друг от друга.

Де Хэвиленд бескровно улыбается, но ничего не отвечает.

— Кажется, ваш подмастерье весьма талантлив. Жаль, что он слег.

— Еще раз приношу извинения, мистер Дарне. Он поступил в мою мастерскую после смерти своего первого учителя. С тех пор не прошло и двух недель. Если бы я догадывался о том, как он слаб...

— Нет, нет. — Отец отмахивается от его извинений, как от мухи. Потом подходит ко мне и протягивает книгу. — Что скажешь, Люциан? Люциан тоже ценитель книг, в некотором роде, — добавляет он, обращаясь к де Хэвиленду. — Или станет им, как только наберется опыта.

Я сглатываю слюну и беру книгу у него из рук. Она оказывается очень легкой, и я чуть не роняю ее. Открыв на случайной странице, потираю бумагу между большим и указательным пальцем. Мой взгляд падает на бутоны цвета свернувшейся крови в серебряной вазе.

— Очень мило, — говорю я.

— Двадцать гиней, верно? — Отец выписывает чек и вручает его де Хэвиленду; тот опускает чек в карман тонкими женственными пальцами.

— Благодарю вас, мистер Дарне. И снова позвольте принести искренние извинения; мой подмастерье больше никогда...

— Как он себя чувствует? — спрашиваю я.

Они оба поворачиваются ко мне. Отец поднимает бровь. Я осторожно ставлю чашку на кофейный столик. Звякает блюдце. Мне хочется встать, но вместо этого я кладу ногу на ногу и откидываюсь в кресле. Склонив голову набок, я спрашиваю де Хэвиленда:

— Ваш подмастерье. Он поправился?

— Прошу, поверьте, я места себе не нахожу, — он выхватывает чековую книжку. — Если вывести пятна с ковра окажется невозможно...

— Забудьте о пятнах, — прерываю я. — Как ваш подмастерье?

— По правде говоря, знай я о нем чуть больше...

— Меня тревожит состояние его здоровья, де Хэвиленд, а не степень вашего знакомства с ним.

Воцаряется недолгое молчание. Отец потягивает чай. Он опускает чашку, и я замечаю смутную улыбку на его губах.

— О. Само собой, — отвечает де Хэвиленд. — По всей видимости, то был приступ лихорадки. Болезнь не заразная, клянусь, но несколько дней юноша пролежал в бреду. Врач выписал мне счет на шесть шиллингов, два пенса и полпенни, можете себе представить? Надо сказать, теперь я не знаю, как с ним быть. Скорее всего, найду ему применение в мастерской. Но вы так добры, что справились о нем, юный господин Дарне.

— Еще как добр, — произносит отец. — Люциан находился рядом, когда у вашего помощника случился приступ. Он был очень расстроен.

— Представляю.

Де Хэвиленд помнит точную сумму счета, выставленного врачом, но ни разу не назвал Эмметта Фармера по имени. Я откладываю в сторону книгу Нелл, подхожу к камину и поглаживаю розовый бутон. Лепестки мягкие, как шелк; я даже не чувствую, где кончается воздух и начинается цветок.

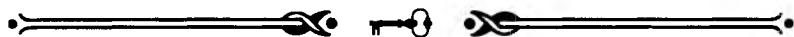
— Надеюсь, эээ... ваше лицо... — де Хэвиленд косится на отца и внезапно замолкает. Нашупав в кармане носовой платок, он достает его и вежливо откашливается.

— Нет, — отвечаю я, — это несчастный случай. Ударился пару дней назад.

— Слава богу. Представьте мой ужас, если бы... Простите, юный господин, надеюсь, я не перешел черту, упомянув о случившемся.

— Вовсе нет, — подхватывает отец. Он подходит к камину, наклоняется и нюхает розы. — Люциан и впрямь выглядит так, будто подрался в кабаке. Но он сам виноват. — Он потирает мой висок большим пальцем, словно синяк — чернильное пятно. — Не берите в голову, де Хэвиленд. В молодости все слишком много пьют. Это жизненный факт. Согласны? Особенно накануне свадьбы, до которой Люциану осталось всего дней десять.

— Безусловно, безусловно. Позвольте вас поздравить, — де Хэвиленд учтиво кивает вместо поклона. — И раз уж зашла речь о свадьбе... — Порывшись в кармане, он протягивает мне свою визитную карточку. На плотной кремовой бумаге вытиснены венки и монограмма: прописная «Д»

и строчная «Х». На обороте значится: *Де Хэвиленд, Ч.П.П., Элдерни-стрит, 12, Каслфорд*. Я был на Элдерни-стрит: там, в одном из импозантных особняков с неприметной латунной табличкой, находится бордель. — Если вам понадобятся мои услуги, юный господин Дарне...

— Мне?

— Вы даже не представляете, как полезен может быть визит к переплетчику накануне свадьбы и сколько молодых пар приходят ко мне с просьбой переплести их. Естественно, по отдельности, — он улыбается и наклоняет голову. — Это решает многие проблемы, знаете ли. Особенно для молодых людей, которые хотели бы начать все с чистого листа. После свадьбы мелкие грешки могут стать весьма обременительными. Гораздо спокойнее начать новую жизнь без сожалений и тайн.

Я смотрю на отца. Тот достал одну розу из вазы и вертит ее в пальцах. Встретившись со мной взглядом, он улыбается.

— Нет, благодарю, — отвечаю я.

— Наше хранилище самое безопасное в Каслфорде. Оно находится в банке «Лайон и сыновья». И расценки на хранение весьма невысоки. — Де Хэвиленд переводит взгляд с меня на отца. — Среди моих клиентов много известнейших людей. Их книги никогда не увидят свет Божий. Естественно, личные переплеты хранятся отдельно от книг на продажу.

— Не сомневаюсь, — кивает отец. Он срывает лепесток у розы, которую держит в руках; тот падает на ковер и лежит там, как маленькая открытая рана. — Ведь продажа личного переплета при жизни переплетенного человека незаконна. Любезный мой де Хэвиленд, я ни капли не сомневаюсь, что никто из присутствующих в этом кабинете не стал бы нару-

шать закон, — он делает едва заметный угрожающий акцент на слове «никто».

— Безусловно, но, бывает, возникают спорные случаи.

— Нет, — повторяю я, — но благодарю за предложение.

Де Хэвиленд осекается и кивает.

— Случись вам передумать, мой адрес у вас есть. А, может стать, мисс Ормонд захочет ко мне навеститься? Это будет большой честью для меня. — Он наклоняется ко мне поближе и, понизив голос, произносит: — Я мог бы устроить так, чтобы вы смогли прочесть ее книгу. Это еще одно преимущество работы со мной. Хотя обычно я такое никому не предлагаю.

Я отворачиваюсь. В комнате тихо; лишь огонь бормочет в камине да отец, расчлняя розу, тихо обрывает лепестки.

— Что ж, тогда мне, пожалуй, пора, — расшаркивается де Хэвиленд. — Миссис фон дер Аэ ждет меня к обеду. Благодарю, что уделили время, мистер Дарне. А вы, юноша, если передумаете, — он поворачивается ко мне, — я целиком в вашем распоряжении. Доброго дня.

— Доброго дня, — отвечает отец.

Дверь за де Хэвилендом захлопывается. Во рту у меня пересохло, на языке кислый привкус. Я делаю шаг к комоду, где стоят графины с бренди.

— Не сейчас, Люциан.

Я останавливаюсь на полпути и кладу руки в карманы. Уголок визитной карточки де Хэвиленда впивается в ямку у основания большого пальца.

— Если это все, — говорю я, — мне пора возвращаться к работе.

— Правда? — с легкой насмешкой произносит отец и смотрит на меня, как на малого ребенка. От ошипанной

розы остался лишь голый стебель; он кидает его в камин. — Ах, старина де Хэвиленд. Как можно быть таким бестолковым? Переплетчик, которому нельзя доверять, вмиг теряет свою ценность. — Отец подходит к окну. Карета де Хэвиленда тяжело тарыхтит по гравию. — Одно дело переплеты на продажу — лицензия у де Хэвиленда наверняка имеется. Или сделать переплет и забыть поставить штамп разок-другой — никто проверять не станет. Если твои книги покупает сам лорд Лэтворти... — Отец рассеянно постукивает по оконному стеклу. Птица за окном вздрагивает и взлетает, хлопнув крыльями. — Но я никогда не слышал, чтобы он предлагал показать кому-то *настоящий* переплет при живом переплетенном человеке. Если он предложил это мне...

— А книга Нелл? Разве это не настоящий переплет?

— Не будь дураком, сын. Я имею в виду переплет благородных клиентов. Таких людей, как мы.

— Людей значительных?

— Именно. — Он смотрит на меня с улыбкой. — Что ждет врача, если тот начнет торговать тайнами своих пациентов?

Вопрос повисает в воздухе, и вскоре я понимаю, что отвечать на него он не собирается. Он смотрит вслед карете, пока та не исчезает за воротами и створка с кованой монограммой «Д», лязгнув, не закрывается. Отец зевает, берет книгу Нелл и пролистывает ее. Мне хочется уйти, но что-то мешает пошевелиться. Я стою и наблюдаю за ним.

Он переворачивает страницу. Из книги что-то выскальзывает и падает на пол.

Это тонкий дешевый конверт с надписью побуревшими чернилами. *Мистеру Люциану Дарне*. Почерк аккуратный,

•═══════════✧═══════════
без помарок, как у старательного школьника. Мы с отцом замечаем конверт одновременно; проходит доля секунды.

Я бросаюсь вперед. Но он успевает первым. Выдернув тонкий конверт у меня из рук, он изучает его, подняв брови.

— Ты только глянь — таинственные любовные записки, переданные через переплетчика! Бедняжка мисс Ормонд будет недовольна.

Я выпрямляюсь. В ушах пульсирует кровь. Книга Нелл написана тем же почерком. Но что может сообщить мне Эмметт Фармер?

— Не имею ни малейшего понятия, что это.

— Тогда ты не будешь возражать, если я оставляю письмо себе.

— Но оно мое, — говорю я.

Он постукивает конвертом о ноготь большого пальца. От этого стука у меня сводит зубы.

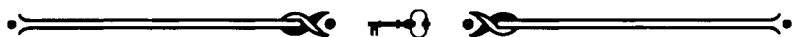
— Да успокойся ты, Люциан, — наконец произносит он, — мне просто любопытно.

— Отдай его мне. Прошу.

Он улыбается и вертит в руках письмо, держа его на расстоянии вытянутой руки.

— Коль скоро ты не можешь удержаться, чтобы не распространять свое семя, мой мальчик — а ты, видимо, не можешь, ведь ты мой сын, в конце концов, — постарайся хотя бы держать свои проделки под контролем. Стоит один раз потерять голову, и... видишь ли, организовать переплет — дело довольно хлопотное. И недешевое.

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не потянуться за письмом. Сделав глубокий вдох, отвечаю:

— Я бы ни за что не стер себе память. Я не настолько труслив и бесчестен.

— Ты не понял, сынок, — он наклоняет голову и смотрит на меня с насмешливой полуулыбкой. — Я и не имел в виду, что к переплетчику должен идти *ты*. Но твоя точка зрения весьма любопытна. Я-то думал, ты презираешь меня, а не Нелл.

— У Нелл не было выбора. Однако любой, кто по собственному желанию... — Я вдруг замолкаю.

— Да?

В горле застревает комок. Стоит посмотреть под ноги, и я увижу пятна на ковре, оставленные Эмметтом Фармером, и камин, где горели его воспоминания. Я вижу, как он давится и хватается за воздух; вижу его мокрое от слез лицо.

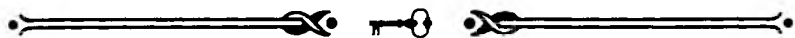
— Я бы ни за что не дал стереть себе память, вот что я хочу сказать.

— Что ж, — отвечает отец, — надеюсь, ничто не омрачит твое высокое мнение о себе. — Он вертит письмо в руке, как фокусник — игральную карту. В любой момент он может заставить его исчезнуть: сунет в рукав, и письма как будто бы и не было.

— Отец, — говорю я, — прошу, отдай мне... — Я вытягиваю ладонь, как нищий, хотя мне ненавистно о чем-либо его просить.

Он поддевает клапан и начинает разрывать конверт. Кажется, он собирается прочесть письмо вслух в моем присутствии.

Сердце описывает кульбит. Перед глазами ясно встает картина: Фармер до того, как его книга сгорела, — красивый, немного нескладный, с падающей на лицо челкой. Ру-

башка ему мала, и он не застегнул верхнюю пуговицу. Когда я назвал его слугой, он посмотрел на меня так, будто хотел ударить.

Я выхватываю письмо из рук отца. Тот не успевает отреагировать; я подхожу к камину, отодвигаю решетку и бросаю конверт в огонь. Тот вспыхивает белым пламенем и вмиг покрывается дырочками с золотистыми краями; края расползаются, бумага прогорает, съезживается, и от нее остается лишь серый полупрозрачный лоскут. В душе моей теплится и пляшет искорка торжества. Наконец я одержал над ним верх. Затем в уши бьет тишина, и мне становится дурно. Я за это поплачусь. Он заставит меня заплатить.

Отец щурится, но потом просто проходит мимо, берет кочергу и размешивает угли. Сноп искр взлетает вверх.

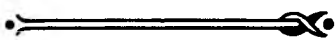
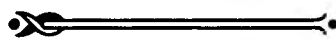
— Какой безрассудный поступок, — произносит он наконец. — Полагаю, автор письма будет недоволен.

Едва ли он простил меня. Он накажет меня позже, когда я уже думать забуду о случившемся.

— Пожалуй, я вернусь к работе.

— Раз ты настаиваешь. — Он театральным жестом показывает на дверь, словно я не знаю, где выход.

По пути к выходу я бросаю взгляд на камин. От письма не осталось ни следа. Что бы ни хотел сообщить мне Эмметт Фармер, теперь я об этом не узнаю. Быть может, он хотел извиниться за то, что испортил ковер? Или за то, что смотрел на меня с жалостью? Что еще могло быть в том письме, помимо извинений? И почему я чувствую себя так, будто меня заперли в серой каменной клетке, ключ от которой только что сгорел?

XXII

Мы пьем чай в гостиной. Нас всего пятеро, но комната кажется невыносимо тесной. От вида желтых стен у меня разболелась голова, воздух пропитался тяжелым запахом маминой туалетной воды и помады, которой Сесилия с Лизеттой укладывают прически. Мне дурно даже от запахов чая и лимона. Стараюсь не дышать глубоко. Потрескивает пламя в очаге, но в комнате холодно. Слева от меня так жарко, что я покрылся липким потом, а справа — зябко. Мисс Ормонд сидит напротив, чинно скрестив лодыжки и склонив голову. Она терпеливо слушает мамину болтовню, но то и дело косится на меня. Руки в перчатках что-то теребят. Я замечаю под перчаткой выпуклость на среднем пальце: обручальное кольцо. Она видит, что я смотрю на нее, и прекращает теребить кольцо. Я стараюсь не встречаться с ней взглядом. В саду выпал тонкий слой снега: как будто клочки папиросной бумаги разбросали по лужайке и те промокли и лежат, размякшие и забытые, а тут и там из-под них проглядывают клочки пожухлой травы. Садовник оставил на траве темные грязные следы.

Мать разглаживает юбки из фиолетового муара, и ее перстни поблескивают в бледном дневном свете. Улыбнувшись, она передает мисс Ормонд блюдо с печеньем. Мисс Ормонд передает его Сесилии. Мать тихонько покашливает. Сесилия, зардевшись, протягивает блюдо мне, отказываясь от угощения. Ее корсет скрипит, когда она опускает руку, и она испуганно оглядывается, надеясь, что никто не слышал.

Лизетта тянется и берет печенье, потом, бросив взгляд на Сесилию, хватает еще одно. Она подходит к пианино и наигрывает мелодию одной рукой.

— Значит, лилии, — обращается мать к мисс Ормонд. — Вы уверены, дорогая? Букет должен быть к лицу невесте.

— Да, мисс Ормонд, — вступает Сесилия, — лилии такие мрачные! И запах у них слишком тяжелый. А почему вы не хотите фрезии? Вы будете просто очаровательны с букетом фрезий! — Она опрокидывает сахарницу. — Ах! Какая я неуклюжая!

Лизетта берет одну и ту же ноту дважды и останавливается.

— Соглашусь с Сесилией. У лилий слишком длинные стебли.

— Согласна, что использовать слишком высокие цветы не стоит, — кивает мама. Они вдруг все разом поворачиваются к мисс Ормонд. — Я обожаю лилии, видели бы вы, сколько их у меня в оранжерее, но высокой и худощавой невесте... Безусловно, вам больше подойдут розы.

Мисс Ормонд покорно склоняет голову.

— Конечно, миссис Дарне, как посчитаете нужным. Я-то уже свыклась с мыслью, что буду выглядеть как пугало на шесте. Я всегда так выгляжу.

Воцаряется молчание. Кажется, от меня ждут слов утешения в адрес мисс Ормонд. Я смотрю в окно: по лужайке с бурой травой прыгает птичка.

— Не говорите глупости, — отмахивается мать. — Вы будете прекрасны, как и полагается такой красивой юной невесте. Розы — нет, Сесилия, не фрезии, а розы! Но гораздо больше меня беспокоит декор вашей гостиной. Поскольку теперь она будет принадлежать вам с Люцианом, ведь вы станете жить под нашей крышей, мне тошно думать о том, что вам придется день ото дня смотреть на эти унылые серо-зеленые стены. Быть может, окрасить их в более жизнерадостный

цвет? — Она бросает многозначительный взгляд на солнечно-желтые стены гостиной, где мы сидим. Мой отец называет этот цвет «канареечным». — Что скажешь, Люциан?

— Как пожелаешь.

— Благодарю, дорогой. Видите, какой он уступчивый, мисс Ормонд? Вы же не против окраски стен?

— Нет, я... ведь это ваш дом, я не посмела бы...

— Значит, решено. Люциан, дорогой, а ведь эти разговоры совершенно не для твоих ушей! Не мужское это дело.

Лизетта наигрывает высокую переливчатую трель.

— Ты что, не знаешь Люциана, мама? Мужские дела его никогда не интересовали.

— Не надо так. — Мать протягивает руку и похлопывает мисс Ормонд по колену. — Не слушайте ее. В школе Люциан побеждал во всех спортивных состязаниях. Верховая езда, фехтование...

Лизетта закатывает глаза.

— А еще в поэтических и танцевальных конкурсах.

— Мужчины тоже могут в них участвовать! Джентльмен, умеющий танцевать вальс, — большая редкость.

Я встаю.

— Мы уже обручены, мама. Нет нужды меня расхваливать.

Мама смеется, хоть и после короткой заминки. Затем наклоняется к столику и подливает мисс Ормонд чаю.

— Простите его, моя милая. Он всегда отличался скромностью. А теперь, прошу, расскажите про свой дорожный костюм. В лавке Гэлланта я видела прелестнейший палантин из шиншиллы. С вашим оттенком кожи...

Я подхожу к окну и смотрю на островки белого снега. В стекле отражается гостиная; кажется, будто призраки ма-

тери и мисс Ормонд сидят под деревьями в саду. Мисс Ормонд потирает лоб тыльной стороной запястья.

— ...очаровательны, — доносится до меня обрывок маминой фразы, — но летом их порой высыпает слишком много, согласитесь? Наша повариха готовит прекрасный лосьон с лимонным соком и пахтой, вам бы его попробовать. Никто не хочет выглядеть так, словно на него пролили ведро коричневой краски!

Мисс Ормонд встает. Мать замолкает. Лизетта играет долгое арпеджио и держит педаль; эхо четырех нот звенит в воздухе. Сесилия прячет под блюдце недоеденное печенье.

— Прошу меня простить, — выдыхает мисс Ормонд, — мне что-то нехорошо.

— Сядьте, дорогая. На ногах вам лучше не станет.

— Я лучше выйду на улицу. Здесь очень жарко. — Она смотрит на меня в упор. — Люциан, не мог бы ты показать мне сад?

— Конечно. С вашего позволения, мама. — Я протягиваю руку. Мисс Ормонд шагает мне навстречу. Мы с ней почти одного роста. Я беру ее под руку и веду по коридору. Мы выходим в сад через заднюю дверь. В гостиной Лизетта играет первые ноты свадебного марша.

На улице холодно. Паутина голых веток вырисовывается на фоне белого неба. Мисс Ормонд откидывает голову и смотрит на небо, часто моргая. Затем, не глядя на меня, ступает на одну из тропинок и идет вперед. Я шагаю за ней. Подошвы ботинок скользят по мокрым от снега камням. Я нагоняю ее в круге из стриженных тисов; она стоит и смотрит на статую Купидона со снежной шапочкой на голове. Протянув руку в перчатке, касается его золоченой стрелы.

— Прости, — произносит она.

— Пустяки.

— Твоя мать...

— Я знаю.

Она поворачивается и смотрит мне в глаза. Хмурое выражение на ее лице сменяется чем-то другим.

— Ты ведь не хочешь на мне жениться?

Вокруг так тихо, что пар, вырывающийся из ее рта, принимает форму произнесенных ею слов.

— На другой я тоже жениться не хочу, — отвечаю я.

Она коротко и звонко смеется. Ее смех похож на птичью трель. Но через миг она снова серьезна. Сорвав листик с куста, выпускает его из рук, и тот падает на землю. Она поворачивается и ступает прочь по узкому коридору меж тисовых изгородей, ведущему к границе сада. Дойдя до запертой деревянной калитки, дергает за ручку.

— А там что?

— Река. — За забором журчит шумный поток.

Ключ спрятан под вазой с орнаментом. Я достаю его, и холодный металл жалит пальцы. Торопливо вставив ключ в замок, я поворачиваю его, открываю калитку и подзываю мисс Ормонд. Мы стоим на илистом берегу, заросшем клочковатой травой; река закручивается водоворотом у корней деревьев и откалывает от заиндеветшего берега кусочки льда.

Выдохнув облачко пара, я смотрю, как оно растворяется в воздухе.

— А ты хочешь выйти за меня?

— Больше, чем за кого-либо еще. — Она искоса смотрит на меня.

— Что ж... хорошо.

Она шагает по высокой траве. Снег липнет к подолу ее платья. Сучковатая ива дрожит под натиском речного потока. Мисс Ормонд поворачивается ко мне лицом. Ее щеки и нос порозовели от мороза.

— Ты не любишь меня. Но я не возражаю.

— Я никогда...

— Я не возражаю. Но ты должен пообещать... что будешь добр ко мне.

— Разумеется.

Она прищуривается и подходит ближе. Я машинально отступаю назад, но мисс Ормонд хватает меня за руку, внезапно разгорячившись.

— Моя сестра вышла замуж три года назад. До замужества она была художницей, писала картины и собиралась... Неважно. Сейчас она никто. Ее супруг... Мать говорит, он очень заботлив — оплачивает ей джин, настойку опия и приглашает к ней переплетчика. — Я отшатываюсь и выдергиваю руку. — Переплетчик приходит к ним раз в месяц, — продолжает она. — Ты, верно, слышал о них. Они делают книги из человеческих воспоминаний.

— Я знаю, что такое переплет.

— Не хочу, чтобы со мной случилось то же, что с ней. Прощу, Люциан. Я видела, что ваша братия делает с теми, кто не похож на остальных. С теми, кто кажется досадной помехой. Пообещай мне...

— Я же сказал — *разумеется*.

Она моргает и отворачивается. Ветер шепчет в кронах деревьев и гонит мимо редкие снежинки. Ступая по высокой траве, она идет обратно к калитке. — Как холодно, правда? Хотелось бы мне знать, начнется ли снова снегопад.

Я откашливаюсь. Ледяной воздух обжигает легкие.

— Мисс Ормонд... Онорина... — Я впервые называю ее по имени.

— Пойдем лучше в дом. Иначе твоя мать сочтет меня грубиянкой.

Она открывает калитку и идет по тропинке впереди меня, придерживая юбки, хотя те уже насквозь промокли по подолу. Ее блестящие волосы цвета полированного дерева закручены в замысловатый узел. Шея у нее белая, тонкая и вся в маленьких родинках. Спина узкая, прямая. Она идет, не оглядываясь.

Я спешу за ней. Мы выходим на лужайку, и на пороге появляется Бетти; она делает торопливый книксен.

— Мистер Люциан?

— Да?

Онорина останавливается и ждет, пока Бетти освободит ей проход.

— К вам джентльмен с визитом.

— Он передал вам свою карточку?

— Нет. — Она колеблется. — Сказал, что вы его ждете.

— Если это портной из лавки Эсперанда, передайте, что серый меня устраивает.

— Это переплетчик, сэр. Тот, что приходил к Нелл.

Онорина поворачивается и смотрит на меня через плечо долгим оценивающим взглядом. Затем проходит мимо Бетти и скрывается в доме.

— Должно быть, он пришел к отцу, — замечаю я.

— Нет же, сэр. Он уточнил, что хочет видеть мистера Люциана Дарне. Сказать ему, что вас нет?

В глубине дома хлопает дверь. В окне гостиной я вижу Онорину; та садится и аккуратно расправляет намокшие

юбки. Мать жестикулирует и улыбается. Наверняка опять говорит о нарядах. Лицо Онорины застыло и ничего не выражает. В окно она не смотрит.

— Нет, Бетти, спасибо. Пойду узнаю, что ему нужно.

— Он в Голубой гостиной, сэр. — Служанка отходит в сторону.

Лишь на полпути к гостиной я понимаю, как сильно бьется мое сердце. Остановившись перед зеркалом, смотрю на свое отражение поверх папоротниковых зарослей. Я вижу свое лицо, оправляю воротник и приглаживаю волосы. Но взгляд остается напряженным и встревоженным, и сколько бы я ни моргал, мне не удается от него избавиться.

В Голубой гостиной Эмметт Фармер разглядывает картину с речными нимфами. На нем плотные мешковатые штаны и коричневая рубаша без ворота. Волосы растрепаны, а не прилизаны, как в прошлый раз; он небрит. Услышав звук открываемой двери, он оборачивается; лицо его бледно, как у речных нимф. Под глазами круги.

— Мистер Фармер. — Он не отвечает. Я поднимаю брови. — Чем могу служить?

— Люциан... Дарне, — произносит он, запинаясь и сглатывает слюну.

— Да. Что тебе нужно?

— Я хотел увидеться. — Он путается в словах. — То есть...

Напольные часы предостерегающе жужжат перед боем. Фармер вздрагивает и оглядывается. Гулкий перезвон оглашает комнату. Когда стихает последняя нота, я подхожу к окну и смотрю на присыпанную снегом лужайку. Тучи нависли над городом; смеркается.

— С чем бы ты ни пришел, попрошу меня не задерживать. Я жду портного.

— Портного? — Поговору трудно определить, откуда он родом, но явно не из Каслфорда, а из провинции. Точно так говорит дядина повариха.

— Да, портного. Через неделю у меня свадьба, а костюм еще не готов. — Не знаю, зачем я ему это рассказываю. Скрестив руки на груди, я жду, решив больше ничего не говорить. Но он молчит. Вытягивает руку и хватается за каминную полку, будто пол под ним проваливается. — Если ты пришел в связи с письмом, которое пытался передать мне, я его не прочел.

Он таращится на меня. Кожа под его глазами такая темная, будто ему наставили фингалов. Наконец он спрашивает:

— Но почему?

Я пожимаю плечами.

— Ты женишься? — Его голос срывается, и он откашливается. — Я не знал.

— А почему ты должен знать? — Я выдергиваю из занавески торчащую серебряную нить.

— Мне очень жаль.

— Что?

— Ничего. — Он качает головой и отворачивается, чтобы я не видел его лицо. А когда поворачивается снова, в его глазах слезы. Отвожу взгляд и выдергиваю из занавески еще одну нить; вышитая ткань морщится.

— Зачем ты пришел, Фармер? Мне некогда. — Он не отвечает. — Что-то не так с книгой Нелл?

— Нет. То есть не совсем. Жаль, что ты не прочел мое письмо. Даже не знаю. — Он корчит гримасу.

— Там было что-то важное? В письме?

— Да. — Он вытягивает руку, словно видит что-то, чего не вижу я. Я останавливаюсь на полпути к выходу. Руки у него сильные, мускулистые, с толстыми пальцами; такими руками ножи точить да строить стены. — Я должен тебе кое-что сказать.

— Говори. — Я достаю карманные часы, открываю крышку и проверяю время.

— Когда я был учеником на болотах — еще до того, как стал работать в переплетной де Хэвиленда... — Его голос вдруг начинает звучать странно, словно издалека, неразличимо, будто кто-то зовет меня из-под воды. Но это длится всего секунду; вскоре я снова явственно его слышу. Он молчит и смотрит на меня. — Тебя переплели. Я видел твою книгу.

— Это абсурд.

— Нет. Я говорю правду. Послушай...

Я пытаюсь сунуть часы в карман, но руки не слушаются. Я чуть не роняю часы.

— Ты лжешь. Зачем тебе это? Что за игру ты затеял?

Он делает шаг мне навстречу. Его губы шевелятся, но комната темнеет, вспыхивает и плывет перед глазами. Мерцают серебряные нити на серо-голубых занавесках. Мое дыхание звенит в ушах. Пол уплывает из-под ног, как зыбучие пески. Я успеваю схватиться за спинку стула, но качка не утихает. Как будто бы я пьян.

— Люциан? — Он дотрагивается до моего запястья.

— Убери руки! — отдергиваюсь я.

Он делает глубокий вдох.

— Нет, — произносит он, словно отвечая на чей-то вопрос. — Ты не слышал ни слова из того, что я сказал, верно?

И не смог бы прочитать письмо, даже если бы захотел. Проклятье. Я должен был догадаться.

— Ни слова из чего? — Он начинает говорить, но я обрываю его на полуслове. — Убирайся.

— Что?

— Убирайся. Сейчас же. Иначе я вызову слуг, чтобы вышвырнули тебя вон.

— Но... ты же понимаешь, правда? Где-то лежит книга с твоими воспоминаниями. Я не могу рассказать тебе о том, что ты забыл, но ты должен мне верить.

— С какой стати? Это возмутительно. Нагая ложь!

— Зачем мне тебе лгать? — Он замолкает. В трубе воеет ветер и шуршит бумагами на столе. В нос ударяет острый запах пепла и тут же ускользает.

— Не знаю, — отвечаю я. — Ты так и не ответил, зачем пришел. Хочешь меня шантажировать?

Он смотрит на меня округлившимися глазами и наконец произносит:

— Нет. — Делает резкий выдох. — Я решил... даже не знаю, зачем я пришел.

— Лучше уходи.

Он оглядывается с таким видом, будто что-то потерял, и наконец говорит:

— Что ж, тогда прощай.

— Доброго вечера, Фармер.

У выхода он останавливается и оборачивается.

— Ты ее любишь?

— Что?

— Девушку, на которой собираешься жениться.

•═══════════✧═══════════ 403 ════════════✧═══════════•

Я моргаю. В комнате уже совсем темно; в окно проникают остатки голубоватого света. Фигура Фармера сливается с тенью. Его лицо тоже кажется сплошь состоящим из теней: череп, обтянутый кожей.

Тянусь к колокольчику. Шнур такой холодный, что кажется влажным.

— Еще один бестактный вопрос, и ты пожалеешь, — говорю я.

— Что?

— Не знаю, почему ты возомнил, что можешь приходить и угрожать мне...

— Я не угрожал... это неправда.

— ...но ты сильно рискуешь. Если отец узнает...

Я не договариваю. В этом нет необходимости; он тарашится на меня, и даже в сгущающемся мраке я вижу, что его глаза расширились от ужаса.

Звоню в колокольчик. В глубине дома дребезжит звонок; затем наступает тишина. Фармер кланяется.

— Я ухожу, — говорит он, — не нужно никого звать, чтобы вышвырнуть меня. — Он напряженно машет мне рукой и шагает за порог. — Прости меня, Люциан, — не оборачиваясь, произносит он.

— Если впредь ты станешь досаждать мне или моей семье... — кричу я ему вслед.

Фармер замедляет шаг, и, кажется, я слышу, как он смеется. Шаги надолго затихают, и я уже думаю, что он ушел. Но потом шаги слышатся снова — он идет к парадной двери.

— Поздравляю с женитьбой, — произносит он перед уходом: тихо, но так, чтобы я услышал.

Лилии заполонили коридор. Охапки лилий свисают со стен; букеты стоят на всех столах и столиках. Куда ни глянь, повсюду ворохи жестких зеленых листьев и белых восковых цветов. Они разевают свои звездчатые рты. Осыпается пыльца. Несколько крупинок падают на мою рубашку. Я пытаюсь смахнуть их, и на белоснежном полотне остается широкая темно-желтая полоса.

Слышу шепот и шорох за спиной — звук толпы из двухсот человек, пытающихся не производить шума. Когда толпа разом поворачивается, чтобы взглянуть на меня, хрустит сотня накрахмаленных манишек; скрипят сто корсетов из китового уса.

Я не могу пошевелиться. Обилие цветов гипнотизирует. От тошнотворно-сладкого аромата трудно дышать. Я пытаюсь вдохнуть, но сладость душит меня, словно лицо прижали подушкой. Накатывает паника; я задыхаюсь.

Открываю глаза. Воздух врывается в легкие; я делаю резкий вдох. Лежу на кровати; надо мной темно-серое окно. Предраассветный мрак; я в своей комнате. Свадьба не сегодня, не сейчас. Это просто сон. Предсвадебный мандраж. С кем не бывает.

Я глубоко дышу, и наконец мышцы расслабляются. Сажусь в кровати, вытираю липкий пот со лба и закутываюсь в одеяла. Но стоит закрыть глаза, и все возвращается: бесформенный страх; тошнотворная сладость цветов. Год назад я бы машинально потянулся за «Воспоминаниями Уильяма Лэнгленда». Книга убавокала бы меня, перенесла в край высоких холмов и низин, где белеют под жарким летним солнцем меловые скалы и пахнет тимьяном. Но сейчас книга не поможет. Она утратила былое действие. Теперь, открывая книгу, я думаю лишь

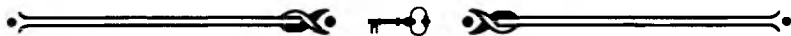

о Лэнгленде и о том, чего ему стоило отдать свои воспоминания. Я думаю о Нелл, об отце и Эмметте Фармере.

Я не верю ни единому его слову. С какой стати мне ему верить? Он пришел к нам в дом, понял, что мы богаты, и решил испытать судьбу. Старый трюк. Он как та гадалка, вцепившаяся в руку матери на ярмарке в День Солнцестояния. «На вас лежит проклятье, мэм! Но я могу его снять!» Не такой я дурак, чтобы попасться на эту удочку. Фармер только выглядит бесхитростным простодушным чудачком; на самом деле он очень умен и хорошо умеет притворяться. А то, что красив... что ж. Значит, мне нужно быть осторожнее; доверять ему нельзя.

Он лжет. Но если допустить, что он говорит правду...

Подтягиваю колени к груди и закрываю глаза. Что такого ужасного могло со мной случиться, чтобы я захотел стереть воспоминания? Если бы я мог стереть свою жизнь сейчас, я бы это сделал. Отцовские грехи... Синяк на лице... Взгляд Онорины: прямой, полный разочарования... Мать, нарочно отводящая глаза, когда в комнату входят служанки... Мое прошлое: постыдная возня с мальчишками из школы и падшими женщинами в городе. Грязный зуд похоти, холодная решимость никогда не проявлять слабость... Шляхи, которых я покидал сразу после того, как все было кончено, не сказав слов благодарности; тот день, когда встретил бывшего школьного старосту в «Белом олене» и притворился, что не узнал его, хотя в последний день семестра мы целовались... С того самого вечера, как я нашел отцовские книги, с той одинокой зимы в дядином доме, разевшей мою душу до основания, я не могу вспомнить ни одного лица, сопровождавшего мои фантазии. Помню лишь фрагменты тел, от-

верстия, непристойности. Я бы с радостью забыл обо всем. Лишь одно воспоминание мне хотелось бы оставить: мысль о том, что, как бы низко я ни пал, я никогда не брал никого силой. Не совершал того же, что отец.

Если, конечно, память мне не изменяет.

Я встаю с постели, надеваю халат и спускаюсь вниз. В доме тихо. Еще очень рано; мои домашние спят. Звуки доносятся лишь из-за двери, ведущей на половину слуг. Иду в Голубую гостиную и разжигаю камин; кто-то уже положил в очаг свежие дрова. Затем звоню в колокольчик, чтобы слуги принесли мне чаю.

Раздвинув шторы, выглядываю на улицу. Снег растаял; моросит дождь. Завеса мелких капель висит над дорожкой, как марля. Серым-серо. Хочется вдыхать эту серость, пока кровь не превратится в воду, а в голове не воцарится пустота.

— Доброе утро, сэр.

Я ждал Бетти, но пришла Нелл. Она выглядит так, как я себя чувствую: глаза покраснели и окружены тенями, словно кошмар притаился у нее за спиной.

Прошу принести чай. Нелл уходит. Подхожу к окну: ткань с серебристым шитьем в том месте, где я выдернул нитку, по-прежнему сморщена. Значит, я все-таки был здесь, и Эмметт Фармер был, и все это мне не приснилось. Я сжимаю зубы. На что я надеялся? Неужто думал, что ничего на самом деле не было?

Подхожу к столу, заваленному письмами и гроссбухами. Открываю и закрываю крышку чернильницы. Вчера после ухода Фармера я вернулся в гостиную, сел рядом с Онориной и как ни в чем не бывало продолжил говорить о свадьбе и гадать, успеет ли Эсперанд вовремя прислать мой костюм.

Я слышал свой голос словно со стороны и дивился ему. Потом, опустив голову, заметил, что держусь за солнечное сплетение, словно зажимаю рану. Если б мне стерли память, разве бы я этого не заметил? В моей голове образовалась бы дыра. Пытаться представить себе такое — все равно что смотреть вверх, стараясь заглянуть себе в голову. Но там ничего нет, только серость. Там серым-серо, как за окном; туман и безмятежность.

— Вам налить чаю, сэр?

Услышав голос Нелл, я вздрагиваю от неожиданности. Чернильница захлопывается, и брызги чернил падают на полы моего халата. Я отодвигаю стул и безуспешно пытаюсь стереть пятна промокашкой.

— Да, Нелл. Спасибо.

Она начинает что-то говорить, но замолкает. Звякает фарфор; Нелл расставляет чайные приборы. Я продолжаю оттирать пятна, хотя в этом нет никакого смысла.

— Мистер Люциан... сэр, — произносит Нелл, закончив расставлять посуду. Она поднимает голову и смотрит на меня. Ее веки покраснели, губы опухли. Она колеблется.

— В чем дело, Нелл? Что-то случилось?

Она возится с чашкой и чуть не сбивает ее со стола, потом застывает, словно в ожидании удара.

— Я хотела поблагодарить вас.

— За что?

— За то, что предупредили меня. — Она делает вдох. — Вы пытались помочь.

— Ерунда. — Я не хотел показаться грубым, но именно так и вышло. Нелл вся съеживается от моих слов. — То есть... Ладно, забудь. Ступай.

Она опускает голову и берет поднос. Воротник платья распахивается — платье ей слишком велико. Сбоку на шее у нее синяк.

— Подожди. — Я тянусь в карман жилета, но вспоминаю, что в халате. Тогда я подхожу к столу и шарю в шкатулке в ящике. Наконец нахожу монету; от стыда по коже бегут мурашки. Зря я полез в стол. Протягиваю монету Нелл и с опозданием замечаю, что в руках у меня полгиней, а не полкроны, как мне показалось в темноте.

Она стоит, уставившись на деньги.

— Ты хорошая девушка, Нелл, — я кладу монету ей в ладонь и наливаю себе чай, не глядя на нее.

— Спасибо, сэр, — бесцветным голосом отвечает она. Неужто она не знает, что я только что вручил ей заработок за полгода? Она могла бы взять монету и уйти.

— Не за что. — Я отворачиваюсь.

— Это все, сэр?

— Да. Это все.

Нелл уходит. Дверь затворяется с мягким щелчком. Я сажусь за стол и перечитываю вчерашнюю корреспонденцию, но сосредоточиться не получается. Мне не хочется никого видеть и не хочется быть одному. Глупость какая-то.

Растираю виски, пока те не начинают гореть от трения. Мне кажется, я все еще чувствую на коже тяжелый, сладкий запах лилий. Меньше чем через неделю... Закрываю глаза и представляю, как меня окружает серая стена. Я один. Мне ничто не угрожает.

Я поднимаю голову. В глубине дома что-то падает.

Тишина. Прихлебываю чай, но тот почти остыл. Жду, прислушиваясь, но в доме тихо. Тикают часы, со стуком

роня секунды, словно монеты в плоску для подаваний. Подвигаю к себе ближайшее письмо и кладу локти на стол. В коридоре звенит голос Бетти; слышится стук ее каблучков — она бежит к отцовскому кабинету. Затем наступает тишина.

Я опускаю глаза и слышу вопль.

Дверь кабинета распахнута. Вхожу, не раздумывая.

— В чем дело?

Нелл висит на шкафу. Ее голова завалилась набок. В нос ударяет резкий аммиачный запах мочи.

Бетти стоит в центре комнаты, зажав ладонью рот. Она всхлипывает. Я оглядываюсь, удивляясь тому, насколько все реально: опрокинутый стул с блестящими полированными ножками; мимолетные отражения в луже мочи. На полу лежит засохший розовый лепесток, похожий на коросту; он того же цвета, что и обои на стенах. Часы замедляют свой ход, и воцаряется тишина. Потом я понимаю, что это не часы, а капли, стекающие с мокрой юбки Нелл. Воздух врывается в легкие, и я шагаю вперед.

— Выйди.

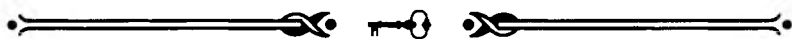
Бетти вздрагивает, будто я ее ударил.

— Она... я... она...

— Скажи мальчишке, чтобы сбегал за доктором. Сейчас же.

Я ищу что-нибудь, чем можно перерезать веревку — нож для писем или перочинный нож. Но в кабинете убрано. Стол из черного дерева пуст и блестит, как черное зеркало.

Меня захлестывает паника. Мысли путаются. Я теряю время. Если Нелл еще жива...

Шатаюсь, подхожу к шкафу. В стекле за ее телом, павлиньими перьями и позолоченным бивнем возникает мое отражение. Глядя себе в глаза, я бью кулаком по стеклу.

Оно разбивается. Узкие и треугольные осколки падают внутрь шкафа и поблескивают среди диковинок. Вынимаю длинный осколок из рамы. Тот выдергивается с рывком, и руку пронзает боль. Поднимаю опрокинутый стул и взбираюсь на него. В лицо Нелл не смотрю. Принимаюсь резать веревку осколком стекла — хотя нет, это не веревка, а кусок ткани, кажется, пояс. Наконец мне удастся перерезать ткань. Нелл заваливается на меня; я пытаюсь удержать ее, но она слишком тяжелая. Шатаюсь и едва не падаю со стула. Стул наклоняется, но мне вовремя удастся поставить на пол одну ногу. Колени подкашиваются; я неуклюже падаю. Нелл падает рядом, как мешок с тряпьем, поникший и бесформенный.

Встаю на колени. Взгляд случайно падает на ее лицо, и я замираюсь. Нужно проверить пульс, но меня пробирает ледяная дрожь; боюсь, как бы меня не стошнило прямо на нее. Открыв глаза, фокусирую взгляд на обоях напротив, наклоняюсь вперед и прижимаю пальцы к складке, где пояс глубоко врезался в шею. Ее кожа холодная и рыхлая. Пульса нет.

— Прошу, Нелл, — произносит кто-то дружелюбным, спокойным голосом. — Прошу. Не делай этого. Прошу.

Она не шевелится. Я дергаю за узел; тот не поддается. Трясущимися пальцами начинаю развязывать его; если у меня получится развязать узел, говорю я себе, все будет хорошо. Все это время я не перестаю говорить с ней.

— Не надо, Нелл, прошу. Не делай этого, умоляю. — Узел развязывается. Я вытягиваю пояс из-под ее подбородка. Ее голова заваливается набок. Ее глаза...

Я пытаюсь встать, но все плывет перед глазами. Опускаюсь на пол на четвереньки и пытаюсь сдержать подступающую тошноту.

— Вставай, сынок.

У меня резко схватывает горло, будто я подавился смехом.

— Вставай. — Отец хватает меня за рукав и поднимает на ноги. Кое-как дошагав до ближайшего стула, я опираюсь о его спинку. — Когда это случилось?

— Она принесла мне чай. Наверное, час назад.

Он смотрит на нее сверху вниз.

— Она обмочилась.

— Кажется, она мертва. — Это слово звучит как-то странно, будто я никогда раньше не произносил его.

— Разумеется, мертва, ты только посмотри на ее глаза. Глупая сучка. Ну да ладно, по крайней мере, Сэндаун не станет задавать лишних вопросов. — Он замолкает и тянется к колокольчику. — Она повесилась, верно? А откуда столько крови? — Он смотрит на меня и меняется в лице. — Проклятье, мальчишка, что ты наделал?

Я смотрю на свои руки. Кровь стекает по запястью, пропитывая рукав халата. Пятна крови повсюду. Нелл выглядит так, будто ей перерезали глотку. На моей ладони зияет порез. Но он почему-то совсем не болит.

— Все в порядке. Просто царапина.

— Попросим Сэндауна тебя осмотреть. Пусть знает, что ты пытался ее спасти. — Он снова помогает мне подняться, но я шатаюсь, заваливаюсь вбок, и мне приходится опереться о стену. — А, Бетти... — Бетти плачет и дрожит, но отец лишь щелкает пальцами, глядя на Нелл, будто перед ним не тело, а пролитый чай, который нужно убрать. — Позови ку-

чера и вели унести ее. А потом пошли мальчишку из конюшни за доктором Сэндауном.

— Да, сэр.

— И принеси мистеру Люциану бинт.

Моя рана наливается кровью. Отец прав. Если кто-то спросит, почему Нелл решила сделать... такое, мой порез ему только на руку... Он сможет показать на мой шрам и сказать: смотрите, как сильно мы ее любили.

Я поворачиваю ладонь, и кровь капает на стол. *Кап, кап, кап*, раздается в тишине. Часы остановились, не то тикали бы в такт. Я смотрю на растекающуюся лужицу крови. Вытирать пятно с темного дерева придется уже другой служанке, не Нелл с ее обкусанными ногтями и обветренными сухими костяшками.

— Ты снова взялся за свое?

Отец замирает и медленно поворачивается ко мне.

— Что ты сказал?

Я не в силах повторить свой вопрос. Впрочем, в том нет необходимости. Ответ написан на его лице.

— Не смей, — произносит он тихо, почти шепотом. — Никогда не смей так больше говорить со мной.

Я поднимаю подбородок. Он больше не сможет надоедливо смеяться. Теперь, если я обо всем расскажу, кто-нибудь да поверит мне. Теперь мои слова будут иметь значение.

Он пересекает кабинет и встает передо мной.

— Считаешь себя самым умным, да, мальчик? Да ты никак рад, что она покончила с собой. Думаешь, теперь к тебе прислушаются?

Я качаю головой.

— А ты не задумывался о том, что хранить мои тайны в твоих интересах? Если мне конец, конец моему предприя-

тию и моей репутации... твоя жизнь тоже пострадает. Думаешь, Ормонды примут тебя с распростертыми объятиями? Ты станешь изгоем.

— Я готов рискнуть.

— Ах, Люциан. Тебе кажется, что ты совсем не похож на меня. Что ты у нас *хороший*. Это я — старый нечестивец, а ты юн и чист душой и телом. — Он вздыхает. — Ты многого не помнишь, верно?

Мое сердце вздрагивает, словно ударившись о стену. Я сжимаю кулак, и кровь сочится между пальцев.

— О чем ты?

— Твоя книга, Люциан. Твой переплет. — Он наклоняется ближе. — Взгляни на Нелл. Думаешь, я ее убил? А ты конечно же на такое не способен?

Весь мир застывает. Послушно, как дурак, я смотрю на Нелл. Ее глаза полуоткрыты, белки потемнели и покрылись пятнами. Это уже не она. Не человек. У нее вывалился язык. На лиловых щеках — моя запекшаяся кровь. Желудок крутит, и я заставляю себя отвернуться, сглатывая желчь. Рисунок на обоях расплывается; я вижу перед собой лишь розово-красное месиво.

— Моя книга, — слышу я свой голос, — что это значит?

Дверь открывается.

— Спасибо, Бетти. Оставь все здесь и ступай. — Отец ждет, пока она выйдет, а затем окунает квадратный лоскут полотна в таз с водой и выжимает. — Покажи свою рану.

Рука пульсирует от кончиков пальцев до локтя.

— Нет, — отвечаю я, сжав кулак и держась за боль, как если бы та была осязаемым предметом, стиснутым в моей ладони.

— Не глупи, — вздыхает отец.

Снова открывается дверь; входят кучер и конюх, неуверенно ступая в грязных сапогах. Увидев Нелл на полу, кучер вздрагивает, но, выслушав отцовский приказ, послушно кивает. Они с конюхом подхватывают тело и выносят прочь. Уже второе тело на каменной плите перед очагом в этом самом кабинете, но на этот раз мертвое, а не без сознания. Я представляю, как они кладут ее на кухонный стол; как разваливаются в стороны ее стопы и моча, пропитавшая мокрые юбки, въедается в деревянную столешницу. Ноги больше не держат меня. Я отодвигаю стул и сажусь.

Отец берет меня за руку и разжимает мои пальцы. Проводит мокрым лоскутом по окровавленной ладони, обнажая ровный прямой порез. Выжимает лоскут в белый эмалированный таз. В воде расцветает розовое облачко.

— Мой бедный мальчик, — произносит он. — Больно?

Я молчу. Меня трясет. Я позволяю ему держать себя за руку.

— А теперь слушай. Ты не будешь делать глупостей. Верно ведь, мой дорогой?

Не слышню ни звука, лишь всплеск воды. Наконец он берет сухой лоскут и складывает его вдоль, изготавливая повязку.

— Тебя переплели чуть больше двух месяцев назад, — говорит он. — Не надо так смотреть на меня, я тут ни при чем. Я бы никогда не позволил этому случиться, если бы знал.

— Но тогда... — Я осекаюсь. В ушах звучит далекий гул, мешающий думать.

— Что ты, помнишь, говорил? «Я не настолько труслив, чтобы стереть себе память»? Что ж, учитывая, что тебе пришлось пережить... — Он накладывает на порез сложенный вдвое лоскут и фиксирует его длинной полоской ткани.

Я поднимаю голову и заглядываю ему в глаза.

— О да, я знаю, о чем ты хотел забыть, — говорит он. — Но, увы, не знаю, к какому переплетчику ты ходил. Это мог быть кто угодно. — Затянув узел, он аккуратно прячет концы.

— Я... — Мысли по-прежнему не идут. Это был не я. Я не мог так поступить.

— Позволь дать тебе совет, мой мальчик. — Он гладит меня по щеке. — Не вороши прошлое.

Я отстраняюсь.

— Что?

— Этот неприятный эпизод — пусть он станет тебе уроком. — Отец показывает на обтрепанный кусочек ткани, все еще свисающий с закругленной стенки шкафа. — Не вздумай наделать глупостей. Тебе нужна моя защита — сейчас, как никогда прежде. Со мной ты в безопасности. Не ставь все под угрозу.

— Ты имеешь в виду мою книгу.

— Ты знаешь, что я не могу рассказать тебе, что в ней. — Он трет глаза. — И мне бы этого не хотелось. Если бы ты знал...

Я закрываю глаза. Запах лилий возникает ниоткуда.

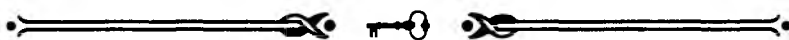
— Там что-то плохое, — отвечаю я. — Что-то плохое, да?

Он шевелится в кресле. Проходит немало времени, прежде чем он отвечает.

— Прости, Люциан. Ты даже не представляешь, насколько.

Я поднимаюсь. Дыра в стекле зияет, как разинутый рот. На полу лужа мочи, смешанная с кровью. Я оставил на ковре окровавленный след ноги. Да и старые пятна толком не отчистились. Ковер уже не спасти, придется выбросить.

— Может, это и к лучшему. С мисс Ормонд ты начнешь новую жизнь.

Я оглядываюсь на него через плечо. Сидя на этом самом месте, он грозился отправить меня в приют для умалишенных, случись мне еще раз не подчиниться ему. Но сейчас у него такой же усталый вид, как у меня.

— Да, — отвечаю я. Сказать мне больше нечего. Остается лишь пойти наверх и переодеться. Потом подождать до полудня, когда можно будет выпить. Представить серую стену. Попытаться не сойти с ума.

Я уже ухожу, когда он добавляет:

— Уверен, твоя книга не попадет в плохие руки.

XXIII

Элдерни-стрит длиннее, чем мне помнится: узкие белые дома, перила, тротуары в снегу после вчерашнего снегопада. Рядом с каждой второй дверью — медная табличка. Когда я наконец нахожу двенадцатый дом, ноги сводит от холода, а глаза слезятся от ослепительного блеска зимнего солнца. У крыльца я останавливаюсь. Из дома выходит женщина в траурном платье. Поймав мой взгляд, она опускает вуаль.

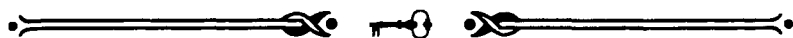
Я касаюсь шляпы в знак приветствия и иду дальше. Лишь когда она отходит достаточно далеко, разворачиваюсь, возвращаюсь к дому и звоню в колокольчик.

Дверь открывает блеклая худощавая дама. Не служанка: на ней бумазейное платье в фиолетово-желтую полоску. Она смотрит на меня через пенсне.

— Доброго дня. Чем могу служить?

— Я пришел к Эмметту Фармеру.

— К кому?

— К Эмметту Фармеру. — Холодный воздух обжигает горло, и я закашливаюсь. Дама переминается с ноги на ногу, насмешливо глядя мне через плечо, и постукивает пальцем по дверному косяку, пока я не прекращаю кашлять. — К ученику де Хэвиленда. Высокий, волосы светло-каштановые, чисто выбрит.

Она вскидывает брови.

— А, новенький.

— Совсем юный, да.

— Боюсь, его нет дома.

— А когда он вернется?

— Он не вернется.

Я таращусь на нее.

— Что?

Она наклоняет голову, и солнце попадает на стекла пенсне; я больше не вижу ее глаза.

— Могу я поинтересоваться, зачем он вам? Если вы хотите записаться на прием к переплетчику, мистер де Хэвиленд принимает только по предварительной договоренности.

— Простите, — я делаю шаг вперед. Она вздрагивает и вытягивает руку, преграждая мне путь. Ткань в ярко-фиолетовую полоску шуршит; я чувствую запах фиалковой воды и камфоры. Стараясь не повышать голос, я прошу: — Пустите меня, пожалуйста.

— У мистера де Хэвиленда лист ожидания! Запись за две недели.

Я отталкиваю ее с прохода. Она возмущенно вскрикивает, но я уже в доме и останавливаться не намерен.

— Де Хэвиленд? — Дверь слева от меня приоткрыта. Толкаю ее и захожу. Краем глаза замечаю светлые зелено-го-

•═══════════✧═══════════
лубые стены, стулья с изогнутыми ножками и орхидеи. В глубине комнаты еще одна дверь с табличкой «Комната для консультаций». — Де Хэвиленд!

Дверь распахивается, и на пороге возникает де Хэвиленд.

— Что происходит? Мисс Бреттингэм, я же просил меня не беспокоить. — Увидев меня, он поправляет галстук. Поблескивает бриллиантовая булавка. — Любезный господин Дарне, я не ожидал... Какой приятный сюрприз! Чем могу служить?

— Я хочу увидеться с Эмметтом Фармером.

Де Хэвиленд молчит. Глядя поверх моего плеча, он резко мотает головой. Я оглядываюсь и вижу мисс Бреттингэм, которая ретируется в комнату на противоположном конце коридора; в тени кричащие желто-фиолетовые полосы на ее платье кажутся кремово-лиловыми. Углы рта де Хэвиленда ползут вниз.

— Прошу прощения, мистер Дарне. К моему сожалению, Эмметт Фармер нас покинул. Быть может, я смогу помочь?

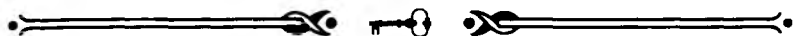
— Куда он ушел?

Де Хэвиленд откашливается и показывает на стул. Я не сажусь, и его улыбка меркнет; он разглаживает усы.

— У моей мастерской превосходная репутация и высочайшие стандарты качества. Я не могу держать в работниках человека, проявляющего малейшие признаки... аморальности. — Рука, поглаживающая усы, замирает. Видимо, я изменился в лице, и это не прошло незамеченным. — Я был вынужден отослать его.

— Где он сейчас?

— Не имею ни малейшего понятия. — Он наклоняет голову и смотрит на меня. — Могу я спросить, зачем он вам? Я бы с радостью сам вам помог.

Я потираю лоб. Солнечные блики на снегу ослепили меня, и темные точки пляшут перед глазами.

— Я хотел спросить его о книге, — отвечаю я.

— О книге, значит.

В комнате слишком тепло. Меня начинает подташнивать. Делаю несколько шагов вперед и стараюсь глубоко дышать. Взмокшая рубашка прилипла к ребрам.

— Речь о моей книге. Оказывается, я... — На пьедестале передо мной стоит ваза с орхидеями; протягиваю руку и достаю до кремового лепестка. Цветок оказывается искусственным. Поворачиваюсь к де Хэвиленду. — Меня переплетали. Эмметт Фармер рассказал мне об этом. Прежде чем начать работать у вас, он служил учеником в другой мастерской. Вы об этом знали? Знали о моей книге?

Он одергивает жилет.

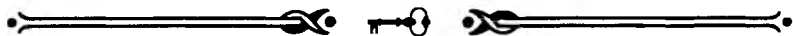
— Нет, боюсь, я слышу об этом впервые, — отвечает он. — Откуда я мог знать?

— Но Эмметт Фармер знал. И я должен найти эту книгу. Я скоро женюсь. — Разумеется, де Хэвиленд осведомлен о моих планах. Я береблю перчатки.

— Мистер Дарне, как бы мне ни хотелось вам помочь, я не могу. Если бы переплет был выполнен в моей мастерской, другое дело... — Он сокрушенно качает головой.

— Я должен найти Фармера. Куда он мог пойти?

— О. — Де Хэвиленд протяжно вздыхает, наклоняется и перекладывает иллюстрированные журналы на столе. Он делает это не спеша, как будто бы ему очень важно, чтобы «Парнас» с аквамариновой обложкой лежал рядом с «Иллюстрированным журналом для охотников» и «Джентльменской газетой». Наконец он встает и смотрит на меня. —

Мистер Дарне, — произносит он, — не тратьте время зря. У многих молодых людей есть грешки... нет, прошу, послушайте меня. Свою книгу вы вряд ли отыщете. Может статься, что ее вообще не существует. Эмметт Фармер был лжецом и вором. Прошу, послушайтесь моего совета — забудьте о нем. У вас вся жизнь впереди. Просто забудьте.

— Книга существует. Мой отец... — я замолкаю. — Де Хэвиленд, я отблагодарю вас. Очень щедро отблагодарю. Я готов отдать за эту книгу приличную сумму. Пятьдесят гиней. Даже сто.

Он дважды часто моргает. По его лицу скользит тень сожаления, но оно вмиг принимает прежнее выражение.

— Простите, что не могу вам помочь. — Он достает из кармана часы. — А теперь, с вашего позволения, мне пора. У меня важный визит.

Я хватаю его за локоть.

— Когда он уехал?

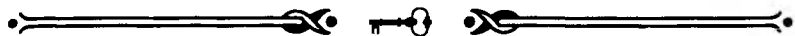
— Позавчера ночью.

— И вы не знаете, куда он направился?

Он отряхивает рукав, проверяя, не запачкал ли я его, и сматывает невидимые пылинки. Затем смотрит на меня.

— Мне очень жаль, мистер Дарне, — повторяет он. — Но, по правде говоря, мне все равно, даже если он до смерти замерз в подворотне.

Когда я выхожу на улицу, бледно-голубые тени лежат в отпечатках шагов на снегу, чей рельеф напоминает маленькие уступы и ледники. Стоит мороз. Мимо со скрипом проезжает двухколесный экипаж. От лошади исходит пар, густой, как туман. Прохожий поскальзывается на мостовой

и раскидывает руки, стараясь удержать равновесие. Улица почти пуста.

Я вдыхаю ледяной воздух, и тот обжигает горло. Схватившись за фигурный наконечник копья, которым увенчана решетка перил, я чувствую холод металла. Склонив голову, сжимаю наконечник, пока острая боль от пореза не пронзает руку.

Даже не оглядываясь, я чувствую, как кто-то отодвигает кружевную штору в окне приемной. Де Хэвиленд стоит у окна и следит; ждет, пока я уйду.

Спускаюсь по ступеням и поворачиваю туда, откуда пришел. За углом переулок; по обеим сторонам тянутся высокие стены, запачканные сажей. Свернув в тень, дохожу до конца переулка и вижу перед собой узкую грязную улицу с сараями, калитками и открытыми дворами. Примерно на середине улицы вижу ветхую деревянную постройку чуть выше остальных домов. Остановившись напротив, я прищуриваюсь и заглядываю в окно. За грязным стеклом над верстаками склонились рабочие. Один бьет что-то молотком; второй стоит, сгорбившись над столом. Третий поднимает голову, в его руках книга в сияющем красно-золотом переплете.

Стучу по стеклу и подаю знак одному из рабочих. Смотрю на него в упор, он наконец пожимает плечами, откладывает книгу и исчезает из виду. Секундой позже открывается дверь на улицу; рабочий высовывается наружу.

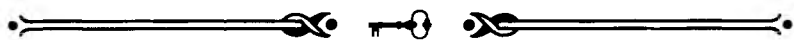
— Что вам?

— Это переплетная де Хэвиленда?

— Парадный вход с Элдерни-стрит.

— Я ищу Эмметта Фармера, ученика.

— Его уволили, — отвечает рабочий и собирается закрыть дверь.

Я тянусь в карман. Мой собеседник колеблется.

— Знаю, — отвечаю я и демонстрирую ему краешек монеты в полсоверена, зажатой между большим и указательным пальцем. — Куда он направился?

Рабочий откашливается и равнодушно сплевывает на землю.

— Понятия не имею.

— Он поехал домой? Откуда он родом?

— Из деревни, кажется. Раньше он работал в другой переплетной. — Он жадно смотрит на монету. — А почему бы вам не спросить самого де Хэзиленда?

— А Фармер не говорил вам, куда направляется?

— Послушайте, — качает он головой. — Его вышвырнули на улицу среди ночи. Я узнал об этом только утром. Уж не знаю, что он натворил, куда отправился и жив ли еще. Небось валяется в канаве, как и все, кто лишился работы.

Я наклоняюсь ближе и чувствую исходящий от него запах табака.

— Прошу. Мне очень нужно его найти.

— Стану болтать о том, что творится в переплетной, меня самого вышвырнут, — говорит он и захлопывает дверь. Я слышу его шаги в коридоре. Снова принимаюсь настойчиво стучать по стеклу; в конце концов он открывает окно и высовывается на улицу. — Этот Фармер ушел и даже не взял с собой вещи, — говорит он. — Его пальто и сумка наверху. Больше никто ничего не знает. Теперь уходите, или я позову полицейских.

Мужчина опускает окно и закрывает задвижку. Сквозь налет копоти и пыли я вижу, что он вернулся к работе. Кажется, он говорит правду.

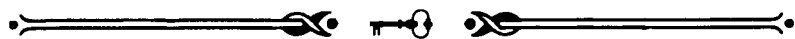

Я так закоченел, что мне трудно пошевелиться. Ступая по замерзшим рытвинам, добираюсь до конца переулка, сворачиваю за угол раз, потом другой. Я не знаю, куда направляюсь, но шагаю вперед, а безысходность следует за мной за пят. Вскоре я понимаю, что заблудился. Должно быть, я хожу кругами; остановившись, вижу, что очутился на площади Элдерни у входа в паб. Подняв голову, вижу коринфские колонны и золотую гравировку на черной вывеске: «Принцесса». А может, я пришел сюда нарочно. Впрочем, мне все равно.

Внутри меня встречает полированная медь, темное дерево и рифленое стекло с отблесками газовых ламп. В лицо ударяет теплый воздушный поток с примесью немытых тел и пролитого алкоголя. Шагнув за порог, чувствую, как обветренные щеки начинает покалывать. Бросив на стойку шиллинг, выпиваю один стакан джина и сразу заказываю второй. Затем сажусь в углу и закрываю глаза.

Эмметт Фармер пропал. Даже если он в Каслфорде и еще жив, мне никогда его не найти. Да и пережил ли он ту ночь, когда якобы ушел из переплетной? Откуда мне знать, что де Хэвиленд говорит правду?

Допиваю второй стакан, встаю и направляюсь к стойке; тут в глазах темнеет, и мне приходится остановиться, чтобы не упасть. Хватаюсь за мраморную колонну. Контурь предметов смягчаются. Блеск полированной меди уже не бьет в глаза так сильно, яркие краски тускнеют. Так-то лучше. Роюсь в карманах в поисках монет. В тот же момент открывается дверь. Ледяной сквозняк кусает меня за щиколотки. Ветром приносит скомканный листок бумаги; тот останавливается у моих ног и прижимается к ботинку. Я наклоняюсь, поднимаю его и разглаживаю на барной стойке.

Бумага именная, с монограммой. Вверху — золотой герб и девиз: *Liber Vos Liberabit*⁷. Чуть ниже — надпись: *Симмс и Ивлин, переплетчики высшего класса*. Далее листок исписан небрежным корявым почерком: «*Отправляйтесь в дом мадам Хальтер по адресу: Элдерни-стрит, 89, и спросите МИСС ПЕРЛ и ее особые услуги. Наймите ее минимум на ДВА ЧАСА. Сразу после отправляйтесь в переплетную мастерскую. Если часть воспоминаний будет утеряна из-за сна, злоупотребления спиртными напитками или по любой другой причине, соответствующая сумма будет удержана из гонорара. Оговоренная сумма гонорара — 10 с.*».

Покосившись на меня, бармен ставит передо мной стакан.

— Я бы на вашем месте этого не делал, сэр, — произносит он, и сначала я думаю, что он имеет в виду третью порцию джина. Но он кивает на бумажку в моих руках. — Знал я тех, кто после сходил с ума. Эти переплетчики наобещают всякого, но если кто-то скажет вам одно неосторожное слово раньше положенного срока, вы будете знать, что вас переплели. А ничего хуже быть не может — когда не ведаешь, что забыл.

Я комкаю бумажку и выбрасываю ее.

— Это все, — говорю я, — спасибо.

Он улавливает намек, кивает, берет тряпку и принимается полировать ряд сияющих кранов.

Но написанное на листке по-прежнему висит перед глазами. Я знаю заведение мадам Хальтер. Заведение высшего класса, в сравнении с другими подобными. Слышал я и о мисс Перл и ее... предпочтениях. Мне невольно представляется девушка, которой предназначалась записка; я не знаком с девушками мо-

⁷ Книги вас освободят (лат.).

ложе Лизетты, но ясно вижу ее: с щербинкой меж зубов и заплетенными в косу волосами. Вот она поднимается на крыльцо и звонит в колокольчик. Она смелая, хоть и в отчаянии. Но она не знает, что ждет ее за дверью... и за всеми дверьми, что ей еще предстоит открыть. Встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от наваждения. Но не могу. Девушка стоит перед глазами как живая. Она не похожа на Нелл — скорее, на Фармера; тот же благородно вздернутый подбородок и широко расставленные глаза. Что, если эта девушка существует на самом деле?

— Послушайте, — я хватаю бармена за рукав. — А кто... вы не видели... — От желания скорее узнать кружится голова; я чувствую слабость. Отчего-то крутит желудок. Я вдруг понимаю, что случившееся с этой девушкой — моя вина.

— Да, сэр?

— Та девушка... — В горле застревает комок. Нет, не может быть, чтобы она существовала на самом деле. — Та, что уронила записку. Вы видели ее?

— Не припоминаю, сэр. — Он выдергивает руку. — Вы кого-то ищете, сэр?

— Нет. То есть да. — Усилием воли я заставляю себя сесть. Что со мной творится? Кажется, я теряю рассудок. Никакой девушки нет и не было. — Неважно.

Он пристально разглядывает меня и наконец произносит:

— Ваша зазноба продала свою память, верно? Что ж, не печальтесь, сэр; будут и другие.

— Что? Да нет же. Не было такого. — Но мне вдруг становится так тошно, что мысли путаются. Будто бы эта девушка, которой, возможно, и не существовало, и Нелл, и мой отец, и моя книга — все это части одного целого. Страх впиивается в меня изнутри, как осколки стекла. Что я наделал?

Бармен вытирает стойку тряпкой. Та оставляет после себя маслянистый радужный след.

— Чертовы переплетчики, — он харкает в плевательницу. — Видели очереди в Библиотечных рядах? Желающих продать воспоминания так много, что на всех переплетчиков не хватит. А все зима, будь она неладна. Мороз, работные дома забиты под завязку. Но по мне так лучше собой на углу торговать, чем своей памятью.

— Да. — Я опускаю голову. Слушать его невыносимо. Я представляю, как распахивается дверь борделя мадам Хальтер. Мисс Перл, одетая с головы до ног в черное, ждет в конце зашторенной галереи. У подножья лестницы стоит девушка и смотрит вверх. В ее глазах разгорается паника. Но тут воображаемая сцена растворяется; я переносусь в отцовский кабинет и вижу тело Нелл на ковре и Эмметта Фармера. Он задыхается и повторяет мое имя. А вот я уже в приемной де Хэвиленда, и его секретарша изучает меня через стекла пенсне. Де Хэвиленд любезным тоном желает Фармеру смерти. Я прижимаю кулаки к глазам, и под веками расцветают кровавые кляксы.

Может, Фармер и впрямь уже мертв. Отчасти мне хочется, чтобы это было так. Ведь все это случилось по его вине. До его появления я жил спокойно. Теперь же я могу думать лишь о том, что совершил и что записано в моей книге. А еще я думаю о нем. О том, как он смотрел на меня, как при взгляде на него кровь приливала к сердцу, хоть мне этого совсем не хотелось. Нет, разумеется, смерти я ему не желаю; ведь если я найду его, может статься, найдется и моя книга. И я смогу навек запереть ее под надежный замок. Мне больше не придется задумываться о том, почему, представляя себе лицо девушки, которую я даже не знаю, я терзаюсь чувством вины.

В голове густой туман, но что-то не дает мне покоя. Я вспоминаю слова бармена: *желающих продать свои воспоминания так много... работные дома забиты под завязку...*

Не успев понять, что со мной, я вскакиваю на ноги. Меня шатает, и я заталкиваю руки в карманы, будто там, среди мелочи и ключа от двери, найдется подсказка. И я нахожу ее. Надежду.

Только отчаявшийся согласится продать свои воспоминания. Тот, кому некуда идти. А если Эмметт Фармер жив, он, должно быть, совсем отчаялся.

На нетвердых ногах выхожу из паба на улицу; бармен кричит мне что-то вслед, но голос его теряется в какофонии других голосов. Я поскользываюсь на льду и чуть не падаю. Какая глупость! Я пьян. Мне бы домой пойти. Но если есть шанс — хоть один шанс... Повернувшись спиной к пылающему вечернему солнцу, я торопливо заворачиваю за угол, перехожу перекресток с Элдерни-стрит и оказываюсь в Библиотечных рядах.

Но улица у входа в «Симмс и Ивлин» пуста: мастерская уже закрылась. У входа для посетителей табличка: «Не прошайничать». Сбившись в кучку от холода, толпа женщин с детьми молчаливо ждут на ступеньках «Баррат и Лоу», но и их дверь закрыта; никто не заходит и не выходит. Чуть дальше по улице мужчина в фартуке с метлой ворошит попрошайку, сидящего у двери в переплетную Мардена.

— Мы закрыты, приходите завтра, — с усталой решимостью произносит он. Нищий встает и уходит, волоча ноги.

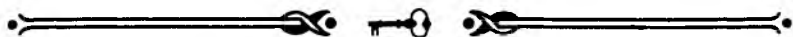
Эмметта Фармера нигде не видеть.

Я продолжаю идти вперед, разглядывая собравшихся у входа: мимо контор переплетчиков высшего класса, Клуба

библиофилов и мастерских по изготовлению школьных учебников. По мере удаления от Элдерни-стрит ряды становятся уже, грязнее и обшарпаннее. Лавки, расположенные ближе к концу, совсем убогие, их двери погружены в глубокий мрак. Дома здесь стоят почти вплотную друг к другу. Краска на вывесках книготорговцев облупилась, черный выцвел до серого. В окнах с эркерами не разглядеть ничего: они покрыты толстым слоем сажи. Ржавая вывеска в форме раскрытой книги над моей головой дребезжит на ветру. «Переплеты на продажу», гласит надпись на левой стороне разворота; справа написано: «Ломбард». Встав у окна, я заглядываю внутрь и вижу тесную комнату со шкафами, набитыми дешевыми безделушками, и группу людей, тихо переговаривающихся между собой. Иду дальше и прохожу мимо арки; растрепанная женщина, увидев меня, поднимает голову, но не окликает и не зовет меня. У ее ног — синий стеклянный пузырек с восьмиугольной этикеткой. Лауданум.

Порыв ледяного ветра несет по улице мусор и пыль. Запахнув пальто, я продолжаю идти. *О'Брин и сыновья. Лицензированные книгопродавцы. Все штампы настоящие.* Остановившись у окна, вижу темные ряды полок, пестрящих корешками. За прилавком стоит дородный продавец и разговаривает с заплаканной женщиной. Протянув руку, он хлопывает ее по щеке и ухмыляется. За моей спиной останавливается карета. В низкую дверь ныряет мужчина; от него пахнет кожей и дорогим одеколоном. Его лица я не вижу. Где-то рядом хлопает дверь; оглянувшись, замечаю женщину, выходящую из проулка между двумя книжными лавками. Она держит за руки детей. Младший ребенок хнычет; старший оцепенело смотрит перед собой пустыми глазами.

— Все в порядке, утенок, — утешает его мать, — теперь можем идти домой.

Стиснув зубы, я отворачиваюсь. Кажется, я трачу время зря; если Фармер и был здесь после того, как де Хэвиленд вышвырнул его из мастерской, он давно уже заработал свое, ушел и сейчас лежит в отключке где-нибудь в трактире, раз-метавшись на кровати и пуская слюни.

Выхожу на маленькую площадь, где едва хватит места развернуться карете. Из пепельно-серого сугроба, словно виселица, торчит потухший фонарь. У тележки мерзнет девушка, дрожа и притоптывая ногами. На мостовой пара мужчин развели костер в ведре, сидят на корточках и греются. В лицо ударяет ветер, принося с собой фабричный смрад. Я прячусь в дверной проем, вытираю лицо и соринки, попавшие в глаза. Полоска неба над домами затягивается плотными серыми облаками. Перед наступлением ночи снова пойдет снег.

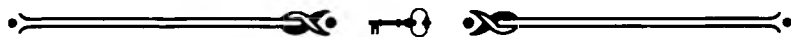
Вывеска на углу гласит: «*А. Фогатини, ростовщик и лицензированный книгопродавец*». Пожалуй, это самая маленькая и неказистая лавка на все Библиотечные ряды, но этим она и знаменита. Свалка воспоминаний Фогатини. Одно из окон лавки грубо заложено кирпичом; другое заклеено газетами, пожелтевшими от времени. Дверь открывается, тренькает колокольчик, и на мостовую проливается желтушный свет. Из двери выходит мужчина, потом другой; смеясь, они направляются ко мне. Я инстинктивно прячу голову.

— ...долгими зимними вечерами, — доносится до меня обрывок фразы. — Фогатини в своем репертуаре.

Второй мужчина смеется.

— Да уж. Лучше него никого нет.

Они проходят мимо, и их слова уносит ветер.

Я жду, пока стихнут шаги. Затем шагаю в треугольник света, падающий на мостовую. В открытую дверь видны книги: они свалены стопками, стоят на полках и лежат в коробках. Маленький мальчик подметает пол, вздымая облако угольной пыли. В мерцающем свете лампы я вижу надпись на коробке у двери: «Незавершенные переплеты на продажу, 10 пенсов». На полке рядом висит ярлык: «ДИКОВИНКИ, 2 шиллинга 6 пенсов штука». Посетитель разглядывает книгу и поворачивается спиной к двери, учуяв сквозняк. Больше в лавке никого нет. У меня болит голова; надо бы идти домой. Лавка Фогатини — последняя в Библиотечных рядах, а я так и не нашел Фармера. Сделав шаг назад, я наступаю во что-то мягкое, и в морозном воздухе разносится запах дерева.

Чуть дальше в стене вижу маленькую дверь, а рядом — табличку с потеками от дождевой воды. *«Изготавливаем переплеты на продажу. Стучитесь. Оплата высокая»*. У двери стоят и спорят двое; один без пальто, в одной рубашке, растирает плечи от холода. Он оглядывается, и я вижу его лицо.

Эмметт Фармер.

За моей спиной вдруг вспыхивает луч красного солнца, словно кто-то отдернул занавеску. Тени на мостовой становятся ярче; иней на кромках кирпичей и подоконниках поблескивает алыми искорками. Но через миг луч исчезает. Мне становится трудно дышать, и на секунду я замираю. Второй мужчина произносит высоким голосом с иностранным акцентом:

— Говорю же тебе, полкроны — многовато. Шесть пенсов, и точка.

Я хватаю Фармера за руку и тяну его на себя с такой силой, что у него перехватывает дыхание.

— Нет, спасибо, — бросаю я через плечо, — он передумал. — За моей спиной мужчина презрительно цокает языком и закрывает дверь. Фармер поскальзывается на мостовой, всем весом падает на меня и оседает на землю.

— Вставай! — В прошлый раз я так же держал бездыханное тело Нелл.

— Люциан... — Он начинает смеяться и не может прекратить. Я помогаю ему подняться и затакиваю в ближайший дверной проем.

Я с трудом поддерживаю его и сам еле держусь на ногах. От торжества, восторга и ярости слабеют колени.

— Ты что собирался сделать, глупец?

— А ты что делаешь? — Его зрачки ползут вверх; он пошатывается.

— Не смей стирать свои воспоминания! Не смей...

Он моргает.

— Я и не собирался.

— Мне нужно, чтобы ты помнил. Скажи, где моя книга, и можешь делать все что хочешь.

Он таращится на меня и наконец произносит:

— Я искал работу. Фогатини — единственный, кто согласился со мной говорить.

Работу. Разумеется. Он явился сюда не затем, чтобы продавать свои воспоминания, а в поисках места ученика. А я оттащил его от двери, как из-под колес проносщегося поезда. Но теперь уже неважно. Я наконец нашел его. Ослабляю хватку, но не могу заставить себя отпустить его руку.

— Я уже несколько часов тебя ищу. — Мой голос звучит ровнее. — Хочу вернуть свою книгу. Я должен быть уверен, что она в безопасном месте. Где она?

— У меня ее нет.

— Но где она? — Мои пальцы впиваются в его плечо. Его пронизывает дрожь. Я чувствую, как дрожат его кости. — О господи, — выдыхаю я, снимаю пальто и протягиваю ему. Но он продолжает дрожать, обнимая себя руками; его глаза полужакрыты. Мне приходится завернуть его в пальто. Он совсем зачоченел.

Стуча зубами, он произносит:

— Де Хэвиленд вышвырнул меня, не дав времени на сборы.

— Знаю. Слышал.

— Я хочу лишь... — Он выпрямляется и откашливается. — Я хочу лишь вернуться домой. Я бы пошел пешком, но в такой снегопад...

— Ты замерзнешь и умрешь.

— Да. — Он засовывает руки в рукава пальто и потирает щеку рукавом.

— Сколько стоит ночлег? — Я тянусь в карман. Мороз уже кусает меня сквозь пиджак. — Полкроны?

Он настораживается.

— Мне твои деньги не нужны.

— Ладно. Значит, полкроны. Держи, — я протягиваю ему монету. Та поблескивает в темноте: маленький холодный металлический кружок на моей ладони, затянутой в перчатку.

— Нет. — Он пытается шагнуть назад, но врежется в стену. — Нет, я не возьму у тебя денег.

Я пристально смотрю на него.

— По-твоему, лучше наняться к Фогатини, чем взять у меня полкроны? Два шиллинга и шесть пенсов? Ты шутишь.

Он отворачивается.

— Не нужны мне твои деньги. Я не попрошайка.

— А это не милостыня. Мне нужна моя книга. Считаю это платой за помощь.

— Говорю же тебе: у меня ее нет.

— Но ты знаешь, где она.

Он выдыхает сквозь стиснутые зубы.

— Я не могу ее достать. Если бы я мог... — Он опускает голову и прячет подбородок в воротник моего пальто. — Твоя книга очень далеко. В переплетной на болотах. Она заперта в подвале под большим надежным бронзовым замком; тебе его не взломать. А ключ у де Хэвиленда.

— У де Хэвиленда? Он сказал, что не знает, где книга.

— И ты ему поверил? — Лицо Фармера в тени, но когда он смотрит на меня, его глаза блестят. — Впрочем, какая разница. Я знаю, где твоя книга, и знаю, где ключ. Но мне его не добыть. И тебе тоже.

— Я предложил де Хэвиленду деньги. Сто гиней. Неужели он...

— Он знает. Поверь мне.

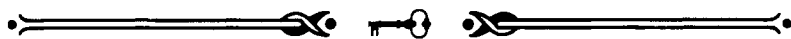
Его слова повисают в воздухе. У меня нет причин ему верить. Он пожимает плечами.

— А если я раздобуду ключ, ты проводишь меня на болота? — спрашиваю я.

Фармер хрипло смеется.

— Де Хэвиленд постоянно носит его с собой, даже ночью. Кем бы ты ни был, он не позволит тебе завладеть ключом. Думаешь, почему он вышвырнул меня на мороз в одной рубашке?

Позади на перекрестке раздается крик, грохот и лязг опрокинутого ведра. В горло проникает запах горящего парафина. Фармер, прищурившись, смотрит через мое плечо.

Через секунду я слышу шаги человека, бегущего в другую сторону от нас, и Фармер расслабляется.

— Ты хочешь сказать... — Я запахиваю полы пиджака на груди, но это не помогает; с каждой секундой я мерзну все больше. — Ты попытался взять ключ, и поэтому он тебя уволил?

Он раскрывает рот, собираясь что-то сказать, но потом лишь кивает.

— Но почему? Зачем тебе это? Ключ? Свою книгу ты сжег, значит, дело в другом. — Фармер не отвечает и избегает смотреть мне в глаза. Я медленно произношу: — Ясно. Ты хочешь меня шантажировать. Поэтому и явился.

— Шантажировать? Тогда почему я даже твои полкроны брать не соглашаюсь? — Он снова смеется и в этот раз дольше не умолкает. Но когда я смотрю на него, отводит взгляд, и улыбка его меркнет. — Люциан...

— Зови меня Дарне. — Я скрещиваю руки на груди, надеясь согреться. — Я понял. Полкроны — сумма ничтожная. Ты хочешь больше. Я заплачу, сколько скажешь, только помоги мне найти мою книгу.

Он колеблется.

— А зачем она тебе?

— Затем, что мне невыносимо думать, что любой может... — Я резко замолкаю. Дверь, улица — все покрыто зернистым серым туманом. Кажется, что стены вокруг меня смыкаются. Я ловлю его взгляд. Он смотрит на меня так пристально, что у меня сжимается горло. Что-то заставляет меня сказать: — Через три дня я женюсь. Хочу оставить все позади. Обезопасить себя.

Из груди Фармера вырывается тихий беспомощный звук.

— Разумеется, я помогу тебе, если сумею. Но де Хэвиленд не позволит тебе забрать книгу просто так.

— Я раздобуду ключ. Как-нибудь.

— Но Люциан...

— Не называй меня так.

Мы молчим. Вдали звенит колокольчик: кто-то заходит в лавку Фогатини. Ветер крепчает и обдувает наши лица снежной пылью вперемешку с сажей. Фармер прислоняется к стене и трет глаза. Под нашими ногами пробегает крыса.

— Хорошо, — наконец произносит он. — Добудешь ключ, и я тебе помогу. Но только при одном условии: ты станешь относиться ко мне, как к равному. Я тебе не слуга. — Он поднимает руку, повернув ее ко мне ладонью. На кончиках его пальцев мозоли. — И я буду называть тебя Люцианом. Ведь так тебя зовут.

Его глаза спокойны и ничего не выражают. Я смотрю на него и вдруг узнаю этот взгляд. Так я смотрю на отца, когда пытаюсь скрыть свою ненависть к нему.

Фармер читал мою книгу. И теперь ненавидит меня так же, как я ненавижу отца.

Я зажмуриваюсь. Меня пробирает дрожь; кажется, он видит меня насквозь. Я шагаю вперед, не открывая глаз и видя перед собой лишь темноту. Холодный ветер треплет волосы и задувает за воротник. Я чувствую его пальцы, тянущие меня за локоть, и стряхиваю его руку.

— Прости. Не убегай, прошу. — Он загораживает мне дорогу. Мы стоим посреди улицы. Над серыми обрывками туч вспыхивает крошечный солнечный огонек, окрашивая небо алым. Свет режет мне глаза. — Забудь, что я сказал. Если ты добудешь ключ...

Я поворачиваюсь боком, стараясь держаться от него по-
дальше, и роюсь в кармане.

— Сними комнату в «Восьми колоколах», это недалеко
отсюда. — Пытаюсь всучить ему горсть монет: примерно
шесть шиллингов. — Этого хватит на пару дней. Считаю это
авансом. Как только ключ будет у меня, пришлю тебе запи-
ску. Тогда проводишь меня в переплетную.

— Не нужны мне твои деньги.

— Бери.

Он снова смотрит мне в глаза. Его волосы треплет ветер,
губы сжаты. Я кладу монеты ему в ладонь, и он не противит-
ся. Поморщившись, опускает монеты в карман моего пальто.

— погоди, — переложив деньги в карман своих брюк, он
начинает снимать пальто.

— Отдашь в следующий раз. У меня есть пиджак.

Некоторое время мы молчим.

— Спасибо, — наконец произносит он.

— Понадобится больше денег — пришли записку. Мой
адрес ты знаешь.

Он кивает. Мы долго смотрим друг на друга. Солнце за
его спиной пылает, в щели между домами заливается красный
свет. Свет блещет в его волосах. Алеет на его виске, скуле
и кончике уха. Внезапно он улыбается мне — улыбка расцве-
тает на губах так же неожиданно, как луч солнца возникает
из-за туч. Она полностью меняет его лицо. Я не помню, что-
бы кто-либо смотрел на меня так: ни разу в моей жизни не
было такого. Закат вдруг кажется краснее, запахи копоти
и парафина — острее, а пальцы сильнее болят от холода. Над
нашими головами в трубе поет ветер. Скомканный листок
бумаги шурша летит по мостовой. Гудит фабричный рожок.

Он протягивает руку и гладит меня по щеке.

Мое сердце гулко ударяет всего раз. Затем я отдергиваюсь. Вспоминаю слова бармена: *по мне так лучше собой на углу торговать, чем своей памятью.*

— В чем дело? погоди, Люциан... Дарне.

— Я не *за это* предлагал тебе заплатить. — Не знаю, почему я так злюсь; можно подумать, раньше никогда не покупал проституток. Но *его*?

— Я не... Я вовсе не... — Он смотрит на меня, округлив глаза. Внезапно рот его кривится, и он начинает смеяться.

— Не трогай меня. — Я все еще чувствую его прикосновение на щеке, мягкое, как паутинка. И мне хочется, чтобы оно осталось там навек, но вместе с тем хочется, чтобы оно исчезло.

Он замолкает.

— Прости. Правда, извини меня. Не надо было...

— Меня не заботит, чем ты зарабатываешь на жизнь. И мне безразлично, за что тебя уволил де Хэвиленд. Я просто хочу, чтобы ты помог мне найти мою книгу, а потом оставил меня в покое.

Он открывает рот, но не произносит того, что хотел. Коротко кивнув, он разворачивается и уходит. Мне хочется повернуться и проводить его взглядом, но я сдерживаюсь, хотя это стоит мне больших усилий. Наконец его шаги стихают. Лишь когда он пропадает, я понимаю, как сильно замерз. Я дурак, что доверился ему. Не надо было давать ему денег. А может, надо было дать больше.

Красный свет солнца совсем поредел, и каждый камень на мостовой очерчен тенью. Ботинки скользят по тротуару. Под подошвами хрустит битое стекло. Перешагнув через полосу

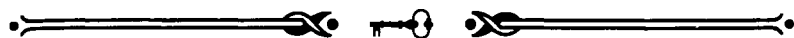
света, я оказываюсь на другой стороне улицы, где уже совсем темно. Светится окно лавки Фогатини, заклеенное газетой. Отсюда не так уж далеко до Элдерни-стрит с ее каретами и уличными фонарями. Кружит поземка на мостовой; холодный ветер хватается за щиколотки. Я шагаю как можно скорее, стараясь согреться. В мутных витринах переплетных мастерских проплывает мимо мое отражение, ссутулившееся от холода. Я вижу его краем глаза, и на миг мне кажется, будто оно — мой спутник, торопливо шагающий рядом.

Выхожу на Элдерни-стрит и останавливаюсь. Гляжу на ряды уличных фонарей и перила, отбрасывающие решетчатую тень на свежевыпавший снег. Окно де Хэвиленда светится. Должен же быть какой-то способ раздобыть этот ключ... Но если он не согласен отдать его даже за деньги... Я должен найти выход и обязательно его найду. Я что-нибудь придумаю.

Наконец холод заставляет меня повернуть к дому. Щека еще горит: прикосновение Фармера словно проникло мне под кожу. Я резко замираю на мостовой, глядя на последнюю полосу заката над горизонтом. За спиной шевелится тень. С глупой надеждой оглядываюсь, ожидая увидеть Фармера, но там никого нет. Я один.

XXIV

Утром все кажется серым, зернистым, мигающим, словно подступает мигрень. Когда я открываю дверь в отцовский кабинет, огонь в очаге трещит и пригибается на сквозняке. Мне тошно в этой комнате. Стены цвета запекшейся крови колышутся и смыкаются надо мной. Отец меня не ждет, насколько мне известно, но жестом повелевает садиться в крес-

ло, даже не подняв головы. Я сажусь. Я плохо спал, висок и челюсть ноют от боли. Осторожно разминаю лицо, надеюсь, что спазм пройдет.

— Люциан, мой милый мальчик, — наконец произносит отец, откладывая ручку и подняв брови. — Надеюсь, твое плачевное состояние не вызвано предстоящей женитьбой.

— Нет. Благодарю.

Следует пауза. Он ждет, пока я заговорю, и смотрит на часы.

Я глотаю слюну. Я репетировал всю ночь, но теперь не могу произнести ни слова. В темноте, пока все часы Каслфорда отсчитывали время, я мог думать лишь о предстоящей беседе с отцом, но сейчас заготовленные фразы застревают в горле.

— Отец...

— Возможно, лучше... — произносит он одновременно со мной, и мы оба замолкаем, неотрывно глядя друг на друга. Боль в челюсти простреливает в плечо.

Он откидывается в кресле и проводит пальцем под нижней губой.

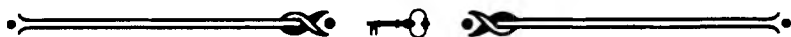
— Мой мальчик, — говорит он, откладывая в сторону промокашку, — что бы ты ни хотел мне сообщить, я слушаю.

Я киваю, смотрю мимо него на обои и закрываю глаза. Кроваво-красные завитушки отпечатываются на сетчатке, как последнее, что увидел перед смертью покойник. Мысленно окружаю себя серой стеной, но с тех пор как я вчера повстречал Эмметта Фармера, мой старый метод не помогает. Все остается цветным, пульсирующим, кроваво-красным.

— Но хочу напомнить, что у меня не так много времени, — добавляет он.

Я заставляю себя посмотреть ему в глаза.

— Мне нужна твоя помощь.

— Неужели? — Взяв перо, он принимается крутить его между большим и указательным пальцами. У него спокойное, внимательное, даже заботливое лицо. Не зная я его, подумал бы, что он меня любит.

— Де Хэвиленд, — запнувшись, отвечаю я, — он...

— Да? — Отец не шевелится, но в его глазах проскальзывает любопытство.

— Он знает... у него есть...

— Что у него есть, сынок? — Он встает и кладет руку мне за плечо. Я чувствую удушливый аромат сандалового мыла. Смотрю ему в глаза. — Ты сам не свой, Люциан. Скажи, что случилось? Наверняка мы сможем все исправить.

Я делаю глубокий вдох. В трубу залетает ветер и нагоняет в комнату дым. Глаза начинают слезиться. Если кто и в силах добыть у де Хэвиленда ключ, так это мой отец. Но мне трудно сформулировать свои мысли.

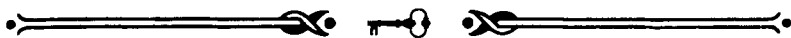
— Его ученик сказал мне...

— Что? — Отец крепче хватает меня за плечо и тут же отпускает. — А, так вот в чем дело. Ты ищешь свою книгу, верно? Значит, ты все-таки ходил к де Хэвиленду... Ну что за двуличный тип! Что ж, тревожиться не стоит. «Лайон и сыновья» — весьма надежный банк, но если хочешь, могу распорядиться перевезти твою книгу к Симпсону.

— Не в этом дело. — Я замолкаю, увидев, как загорелись его глаза: в нем пробудился инстинкт коллекционера.

— А в чем же? — спрашивает он после секундного молчания.

Я слатаываю слюну, отворачиваюсь и вытираю слезящиеся глаза рукавом. Когда я опускаю руку, взгляд падает на шкаф с диковинками. Стекло заменили. Мой взгляд опускается к по-

лу, где были пятна, — кто-то все убрал. Ковер тоже новый. Ничто в комнате не указывает на то, что здесь умерла девушка.

Я снова поворачиваюсь к отцу. Тот стоит, учтиво склонив голову; вероятно, азарт в его взгляде мне почудился. Его глаза вновь полны дружелюбия. Этот взгляд каждого заставляет чувствовать себя особенным, обещает, что все будет в порядке. Так он смотрит на меня после того, как ударит.

— Я рад, что ты пришел ко мне, Люциан. Ты сглупил, что отправился к переплетчику без моего ведома; тогда бы я смог предпринять все необходимые меры. Но и теперь я смогу защитить тебя от любых... неприятностей.

Я встаю с кресла и неуклюже пячусь назад.

— В чем дело? — спрашивает отец.

Я молчу. Из шкафа на меня смотрит мое отражение, затерявшееся среди фигурок из слоновой кости и окаменелостей. Никто не знает, что за этими полками — книги. Но я их чувствую. От них исходит жар, как из печи. Как будто Эбигейл, Марианна и Нелл находятся в этой комнате рядом со мной.

— Нет, — отвечаю я, — нет, моя книга тут ни при чем. Пустяки. Забудь обо всем, отец.

— Нет? Тогда зачем ты пришел?

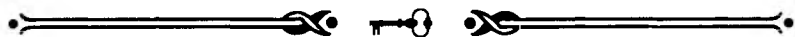
— Просто так. Неважно. — Я шагаю к двери. Меня трясет, словно я чудом спасся от падения в бездну.

— Люциан.

Его тон заставляет меня замереть.

— Прости, отец. Это неважно.

— Мне решать, что важно, а что нет. О чем ты хотел поговорить? Если не о своей книге, то о чем? — Вся отцовская благожелательность враз испаряется. Голос его, как край бумаги: острый и обманчиво мягкий.

Я оборачиваюсь. Капелька пота стекает по шее. Делаю вдох, чтобы возразить, но рот пересыхает под его взглядом. Я откашливаюсь.

Он ждет.

— Понимаешь... до меня дошел слух... — В этот момент, к моей радости, из камина вырывается облако пепла, и у меня появляется уважительная причина закашляться. — Де Хэвиленд... — Я на ходу придумываю, что бы соврать. — Его ученик сказал, что он изготавливает подделки.

— Подделки? То есть романы? — хмурится отец. — Или копии?

— Точно. Копии книг. В мастерской. Ученик говорил, что они скопировали книгу Нелл.

Отец секунду молчит и наконец кивает.

— Ясно.

— Возможно, он врет.

— Я уже давно подозревал, что де Хэвиленд нечист на руку. — Он обращается не ко мне, а говорит сам с собой. — Спасибо. Можешь идти.

— Да.

Не дожидаясь, пока он передумает, я выхожу в коридор. Там прохладно; моя рубашка промокла насквозь и липнет к спине и подмышкам. Я замедляю шаг, лишь добравшись до Голубой гостиной. Запираю за собой дверь, прислоняюсь спиной к двери и слушаю, как сердце грохочет в ушах. Головная боль накатывает с новой силой.

Зря я струсил. Надо было попросить отца о помощи. Не понимаю, что заставило меня передумать. Скажи я ему правду, он взял бы ситуацию в свои руки.

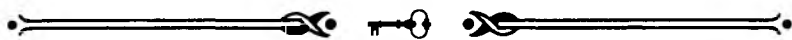
Смотрю на картину с речными нимфами, но вместо их обнаженной плоти вижу лишь Эмметта Фармера, который ждет меня в «Восьми колоколах».

За обедом я выпиваю стакан вина и хереса, а после — бренди, но успокоиться это не помогает. Тучи заволакивают солнце, и снова идет снег. Даже тусклый свет режет глаза.

Перед смертью моя бабушка бродила по комнатам и вечно что-то искала. Когда мы спрашивали, что она ищет, она останавливалась и пристально смотрела на нас, а потом отворачивалась и продолжала искать, пока не валилась с ног от усталости. Сесилия и Лизетта посмеивались за ее спиной. Я тоже, бывало, хихикал с ними. Но сейчас я чувствую себя точно так же. Мне нет покоя. Я словно гонюсь за кем-то, и этот кто-то покидает комнату за миг до того, как туда захожу я. Куда бы я ни пошел, меня везде преследует это ощущение: я чувствую чье-то теплое дыхание в воздухе, словно тот, кто мне нужен, только что вышел. Поднявшись в спальню, достаю из сундука «Воспоминания Уильяма Лэнгленда», но читать не могу. Мне не хочется больше перечитывать эту книгу. Я смотрю в окно на снег; внизу по коридору разносится голос матери, но на улице глубокая, мертвая тишина.

Не знаю, как долго я сижу там, глядя на снег, но что-то щелкает внутри, и я встаю. Торопливо спускаюсь по лестнице. Меня никто не видит.

Центральные улицы Каслфорда забиты каретами и повозками, увязшими в замерзшей грязи. Возницы перекрикиваются. Чертыхаясь, ковыляют по скользким мостовым прохожие. Из дверных проемов зыркают голодными глазами

нищие. Но стоит свернуть в переулок, и наступает тишина. Снег поглощает все звуки.

Элдерни-стрит пуста и безмолвна. Я поднимаюсь по ступеням дома двенадцать, не дав себе времени на размышления. Дверь открывается почти мгновенно. На пороге — та же дама, что и в прошлый раз; сегодня на ней зеленое платье, расшитое черным бисером.

— Я к мистеру де Хэвиленду.

— Вам назначено? — Она не дает мне ответить. — Боюсь, его нет дома.

— Я подожду.

Она бросает на меня гневный взгляд из-под стекол пенсне. Кажется, она меня вспомнила.

— Могу я спросить, по какому вы делу?

— Нет. — Я шагаю через порог. Она упрямо стоит на месте, видимо, желая показать, что может и не пустить меня, если захочет. Но в конце концов вздыхает, отходит в сторону и провожает меня в приемную.

Кроме меня, там никого нет. Я снимаю пальто и сажусь. Листаю «Парнас» и «Джентльменскую газету». Срываю одну из искусственных орхидей и раздавливаю в кулаке. От нее остается плотный комочек воска. Подойдя к окну, высматриваю де Хэвиленда на улице, но та по-прежнему пустынна. Падает снег. Смеркается.

Я пришел за ключом. Вот зачем я здесь. По крайней мере, так мне казалось. Но сейчас, стоя у окна и глядя на падающий снег, я уже не уверен. У меня нет плана. Надеяться не на что. Больше всего на свете мне хочется позабыть обо всем и вернуться домой пустым, как чистый лист. Хочу спать и не видеть сны. Я бы отдал что угодно, чтобы больше не быть со-

бой. Женщина, что была здесь вчера, — помнит ли она обо мне? Я ей завидую. Переплет представляется мне дверью, ведущей в пустую комнату. Можно стереть всю свою прежнюю жизнь и начать с начала.

В моей груди плотный узел. На языке — кислый вкус. Я был бы почти рад не знать о том, что Эмметт Фармер ждет меня в «Восьми колоколах». Не чувствовать странное беспокойство, представляя его лицо. Я хотел бы послезавтра взглянуть в глаза Онорины, не помня о том, что часть меня заперта где-то в хранилище, вдали от посторонних глаз. Все это можно решить очень просто: когда де Хэвиленд вернется...

Хватаю пальто и шляпу. Не проходит и минуты, как я выбегаю на улицу. Холодный ветер бросает мне в лицо горсть колючего снега; я стискиваю зубы. Скорей бы добраться до ближайшего паба.

«Восемь колоколов» совсем рядом, но туда я пойти не могу. Не хочу, чтобы Эмметт Фармер видел меня в таком состоянии. В «Принцессу» тоже не хочется. Сворачиваю в Библиотечные ряды. На углу одиноко светит фонарь; кроме него, лишь закопченные витрины лавок и окна мастерских освещают улицу в сгущающихся сумерках. Где-то здесь, в лабиринте переплетных мастерских и книжных лавок, должна быть таверна. Но пройдя всю улицу до угла, где стоит лавка Фогатини, я так и не встречаю ни одной. Поворачиваю обратно. Отсюда недалеко до бара Королевского театра, где собираются проститутки. Меня это вполне устроит.

Я пускаюсь в обратный путь. Снегопад усиливается, а с ним и порывы ветра. В холодном свете уличного фонаря вижу прохожего; тот спешит, прижимая шляпу к голове, чтобы ее не сдуло ветром. Глаза прохожего в тени, но свет фона-

ря на мгновение освещает нижнюю часть его лица и сальные локоны, падающие на плечи.

Де Хэвиленд. Мы всего в паре кварталов от его мастерской, так что встрече с ним едва ли стоит удивляться, но все же, увидев его, я вздрагиваю и застываю на месте.

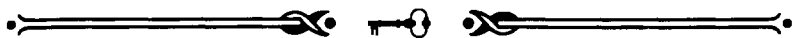
Мне не хочется заводить с ним разговор на улице; он легко может уйти. Спрятавшись в ближайшем проеме, я жду, пока он пройдет мимо.

Вслед за ним идут двое мужчин. Поравнявшись с фонарем, они незаметно сворачивают к краю тротуара, стараясь держаться в тени. Но я вдруг узнаю их — одного по росту, а другого по походке. Это Эйкр, советник моего отца, и его подручный — кажется, его зовут Райт. Шагнув на неосвещенную часть тротуара, Эйкр с помощником переглядываются. Несколько быстрых шагов, Райт нагоняет де Хэвиленда и сбивает с него шляпу. В тот же миг он заносит руку и делает это так быстро, что я не успеваю даже увидеть, есть ли у него в руках оружие. Де Хэвиленд падает, как подстреленная птица.

Я по-прежнему держусь в тени, вцепившись в стену, которая крошится и осыпается под моими пальцами. Почему я не окликнул де Хэвиленда?

Райт кладет дубинку за пазуху и оттаскивает обмякшее тело де Хэвиленда в узкий переулок. Эйкр наклоняется, поднимает шляпу переплетчика и скрывается в тени вслед за Райтом. Они продельвают все так быстро и слаженно, будто репетировали этот номер. Но их не приветствуют ни аплодисментами, ни смехом. Ветер стих, и я слышу лишь стук своего сердца.

Эйкр и Райт садятся на корточки рядом с лежащим ничком де Хэвилендом. Райт подносит что-то к его лицу. Ноги де Хэвиленда дергаются; его тело сотрясает судорога. Дрожь

замедляется и утихает. Стопы переплетчика разваливаются в стороны. Он лежит неподвижно. Эйкр кладет в карман платок и бутылъ с эфиром. Райт отпускает де Хэвиленда и разминает шею, довольно покряхтывая.

Я кашляю.

Эйкр оглядывается. В его взгляде сквозит усталость: какой-то дурак дал себя заметить; теперь придется разобратъся и с ним, думает он. Но потом он узнает меня.

Если он и удивлен, то не показывает этого. Улыбка пробегает по его губам.

— Мистер Люциан, — здороваеся он, — добрый вечер.

— Добрый вечер, Эйкр. — Мой голос звучит спокойно и уверенно. Я наклоняю голову, чтобы получше разглядеть лицо де Хэвиленда. Тот дышит. Если у него и остался синяк от удара, то на затылке. Переплетчик выглядит безмятежно спящим. Я смотрю на него и слышу голос отца: *«Я давно подозревал, что де Хэвиленд нечист на руку»*... — Мой отец велел вам... сделать это?

Эйкр улыбается.

— Шли бы вы домой, сэр. Опасно гулять по темным подворотням с приходом ночи.

Мне хочется задать еще вопрос, но я решаю молчать. Боюсь услышать ответ. Смахнув сажу с рукава, медлю, подбирая нужные слова.

— А... остальное?

— Пожар в мастерской, — отвечает Райт. — Что может быть хуже — пожар там, где полно бумаги? Переплетчик оказывается в ловушке, никто не слышит, как он зовет на помощь. К счастью, другие рабочие в тот день решают пораньше разойтись по домам.

— Замолкни, — приказывает Эйкр так коротко и тихо, что я чудом слышу его голос. Затем он поворачивается ко мне. Выражение его глаз изменилось. Реши мой отец, что ему не нужен наследник... — Сэр, к вам это не имеет отношения. При всем моем почтении.

— Разумеется, — с улыбкой отвечаю я. — Простите, что помешал. Но раз уж я здесь... — Я присаживаюсь рядом с де Хэвилендом и выворачиваю его карманы прежде, чем Эйкр успевает понять, в чем дело. На мостовую со звоном высыпаются монеты, часы, таблетница. Носовой платок. Портсигар. Связка ключей. Я хватаю ее; ключи позвякивают на кольце. Дверные; ключ от шкафа и подставки для графинов; маленький блестящий ключ с гравировкой «Лайон и сыновья» и большой, бронзовый, старинный, грубее остальных.

Эйкр протягивает руку.

— Они нам понадобятся.

Я смотрю ему в глаза.

— Да. Разумеется. — Раз они решили инсценировать пожар в мастерской де Хэвиленда, им надо проникнуть внутрь без взлома. Принимаюсь возиться с ключами. Медлить нельзя, не то Эйкр вырвет связку у меня из рук. Его рука уже подрагивает от нетерпения, но я успеваю снять большой ключ с кольца и сунуть его в карман.

Смотрю на Эйкра и улыбаюсь.

— Больше мне ничего не нужно. Благодарю.

— Ваш отец знает об этом?

— Естественно.

Эйкр выжидает секунду, затем пожимает плечами и принимается ковырять в зубах ногтем. Он губастый, как рыба; десны у него розовые.

Я встаю.

— Удачи вам со... всем остальным.

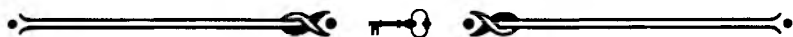
— Спасибо, сэр. — По голосу и не скажешь, как пристально он смотрит на меня, оценивая, чего от меня ждать.

Киваю и ухожу. Первые десять ярдов меж лопаток покалывает: жаду, что вот-вот меня ударят под колени или череп пронзит ослепительная боль. Но ничего не происходит. Наконец я останавливаюсь у окна книжной лавки и бросаю взгляд назад. Эйкр и Райт выходят из переулка. Райт несет на плече де Хэвиленда. Они переходят через улицу и скрываются в узком проходе, который даже переулком назвать нельзя. На углу стоит какой-то оборванец и пытается прикурить размокший окурок. Подняв голову, он быстро отворачивается. Должно быть, таким зрелищем здесь никого не удивишь.

Снова начинается снегопад. Пушистые снежинки слипаются по нескольку и, как перышки, проплывают мимо.

Я спешу к перекрестку с Эддерни-стрит, поскользываясь на заледеневших лужах, спрятавшихся под свежим слоем снега. Кости от холода налились свинцом; идти тяжело, но я не замедляю шаг, пока не оказываюсь посреди Эддерни-стрит, в шаге от того места, где пересекаются Вокзальная улица и Рыночная площадь. Горят фонари. В центре улицы пробка из экипажей. Под портиком Королевского театра кучкуются проститутки, укутанные в плащи с оторочкой из крашеного кроличьего меха и линялых страусиных перьев. Одна из них машет мне рукой, но ее пробирает дрожь, и улыбка превращается в гримасу.

Я должен отправить записку Фармеру с указанием места и времени встречи. Лучше всего в полночь, в тихом безлюдном месте. Он не говорил, куда нам предстоит отправиться. Я планировал взять лошадей из наших конюшен, но сейчас

возвращаться домой нельзя. Отец не должен меня увидеть — Эйкр наверняка расскажет ему про ключ. Мне нужно найти постоялый двор; там я смогу написать записку и отогреться, пока не настанет время уезжать. А лошадей можно взять напрокат в городской конюшне. Нащупываю ключ в кармане: он никуда не делся. Оглядываюсь и думаю, куда лучше пойти: в «Фезерс» или «Гросвенор». Но стоит чуть шевельнуться, и у меня кружится голова. Неожиданно накатывает волна тошноты. В желудке булькает кислота, поднимаясь к горлу. Я прислоняюсь к витрине ближайшей лавки и дрожу так сильно, что лоб бьется о заледеневшее стекло.

Даже если де Хэвиленд еще жив, ему осталось недолго. А все из-за того, что я рассказал отцу. Я мог бы предупредить де Хэвиленда, окликнуть его, но не сделал этого. Я беспомощно переминаюсь с ноги на ногу. Презрение к себе переполняет меня. Если я вернусь домой сейчас... Но мне страшно. Если отец узнает, что я солгал, и решит наказать меня... Однажды он уже грозился упечь меня в приют для умалишенных. И он не блефовал. При мысли об этом по спине бежит холодок. Почему я не герой? Почему я не из тех, кто готов был бы рискнуть собой, чтобы спасти де Хэвиленда? Но я не такой.

Дрожа, укутываюсь в пальто. Я должен был предвидеть последствия своих поступков. Но уже ничего не изменить. Я убил человека. Этот звук, когда Райт ударил его... и сдавленное бульканье, вырвавшееся из горла, когда де Хэвиленд вдохнул эфир... судороги, ужасное подергивание напряженных конечностей... Все это моя вина. Только моя.

Жду, пока пройдет дурнота. Взгляд проясняется. В витрине лавки разложены веером разноцветные перчатки. Они тянутся ко мне пустыми пальцами. Ужас стихает, сменившись

притупленным чувством стыда. Так вот что чувствуют убийцы и трусы. Неудивительно, что я отправился к переплетчику. Если в моей книге есть нечто подобное, я обязан ее найти.

Теперь у меня есть ключ. Ключ, купленный ценой жизни де Хэвиленда.

Я вытираю рукавом лицо. Как бы страшно мне ни было, пути назад нет. Делаю глубокий вдох, поворачиваюсь и останавливаю экипаж.

XXV

Тем же вечером снег прекращается. Но ветер не утихает. Он разгоняет тучи, обламывает ветки деревьев и сдувает пыль с каменных плит, скрепленных известковым раствором. Когда я добираюсь до Рыбного рынка, на небе, залитом молочно-белым светом полной луны, не остается ни облачка. Рыночная площадь искрится под луной, будто пустая сцена, залитая светом прожектора. Сюда не доносится шум экипажей с главной улицы; его приглушают ряды домов. Тишину нарушает лишь отрывистый стук копыт. Мне не нравится ехать в связке со второй лошастью. Боюсь привлечь внимание; боюсь, что кто-то узнает меня и сообщит отцу. Но никто даже не смотрит на меня, кроме нескольких проституток у Королевского театра, оставшихся здесь в столь поздний час.

Происходящее так похоже на сон, что я отчасти не надеюсь встретить Фармера. Но он ждет меня под часами, как и условлено. Закутавшись в мое пальто, топчется на месте, чтобы согреться. Услышав топот копыт, удаляется в тень, но потом видит меня.

— Дарне, — произносит он, — я уже решил...

Фармер не договаривает и выходит на свет. Проворно вскочив в седло, он вырывается вперед, не говоря больше ни слова. Я щелкаю языком, погоняя лошадь, и следую за ним. Башенные часы бьют полночь.

Первые несколько миль пути я думаю лишь об одном — как бы поскорее выехать из Каслфорда. Каждый перекресток, закоулочек и тень вызывают вспышки воспоминаний и зловещие предчувствия. Мне чудится звук удара металлической дубинки о кость и голос Эйкра, приказывающий остановиться. Я представляю, как Фармер падает с лошади, захлебывается кровью и бьется в судорогах, прежде чем лишиться сознания. Но вот мы проезжаем последние недостроенные дома на окраине, и я вздыхаю с облегчением. Воздух становится чище; в нем не чувствуется ни угольного смрада, ни фабричного дыма. За чертой города просторнее и светлее. Запрокидываю голову. На самом горизонте, куда не добирается свет луны, небо густо усеяно звездами.

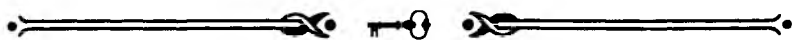
Мы на краю леса. Тени ложатся на снег черными и серебристыми полосами. Впереди лес густеет, и тени углубляются. Дорога хоть и освещена, но справа и слева от нас тянется беспросветная тьма. Во мраке слышатся шорохи. Сверкают лисьи глаза. Мой конь догоняет лошадь Фармера и тихо ржет.

Мы едем рядом. Фармер все так же молчит. Лошади ступают медленно; ритм их шагов убаюкивает меня, и я почти засыпаю.

— Что случилось с де Хэвилендом? — спрашивает он.

В абсолютной тишине его слова звучат, как ружейный выстрел. Я машинально натягиваю поводья и чуть не останавливаю лошадь.

Фармер поднимает брови. Его взгляд прояснился, щеки порозовели.

Мой голос звучит хрипло и сдавленно, словно я заговорил впервые за несколько дней.

— А почему ты решил, что я все тебе расскажу?

— Ты можешь довериться мне. Терять тебе нечего.

— Неправда. Я могу все потерять.

— Не прикидывайся, Дарне. Я и так знаю о тебе больше, чем ты сам. — Он смотрит на меня с полуулыбкой.

Он прав. И, как ни странно, мне все равно, сколько он знает обо мне. Меня это больше не тревожит. Я отвожу взгляд. Черно-белый лес то расплывается перед глазами, то вновь обретает ослепительную резкость. Я слишком устал; больше нет сил лгать.

— Помощники отца усыпили его эфиром и хотят сжечь мастерскую. Вместе с ним.

— Что? — Фармер резко сдерживает коня.

Зря я ему сказал. Он таращится на меня, и в тишине я вижу, как изумление на его лице сменяется осознанием.

— Я не мог их остановить.

— Сжечь мастерскую? Целиком? А как же рабочие?

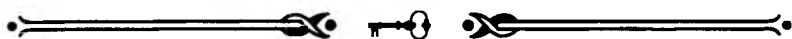
— Там никого не будет, только де Хэвиленд, — отвечаю я, будто это может послужить оправданием. Будто одна ужасная смерть не считается.

— И все равно, нельзя же... Ты, что ли, не понимаешь? Это убийство.

Я и сам про себя рассуждал точно так же. Но когда я слышу это из его уст, мне становится трудно дышать.

— Я все понимаю. Но мы не сможем им помешать. Мне очень жаль.

— Но мы должны хотя бы попытаться. Поехали назад! — Он разворачивает лошадь.

Я закусываю губу. Любой порядочный человек на его месте сделал бы то же самое. И я должен был поступить так же. Если бы я тогда окликнул де Хэвиленда... Но уже слишком поздно.

— Мы не сможем ему помочь, — отвечаю я. — Возвращаться нет смысла.

— Но мы могли бы...

— Отец все решил и уже не остановится. Попробуешь ему помешать — сгоришь в мастерской вместе с де Хэвилендом.

— Но мы должны помочь! — Фармер гневно смотрит на меня. — Или ты позволишь головорезам убить его?

Я не в силах вымолвить ни слова. Мое молчание становится ответом на его вопрос.

— Люциан...

— Прошу. Прошу, не надо. Ты тоже умрешь. А если ты умрешь из-за меня... — Мой голос срывается. Неважно: пусть считает, что я беспокоюсь только о себе. — Если мой отец узнает о том, где я сейчас, он запрет меня в приюте для умалишенных. — Но с какой стати Эмметту мне верить? И почему его должна заботить моя судьба? Я потворствовал совершению убийства. Я трус. Должно быть, он теперь меня презирает, а может, презирал и раньше.

Мы молчим. Я опускаю голову и чувствую на языке металлический вкус. Затем показываю на тянущуюся впереди дорогу.

— Просто скажи мне, куда ехать.

Он начинает объяснять, но замолкает. Легкая поэмка вьется над сугробом сбоку от дороги. Наконец он щелкает языком и снова разворачивается.

Фармер отъезжает все дальше и дальше в том направлении, куда мы двигались изначально, и наконец оглядывается

через плечо. Мне не верится, что он передумал, и я не знаю, почему он это сделал, но это кажется чудом, и по телу разливается тепло.

Должно быть, он надеется получить хорошую награду. Вот и все. В этом дело.

Я пришпориваю лошадь, и та неохотно пускается в галоп. Вскоре я догоняю его; дальше мы едем молча. Тропа и окружающий пейзаж все те же. Такое ощущение, что мы попали в колесо: бесконечная заснеженная дорога и мрачный лес по краям. Но мне все равно.

Проходит много времени, прежде чем Фармер спрашивает:

— Вероятно, я тоже должен был оказаться в той мастерской? Сгореть вместе с де Хэвилендом?

Я не отвечаю, но глаза сами косятся в его сторону. Он мрачно хмыкает.

— А почему Эйкр не отправил де Хэвиленда к другому переплетчику и не стер ему память? Обычно он так поступает.

— Не знаю. — Я смахиваю прядь, упавшую на глаза. На морозе волосы заиндевели и слиплись. Фармер отводит взгляд. — А откуда ты знаешь, как он обычно поступает?

Уголки его рта напрягаются. Наконец он пожимает плечами.

— Это долгая история.

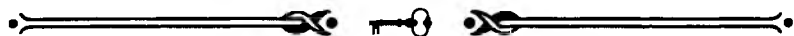
— Я не спешу.

Фармер фыркает.

— Я не смог бы тебе рассказать, даже если бы очень захотел.

— Скажи, ты не пытался шантажировать моего отца?

— Ради всего святого, хватит уже обвинять меня в шантаже! — Он разворачивает лошадь ко мне боком. — Не хочу

я тебя шантажировать. Как тебе это втолковать? Я верну эти проклятые полкроны, все до последнего пенса. И пальто отдал бы прямо сейчас, вот только боюсь замерзнуть до смерти.

Я не отвечаю. Он медленно разворачивает лошадь, готовясь ехать дальше. Вытирает губы. На лбу его бьется жилка.

Тени от лошадиных копыт то удлиняются, то укорачиваются на неровных сугробах. Впереди поворот. Справа виден просвет, исчезающий за деревьями; посреди опушки дымится дровяной стог⁸, но вскоре он пропадает из виду. Ухает сова; мой конь шарахается в сторону. Кровь пульсирует в висках.

Тропа вьется вверх по холму и спускается в каменистый овраг.

— Ты мог бы сказать им, где я, — говорит Фармер, снова поравнявшись со мной.

— Не глупи. Зачем мне это?

— Так почему ты не сказал?

— По-твоему, я должен был выдать тебя?

— Я лишь хочу спросить, не жалеешь ли ты об этом теперь.

Я растираю лоб: кожа совсем онемела от холода.

— Ну, хорошо, я не выдал тебя, потому что ты можешь привести меня к моей книге.

Он кивает.

— Точно. Все дело в твоей книге.

— Да. — От холода у меня даже губы занемели, а язык еле ворочается. — На что ты намекаешь? Есть еще какие-то причины, почему меня должна заботить твоя судьба?

⁸ Кучное (костровое) утлеживание — старинный способ производства угля, при котором дрова укладывали в стог, накрывали и поджигали. Дрова обугливались 1-2 дня, после чего костер разбирали.

— Действительно, какие еще могут быть причины. — Фармер откашливается и сплевывает комок слизи; харчок проваливается под снег, оставляя в сугробе четкий след, похожий на лист дерева. Затем хлещет лошадь поводьями по загривку, и та пускается галопом. Он не оглядывается. Я молча еду следом.

Мы едем и едем. Ничего не меняется. Монотонность убаюкивает, и я все-таки засыпаю. Потом становится светлее, и я, вздрогнув, открываю глаза. Лес кончился. Перед нами расстилаются болота, голые и блестящие под луной. Дорога, словно водяной знак, еле-еле видна. В одном месте она сворачивает, и я вижу темное пятно — может, дом, а может, просто небольшая каменистая возвышенность.

— Давай остановимся. Мне нужно справиться нужду, — бросает Фармер через плечо.

Он спешивается, я слышу глухой удар его подошв о землю. Пошатываясь, Фармер показывает на деревья и скрывается в тени. Я тоже слезаю с лошади. Я страшно замерз; все тело болит. Долго ли мы ехали? Пожалуй, несколько часов. Луна клонится к горизонту. Достая часы и вижу, что забыл их завести. Пальцы липнут к заиндевавшему футляру.

Фармер выходит на свет. Теперь моя очередь — я направляюсь в подлесок, ступая по глубокому снегу. Поначалу мне кажется, что на таком холоде у меня не получится даже растянуть штаны, не то что помочиться. Приходится снять перчатки. Закончив, долго вожусь с ширинкой, застегивая неподатливые пуговицы.

— Пойдем же, я совсем замерз, — окликает меня Фармер и замечает, чем я занят. — Тебе помочь?

Я густо краснею, и кожу начинает пощипывать.

— Не глупи.

— Я пошутил.

— Ага. — Застегиваю последнюю пуговицу, а когда поднимаю голову, вижу, что он все еще смотрит на меня и улыбается — кривовато, неохотно, но искренне. В его улыбке нет насмешки. И на секунду за привычной серостью мне словно приоткрывается вход в другой мир, расцвеченный красками; становится светлее и просторнее, точно кто-то приподнял крышку сундука, где я был заперт все это время.

— Тебя подсадить? — Он встает рядом с моей лошадью и переплетает пальцы, сделав ступеньку.

Сперва я думаю отказаться. Но на рыночной площади он вскочил в седло так проворно, изящно и спокойно, будто делал это всю жизнь. Я же могу взобраться на лошадь лишь со ступеньки и при попутном ветре. Без помощи Фармера мне, возможно, это не удастся.

— Спасибо, — выдавливаю через силу.

Он улыбается, словно понимает, что я чувствую.

— Так давай же, садись. — Фармер легко подсаживает меня. От холода мышцы задеревенели, но я вскакиваю в седло без усилий. Он садится на свою лошадь. И по-прежнему улыбается, но не мне.

— Что тебе нужно, Фармер?

Его улыбка меркнет. Он вдруг начинает озираться, словно только что проснулся и не понимает, где находится.

— Что ты имеешь в виду?

— Я тебя не понимаю. Говоришь, что деньги тебе не нужны. Шантажировать меня ты не собираешься. Ты презираешь меня, но при этом мне помогаешь. Почему?

— Презираю тебя? Люциан...

— Не называй меня Люцианом!

Он моргает. Его лицо непроницаемо. Долго молчит и наконец пожимает плечами.

— Ладно. Забудь.

Я подхлестываю лошадь поводьями.

— Поехали.

— Знаю, что ты ничего не помнишь. Прекрасно понимаю это... Но как бы мне хотелось...

Я приподнимаюсь в седле и впиваюсь пятками в лошадиные бока. Голос Фармера вдруг начинает звучать невнятно и искаженно, будто он говорит под водой. Затем все расплывается перед глазами. Я оказываюсь один в пустоте. Воздух мерцает; все залито светом. Кружатся вихри звезд... Моргаю, и все исчезает. Я снова на болотах. Встряхиваю головой. Звезды рассыпаются и меркнут.

Мы на том же месте. Фармер смотрит мне в глаза.

— Что? — Я все еще вижу перед собой падающие и сгорающие звезды.

— Неважно. Как же это глупо. Давно бы пора оставить попытки, но я не могу.

— Что... что это было?

— Не волнуйся. Ты прав. Уже поздно. Точнее, рано. Поехали.

— Погоди... ты пытался рассказать мне о чем-то, верно? — То же самое было с Нелл. Мир, утекающий сквозь пальцы, как вода. Ощущение, что не за что зацепиться. Даже если бы я протянул руку и ухватился за ближайшую ветку, рука прошла бы сквозь нее, как тень сквозь дым.

— Забудь. — Секунду он молчит, а потом коротко усмехается.

— Ты делал это раньше. Верно? Когда приходил к нам домой. Ты заговорил, и мир вокруг стал каким-то... чудным. Не делай так больше.

Но он не смотрит на меня.

— Поехали. Я жутко замерз.

— Ты меня слышал?

— Мы найдем твою книгу, и все будет в порядке. — Фармер прищелкивает языком, и его лошадь трогается с места.

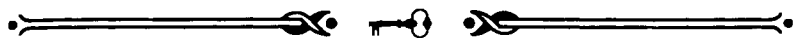
Я смотрю на спину Фармера. Никогда ничего не будет в порядке. Я убил человека. Но станет лучше. Перед глазами вдруг возникает картинка: потайное отделение моего сундука. Бутылка бренди, «Воспоминания Уильяма Лэнгленда» и моя книга. *Воспоминания Люциана Дарне*. А может, действительно арендовать ячейку в банковском хранилище? Вроде нашей семейной ячейки в банке Симпсона, где во тьме плесневеют отцовские акции и бабушкины бриллианты? Но смогу ли я спать спокойно, зная, что книга где-то далеко, а не под рукой?

Фармер ускакал уже далеко. Пришпориваю лошадь, чтобы та шла быстрее. Она устало переходит на бег. Но Фармер тоже ускоряется, и мне так и не удастся его нагнать. Он ни разу не оглянулся.

Когда мы подъезжаем к дому, луна уходит за горизонт. С запада идет широкая облачная гряда, но сияния звезд и отраженного от снега света пока хватает. Лошади трусят вперед, а я испытываю одно желание — спать.

Фармер наконец останавливается и спешивается.

— Приехали.

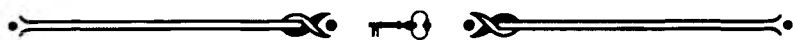
От усталости и холода в глаза словно песка насыпали. Вытираю глаза рукавом. Дом больше, чем я ожидал; наполовину деревянный, с тростниковой крышей, решетчатыми ставнями и резным орнаментом на входной двери. Его занесло снегом: у стен высятся сугробы по пояс. На кончике шнура от дверного колокольчика выросла сосулька.

Мы обходим дом со стороны и оказываемся в квадратном внутреннем дворе. С одной стороны двор огорожен домом, с трех других — сараем и конюшней. Земля вымощена камнем; кровля на хозяйственных постройках относительно новая. Видно, что здесь живут небедные люди, но руки у них до хозяйства не доходят. Из-под конька крыши выбился комок соломы и свисает вниз, обросший гирляндой замерзших капель. Здесь тоже все в сугробах со следами птичьих и крысиных лапок. Но стены укрывают от северного ветра, и снег неглубокий. Фармер легко открывает дверь конюшни и загоняет лошадей внутрь. Я помогаю ему открыть дверь нараспашку. Внутри пахнет сыростью и гнилью. Он морщится.

— Пару часов переждут. Отправимся в путь с первыми лучами солнца.

Я слишком замерз, и мне все равно. Забиваюсь в угол, пытаясь согреться, а он заводит лошадей в стойла. Разбивает ледяную корку на ведре с водой. У меня даже мозги заledenели — думать не получается.

Фармер то и дело посматривает на меня, но не прерывается, пока не устраивает лошадей в стойлах. Он обтирает их пучком соломы и только после этого подзывает меня. От конюшни к дому ведет дорожка; в стене виднеется дверь черного хода. Из просвета между постройками на нас взирают болота — бескрайняя белая пустошь. Смотреть на них не-

выносимо. Кружится голова. Пошатываясь, я захожу в дом и вздыхаю с облегчением, укрывшись за его стенами.

Но внутри так же холодно, как на улице, и даже холоднее. Ледяной воздух царапает горло. Лишь тогда до меня доходит, что в доме никого нет. Воздух спертый и неподвижный; под дверь нанесло сухой травы. Одеревенело переставляя ноги, я следую за Фармером. Мы заходим в длинную комнату, уставленную верстаками, полками и странными механизмами. На столах разбросаны ножи и иглы.

— Дай мне ключ, и спустимся в подвал. — Он оглядывается на меня. — С тобой все в порядке?

— Просто замерз.

— Так разведи печь. Спички на полке. Ладно, я сам. Садись. — Он кладет дрова в печь.

— У тебя есть бренди?

— Пьяница. — Он выпрямляется, смотрит на меня, и улыбка стирается с его лица. — Сейчас поищу.

Я киваю. Мысли вяло ворочаются в голове, как каша. Выдвигаю табурет из-под стола и сажусь. Наконец тепло от очага раскидывает по комнате свои тонкие щупальца и дотягивается до моих ног. Облокотившись о стол, я снимаю перчатки.

— Держи.

Я и не заметил, что Фармер выходил из комнаты. Но он вернулся и протягивает мне стакан. Резкий запах меда и лаванды заставляет меня закашляться.

— Медовуха, — говорит он. — Бренди не осталось. Все выпил де Хэвиленд. — Он поднимает стакан и молчаливо салютует мне.

Медовуха оказывается вкусной и чем-то напоминает микстуру. Я согреваюсь и чувствую прилив сил. Напиток совсем

не похож на дорогой отцовский бренди, который я пью, лишь чтобы напиться. Жар и сладость скапливаются на языке. Я словно глотнул солнечного света.

— Полегчало?

— Да. Спасибо.

Сняв пальто, Фармер бросает его на стол и становится у печки, прислонившись спиной к стене. Он смотрит на меня, а я — на него. Он улыбается. Опускает голову, чтобы я не заметил, но сомнений быть не может — он улыбается.

— Что?

— Ничего.

— Почему ты улыбаешься?

Он поднимает плечо.

— Ничего не могу с собой поделать.

— Ты смеешься надо мной?

Он наклоняется и отпивает большой глоток медовухи.

— Не над тобой.

Фармер переводит взгляд на печь. Он оставил открытой заслонку, и огонь отбрасывает на пол красные блики. Языки пламени развеваются, как атласные ленты.

Выдвигаю табурет и сажусь. Теперь, когда я согрелся, я смотрю по сторонам и вижу, что комната очень похожа на мастерскую Эсперанда — муляжи книг, коробки, отрезки ткани. Или на нашу кухню: кастрюли и формы для пирогов, висящие на стенах; стол, оттертый почти до серебристого блеска. Здесь нет ни одной дорогой вещи, но именно поэтому эта комната прекрасна. Здесь нет ничего лишнего; даже разрисованные изразцы на печи там, где и должны быть. Пытаюсь рассмотреть, что на них нарисовано: узор из листьев и зверей. Свет лампы играет на лице Фармера, бросая

золотые блики на его ресницы. На его верхней губе маленький шрам.

Он вытягивает руки над самой горячей частью печи и растопыривает пальцы. Затем опускает ладони, почти касаясь металла. Мои ладони начинает покалывать. Он отводит руки, ловит мой взгляд и смеется.

— Ладно. — Фармер допивает остатки медовухи. — Готов?

— К чему?

— К встрече со своей книгой, к чему же еще. Ключ у тебя?

— Да. — Я выуживаю ключ из кармана. Тот падает на пол.

Фармер наклоняется и нащупывает его. Его движения неукложи, но он не боится. Подняв ключ, он смотрит на меня, словно ждет чего-то еще.

— Хорошо. Пойдем. — Он подходит, словно хочет помочь мне подняться на ноги. Но я предостерегающе смотрю на него, и он, пожав плечами, отворачивается.

Затем берет лампу, отпирает дверь в конце комнаты и заходит внутрь. За дверью пахнет, как в склепе, но воздух здесь мягкий, почти теплый. Я не вижу стен, но представляю, что те поросли плесенью и пушистым мхом. Торопливо спускаюсь вслед за ним, чтобы не идти по ступеням в темноте.

Внизу царит страшный беспорядок. Вдоль стен громоздятся коробки. Повсюду разбросаны незнакомые инструменты.

Фармер ставит лампу, смотрит на меня и напряженно кивает.

— Готов?

— Я уже сказал, что готов.

Он раскраснелся. Кровь, прилившая к лицу, в свете лампы проступает на щеках алыми пятнами. На висках поблескивает пот. Он вставляет ключ в замок. Я хватаюсь за край стола. Пульс дергается, как струна.

Щелкает замок, и стена открывается, как дверь на потайных петлях. За стеной — темная комната с пустыми полками вдоль стен. Фармер вздрагивает. Медленно потянувшись, он кладет ключ на стол, но промахивается, и ключ падает на пол. Лязгу металла о каменный пол вторит краткое эхо из тьмы, словно у тайной комнаты есть собственный голос.

Комната пуста.

Я поворачиваюсь и иду наверх. Фармер зовет меня по имени, но я не оглядываюсь. Тьма цепляется за щиколотки; я увязаю в ней, как в трясине.

Позади на лестнице слышатся шаги. Фармер останавливается наверху, в дверном проеме. Тишина длится бесконечно.

— Проклятье, проклятье, проклятье! — запыхавшись, произносит он и ударяет кулаком о стену.

Я беру перчатки. От холода те взмокли, словно кожу только что сняли с туши. Рядом с перчатками лежит нож. Длинный, с мое предплечье, со скошенным лезвием. Отблески пламени пляшут на острие.

Я надеваю перчатки и переплетаю пальцы, чтобы швы на костяшках натянулись. Беру шляпу. Наконец поворачиваюсь и смотрю на него.

— Естественно, ни о какой оплате и речи быть не может.

Его глаза округляются.

— Что?

Я приглаживаю прядь волос, снова упавшую на лоб, проверяю, не смялась ли лента на тулье, и надеваю шляпу.

— Ну что, едем?

— Люциан... — Он делает шаг мне навстречу. — Погоди. Я не знал. Я был уверен, что твоя книга в подвале.

Я пожимаю плечами, твердыми, как камень.

— Должно быть, де Хэвиленд передумал и вернулся сюда. Наверное, он был здесь, когда я болел, забрал все оставшиеся книги и продал.

— Кому?

— Кому угодно. Какому-нибудь коллекционеру. — Фармер раскачивается вперед и назад. Затем пинает ногой стол, и тот сдвигается на несколько дюймов. — Об этом известно лишь одному человеку, — он поднимает голову и смотрит мне в глаза. — А этот человек сейчас, скорее всего, уже мертв.

Фармер не добавляет, что де Хэвиленд мертв по моей вине, но в этом нет необходимости. Я снова вижу переулок, тело на мостовой...

Поправляю шляпу. Не хочу, чтобы он видел мое лицо.

— Все, я еду домой. — Перспектива обратной дороги в Каслфорд по холодному мрачному лесу приводит меня в такой ужас, что кости наливаются свинцом. — Задерживаться здесь бессмысленно.

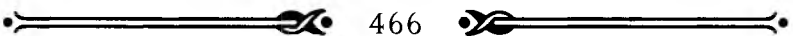
Он отворачивается. Налетает ветер, дребезжа стеклами в оконных рамах.

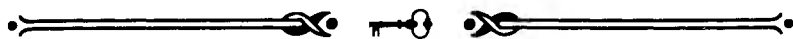
— Ты идешь?

Фармер молчит. На болотах начинается метель. Нужно отправляться сейчас, немедленно, пока нас не завалило снегом. Послезавтра у меня свадьба. Если я застряну здесь...

— Давай же. Пойдем. — Я жду, пока он шевельнется. Но он стоит неподвижно. Тогда я беру пальто и протягиваю ему. — Мне нужно вернуть лошадей в городскую конюшню.

Он молчит. И пальто не берет. Мое пальто. Я бросаю его на пол.

Он смотрит на него, но не наклоняется и не поднимает его.

— А что, если мы не вернемся?

— Как это?

Он поворачивается и смотрит на меня.

— Тебе необязательно возвращаться. — В его взгляде скользит что-то, что я не понимаю. — Ты можешь остаться.

— Что за ерунду ты несешь?

— Мы могли бы... — Он коротко и беспомощно поводит плечами. — Если бы мы остались здесь...

— Естественно, я должен вернуться домой!

— Люциан... — Он протягивает руку.

— Да хватит уже называть меня Люцианом, будь ты проклят!

Я отталкиваю его руку и пытаюсь пройти к двери. Но я неповоротлив и пьян и сильно ударяюсь пораненной рукой о стол. Запястье и пальцы пронзает боль. Вскрикнув, заваливаюсь на верстак, пытаюсь отдышаться.

— В чем дело?

— Ни в чем. — Я прижимаю руку к груди. Непрошенные слезы щиплют глаза.

— Люциан, у тебя кровь. Твоя перчатка...

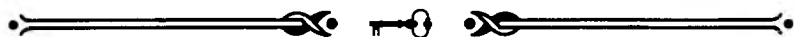
— Я знаю. — Делаю медленный вдох, выдох и снова вдох. — Ты тут ни при чем.

— Прости, я не знал.

— Ерунда.

Фармер тянется и берет меня за запястье. Я весь напрягаюсь.

— Дай взглянуть. Прошу. — Он стоит неподвижно и смотрит на меня. Наконец я киваю. Он осторожно снимает с меня перчатку и все это время держит меня за руку. — Ты сильно поранился. Что случилось?

— Я... — Откашливаюсь и утираю слезы рукавом. — Я разбил стекло. Я пытался... — Замолкаю; Фармер ждет. — Нелл повесилась. Я хотел перерезать веревку.

— Повесилась? Нелл? Девушка, которую я... которую я переплел?

— Да.

Воцаряется молчание. Он встает. Сначала я думаю, что он собирается выйти на улицу, но он идет в угол и берет пустую банку. Затем открывает окно, набирает полную банку снега и ставит ее на печку, чтобы снег растаял. Белые хлопья растворяются в воде. Фармер снимает банку с печи, берет бутылку медовухи другой рукой и закрывает окно локтем. Ставит банку на стол, молча окунает губку в воду и смывает кровь с моей ладони. Затем пропитывает губку медовухой.

— Будет больно.

Он прав. Но через миг жжение утихает, боль проходит и остается лишь тепло.

Фармер промывает губку. Я сижу, потупившись.

— Все хорошо?

Киваю.

— Точно? — Он кладет губку на стол и наклоняется ко мне. Я сжимаюсь в ожидании, что он ко мне прикоснется, но он этого не делает. — Мне очень жаль.

Я качаю головой. За окном вихрится снег.

— Я мог бы спасти Нелл, будь я настойчивее.

Он переминается с ноги на ногу, но ничего не отвечает.

Я делаю резкий вдох.

— Де Хэвиленда убили из-за меня. Потому что я солгал отцу. Я виноват и в его смерти.

Он почти не шевелится.

— Его убил не ты.

— Но я знал, что произойдет. Я понял это, как только со-
врал отцу.

Вопреки себе я поднимаю голову и смотрю на Фармера.
Он выдерживает мой взгляд. Я первым отвожу глаза.

Через некоторое время он произносит:

— Я принесу бинт.

Вспоминаю, как отец перевязывал мне руку, и отвечаю,
сжав кулак:

— Нет. Обойдусь.

— Но...

— Нет! — Я встаю. — Спасибо. Мне пора домой.

— Если не дашь перевязать, снова пойдет кровь, и на этот
раз сильнее.

— Прошу, прекрати... — мой голос обрывается, я закры-
ваю глаза.

Фармер подходит ко мне ближе, чем на расстояние вытя-
нутой руки. Я чувствую жар его тела.

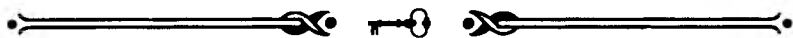
Он берет меня за запястье и нежно разгибает мои пальцы
один за другим. Мое сердце и глотку пронзает резкая опас-
ная боль, но к порезу она отношения не имеет.

Фармер наклоняет к свету мою ладонь, чтобы рассмо-
треть рану.

— Ладно, — наконец говорит он. — Но следи, чтобы не
попала грязь.

Я страшно устал. Мне хочется выдернуть руку. Если он
посмотрит на меня сейчас, то увидит... Если я упаду, он пой-
мает меня.

Ветер вое в трубе, и в воротник просачивается сквозняк.
Медленно, словно тая изнутри, я наклоняюсь вперед. Мой

лоб касается его плеча. Он замирает. Мы стоим неподвижно, еле дыша. Все мои чувства стянулись в то место, где лоб касается его рубашки.

— Все хорошо, — очень тихо произносит он.

Но нет. Со мной не все хорошо. Он хватается меня за плечи и не дает мне упасть. Я позволяю ему удерживать меня. Слышу, как бьется его сердце. Когда я поднимаю голову, он смотрит на меня пристально, колеблясь. Он видит меня насквозь; я у него как на ладони.

В этот момент у меня еще есть шанс отодвинуться. Но я этого не делаю.

XXVI

Под утро метель затихает. Когда я просыпаюсь, стоит мертвая тишина. Никогда еще я не спал в комнате, где было бы так тихо. Я слышу лишь гул ветра на крыше, свое дыхание и дыхание Эмметта.

Кровать стоит у окна. Свет то тускнеет, то снова разгорается: ветер гонит облака по небу, и те заслоняют солнце. В окно виден уголок голубого небосвода. Его заволакивают обрывки облаков. Солнце отражается от сосульки и отбрасывает кольца света на деревянный пол.

Выпутываюсь из одеял, стараясь не разбудить Эмметта. Тот вздыхает, подтягивает колени к груди и сворачивается калачиком, натянув одеяло и зарывшись лицом в подушку. Я вижу лишь его ухо и край щеки. Мои губы еще помнят прикосновение к его коже: горячей, слегка шероховатой, соленой от пота. Тепло разливается по телу — отголоски прошлой ночи. Мне хочется, чтобы случившееся повторилось

вновь, а потом еще и еще. Хочется забыть обо всем другом: о моей жизни, отце, свадьбе. О моей книге.

На краткий миг я позволяю себе помечтать: что будет, если я останусь здесь? Если я не явлюсь на свадьбу, отец отречется от меня. Но это не так уж плохо. Мать будет тосковать, но у нее есть Сесилия с Лизеттой. Она привыкла игнорировать все неприятное, у нее хорошо получается притворяться. Я бросаю взгляд на Эмметта. Вот бы растолкать его сейчас и сказать, что я не смогу уехать, что это невыносимо... Он потягивается, его веки трепещут, и он открывает глаза. Видит меня, улыбается и снова проваливается в сон. Я едва сдерживаюсь, чтобы не поцеловать его. Закрываю глаза. Как же быстро бьется мое сердце. Я никогда не чувствовал ничего подобного. Прошлая ночь была восхитительна; желание сбило меня с ног. Я желал Эмметта так сильно, что забыл о том, кто я такой. Мне стало безразлично, кто я; я целиком отдался страсти. И Эмметт вместе со мной. Это напоминало танец — он уступал мне и вел меня... Как будто он уже знал меня, знал мое тело в мельчайших подробностях. В конце я кричал, как заблудившийся в лесу. Но сейчас, в холодном свете дня, меня пробирает дрожь. Мы с ним совсем не знакомы.

Как бы мне хотелось верить, что вчерашняя ночь что-то значила. Но в его ласках я уловил не нежность, а опыт. Когда он впервые поцеловал меня, вопреки всему мне показалось, что он невинен. Словно он никогда не прикасался ни к кому, кроме меня. Но потом я понял, что это абсурд. Никто не способен вытворять такое в постели, не имея большого опыта. Денег он не просил, но... Он оказался гораздо больше похож на меня, чем я думал. И если я скажу ему, что хочу остаться здесь с ним, он рассмеется мне в лицо.

Но даже если не рассмеется, как быть с де Хэвилендом? Нелл? Моей книгой? Лучшего я не заслуживаю. И что бы ни случилось прошлой ночью, ничего не изменится.

Пол холодный, как лед. Моя одежда свалена в кучу под окном. Я вытягиваю из кучи рубашку и чувствую, что та отсырела. Зубы стучат, пальцы не слушаются, застегивая пуговицы. В конце концов я оставляю воротник расстегнутым, а галстук засовываю в карман. Беру сапоги, выхожу из комнаты на цыпочках и спускаюсь по лестнице. Отвалившийся кусок кровли стучит о дверь. Я замираю от испуга. Но нет, за дверью никого.

Огонь в печи погас. В мягком белом свете мастерская похожа на натюрморт: полотно с изображением скудной обстановки северного дома. Унылый коричневый и цвет слоновой кости. Мой плащ висит на высоком книжном прессе.

Я снимаю его онемевшими пальцами и, поворачиваясь, чуть не спотыкаюсь о рубашку Эмметта. Она лежит там, где я ее бросил, прежде чем он повел меня наверх. Поднимаю ее и вспоминаю, как он дрожал, когда я расстегивал пуговицы. Я тоже дрожал, но не от холода. Прижимаю к лицу холодное льняное полотно. Рубашка пахнет Эмметтом; я чувствую кедрово-перечный запах его пота. Мне хочется ее надеть.

Но нет. Я вдруг вижу себя со стороны, как будто заглядываю в окно снаружи: небритый, с налитыми кровью глазами, стою и нюхаю грязную рубашку какого-то чужого парня. Парня, которому нельзя доверять. Как смеялся бы сейчас надо мной отец! Одна ночь — и я весь размяк, словно подхватил заразу.

Бросаю рубашку на пол и отпихиваю ее ногой. Она залезает под деревянный шкаф. Если Эмметт станет ее искать,

след на пыльном полу ему укажет. А достать ее можно линейкой. В любом случае, рубашка дешевая. Старая. Ради такой рубашки не стоит даже корячиться и лезть под шкаф.

Дверь черного хода не сразу поддается. За дверью нанесло сугроб, и поначалу я даже боюсь, что не выберусь из дома. Ступаю в глубокий снег, и ледяной ветер чуть не сбивает меня с ног. Колющие льдинки с шипением врезаются мне в щеки и жалят лицо. Я бреду вдоль стены дома по колено в снегу. Петли на двери конюшни заледенели. Приходится бить ногой в дверь, чтобы лед треснул. В конюшне лошади безмятежно жуют солому. Если я оставляю одну лошадь здесь, отцу придет счет из городской конюшни. Заберу обеих — Эмметт застрянет на болотах.

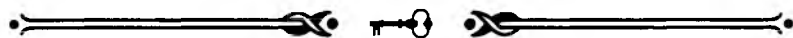
Наконец я беру только одну лошадь, объясняя это тем, что не справлюсь с поводьями сразу двух на морозе. Вывожу ее во двор и неуклюже забираюсь в седло.

Лошадь трусит от дома к дороге, а я все время оглядываюсь. Он проснется, говорю я себе. Он услышит. Испугается, куда я делся. Но вокруг полная неподвижность. Лишь дом таращится на меня пустыми окнами.

Мне предстоит долгий путь в Каслфорд.

Домой я возвращаюсь затемно. Во всех окнах горит свет. Дверь открывает Бетти, растрепанная, с выбившимися из-под чепца волосами; на ее переднике — пятна пыли. За ней новая служанка осторожно ступает по свежeweымытому полу и несет рыбу на серебряном подносе. Она украдкой бросает на меня взволнованный взгляд. Бетти произносит:

— Ах, мистер Люциан! Пришел портной от Эсперанда. Он в гостинной.

Под лестницей и у входа в столовую на пьедесталах стоят огромные букеты. Алые розы, папоротники, темно-зеленые восковые листья, острые, как зубцы ножовки. Кроваво-красные лилии. Бетти нервно топчется — ей не терпится вернуться к работе.

— Сэр? С вами все хорошо?

— Да. Разумеется.

В доме так тепло, что меня начинает подташнивать. Бетти бросается ко мне, чтобы взять пальто и шляпу, но я отмахиваюсь. Служанка толкает дверь столовой, и я вижу множество яств, расставленных на буфете, — ужин во французской манере⁹. Я улавливаю запах вареной рыбы и чего-то более сытного, кажется, дичи. Сам вешаю пальто и шляпу и прохожу мимо Бетти в гостиную.

Мать встает.

— Дорогой, — произносит она, — ну наконец-то. — Она жестом показывает помощнику Эсперанда, что тот может подойти ко мне. — Мистер... как вас там? Мистер Эллок проявил немалое терпение, дожидаясь тебя, Люциан.

— Доброго вечера. — Я киваю ему. От одного этого движения у меня кружится голова; комната плывет перед глазами. — Мама, не могла бы ты позвонить и попросить принести чаю? Я не ел уже... — Я замолкаю. Воцаряется тишина. Лизетта отрывается от плеец с вышиванием и смотрит на меня, по-кошачьи прищурившись.

— Боюсь, ты слишком сильно задержался, — отвечает мать. — Слуги очень заняты. Поэтому сегодня мы пили чай пораньше. — Она улыбается. Но следующая за ее словами

⁹ Французская подача блюд — это когда все блюда подаются на стол одновременно, в том числе десерты. Более привычный для нас порядок подачи называется русским: первое, второе, третье.

тишина, взгляд Лизетты, заметившей мою небритость, и Сесилии, украдкой похрустывающей кусочком сахара, свидетельствуют о том, что отец приказал матери не расспрашивать о том, где я пропадал.

По просьбе Элкока я послушно примеряю жилет. Он закальывает ткань булавками, не глядя мне в глаза, лишь изредка тактично и тихо просит меня поднять или опустить руки. Моя рубашка взмокла от пота, от меня воняет лошадьми и мокрой шерстью. Лизетта морщит нос. Но никто не произносит ни слова. Наверное, я единственный, кто за всеми этими запахами чувствует еще один — сухой мускусный запах кожи Эмметта Фармера.

Наконец Элкок уходит. Он прощается со мной, коснувшись шляпы. После его ухода мама поворачивается ко мне с улыбкой. Отняв у Сесилии сахарницу, она произносит:

— Как хорошо, что ты не нервничаешь, дорогой. Накануне свадьбы женихи часто места себе не находят. А ты как ни в чем ни бывало продолжаешь... заниматься своими делами.

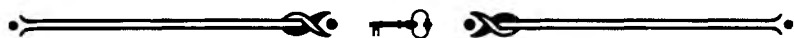
Я подхожу к окну и отодвигаю штору. Сад освещен мерцающим свежим снежком; я смотрю на него поверх своего отражения в стекле. Вдоль каждой тропинки горят цветные фонарики.

— А с чего мне нервничать, мама? — Мамино отражение тербит кисточки на подушке. — Я наконец примерил костюм, и волноваться больше не о чем.

— Ты прав. И костюм тебе очень к лицу. — Я поворачиваюсь, и мы улыбаемся друг другу. — Не забудь, сегодня к ужину надо выйти в вечернем платье. Через час подадут аперитивы.

— Тогда я пойду приму ванну.

— Хорошая идея, дорогой.

Закрываю дверь, оставляя за ней журчащий смех, и иду по коридору к лестнице. Цветов стало еще больше — словно темные буйные джунгли выросли в углу. На низком столике стоит поднос с пустыми бокалами для шампанского. С щелчком открывается распашная дверь на половину слуг; на пороге, смеясь, появляется новая служанка. Увидев меня, она останавливается и осторожно приседает в книксене. В руках у нее многоярусная ваза с фруктами.

— Попроси Бетти набрать мне ванну, будь добра.

— Да, сэр. — Поднимаясь по витой лестнице, я чувствую на себе ее взгляд.

Мне хочется лечь и уснуть. Но на кровати разложена чистая одежда. В вазочке на ночном столике алая роза дожидается, чтобы я вставил ее в петлицу.

Завтра мы с Онориной будем спать уже в другой комнате, приготовленной для нас в глубине дома. Комната красивая, с окнами в сад. На обоях рисунок из гранатов: они напоминают мне разинутые рты, набитые зернами. Кровать занавешена темно-красным бархатным пологом. В детстве я иногда двигал полог и забирался на эту кровать. Помню красноватый мрак, душную глухую тишину. Там я притворялся, что умер.

В дверь стучат.

— Ванна готова, сэр.

— Спасибо. — Секундой позже поворачиваюсь сказать Бетти, чтобы принесла мне бренди, но вижу, что она уже ушла.

В ванной полно пара, как в турецкой бане. Кто-то плеснул в воду слишком много розового масла. Я немедленно погружаюсь в горячую воду. Оттираю грязь и продолжаю тереться мочалкой еще долго после того, как отмылся. Затем кладу голову на краешек ванны и закрываю глаза. Внизу бьют часы;

я заставляю себя вылезти из теплой ванны и иду в свою комнату одеваться. Пожалуй, я слишком замешкался; если не поспешу, то опоздаю. К дому съезжаются экипажи. Гравий хрустит под ногами гостей. С улицы доносится визгливый смех и возглас: «О да, абсолютно невзрачна, но деньги Ормондов позволяют на многое закрыть глаза...»

Завязываю галстук. Румянец схлынул. Лицо в зеркале похоже на черно-белый набросок. Вставляю розу в петлицу, и та алеет, как пятно красных чернил на рисунке углем.

— Мистер Люциан? Ваша мать спрашивает, нужна ли вам помощь.

Качаю головой. Бетти смотрит на меня, пожалуй, дольше необходимого, и закрывает дверь.

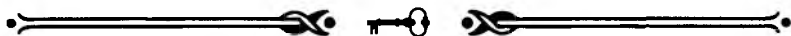
Я в последний раз смотрю на себя в зеркало. Я справляюсь. Я поправляю галстук. Я улыбаюсь.

В столовой сияет начищенное серебро и канделябры; сверкают бриллианты на обнаженной коже. Повсюду женщины в платьях цвета киновари, лазури, нефрита; глубокие вырезы. Мужчины в черных фраках с белыми манишками. По углам расставлены цветы. В центре стола — громадный букет; темно-зеленые листья расползаются по белой скатерти. Среди громкого щебета гостей не различить отдельных голосов; я точно попал в птичник.

Останавливаюсь на пороге. Подлетает мать.

— Дорогой! Ты выглядишь прекрасно. Кажется, ты знаком с сэром Лайонелом и леди Джервуд?

Мы с сэром Лайонелом обмениваемся рукопожатиями. Я целую руку леди Джервуд в атласной перчатке. Не успеваю даже рассмотреть их лица, а мать уже тащит меня к следую-

щему кружку гостей. Я киваю, улыбаюсь и шучу. Я не слышу своего голоса. В комнате очень жарко. Яркие краски режут глаз; кажется, у меня поднимается температура. Глаз выхватывает из пестрой массы отдельные мелкие детали: переливающаяся нитка жемчуга; пузырьки в бокале шампанского, мерцающие, как звезды; родинка на чьем-то обнаженном плече. С трудом концентрируюсь на разговоре. На буфете рядом с моим собеседником тает бланманже. Корона из маргариток и кусочки засахаренного имбиря почти провалились в молочную жижу. Сливочный соус с петрушкой, который подали к рыбе, подернулся пленкой и теперь напоминает лужу застывшего желтого жира с зелеными крапинками.

Гости садятся за стол. К ароматам клубничного мусса и отварного лосося примешиваются запахи горячей кожи и свечного воска. Кладу на тарелку всего понемногу и сажусь. Справа от меня гостя поправляет разваливающуюся высокую прическу и произносит:

— Что ж, может, так сейчас модно, но разве это ужин по-французски? — Ее муж незаметно закатывает глаза. — Дарне всегда гнались за модой. Что взять с этих нуворишей... — Заметив, что рядом сижу я, она замолкает и заливается краской.

Склоняюсь над тарелкой и втыкаю вилку в корку пирога с голубями. Слева от меня сидит женщина. Когда она наклоняется к тарелке, ожерелье из бирюзы цокает о фарфор. Она тараторит, заикаясь и с придыханием:

— Слышала, его сегодня тоже приглашали — ведь Флоренс Дарне знакома с леди Раншэм? Но он в глубочайшем шоке, бедняга.

Седовласая дама, сидящая напротив, поднимает бровь.

— Могу себе представить. — Она поворачивается к сидящему рядом гостю. — Джеймс, вы же слышали, что случилось с сэром Персивалем Раншэмом?

— С кем? — Ее сосед пытается удержать на ложке подрагивающий кусочек розового мусса. — А, с Раншэмом. Не человек, а тридцать три несчастья. Не видел его с тех пор, как он наступил на платье Розе Марсден. Вот была умора!

— Он ходил к де Хэвиленду.

— Хотя вряд ли его так звали на самом деле, — встревает кто-то, — слышал, это псевдоним.

— Полагаю, его настоящее имя — Смит или Джонс.

Седовласая дама продолжает, не обращая на остальных внимания:

— Вчера сгорела его переплетная мастерская, а с ней и последний переплет Раншэма... — Она делает драматичную паузу. Гости переглядываются.

— Вот черт! Не повезло болвану, — сосед старушки облизывает ложку, — ведь ему пришлось вспомнить, что он — Персиваль Раншэм.

— Джеймс, не чертыхайтесь, — отвечает старушка, но все вокруг смеются. — Что ж, я рада, что никого в нашей семье никогда не переплетали, — говорит она. — Даже если бы общение с переплетчиками не свидетельствовало о моральной слабине, существование подобных рисков — веская причина не прибегать к их услугам.

— Да будет вам, Харриет, вы слишком суровы. — Мужчина по имени Джеймс делает примирительный жест ложкой и улыбается остальным собеседникам. — Она кажется моралисткой, но уверяю вас, лет шестьдесят назад она никого бы линчевать не стала.

— Но задумайтесь, — вступает первая дама, моя соседка, — какие тайны были известны де Хэвиленду...

Я встаю. Кое-кто из гостей смотрит на меня, но они тут же возвращаются к своим беседам. Им, кажется, все равно, что их услышат. Сплетни — общественное достояние. Подхожу к буфету и наливаю себе еще шампанского. Оно теплое. Рядом пристроилась юная девушка; она стоит и хлопает ресницами, и наконец я понимаю, что она ждет, пока я предложу ей закуски. Показывая на угощения, она произносит:

— Как романтично, правда? Вы и мисс Ормонд. Вы словно принц из сказки — выбрали ее, несмотря на то что она... Ее же сегодня здесь нет, верно? У Ормондов сегодня отдельный прием? Хотя вряд ли они могут позволить себе нечто подобное. Да, винограду, пожалуйста. И ложечку бланманже. Благодарю.

Я улыбаюсь ей. Она встряхивает светлыми кудряшками и уходит.

Откуда ни возьмись появляется мать. Наклонившись к самому моему уху, она шепчет:

— Рада, что тебе весело, дорогой. Ты самый привлекательный мужчина из всех присутствующих. И, кажется, ты очаровал леди Джервуд. Твой отец будет очень доволен.

От матери пахнет петрушкой. Отец, сидящий на другом конце столовой, ловит мой взгляд и поднимает бокал. Я киваю ему и выхожу в коридор, миновав группу мужчин с лоснящимися от жира лицами. Миную цветочные заросли в коридоре и собираюсь подняться наверх, но на лестнице, перегнувшись через перила, стоят две девчонки и хихикают. Моя рубашка взмокла от пота, в глаза словно песка насыпали. Хочется найти тень и слиться с ней.

Я иду дальше по коридору и открываю дверь в Голубую гостиную. Лампы зажжены, в камине горит огонь, но комната пуста. Нимфы взирают на меня с полотна над каминной полкой; их мокрые руки переливаются перламутром, глаза спокойны и безразличны. Гирлянды водяных лилий увивают их, как похоронные венки. Я закрываю за собой дверь и впервые за вечер вздыхаю полной грудью.

Кто-то затушил сигарету в чернильнице. Окурочек еще дымится. Подхожу к столу и тушу его, обрывая ниточку дыма. Кто-то листал грессбух: тот открыт на записях прошлого месяца, да и письма клерка перепутаны.

— Прошу прощения. Боюсь, я очень любопытен. Да и письма лежали на виду.

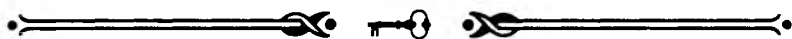
У окна стоит мужчина. Он отвешивает небольшой поклон. Я слегка теряю равновесие, качнувшись на пятках, но радуюсь, что не вздрогнул; выпитое шампанское притупило реакцию.

— Ты, должно быть, сын Пьера, — произносит незнакомец. — Люциан, верно? Я лорд Лэтворти, мы с твоим отцом... Скажем так, у нас общие интересы. Рад знакомству.

— И я рад, — отвечаю я и складываю письма аккуратной стопкой. Лорд Лэтворти ни капли не смущен и, видимо, даже не собирается смущаться, сколько бы я ни ждал.

— Я тебя испугал? Прости. — Он так снисходительно говорит со мной, будто это я забрался в его комнату, а не наоборот. Он делает шаг вперед и пристально смотрит на меня. Никак не пойму, улыбается он или нет. У него темная борода и прямые брови. Он среднего возраста, моложе отца. — Люциан Дарне. Как же я рад нашей встрече. Очной встрече, я имею в виду.

— Благодарю.

— Несомненно, все это, — он указывает на дверь, по всей видимости, подразумевая весь дом, гостей, свадьбу и целый мир, — порядком действует тебе на нервы? — Он смотрит на меня с искренним любопытством. Впервые за сегодняшний вечер кто-то уделяет мне полноценное внимание. Последним, кто смотрел на меня так, был...

— Прошу, садись, — говорит лорд Лэтворти, и я отчего-то повинуюсь. Он разваливается в кресле напротив, откидывает голову и вздыхает. — Какой цирк, верно? Должно быть, нелегкое испытание для такого чувствительного юноши, как ты.

— А почему вы решили, что я чувствительный?

— И юноши, который не питает... особых романтических чувств к своей невесте.

— Я глубоко уважаю мисс Ормонд.

Он тихо усмехается.

— Нет нужды притворяться, Люциан. — Он кладет ногу на ногу и наклоняется ко мне. Сперва мне кажется, что его глаза выражают сочувствие, но потом я понимаю, что это не так. — Наверняка я не единственный, кто это заметил. Тебе, должно быть, очень одиноко.

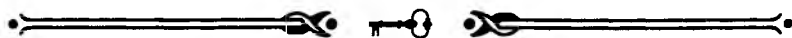
— Не понимаю, на что вы намекаете.

— Правда? — Он по-прежнему неотрывно смотрит на меня. — Я просто... скажем так, я легко могу представить себя на твоём месте.

Я таращусь на него. Пульсирующая боль пронзает мои виски и исчезает так же быстро, как появилась.

— Прошу прощения, — бормочу я и встаю, опираясь о подлокотник кушетки. — Меня ждут гости отца.

Пытаюсь пройти мимо него к двери, но он быстро встает, и мы чуть не сталкиваемся нос к носу. Я не успеваю отреагировать.

ровать. Он слишком близко. От него горько пахнет табаком и чем-то еще, резким, смолистым. Янтарем или деревом.

— Люциан, — мягко произносит он, — подожди.

— Что вам нужно?

Он вроде бы собирается что-то сказать, но вместо этого протягивает руки к моему воротнику и ослабляет мне галстук. Я не могу пошевелиться. Вспоминается школа, шестой класс; я так растерян, что не могу даже бояться... Неужели он... Но он лишь медленно развязывает узел моего галстука. Шелк тихо шелестит. Я чувствую тепло его тела сквозь жилет и рубашку.

Я оцепенел. Меня захлестывает волна тошнотворного тепла. На мгновение перед глазами возникает лицо Эмметта: ясный взор, в глазах решимость и почти испуг.

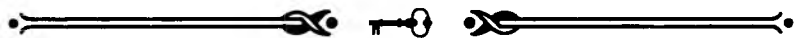
— Мне пора.

— Куда спешить?

Я смотрю ему в глаза. Карие, как у Эмметта.

Я делаю вдох. Мне хочется провалиться сквозь землю. Или вернуться во вчерашний день, к тому моменту, когда весь мир перестал существовать.

Тут Лэтворти откашливается, и сухой кашель разрушает мое оцепенение. Я отстраняюсь. Он смеется. На нетвердых ногах выхожу в коридор, все еще слыша за спиной его смех. В коридоре гости прощаются с матерью. Та оглядывается, видит мой развязанный галстук и расстегнутую рубашку, и с лица ее вмиг исчезает всякое выражение. Точно так же она смотрит на отца, когда тот выходит из комнаты служанки. Мать продолжает расшаркиваться с гостями — гомонящей сверкающей толпой в цилиндрах и мехах. Из столовой доносятся волны смеха; они то стихают, то нарастают. Я подхожу к лестнице и поднимаюсь вверх, с трудом переставляя ноги.

Закрыв за собой дверь спальни, сажусь на кровать. Мир распадается на вертикальные полосы. Кружится голова, и не только от выпитого шампанского.

Прошлой ночью мне на миг показалось, что я не такой уж плохой человек. Но сейчас я ненавижу себя. Есть много слов, характеризующих таких, как я: порочный, презренный. Я не понимаю. Откуда лорд Лэтворти узнал обо мне правду? Но как-то ему это удалось. Вероятно, запах порока въелся в меня, как запах пота. Или крови. И то, о чем я забыл, — оно еще хуже. Что бы я ни натворил, мой проступок так ужасен, что даже родной отец теперь меня презирает.

Но что бы я ни натворил, оно стерто. Забыто. И пока память о случившемся хранится за семью замками, я могу жить дальше.

Завтра в то же время все будет уже позади.

— Мне дурно. Правда. Как ты можешь быть таким спокойным? Я места себе не нахожу, а ведь от меня требуется лишь одно — не уронить кольца.

Я поворачиваюсь и бросаю взгляд на Генри Ормонда, чье лицо позеленело, за исключением веснушек. Напомаженные волосы торчат, как пакля.

Он наклоняет трясущуюся голову.

— Прости, это у нас семейное. Онорину вчера целый вечер от волнения мутило.

Я не отвечаю.

— А сколько человек собралось? Небось несколько сотен. Бедная Онорина, она терпеть не может быть на виду.

— Двести.

— Батюшки святы. У меня столько знакомых-то не наберется.

— У меня тоже.

Я поворачиваюсь и, прищурившись, смотрю на солнце, струящееся в высокие окна. Ратуша напоминает остов корабля; раньше я никогда не замечал, какой тут высокий потолок. Балки увешаны белыми лентами и флердоранжем — и как только слуги умудрились подняться под самый потолок? Стены тоже украсили гирляндами. Деревянные панели на стенах отчищены до серебристого блеска, и окна кажутся больше, чем на самом деле. Но стоит гостям начать рассаживаться, и стены будто сдвигаются. Словно поднимающийся уровень воды в реке, неумолимо усиливается шум. Голоса, смех, извинения мужчин, наступивших на подошвы роскошных платьев. Скрип отодвигаемых стульев и шарканье подошв гостей, наконец отыскавших свое место. Любой звук отзывается эхом.

— Сколько времени?

Киваю в сторону золоченых часов над входом. Ожидание невыносимо. Все чешется. Хочется снять перчатки и расчесать руки до крови. А еще я готов убить за стакан бренди. В кармане лежит фляга, но все смотрят на меня.

— Красивые розы.

— Благодарю. — Сегодняшние цветы светлые, нежные — розы, фрезии и еще какие-то мелкие, похожие на рюши детского платяца и ниспадающие каскадом. Лилий нет.

— Твои сестры выглядят чудесно.

— Хорошо.

Оглядываюсь на сестер. Те сидят в первом ряду с моими родителями. Пышные телеса Сесилии затянуты в лиф из лиловой тафты. Она держит наготове кружевной платочек. Ли-

зетта в темно-синем платье цвета павлиньих перьев, в волосах жухнет ветка аконита. Она чистит грязь под ногтями кончиком шляпной булавки. Я перевожу взгляд на отца. Тот кивает мне. Я так поспешно отворачиваюсь, что Генри вздрагивает.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я.

— Да. Прости меня. Ты, наверное, хочешь, чтобы я замолчал?

— Да. Если тебе несложно.

Но в тишине только хуже. Я уже жалею, что попросил Генри молчать. Поворачиваюсь и начинаю пересчитывать розы цвета пергаментной бумаги в самой большой корзине. Корзина стоит перед столиком, где нам предстоит подписать брачное свидетельство. Он украшен кружевом и атласными бантами, но это всего лишь стол.

Плечи сводит от напряжения. Меня мутит. Шум за спиной нарастает. Наверное, уже все собрались, и ждать больше не придется. Смотрю на часы, но оказывается, что осталось еще пять минут. Проверяю карманные часы — они показывают то же время.

Мысли путаются. Когда я был маленьким, отец однажды разбил термометр, чтобы показать мне ртуть. Ее нельзя было взять в руки. Шарик делился на много маленьких шариков, и те разлетались по комнате. Вот и сейчас у меня схожее чувство: что-то сверкающее ускользает из рук, и поймать это невозможно.

Снова поворачиваюсь к гостям. Кажется, все собрались. Я вижу Хэмблдонов, Черити и Элеонору Сток-Браун. Рене Деверо пришла в накидке с головой соболя, скалящего зубы. Саймон и Стивен Симмондс явились с матерью. На Саймоне галстук с эмблемой нашей старой школы. Наши взгляды

случайно пересекаются, и он сочувственно морщится. Я заставляю себя улыбнуться в ответ. Потом поворачиваюсь и оглядываю собравшихся по другую сторону прохода — гостей со стороны Ормондов.

Узнаю лишь несколько лиц. Роза Бель Марсден. Алек Финглас, во фраке смахивающий на гробовщика. Братья Норвуды сидят на соседних стульях. У них одинаковые носы и одинаковые жены, увешанные драгоценностями. Лорд и леди Лэтворти. Лорд Лэтворти читает программку; жена что-то шепчет ему, и он смеется. Поднимает голову. Наши взгляды встречаются. Он улыбается и кивает, словно вчера не произошло ничего из ряда вон выходящего. Затем отворачивается и что-то отвечает жене.

Но секундой позже он снова смотрит на меня, видимо, решив, что я отвернулся. В его взгляде интерес. Он словно что-то знает обо мне. Что-то личное.

Он читал мою книгу.

Вдох застревает в горле. Не знаю, как я понял, но я уверен. Кровь отликает от сердца; оно разбухает в груди и колотится, как молот. Меня бросает то в жар, то в холод.

— Люциан? Что с тобой?

Я отворачиваюсь. Должно быть, мне почудилось; я перенервничал, вот в чем дело. Слишком сильный цветочный запах. Слишком много глаз направлено на меня. Слишком медленно ползет к часовой отметке резная минутная стрелка. Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы снова не взглянуть на лорда Лэтворти, но все же смотрю на него.

— Люциан? Люциан! Ты куда? Тебе нельзя...

Я отталкиваю Генри плечом. В конце зала есть запасная дверь, я не очень понимаю, куда она ведет. Впрочем, мне все

равно; если понадобится, я бы вылез и через окно. Генри что-то кричит мне вслед, но я даже не оборачиваюсь.

— Я быстро, — бросаю ему.

— Но она придет через две минуты!

Захлопываю дверь у него перед носом.

Сбоку от здания — утопленный переулок, исхоженный сотнями ног. Не разбирая дороги, дохожу до конца и внезапно оказываюсь у входа в ратушу. К парадному входу ведет широкая лестница. Подъезжает карета, и женская фигурка в кружевах спускается на тротуар, чуть не споткнувшись. Ветер развевает юбку, как белый флаг. Мистер Ормонд поддерживает Онорину и ведет ее вверх по лестнице. Порыв ветра поднимает вуаль; я вижу ее раскрасневшиеся щеки. Ясные глаза. Тонкая рука в кружевной митенке сжимает букетик роз. На пальце сверкает бриллиант, что я ей подарил.

Если я поспешу, то вернусь прежде, чем кто-либо заметит мое отсутствие.

Сворачиваю за угол и перехожу дорогу. Люди толпятся в очереди на омнибус. Двое мужчин заглядывают в витрину мясной лавки; женщина с корзинкой недовольно цокает на меня языком. Я разворачиваюсь, подхваченный толпой прохожих. В лицо брызжет слякоть.

— Городские новости, — выкрикивает продавец газет. — Власти снижают налоги! Переплетчик погиб при пожаре!

Мужчина останавливается и покупает газету. Я подхожу к прилавку и роюсь в карманах. Денег у меня нет. Продолжаю делать вид, что ищу монеты, а сам наклоняюсь и читаю мелкий шрифт.

Трагическое происшествие вчерашним вечером привело к... секретарша, мисс Элизабет Бреттингэм, сообщила, что выживших нет... призывают обратить пристальное внимание на условия хранения легковоспламеняемых материалов...

Мне становится дурно.

Перед прилавком вырастает торговец, загораживая газету.

— Будете покупать или нет?

— Нет. Прошу прощения.

Я отхожу от прилавка. В любой момент из ратуши выйдет Генри. Но мне некуда бежать. Домой я пойти не могу. Стою на тротуаре, не в силах двинуться, словно под ногами у меня не мостовая, а зыбучие пески. Давай же, решай. Шевелись!

Ныряю в арку, ведущую в галерею. Здесь я по крайней мере под крышей. Отталкиваю человека, стоящего в проходе; тот протягивает руку и хватает меня за запястье. Я пытаюсь вырваться, но он крепко держит меня.

— У меня нет... — начинаю объяснять я.

— Решил сбежать? — спрашивает он.

Это Эмметт Фармер.

Я таращусь на него. Будь это галлюцинация, он бы выглядел, как в прошлый раз, когда я его видел, или, по крайней мере, был бы раскрасневшимся и смеялся, возможно, шатался от усталости, и воротник его рубашки был бы расстегнут. Но он одет иначе: в грубый теплый костюм. Взгляд его ясен и спокоен. На нем шерстяная шапка, а на плече мешок.

За спиной Эмметта останавливается омнибус. Продавец газет продолжает выкрикивать заголовки. У входа в галерею серебристым полукругом поблескивает замерзшая лужа.

— Что ты здесь делаешь?

Он это сказал или я? Неважно. Он по-прежнему держит меня за запястье мертвой хваткой.

Я откашливаюсь, иначе боюсь не узнать свой голос.

— Что ты здесь делаешь? — повторяю я.

— У нас свободная страна, — отвечает он, но выражение его лица не соответствует его дерзкому тону. — Хотел увидеть тебя. И ее. — Он колеблется. — Твою жену.

— Что ж, — я с трудом сдерживаю глупый болезненный смешок, — боюсь, ждать придется дольше, чем ты рассчитывал. — У меня не получается сдержаться. Нервный смешок вырывается произвольно, как кашель.

— Что происходит? Ты должен быть в ратуше. — Он кивает на соседнее здание.

— Я сбежал.

— Сбежал? Вот просто взял и сбежал? — Он на миг замолкает. Наверное, мы оба сейчас думаем об одном и том же: что я и от него сбежал. Но он не дает мне времени объясниться или извиниться, даже если бы мне было что сказать. — А как же мисс Ормонд?

— Не знаю.

Он прищуривается.

— Что случилось?

Я качаю головой. Перед глазами стоит ее раскрасневшееся лицо под взлетевшей на ветру вуалью. Она просила меня быть добрым к ней.

— Люциан, что ты делаешь?

— Я не могу на ней жениться. Она... она хороший человек и заслуживает лучшего.

Эмметт отпускает мою руку и отворачивается. В галерею забегают две девушки. Одна из них поскальзывается на мо-

кром мраморе, и подруга ловит ее. Они смеются, и их смех похож на металлический лязг фабричных машин. Эмметт провожает их взглядом.

— Значит, мисс Ормонд стоит поблагодарить тебя за то, что ты бросил ее у алтаря?

— Этого я не говорил. — Я смотрю себе под ноги. Мне-то казалось, что Фармер должен понять меня. Кажется, моя рана начала кровоточить: я чувствую влагу, но кровь еще не пропитала перчатку насквозь. Распрямляю пальцы; лайковая кожа натягивается и с трудом отрывается от липкой ладони. — Просто это неправильно. Этот брак не принесет ничего хорошего ни ей, ни мне. Так ли важно, почему?

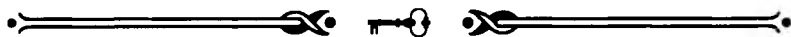
— А я? Мне тоже стоит тебя поблагодарить за то, что ты... Впрочем, неважно. — Я открываю рот, но он отворачивается. — Я же сказал — неважно.

Воцаряется тишина, нарушаемая лишь криками газетчика, торопливыми шагами и хрустом колес по полузамерзшей грязи. Мисс Ормонд ждет меня в ратуше. Кто-то наверняка отвел ее в сторонку. А Генри отправился на мои поиски, изо всех сил пытаясь скрыть отчаяние.

Фармер вздыхает, снимает шапку, вытирает лоб внутренней стороной кисти и снова надевает головной убор. Наконец он говорит:

— Ты правда хочешь сбежать?

— Кое-кто из гостей посмотрел на меня там, в ратуше. — Я чувствую кислый привкус во рту. Вкус металла. — Он читал мою книгу. Я понял это по его лицу. Он следил за мной. — Мне не хочется рассказывать Фармеру о лорде Лэворти и о том, что случилось вчера вече-

ром. Он молчит. На улице лопается ось; кто-то кричит, и ему отвечают еще громче. Я пожимаю плечами. — Вот и все.

— Кто-то из гостей *посмотрел* на тебя, и ты сбежал со свадьбы?

Я беспомощно тереблю перчатку.

— Да.

— Вот уж не думал, что ты такой храбрый.

— Такой храбрый, что бросил Онорину у алтаря...

Он склоняет голову, соглашаясь со мной. Порыв ветра проносится по галерее, разбрасывая мусор под ногами. Мне почему-то казалось, что стоит мне покинуть ратушу, и все изменится. Я прислоняюсь к стене и прихлебываю из карманной фляги. Протягиваю флягу Эмметту, но тот качает головой.

Смотрю на свои идеально отполированные ботинки, запачканные грязью и мокрым снегом.

— А ты что будешь делать?

— Я заложил кое-какие вещи своей старой хозяйки, — отвечает он. — И наскреб денег на поезд до Ньютона. Хочу попытаться устроиться в мастерскую там.

— В переплетную мастерскую? Но зачем?

Он делает глубокий вдох и поправляет лямку дорожного мешка.

— Я переплетчик, Люциан.

Я киваю. Он прав. Он владеет ремеслом. Он может зарабатывать на жизнь. Может даже разбогатеть, как де Хэвиленд. Почему бы и нет?

— Только жаль, что... — Эмметт переминается с ноги на ногу. — Прости меня.

— Не надо. — Опустошаю флягу, и последние капли обжигают горло.

— Я не могу здесь оставаться, Люциан.

Слышу ли я голос Генри в налетевшем порыве ветра или мне только кажется? Откидываю голову назад и разглядываю кованую решетку на потолке крытой галереи, запачканные сажей стеклышки замысловатой формы. Прямо над нами стекло пробито. Трещины расходятся в форме звезды.

— Что ж, тогда желаю тебе удачи.

— Да.

Я протягиваю руку.

— Спасибо, что попытался мне помочь.

— Да. — Он шумно сглатывает слюну и берет меня за руку. Мы оба в перчатках. На его пальце кольцо; оно впицается мне в ладонь. Рана болит. Когда Эмметт разжимает руку и делает шаг назад, боль не утихает, а поднимается выше, словно кто-то натягивает веревку. Веревка цепляется за мое сердце, и петля затягивается.

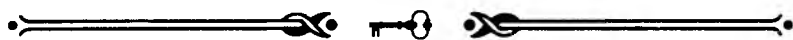
— Прощай, Эмметт.

Он кивает. И продолжает кивать. Я убираю флягу в карман. Я сильно замерз. Мимо пробегает ребенок: он катит рядом с собой обруч и заливается смехом. Чопорная гувернантка в траурном наряде ступает позади, отставая на несколько шагов.

Фармер не прощается. Он смотрит мне в глаза еще немного. Затем разворачивается и идет по галерее прочь от меня.

Я закрываю лицо рукой. Должно быть, со стороны кажется, будто я плачу. Но сейчас это уже неважно.

Надо было мне остаться в ратуше. Сейчас все бы уже закончилось.

Кожа под рубашкой чешется. Я натер ноги. Из рта пахнет бренди. Я не завтракал, и алкоголь ударяет в голову. Я мог бы заложить часы, пойти в паб и напиться. А потом утопиться в реке. Но нет, конечно же я этого не сделаю. Я пойду домой. Когда я уходил из дома утром, цветочные гирлянды на лестнице уже пожухли, красные лепестки осыпались на пол. Пустые комнаты, мертвые цветы.

— Подожди. Подожди! — Кто-то бежит по галерее и окликает меня. Я открываю глаза. Калейдоскоп красок кружится перед глазами. Я моргаю. Это Фармер.

Он бросает свой мешок под ноги и хватается за плечи.

— Что ты сказал?

— Что? Когда?

— Ты сказал, что кто-то прочел твою книгу.

Я пытаюсь сбросить его руки, но он сильнее меня.

— Да. Лорд Лэтворти. И мне стало так...

— Значит, лорд Лэтворти. Лорд Лэтворти читал твою книгу. Ты уверен?

— Да.

Его глаза округляются, он смотрит сквозь меня. Кровь пульсирует в моих жилах.

— И он был там? На твоей свадьбе? Он сейчас там? — Эмметт указывает на ратушу.

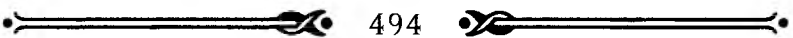
— Да. А что?

Он ударяет себя по лбу.

— Какой же я дурак! Пойдем. Я знаю, где он живет.

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду.

— Он читал мою книгу, но это вовсе не значит, что она у него.

— Я сам отвез ему коробки. Я должен был догадаться! — Он выдыхает, почти смеясь, и хватается меня за запястье. — Не спорь, Люциан. — Он бежит и тянет меня за собой, а я чуть не поскользываюсь. — Пойдем. У нас мало времени.

XXVII

Двуколка высаживает нас у ворот особняка Лэтворти. Дом стоит примерно в миле от города. От дороги его отгораживает каменная стена, утыканная чугунными остриями. За воротами виден парк и дом на пригорке. На присыпанной снегом лужайке высятся облетевшие дубы. Массивные чугунные ворота украшены ковкой в виде листьев и плодов. На фоне черно-белого пейзажа они кажутся пародией на лето.

Мы останавливаемся. Внезапно меня охватывает паника. Мои карманы пусты: в них только фляга и часы. Но Фармер опережает меня и платит кучеру. Двуколка уезжает. Фармер ловит мой взгляд и, не говоря лишних слов, тянется в карман и протягивает мне монету — полкроны.

— Мне не нужны твои деньги.

Затем смеется, переворачивает ладонь, и монета падает в канаву. Застрыв в полурастаявшем грязном сугробе, она лежит ребром вверх, почти невидимая. Я замечаю в Фармере перемену: даже когда он не улыбается, его глаза сияют. Но он ничего не говорит, лишь просит меня поторопиться.

— Какой у нас план? — спрашиваю я.

— Проникнуть в дом. Найти твою книгу. И выбраться оттуда, пока лорд Лэтворти не вернулся со свадьбы.

Быть может, Лэтворти уже на пути домой. Скоро ли он приедет? Я представляю, что сейчас творится в ратуше, и меня охватывает беспокойство. Скорее всего гости сейчас переглядываются исподтишка. Незаметно улыбаются. Женщины перешептываются, склонив головы; колышутся цветы и перья на шляпах. Расстроенный Генри возвращается ни с чем, и родственники устраивают военный совет. Мой отец совещается с Ормондами. Допустим, на это уйдет около двадцати минут; потом еще нужно будет объясниться с гостями. Если повезет, те разойдутся не сразу, а захотят обсудить новости. Посплетничать. Построить гипотезы. Позавтракать, раз стол уже накрыт. Ведь некоторые приехали издалека. Я пинаю ногой грязный сугроб, пока ботинок не обрастает снежной коркой.

Фармер дотрагивается до моего плеча.

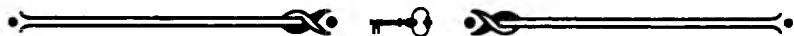
— Не думай об этом.

— Не могу.

— Пойдем. — Он ступает на тропинку, ведущую к дому. По обе стороны от нее раскинулись широкие опустевшие луга. Кучки подтаявшего снега вот-вот поглотит океан бурой травы. Если кто-то сейчас наблюдает за нами из башен, мы как на ладони. Облака нависают над нами, как потолок. Я поглядываю на небо; кажется, будто с каждым мгновением оно опускается все ниже.

Пробраться в дом. Найти книгу. Выбраться. Все очень просто.

Тропинка сворачивает в рощицу и выводит нас на вершину холма. Дом построен из того же темного камня, что и стена. Он похож на крепость. В алебастровом фонтане перед домом нет воды. Фигуры русалок исполосованы зеленой плесенью. Я не успеваю за Эмметтом.

— Подожди!

— Догоняй. — Он сворачивает влево и огибает дом. Позади — огромный двор и конюшни вдвое больше, чем у моего дяди. Окна смотрят на нас отовсюду. Блестят мокрые булыжники под ногами. В дальнем углу мужчина в рабочей одежде отрывается от своего занятия и смотрит на нас. Я останавливаюсь, оцепенев, но уже через миг он отворачивается и снова принимается поливать двор из ведра.

Эмметт окликивает меня.

— В чем дело?

— Он нас видел.

— Пусть. — Он пожимает плечами и идет через двор к двери черного хода. Я следую за ним. Он звонит в колокольчик.

— Эмметт, — я оглядываюсь. В любую минуту нас могут спросить, что мы здесь делаем. Мужчина в углу двора снова смотрит на меня, берет пустое ведро и несет в сарай. Он насвистывает. Свист кажется слишком громким.

Эмметт хмурится.

— В чем дело? — снова спрашивает он.

— Нельзя просто взять, позвонить в колокольчик и спросить разрешения порыться в библиотеке.

— Можно. Поверь.

В коридоре слышатся шаги. Чьи-то подошвы шаркают о камень.

Я оттаскиваю его от двери. Он спотыкается и заваливается вбок.

— Люциан, что ты делаешь?

— Пойдем к парадному входу. Я заболтаю дворецкого. С черного хода нас не пустят.

— Думаешь, увидят твой шикарный жилет и поверят тебе на слово?

— Все лучше, чем пытаться...

Тут дверь распахивается. На пороге стоит служанка в поношенном платье и сером переднике. На ней замызганные хлопковые нарукавники; в руках грязная тряпка.

— Салли, — говорит Эмметт, — помнишь меня? Я помощник де Хэвиленда. На прошлой неделе привез вам коробки.

Служанка таращится на него. Ее рот беззвучно складывается буквой «О».

Эмметт шагает вперед. Салли взвизгивает и чуть не спотыкается о придверный коврик. Затем, словно почувствовав облегчение, она шепчет:

— Мистер Эмметт?

— Да. Послушай...

— Но вы же умерли! Нам сказали, что вы погибли. Мистер Эннингтри сказал, что в газете написано...

Эмметт удивленно моргает.

— Я не умер. Это совершенно точно, — он расставляет руки, и мешок соскальзывает с плеча. — Смотри.

— Но... — Она поджимает губы. Впервые ее взгляд обращается ко мне. Она хмурится и слегка пружинит на месте, словно не зная, делать реверанс или нет. — Тогда ладно... пожалуй... но что вы здесь делаете? Мистер Эннингтри не предупреждал о доставке.

— Салли, слушай. Мне нужно поговорить с лордом Лэтворти. По важному делу.

— Его нет дома. Уехал на свадьбу. — Салли снова косится на меня. Я же воровато вынимаю розу из петлицы и прячу ее в карман.

— Я подожду. Проводи нас в библиотеку. Мы не доставим хлопот.

— Но мне нужно сперва спросить мистера Эннингтри... я не могу просто впустить вас в дом, вы всего лишь ученик... то есть, я хочу сказать, даже мистер де Хэвиленд сперва назначал встречу.

— Прошу, Салли, не зови мистера Эннингтри. Это секрет.

— Секрет? Меня могут вышвырнуть за такое.

— Дело касается переплета. Брось, Салли. Ты знаешь, кто я. Пожалуйста.

Она смотрит на него, хмурится, потом переводит взгляд на меня.

— Нет.

Воцаряется молчание. Салли завязывает тряпку в узел. Я чувствую запах полироли для серебра. В трещины на костяшках пальцев забились розовая паста. Служанка коротко и с сожалением кивает, глядя в пространство между мной и Эмметтом, и начинает закрывать дверь.

Эмметт ставит ногу в щель между дверью и стеной.

— Подожди.

— Простите, мистер Эмметт. Но я не могу.

— Взгляни на меня. — Он подходит ближе. Девушка неподвижно стоит на пороге и смотрит в пол. — Взгляни на меня, Салли.

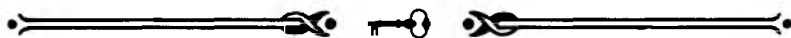
Девушка медленно поднимает голову.

Он наклоняется к ней. Его губы почти касаются ее уха.

— Делай, что я говорю, — произносит он очень тихо, — или я отниму всю твою жизнь.

Она ахает. В глазах вспыхивает страх.

— Мистер Фармер, сэр...

— Ты же знаешь, что я имею в виду, верно? Я заберу твои воспоминания и сделаю из них книгу. Ты не вспомнишь даже своего имени. — Он замолкает. Я сам еле дышу. Эмметт тихонько толкает дверь, и Салли отступает на шаг, давая ему пройти. — Поверь, мне не хочется этого делать. Ты мне нравишься. Но мне нужно попасть в библиотеку. Сейчас.

Она поднимает голову. Ее лицо побелело.

— Прошу... не надо...

— Вот умница. — Он проходит мимо нее в узкий тускло освещенный коридор и подзывает меня, не оборачиваясь. — Сейчас мы пойдем в библиотеку. А ты проследи, чтобы нас никто не побеспокоил, и все будет в порядке. Поняла?

Салли кивает и откашливается.

— А когда милорд вернется?

— Придешь и доложишь.

Салли снова кивает и продолжает кивать, не отрывая глаз от Эмметта. Она показывает в конец коридора:

— Мне проводить вас в библиотеку?

— Я помню дорогу. Возвращайся к своим делам. И никому не говори, что мы здесь. Обещаешь?

— Обещаю. — Салли ждет, пока Эмметт отпустит ее, и поспешно уходит. У двери она долго возится с ручкой, та наконец поворачивается, и дверь за девушкой закрывается.

Эмметт вздыхает с облегчением. Упирается в стену и наклоняется вперед. Он дрожит так же, как минуту назад дрожала Салли. Постояв так немного, он выпрямляется.

— Пойдем. Кажется, нам сюда. Может, и стоило попросить Салли проводить нас. Но у меня все мысли перепутались.

Он толкает другую дверь. Она ведет в такой же коридор, исчезающий во тьме, подобно тоннелю. Стены покрашены

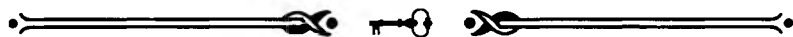

в зеленый и кремовый, как на половине слуг у нас дома. Эмметт спешит по коридору, считая двери. Наконец останавливается и открывает одну из них. Тихо чертыхается и пробует следующую. Затем хватает меня за рукав и затаскивает внутрь.

Мы в парадной половине. Слева от нас — широкая лестница с мраморной балюстрадой. Справа — двери в гостиную. Мы проходим по широкой длинной галерее. Солнечный свет проникает сквозь оконные решетки и рисует на полу ромбовидный узор. Стены увешаны огромными картинами — батальными полотнами; охотничьими сценками. Звери на картинах скалят зубы; алеет кровь.

Останавливаемся у последней двери в конце галереи. От готовности пуститься в бегство в любой момент у меня начинает болеть голова. Эмметт открывает дверь и медленно выдыхает. Он делает шаг в сторону, как часовой, пропускающая меня вперед. Затем заходит вслед за мной.

В библиотеке просторно и светло. Высокие окна со средниками, тянущиеся вдоль двух стен, выходят на липовую аллею. Две другие стены от пола до потолка заняты книжными шкапами. Столько книг я не видел даже в школе. Блестящая винтовая лестница ведет на балкон. Камин сделан из резного белого мрамора. Пухлые херувимы держат на круглых коленках стопки книг. Из-за виноградных зарослей выглядывают нимфы с удивленными глазами. Корчатся в пляске сатиры. В камине догорает огонь; пламя еще теплится. По обе стороны от камина стоят наготове ведра с песком. Кресло на ковре у камина хранит отпечаток чьего-то тела. Я представляю в этом кресле Лэтворти: спокойный, улыбающийся, он сидит и рассеянно листает мою книгу накануне моей свадьбы, по-

пивая кофе. Смесь надежды и стыда теплится глубоко в моем сердце. Если он и читал мою книгу, то должен был вернуть ее на полку. У всего есть свое место.

Под окнами стоит письменный стол. Я выдвигаю узкий деревянный стул и сажусь. Ладони взмокли от пота. Рубашка прилипла к телу.

Эмметт затворяет дверь и задвигает засов. Тихо посмеиваясь, снимает перчатки и убирает волосы со лба. Я верно подметил, что на пальце у него кольцо: широкое, серебряное, с сине-зеленым камнем. Такое кольцо мог бы носить де Хэвиленд или мой отец. Оно красивое, но видеть его на Эмметте странно. Еще вчера кольца у него не было; должно быть, украл. Он поворачивается ко мне.

— Люциан, в чем дело?

Я выдвигаю ящик стола. В нем лишь стопка кремовой бумаги. Другой ящик заперт.

— В чем дело? С тобой все в порядке?

Я наклоняю чернильницу. Чернила почти кончились. Держу ее ровно, приглядываюсь и гадаю: полоска на дне — чернила или всего лишь тень? Откашливаюсь и говорю:

— Ты правда готов был это сделать?

— Сделать что?

— Стереть ей память. Служанке. Если бы она отказалась...

— О чем ты говоришь?

Ставлю чернильницу на место и поворачиваюсь к нему лицом. Я стараюсь говорить спокойно, не повышая голос:

— Ты пригрозил забрать все ее воспоминания. Даже ее имя.

Он непонимающе моргает. Затем улыбается уголком рта.

— Конечно, нет. У меня ничего бы не вышло.

— Но ты пригрозил.

— Но у меня не получилось бы осуществить угрозу. Это невозможно. Переплести можно лишь человека, который сам этого хочет, нельзя взять и... Я переплетчик, а не колдун, Люциан.

— Но...

— Нельзя стереть человеку память без его согласия. Мы всегда получаем согласие. Даже Нелл согласилась.

— Но я думал... — у меня срывается голос. Я нервно поправляю галстук, проверяю манжеты. Они запачкались. Железнодорожник крутит. — Хорошо. Это хорошо.

— Ты же не думал... Люциан, ты серьезно?

— Нет, но просто хотел убедиться, вот и все.

— Понятно. Да уж, тут лучше без недомолвок. — Он чешет в затылке и отводит взгляд.

— Не смейся. Откуда мне было знать?

— Я не смеюсь, — отвечает он. Глаза у него светло-карие, словно мокрая кора молодого дерева. — Я бы ни за что не причинил ей зла.

В глубине дома бьют часы. Я вскакиваю со стула. Эмметт выпрямляется и оглядывается. Он меняется в лице: лицо его принимает настороженное, сосредоточенное выражение. У нас мало времени.

— Ладно. — Он поворачивается ко мне спиной. Я тоже оглядываюсь, открываю рот, но решаю ничего не говорить. И так ясно, что книг на полках не счесть. Мой взгляд скользит по корешкам в ближайшем шкафу. Сплошные имена. Сотни имен. Среди них может быть и мое.

— Тут нет никакой системы, — замечаю я.

— Это старые книги. А твоя должна быть в шелковом переплете — не в обычном тканевом и не в кожаном. Она пе-

реплетена в серо-зеленый шелк. — Он быстро проводит пальцем по ближней полке: не может быть, чтобы успел прочесть все имена на корешках. Потом бросает взгляд через плечо: — Не волнуйся. Мы ее найдем.

Я еще раз оглядываюсь. Здесь сотни книг. А может, тысячи.

— Не то... не то... не то. — Эмметт прохаживается вдоль полок. Его ноготь царапает по корешкам, и в тишине этот звук кажется очень громким, будто бы ребенок проводит палкой по железной решетке. Он доходит до угла комнаты. Снова бьют часы. Значит, прошло пятнадцать минут. Мы переглядываемся. — Здесь должна быть система. Книги не в алфавитном порядке. Но не могут же они стоять вперемешку...

Я пожимаю плечами. Мысли путаются.

Он отходит в центр комнаты и оглядывает шкафы.

— Ищи по цвету. Если лорд Лэтворти не надел на все книги защитные обложки... — Он замолкает, точно ему слишком больно такое представить. — Обещаю, мы ее найдем. Надо просто поискать. Нельзя сдаваться.

Я киваю. Должно быть, первые экипажи уже разъезжаются от ратуши. Интересно, чем занята сейчас Онорина? А мой отец? И... лорд Лэтворти наверняка уже едет домой. Поднимаю голову и выглядываю в окно. Но дорогу отсюда не видно. Я вижу лишь аллею облетевших лип, устремивших вверх свои голые ветки. Они похожи на черные перья. Бурая трава, почерневший по краям сугроб. Неожиданно мимо окна пролетает ворон. Его карканье напоминает звук рвущейся ткани, которую кто-то надрывает постепенно.

— Чего ты ждешь? — спрашивает Эмметт.

Я оборачиваюсь. Он смотрит на меня. Лицо у него бледное, напряженное. Ему как будто хочется найти мою книгу

не меньше моего. Если его поймают, то отправят на каторгу. Меня-то отец спасет от тюрьмы.

— Прости.

— Ищи книгу, ладно?

— Да. — Я направляюсь к винтовой лестнице. Железные ступени глухо лязгают под моим весом.

— Нет... нет... нет... — бормочет Эмметт.

Наверху корешки сплошь разноцветные. Не так-то просто заприметить среди них серо-зеленый. Я снова принимаюсь читать имена. Чувствую, что время истекает, как запас кислорода.

— Проклятье. Букв не разобрать. На самой нижней полке...

Я смотрю вниз через перила. Эмметт дергает замок, пытаясь открыть шкаф.

— Не глупи! Разбей стекло.

— Да. Точно. — Он смотрит на дверь, ведущую в глубину дома. Выставляет локоть и бьет по стеклу. Стекло разбивается с оглушительным звоном, слышным отовсюду.

Повисает тишина. Мне кажется, что я слышу шаги в коридоре, но потом понимаю, что это бьется мое сердце.

Эмметт шумно выдыхает, аккуратно просовывает руку в зазубренную пробоину в стекле и достает книги по одной. Читает надпись на корешке, бросает книгу в кучу, достает другую. Он совсем бледный.

— Нет.

— Продолжай. — Но он застыл, как статуя, и смотрит в книгу, раскрывшуюся у него на коленях. — Ты что, читаешь?

Он захлопывает книгу. Его шатает.

— Прости... я не смог... я не хотел... — Пошатываясь, он подходит к столу и откладывает книгу в сторону. — Книги

словно овладевают мной, и я это понимаю, но сопротивляться не могу. Прости.

— Проклятье, Фармер!

— Говорю же — я не могу сопротивляться. Я переплетчик, книги затягивают меня, как в воронку. — Он побледнел еще сильнее. — По крайней мере, теперь мы знаем, что это не подделки.

Я поворачиваюсь к полкам. Имена, имена, имена. Но моего среди них нет. Один раз попадаетесь фамилия «Дарне», и меня словно пронзает молния. Но потом я прочитываю надпись на корешке целиком: *Элизабет Сассун Дарне*.

Сассун — девичья фамилия моей бабушки. Она держалась с нами холодно, отстраненно, надменно, и вечно бродила по дому в поисках чего-то, что никогда не находилось. Но книга совсем не похожа на мои воспоминания о ней. Она прекрасна. На коричневом кожаном переплете вытиснен узор из синих-золотых ирисов. Я прижимаю палец к стеклу. Мне хочется узнать, что с ней случилось, но у меня нет времени.

Эмметт поднимается по лестнице. Я отхожу в сторону и пропускаю его, но он не проходит. Перегнувшись через перила, он наклоняется вниз. Его глаза закрыты. Лицо побелело.

— В чем дело? Фармер?

— Все в порядке.

— Вид у тебя нездоровый.

— Это все воспоминания. Поляны с колокольчиками... Свадьба его дочери... — Он ловит мой взгляд и пытается улыбнуться. — Это ужасно, Люциан. Они отняли у него жизнь.

— Да...

Я вижу Уильяма Лэнгланда, лежащего в редкой траве на меловом утесе. В жарком воздухе танцуют бабочки. Над ним

безоблачное небо. Он поднимает вуаль своей невесты, наклоняется и целует веснушку в уголке ее губ. Я отворачиваюсь, скрещиваю руки на груди. В пересохшем рту кисло.

Эмметт поворачивается. Я не оглядываюсь; не хочу, чтобы он видел мое лицо. Я все еще чувствую прикосновение его рук, помню ночь, что мы провели вместе, тепло, медленно растекающееся по телу. Но эта комната с высокими потолками сейчас кажется холоднее, чем дом на болотах. Я разглядываю штукатурку на потолке. Над нами нависли безжизненные белые фрукты, такие твердые, что об них можно зубы сло-мать.

Внезапно Эмметт подходит ко мне. Я машинально поворачиваюсь к нему, готовый протянуть ему руку. Хочется что-то сказать, но что — я не знаю.

Он проходит мимо. Я пячусь и врезаюсь в шкаф.

— Она здесь. Думаю, она... точно!

Я не сразу понимаю, о чем он говорит.

— Твоя книга. Она здесь! — Он дергает за ручку шкафа. — Здесь у него хранятся нелегальные переплеты. Воспоминания людей, которые еще живы, или живы их родственники... Смотри.

Он прав. Серо-зеленый переплет и мое имя, вытисненное серебром на корешке: *Люциан Дарне*. Мне бы порадоваться находке, но по спине пробегает холодок. Наверное, я до последнего надеялся, что моей книги не существует.

Я отворачиваюсь. Взгляд падает на мраморный барельеф с нимфами на камине. Их гладкие бедра, раскрытые губы. Рядом возлежат сатиры, лаская свои эрегированные пенисы. Я откашливаюсь.

— Хорошо. Берем книгу и уходим.

— Разумеется, а ты что думал... — Он замолкает. Дергает за ручку. Наваливается на шкаф всем весом и пыхтит от натуги.

Я отталкиваю его с пути.

— Что ты мешкаешь? Просто разбей стекло.

Но тут я вижу решетку. Чугунную решетку за стеклом.

Я стою, уставившись на темный металл, декоративную ковку, завитки, спиралевидные отростки и бутоны. Решетка похожа на заросли. Или сплетение мертвых ветвей. Кованые элементы расположены так близко друг к другу, что просунуть между ними руку невозможно.

И снова бьют часы. Эмметт смотрит на меня, затем переводит взгляд на шкаф.

— Как-то ведь можно ее достать.

— Но как?

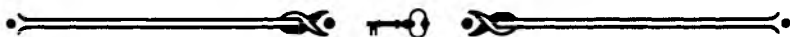
— Должен быть способ. Разбить стекло, и... Быть может, мы могли бы... — Он не договаривает. Его молчание становится самым красноречивым ответом на мой вопрос.

Я делаю глубокий вдох. На мгновение мне кажется, будто меня окружают декорации: лепнина, книги, шкафы — все это выглядит нарисованным. Я словно очутился внутри старого кукольного домика Лизетты. Даже деревья и небо за окном похожи на рисунок на бумаге, прислоненный к стеклу. На болванки из дерева или воска.

Я поворачиваюсь к Эмметту спиной.

— Пойдем отсюда. — Я принимаюсь спускаться по винтовой лестнице. Но он не идет за мной. — Оставь ее, Фармер.

— Как? Но ты не можешь... ты не можешь сдать! Люциан! — Он смотрит через перила на огонь в камине. — Погоди... и как я сразу не додумался? Необязательно доставать книгу. Если разбить стекло, мы можем сжечь ее вместе

с полкой. Неси щипцы и ведро с песком, я не хочу спалить весь дом.

— Ну уж нет.

— Скорее! Если лорд Лэтворти вернется...

— Я же сказал — нет!

Повисает тишина. Нахальный херувим над камином посмеивается над чужими тайнами.

— Не понимаю, — наконец произносит он. — Зачем мы пришли сюда, если ты готов оставить книгу здесь?

Я медленно выдыхаю.

— Мне нужна моя книга, — отвечаю я. — Но я хочу, чтобы она хранилась в безопасности. Там, где ее никто не увидит. Хочу быть уверен, что ее никто не прочтет. Только и всего.

— Но разве ты не хочешь узнать, что в ней?

— Нет.

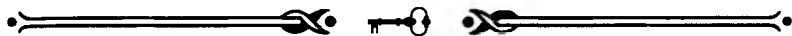
Мы долго молчим. Я смотрю на него. Он стоит, облокотившись о перила; волосы падают на глаза, щеки покраснелись. Коричневая куртка, кожаный мешок — в этой комнате он выглядит несуразно. Как вор, пробравшийся в библиотеку. Или переплетчик. Я даже не знаю, зачем он здесь.

Он тихо произносит:

— Но почему?

— Пойдем. — Я смотрю на дверь, но при мысли о том, что в коридоре мы можем с кем-нибудь столкнуться, дрожу от страха. Поворачиваюсь к окну. По каменному двору скачет сорока. Что-то блестит в ее клюве. Я подхожу ближе, присматриваюсь... Нет, почудилось. У меня начинается мигрень. Я открываю ближайшую створку окна: она узкая, но протиснуться можно.

— В чем дело? Тебе нечего бояться...

— Да неужели? — резко орываю я. — Я видел, как горела твоя книга. Я видел тебя. Со стороны казалось, что ты умираешь.

— Я имею в виду сами воспоминания. Не надо бояться их.

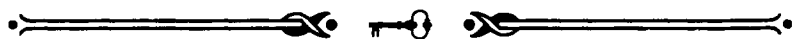
— Не смей... — Я осекаюсь. Мы оба смотрим на дверь. Тихим голосом я продолжаю: — Что бы я ни натворил, я захотел избавиться от этих воспоминаний по собственной воле. Меня никто не принуждал. Должно быть, я совершил нечто гораздо хуже того, что творит моей отец, хуже самого гнусного преступления, которое только можно вообразить... Поэтому не смей говорить, что я должен хотеть вернуть эти воспоминания.

— Я лишь хочу сказать... — Он колеблется. Пронзительный гул раздается в моих ушах, точно Эмметт собирается произнести то, что я не смогу услышать. — Не надо бояться. Обещаю, все будет хорошо. Сожги ее.

— Хватит приказывать мне! — Он морщится, и я рад, что мои слова произвели такой эффект. — Это моя жизнь, Фармер. Я все решил.

— Умоляю, Люциан. Доверься мне.

— Довериться тебе? — выплевываю я слова. Я помню, как он рыдал, когда мы впервые увиделись, и как его выворачивало наизнанку. Сейчас он смотрит на меня так же, как я на него тогда. С жалостью, презрением, изумлением. Мне так больно видеть этот взгляд, что становится трудно дышать. — С какой стати я должен тебе доверять? Потому что мы провели одну ночь вместе? — Он опускает голову, перегнувшись через перила. Я делаю шаг ему навстречу. — По-твоему, ты знаешь больше моего? Что ж, Нелл мертва. Де Хэвиленд мертва. И все из-за тебя. Так скажи, почему я должен тебе доверять?

Вопреки всему я жду, что он ответит мне. Он поднимает голову и смотрит мне в глаза, но не отвечает. На миг мне кажется, что его больше нет; что он ушел туда, куда мне путь заказан.

Я поворачиваюсь к открытому окну и отворяю створку до предела. Сорока улетает. Ее черные перья отливают синезеленым, как черный жемчут. От холода слезятся глаза. Забираюсь на подоконник, высовываю одну ногу наружу и пролезаю в окно. Спрыгиваю на клумбу, нелепо вскрикнув от боли. Вылезая в окно, я ударился боком о раму; теперь бок болит. Оглядываюсь, но вокруг никого. Бегу по тропинке меж скелетов деревьев.

Позади дребезжит окно: Эмметт спрыгивает на землю, и заиндевшая трава хрустит под его ногами. Он бежит за мной. Я не останавливаюсь.

— Куда ты пойдешь, Люциан? Вернешься в ратушу?

Яжимаю плечами. Я не могу заставить себя взглянуть на него. Посмотреть на него — все равно что сунуть руку в огонь.

Эмметт догнал меня. Он тяжело дышит.

— А что будет с твоей книгой? Ты готов оставить ее здесь?

— Теперь я знаю, где она. Попрошу отца выкупить ее.

Эмметт фыркает.

— Само собой, после сегодняшнего твой отец будет выполнять любую твою прихоть.

Я все еще не смотрю на него. В нескольких милях отсюда ратуша уже, должно быть, опустела. Отец сейчас прощается с гостями, отшучивается, делает комплименты дамам, улыбается, точно ничего особенного не произошло. Мне все равно придется вернуться домой, рано или поздно.

— Ты мог бы сам договориться с лордом Лэтворти, — замечает Эмметт. — Раз он пришел на твою свадьбу... Уве-

рен, он вернет тебе книгу, если объяснишь, что она тебе нужна.

Перед глазами встает лицо лорда Лэтворти, его алчный любопытный взгляд. Взгляд хищника. Вот почему он домогался меня вчера: я — любопытный образец, очередной экземпляр в его коллекции. Сглатываю комок, стараясь, чтобы Эмметт не заметил, что мне стало дурно.

— Может, он и согласится, — отвечаю я. — Может, мы с ним придем к договоренности.

Что-то в моем голосе заставляет его вздрогнуть и остановиться.

— Хорошо, — медленно произносит он. — А что потом? Даже если ты вернешь книгу... Что будешь с ней делать? Положишь ее в банковский сейф, подальше от посторонних глаз?

— Именно!

— И будешь лежать по ночам, мучиться бессонницей и гадать, у кого еще есть ключ? Вставать среди ночи и бежать через весь Каслфорта, чтобы удостовериться, не пропала ли она? А потом снова пойдешь к переплетчику, чтобы спать спокойно?

— Банковские ячейки нельзя просто так открыть даже самому, когда захочется...

Он, кажется, меня не слышит.

— Тебе будет страшно. Ты будешь жить в страхе. Всегда. Ты этого хочешь?

Я заставляю себя повернуться к нему лицом.

— Не беспокойся обо мне, — отвечаю я.

Тогда он отпускает меня и отходит. Рука ноет в том месте, где он дотронулся до меня.

— И что ты будешь делать дальше? — спрашивает он. Я понимаю, что на этот раз речь не о книге.

— Не тревожься обо мне. У меня хорошо получается притуплять страх и ненависть к себе с помощью бренди и бессмысленных связей.

— Прекрати, Люциан!

— С чего тебя так заботит моя судьба? Ты уезжаешь в Ньютон искать работу. Мы больше никогда не увидимся.

Он открывает рот, словно собирается сказать что-то еще, но лишь кивает. Стоит и теребит ремешок дорожного мешка. Порыв холодного ветра швыряет нам в лицо обрывки листьев.

Я поворачиваюсь и иду дальше. Глаза слезятся на ледяном ветру. Я ускоряю шаг; хочется убраться от него как можно дальше. Но, пройдя несколько шагов, понимаю, что он не преследует меня.

Оглядываюсь.

Эмметт бежит к дому.

Лишь секундой позже я понимаю, что он задумал, и бросаюсь вслед за ним, поскользываясь на мокрой траве.

— Эй! — кричу я.

Он даже не останавливается. Подтянувшись, забирается в окно, чертыхается, потирая ушибленный локоть, и спрыгивает внутрь. Забравшись следом, я вижу его у камина: он сидит на корточках и ворошит угли щипцами.

— Ты не можешь так поступить, — говорю я.

— Ты мне не мешаешь. — Он встает, зажав в щипцах пылающую головешку. Я протягиваю руку. Он инстинктивно пятится и прячет щипцы за спину.

— Я запрещаю тебе!

Он поднимает брови и проходит мимо, вытянув щипцы в сторону. На кончике головешки теплится пламя, трепеща на сквозняке.

— Ты же сам говорил, что все делается только по согласию!

Но он меня не слушает.

— А другие книги? Сожжешь мою... *Фармер!*

Он ступает на лестницу. Я хватаю его за руку. Он пытается выкрутиться; головешка чуть не выскальзывает, и его лицо искажает гримаса. Он бежит вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

— Я же сказал — я тебе запрещаю!

— Пусти! — Но я тяну его вниз. Фармер теряет равновесие на узкой ступеньке, пытается ухватиться за перила и, промахнувшись, падает в мои объятия. Я пытаюсь добраться до щипцов, но он держит их на расстоянии вытянутой руки. Давлю ему на плечо большим пальцем, и он вскрикивает от боли, но потом ему удается вырваться. Он смеется. Наша борьба похожа на танец.

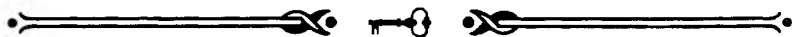
— Прекрати, просто позволь мне... о боже, какая глупость!

Фармер продолжает смеяться.

Я ударяю его по лицу, и он падает на колени. Щипцы проваливаются в щель между балясинами, и головешка катится по полу, подсакивая и рассыпая искры во все стороны. Он резко выдыхает сквозь стиснутые зубы. Я же поспешно шагаю вниз. Пусть радуется, что я не разбил ему лицо в кровь.

Фармер встает. Его взгляд мечется между мной и щипцами на полу. Мы бросаемся к ним одновременно. Он бежит, но я преграждаю ему путь. Мы деремся, отталкиваем и пинаем друг друга, как дети. Ему удается освободить одну руку, но он не бьет меня. Вместо этого он пытается по одному отогнуть мои пальцы, вцепившиеся в его плечо. Он уже не смеется.

— У нас нет времени, Люциан...

Мне трудно дышать, и я не отвечаю. Горло саднит. Я отталкиваю его. Внезапно он уступает, и мы вместе откатываемся к окну. Фармер ударяется ногой о стол; я чувствую силу удара, потому что держу его. Вскрикнув от боли, он оседает на пол. Я крепче цепляюсь за него, но он хватает меня за запястья и выskalъзывает.

— Нет! — кричу я и бросаюсь на него, пытаюсь ухватить его за плечи, воротник, горло — хоть за что-то. Он выкручивается и пригибается, стараясь увернуться. Затем вдруг останавливается, смотрит мне через плечо и хмурится. Я поворачиваюсь посмотреть, что привлекло его внимание, и пол уходит из-под ног. Ах так... Мой локоть попадает ему в челюсть. Его шея с хрустом поворачивается вбок; Фармер опускается на колени и хрипло дышит. Затем наступает тишина.

Но в этой тишине слышны тихие звуки. Потрескивание и шепот пламени.

Огонь.

Должно быть, головешка, покотившись по полу, или случайная искра попали в стопку книг, которые Фармер откладывал в сторону, просмотрев надписи на корешках. Впрочем, уже неважно, что стало причиной. Языки пламени взбираются вверх по полкам; огненные ленты с рваными краями развеваются и ударяют по стеклу. Пузырится и чернеет лакированное дерево. Книги горят, как камфора: буйным, неукротимым пламенем. Огонь проникает за стекла и забирается все выше, под самый потолок; уже пылают верхние полки. Словно лопнувшие стручки с семенами, взрываются снопы искр, разлетаются повсюду и разжигают новые пожары. Клубится дым. У меня першит в горле.

Я глупо таращусь на ведра с песком, но они уже не помогут. Падает шкаф. Лопается стекло. Огонь заглывает гору книг. Огненные когти рвут страницы. В клубах мерцающего пепла слышен шепот книг, отпускающих на волю записанные на их страницах воспоминания.

Я пытаюсь отдышаться.

— Не может быть... так быстро...

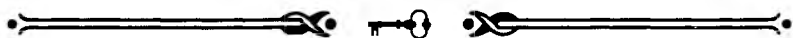
— Книги любят гореть, — говорит Фармер. — Они сгорают так быстро, потому что воспоминания не хотят оставаться запертыми на страницах. Память — летучий материал. — Он закашливается, не договорив. В дверь стучат; Салли просит впустить ее. — Хватит. Надо уходить, — кажется, он с трудом выговаривает каждое слово. — Сейчас же.

Я наклоняюсь, хватаю кочергу и взбегаю по лестнице в самое пекло.

XXVIII

Дым такой густой, что я не вижу ничего вокруг. Я кашляю. Дым режет горло и обжигает легкие. Спотыкаясь и ослепнув от слез, я бреду по балкону. Внизу ревет пламя. Стена жара преграждает мне путь. Я крепко держу кочергу; металл нагрелся, я чувствую это даже через перчатку. Совсем рядом лопается стекло. Темные точки кружатся и пульсируют перед глазами.

Времени на размышления нет. Я врезаюсь в шкаф и пытаюсь удержать равновесие. Неожиданно меня пронзает боль. Она простреливает руку. Чугунная решетка! Стекло разбилось, а прутья раскалились и жгут мне пальцы сквозь перчатку. Значит, я нашел нужную полку. Моя книга где-то здесь. Полка, где она стояла, расположена на уровне глаз; я замахиwaюсь кочергой и ударяю по решетке. Та подрагивает.

Я слышу крики. Встревоженные голоса. Фармер зовет меня по имени. Он поднимается по лестнице.

Я снова бью по решетке. Дышать тяжело; я судорожно закашливаюсь и не могу перестать. Кажется, внутри меня все опалено огнем. Темные точки закипают перед глазами; я моргаю, чтобы зрение прояснилось.

Бью еще раз, но решетка не поддается. Тогда я просовываю ее между прутьями и тяну на себя. Наваливаюсь всем весом. Я не отпущу кочергу; если решетка не согнется, буду продолжать попытки, пока не задохнусь от дыма. Когда лестница рухнет, я буду без сознания и не почувствую пламя.

— Люциан! Люциан!

Сердце судорожно бьется — сбивчивый слабый ритм сломанного барабана. Каждый приступ кашля разрывает легкие. Рот забит мокротой с привкусом сажи.

И вдруг решетка поддается. Я чуть не падаю.

Наваливаюсь на шкаф. Цветные вспышки плывут в облаке серого тумана, заволакивающего глаза. Отодвигаю край решетки и просовываю руку в шкаф. Судорожно хватаюсь за корешки. Огонь прожег перчатки насквозь, и кончики пальцев оголились. Где-то там моя книга; смогу ли я узнать ее на ощупь? Книги падают на пол; в дыму я ничего не вижу. Кто-то шепчет нежные слова. Я чувствую запах колокольчиков. Слышу громкий и страшный треск горящего дерева. Где-то рядом кричат. Пол уходит из-под ног. Клубы мрака грозят поглотить меня. Я вдыхаю кислоту. Кружится голова. Книги теплые на ощупь; они кажутся живыми. В любой момент они выскользнут у меня из рук и бросятся в костер. Книги горят так быстро. Книги любят гореть.

Я падаю.

Падаю целую вечность. И разбиваюсь. Время бежит вспять: я приземляюсь и снова падаю. Боль несет меня, как волна. Судорожно пытаюсь вдохнуть. Поднимаюсь. Вижу, что я не умер. Кружится голова; я лежу на полу. Здесь сквозь завесу дыма еще что-то видно. Шкафы; лепнина на стенах. Другие краски, кроме огненного янтарно-красного и тускло-серого. Обрушиваются стеллажи; книги соскальзывают с полок и с глухим стуком падают на пол. Вверх взвивается столп дыма, разливается и клубится под потолком. Глаза застилает серый пар.

— Люциан! — Хриплый голос перекрикивает рев и шипение огня. Я слышу смех вперемешку со всхлипами; кто-то смеется и корчится от боли. Эмметт. — Люциан, будь ты не ладен, — кричит он, — ты что, решил покончить с собой? — Я моргаю, смахивая слезы, и оглядываюсь, прищурив глаза. Лестница на месте, но...

— Хватит! — Он хватает меня за рукав. — Это опасно! Надо бежать! Прошу тебя!

Я смеюсь, но смеяться больно. Кровь закипает в венах.

— Они ломают дверь. — За дверью слышался крики. Кричат мужчины. Дверь подрагивает под их натиском. — Засов не сможет сдерживать их вечно.

— Я никуда не уйду без своей книги. — Я вырываюсь. Эмметт пошатывается, не отпускает меня, но ослабляет хватку, точно у него уже нет сил. Ему больно. Мы зря тратим время. Если сейчас я ударю его, он отпустит меня...

— Послушай, — он срывается на крик, — оставь ее. Пусть горит. Если захочешь, после я переплету тебя еще раз. Клянусь, я так и сделаю.

У меня слезятся глаза. Я смотрю наверх. Пляшущее пламя взвивается и лезет в отверстие в полу балкона; в серой дым-

•═══════════•═══════════•═══════════•

ке огонь отливают пурпуром и золотом. Шкаф с разбитым стеклом вот-вот вспыхнет.

— Что такого ужасного ты мог натворить, Люциан, что готов умереть ради этого?

Я открываю рот, и в него врывается дым. Слезы режут глаза и катятся по лицу. Я думал, что знаю причину моего страха. Возможно, я боялся, что совершил убийство. Но почему я решил, что нет ничего хуже убийства? Здесь, в слепящем пекле и дыму, среди рева пламени и грохота кулаков о дверь что-то внутри меня надламывается, и рушится последний защитный барьер. В голове всплывают обрывки кошмара — яркие, правдоподобные, пугающие. Реальные воспоминания страшны: остекленевшие глаза Нелл, повисшей на самодельной петле, служанки с пустыми лицами, де Хэвиленд в момент нападения, отец... Но за ними маячат мрачные тени всего, что могло произойти, всего, что могло быть хуже. Преступлений отца, о которых я не подозреваю, и всего, к чему он мог меня принудить. Деяния столь извращенные, столь порочные, что я могу о них лишь догадываться. Но если я способен нарисовать их в своем воображении, значит, способен и совершить?

Я судорожно глотаю воздух. Лицо взмокло от слез.

— Ты не понимаешь, — говорю я. — Я... если бы ты только знал...

И тут он прижимается губами к моим губам. Он прижимается так сильно, что это даже не похоже на поцелуй: мы ударяемся зубами, в голове звенит, боль пронзает нижнюю губу. Я все еще продолжаю говорить и слышу свой голос у него во рту. Он отстраняется немного и смотрит мне в глаза.

— Я люблю тебя, — говорит он.

На миг мне кажется, что я переносюсь в другое место. Жар огня, треск — все это продолжает существовать, но лишь сию минуту, а я вдруг слышу тишину за пределами сиюминутного и вижу пустоту, простирающуюся до самого края света. Внутри меня — абсолютный покой, как будто бы я умер.

Он смотрит на меня. В его глазах блестит отраженное пламя. Лицо встревожено, но в нем проскальзывает что-то еще — искра торжества. Огонь. Шкаф.

Я отталкиваю его. Но уже поздно. Меня захлестывает жаркая волна; я задыхаюсь. Языки пламени взвиваются вверх и достигают моего сознания; в глазах разлетаются искры.

И тут я вспоминаю правду; она ослепляет меня и горит так ярко, что поначалу я ее не вижу, но в следующий миг она прожигает меня насквозь.

Я открываю глаза и понимаю, что мир изменился.

Я не знаю, где я. Не знаю, кто я. Мне холодно. Легкие болят. Когда я пытаюсь откашляться, горло режет так, будто я проглотил горящую головешку. Боль нестерпима. Воздух обжигает легкие, как йод, пролитый на открытую рану. Лицо обожжено дымом.

Но несмотря на боль, я чувствую себя счастливым. Мое счастье глубоко и безгранично, как влажные темные поля, пробудившиеся из-под снега. Я не понимаю, откуда оно взялось, но мне кажется, будто, протянув руку, я смогу черпать его пригоршнями.

— Ты очнулся? Все в порядке?

Эмметт. Я вспоминаю его имя прежде своего собственного.

— Кажется... кажется, да. — Я хриплю. Говорить больно. Я сажусь. Голова тут же идет кругом.

— Не шевелись. Не тревожься. Ты в безопасности.

Я моргаю, пока мир не перестает расплываться перед глазами. Я не узнаю это место. Какая-то каменная постройка с открытой террасой. Крошащиеся каменные колонны, за ними — поле, а вдоль него растут деревья. Трава здесь пожухлая, бурая, как всегда зимой. Склон покрыт грязным покрывалом тающего снега. Не знаю, сколько времени прошло. Как будто я отсутствовал несколько лет. А может, целую жизнь.

— Тебе лучше?

Я киваю.

— Со временем полегчает. Первые несколько дней чувствуешь себя странно.

— Да уж.

— Потом все успокоится.

— Ясно.

Вдыхаю запах глины и опавших листьев. Старого дыма. Обожженной кожи. Рвоты. На каменном полу лужа — должно быть, меня стошнило, как Эмметта, когда он сжег свою книгу... Я морщусь. Хорошо, что я потерял сознание. Я смотрю на свои руки и снимаю перчатки. Повезло мне, что я был в них. Кожа на пальцах порозовела и саднит; к ней больно прикасаться. Почему же я так счастлив?

Из-за красок. Из-за того, что унылый зимний пейзаж вдруг стал таким ярким, что на него невыносимо смотреть. Боль ощущается ярче, а вкус сажи во рту — острее вкуса любой пищи, которую мне когда-либо доводилось пробовать. Я чувствую запах корней под землей, уснувшей природы и семян, ждущих своего часа. Я...

Поворачиваю голову и смотрю на Эмметта. Он напуган. Я начинаю смеяться. Теперь у него и впрямь испуганный вид.

— Все в порядке, Эмметт.

Он неуверенно кивает. Его лоб запачкан углем. Глаза покраснели. На скуле — багровый синяк.

Птица на крыше заливается трелью. Ей вторит ворон с противоположного края поля. Высокая журчащая трель и грубое карканье. Оба этих звука радуют слух. Я слышу колокольчик и крики вдали. Справа от нас над деревьями поднимается высокий столп дыма.

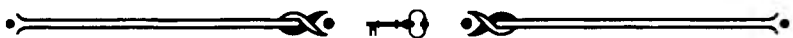
— Думаю, нам ничего не грозит. Салли никому не скажет, что впустила нас.

— Я и не волновался. — Мне даже в голову не пришло тревожиться.

— Но здесь лучше не оставаться. Правда, не знаю, куда нам теперь податься.

Я смотрю на него. Сердце пронзает дрожь. Вскоре мне захочется смотреть на него неотрывно, снова изучать каждую веснушку, каждое движение губ и каждую ресницу. Но пока еще рано. Пока я могу лишь смотреть на него украдкой и продолжать дышать.

После долгой голодовки опасно сразу набрасываться на еду. Но соблазн слишком велик. Я смотрю на поле, заросшее травой, но стоит закрыть глаза, и передо мной вырастают руины замка, двор фермерского дома и треснувший лед на замерзшем рву. Воспоминаний слишком много. Они кружатся в голове, как карусель. Наконец карусель замедляет ход. Теперь я могу разглядеть отдельные формы и детали. Блики света на сине-фиолетовом камне в ладони ювелира. Пасьянс

на выцветшем покрывале. Щенок терьера, вырывающийся из моих рук. Розовый сад, расстегнутая рубашка, кровоточащая царапина на нагретой солнцем коже. Но стоит чуть отвлечься, и перед глазами всплывают совсем другие картины: запертая дверь; еда на тарелке покрывается застывшей жирной коркой; отец с ремнем в руках. Проходят недели. Снова двор фермерского дома; запекающаяся под раскаленным солнцем пыль. Альта плюет мне в лицо. Открытое окно на втором этаже, крики, переходящие в рыдания. Лицо Альты,жимающей плечами и уступающей мне дорогу. *Давай же. Хочешь посмотреть на своих рук дело?* И Эмметт в переплетенной мастерской — смотрит на меня и не узнает.

Но даже эти воспоминания теперь не кажутся невыносимыми. Я делаю вдох. В груди по-прежнему болит, но мне уже лучше.

Дальше приходит память о том времени, когда я уже *не помнил*. После того как меня переплели, я несколько месяцев провел в оцепенении. Помню презрительные взгляды отца, ехидные взгляды Лизетты. Мое тогдашнее несчастье кажется далеким, как будто все это произошло с кем-то другим. А когда я увидел Эмметта... Я вздрагиваю, вспоминая, как он пришел к Нелл. Съеживаюсь, думая о том, как говорил с ним тогда. Тогда и потом. Я вспоминаю ночь, что мы провели вместе, — он обо всем знал, а я нет.

Я прогоняю эту мысль. Он не виноват. Будь я на его месте, поступил бы так же.

Поворачиваюсь к нему. Он настороженно смотрит на меня.

— Прости меня, — выдыхаю я. — За то, что оставил тебя. И за... за все остальное.

Он поводит плечами.

— Теперь уже неважно.

— Я ведь даже не поинтересовался, что было в твоей книге. Не расспросил о твоих воспоминаниях. Я видел, как ты сжег ее, и даже не...

— Потеряв память, начинаешь странно себя вести, — замечает он и, кажется, улыбается краешком губ. — Особенно если ты и раньше был не слишком внимателен к окружающим.

— Эй! — Мы смотрим друг на друга и одновременно отворачиваемся. Я прислоняюсь к колонне летнего дома и кладу руки в карманы. Пальцы нащупывают что-то мягкое и влажное. Я достаю из кармана розу, которую вставил утром в петлицу. Кажется, с тех пор прошла целая вечность. Бросаю ее на траву как можно дальше от себя. Эмметт наблюдает за мной, но ничего не говорит. Я делаю глубокий вдох и собираюсь что-то сказать, но говорю совсем другое.

— Ты говорил правду?

— Когда?

— Перед тем как...

— О. — Он поеживается. — Я просто хотел тебя отвлечь. Чтобы ты не бросился в пекло.

— Я спрашивал не об этом.

— Ну, знаешь... — Он встает и поворачивается ко мне спиной. Наконец он произносит: — Спроси меня завтра утром.

Я киваю. И продолжаю кивать. Мне хочется улыбаться во весь рот, но еще не время.

— Ты сжег мою книгу. Я запретил тебе, а ты все равно это сделал.

— Да.

— Так, значит. — Я смотрю на деревья. Над кронами расползается дымовой гриб. — И ты сжег не только мою книгу, но много других. Ты сжег всю библиотеку.

— Да. — Он поворачивается и смотрит на дым.

— Разве это не опасно? Если все они разом вспомнят?

— Не знаю... так вышло нечаянно. — Он косится на меня. — Это всего лишь догадка, но, думаю, большинство книг в коллекции Лэтворти были изготовлены на продажу. Люди, продавшие свои воспоминания, не прочь вернуть их. Очень на это надеюсь.

Где сейчас эти люди? Падают на колени посреди улицы. На полях. На кухнях. Память настигает их в поцелуе или в драке. Я представляю, каково это — вспомнить все. Свадьбу дочери. Первый раз, когда взял на руки новорожденного сына. Колокольчики. В груди нестерпимо ноет, и дым тут ни при чем.

Я встаю. Кружится голова. Прохожу мимо Эмметта, спускаюсь с крыльца летнего дома и ступаю на траву. Холодно. Ветер обдувает меня со всех сторон. Несмотря на холод, конец зимы уже чувствуется: воздух пропитан ароматами земли и влаги. Я прислоняюсь к колонне и вдыхаю этот запах. Из вихря воспоминаний отчетливо всплывает одно: туманные голубые сумерки прошлой весной. Я возвращаюсь с фермы в дядин дом. Я задержался на ужин, потому что Эмметт меня пригласил. Когда я прощался с ним и желал спокойной ночи, он улыбнулся мне смущенной, мимолетной улыбкой, и в этот миг мне показалось, что мы с ним одни на всем белом свете. Я шел домой, насвистывая себе под нос, приплясывал на тропинке, как танцор из музыкального театра, и тихо смеялся. На мне была рубашка Эмметта, а на

сердце — такая легкость, что я готов был взлететь. Я думаю об этом, и у меня перехватывает дух. Не знал, что для счастья нужно так мало.

Того, что было, не вернуть. Нельзя соединить осколки. Но теперь мне кое-что известно. Откидываю голову и вижу серое небо и птичьи стаи, летящие навстречу друг другу. Теперь я знаю, что я не насильник. Не убийца. Меня разбирает смех, потом я плачу, и все это время Эмметт не смотрит на меня. Наконец я утираю лицо рукавом.

— Эмметт, — начинаю я, и все мысли разом улечиваются.

Он протягивает мне руку. Меж его бровей залегла морщинка, точно он еще не до конца уверен во мне. Я беру его за руку. Наши пальцы сплетаются. Его кольцо впивается мне в ладонь.

— Значит, ты все вспомнил?

— Да.

— Все?

— Насколько мне известно. — Я снова начинаю смеяться, но смех застревает в горле. Я говорю правду; смеяться не над чем.

Он закрывает глаза. Его веки трепещут, словно он спит и видит сны. На ресницах хлопья сажки. Синяк на щеке начал темнеть. Скоро я его поцелую, но пока просто стою, не шевелясь, и смотрю на него.

До нас доносится звук приближающегося экипажа. Кто-то едет сюда. Эмметт резко оборачивается и всматривается в просвет между деревьями.

— Тогда пойдем, — говорит он.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	197
Часть третья	351

Литературно-художественное издание

Коллинз Бриджет

Переплёт

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *И. Рябцова*

Выпускающий редактор *П. Белитова*

Adapted cover design from Harper Collins UK edition

В оформлении макета использованы материалы

по лицензии агентства *Shutterstock.com*

Художественное оформление: *Ю. Широнина*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *А. Пароева*

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ*

Подписано в печать 25.06.2020 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура «Агпо Про». Усл. печ. л. 33,0

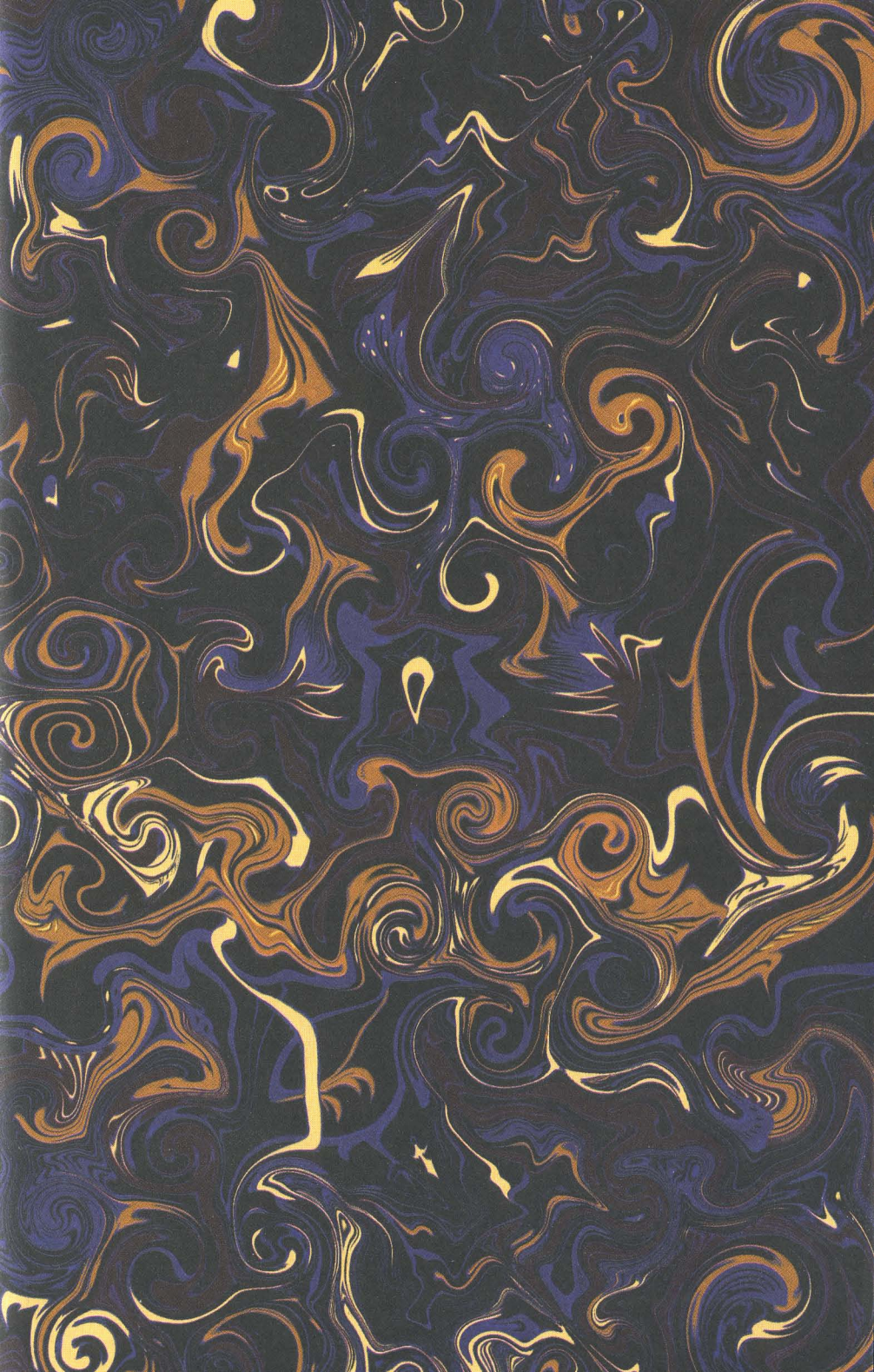
Тираж 4000 экз. Заказ № А-1941.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР — ТЕПЕРЬ И В РОССИИ

Представьте, что можно стереть печаль.
Представьте, что можно забыть боль.
Представьте, что можно спрятать секрет.
Навсегда.

В мире «Переплёта» это возможно.
В пыльных мастерских переплётчишки высушивают кожу,
сшивают листы — и помогают людям забыть. Они слушают
их рассказы и слово за словом переносят на бумагу,
стирают секреты из памяти и прячут под обложкой.

Молодой Эмметт покидает родительский дом,
чтобы научиться этому сложному ремеслу. Под присмотром
старухи-переплётчицы он создает прекрасные книги
с чужими воспоминаниями внутри. Мастерская становится
его новым домом — пока однажды, в комнате, о которой
Эмметт не знал, он не находит книгу со своим именем...

«Мир "Переплёта" захватит вашу душу» — **NEW YORK TIMES**

«Магия "Переплёта" становится реальностью: это волна
воспоминаний, которая может изменить мир» — **ЦАОМИ НОВИК**

«Прекрасная дань уважения всем книгам и напоминание о том,
что знание тоже может быть магией» — **ТРЕЙСИ ШЕВАЛЬЕ**

ПОГРУЗИТЕСЬ В СОВРЕМЕННУЮ КЛАССИКУ!

@ripol_fiction

РИПОЛ
КЛАССИК